ГЕРОИ ЭЛЛАДЫ

Мифы Древней Греции

Г Е Р О И

Мифы
Древней
Греции

Э Л Л А Д Ы

Екатеринбург
Средне-Уральское
книжное
издательство
1992

ББК 82.3(0)
Г37

Текст печатается
по изданию:
Мифы Древней Греции.
Л.: Лениздат, 1990

Г $\frac{4704010000-015}{М 158(03)-92}$ 38-92

ISBN 5—7529—0469—2

ПРОМЕТЕЙ

Золотой век

давние-давние времена, когда на небе жили боги-титаны, а миром правил Крон, боги и люди мало отличались друг от друга, так как происходили от одной матери — Геи-Земли. Боги тогда часто спускались на землю, к людям, а люди жили, как боги, не зная изнурительного труда и горя. Земля щедро кормила их, и старость не смела подступиться к ним. Всю свою жизнь, куда более долгую, чем у нынешних людей, они были молоды и сильны, а смерть приходила к ним незаметно и безболезненно, точно сон. Зовется это время Золотым веком.

Рождение Прометея

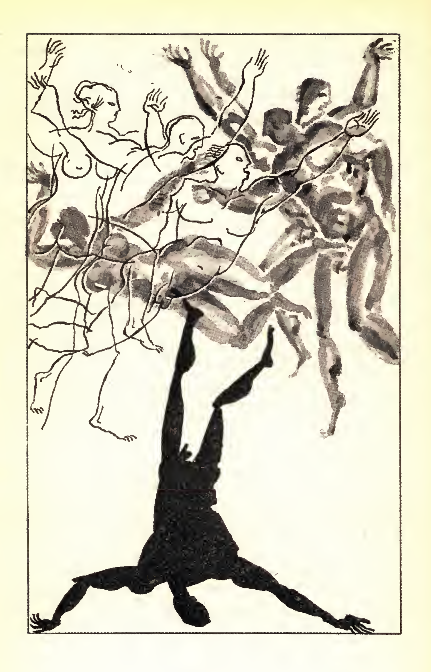

небе рождались все новые боги, славные отпрыски титанов — титаниды. Умом и благородством выделялся среди них Прометей. Отцом его был титан Иапет, родной брат Крона, а матерью — великая Фемида, богиня справедливости и правосудия.

Победа Зевса

рон, страшась, как бы кто из детей не отнял у него царскую власть, проглатывал каждого новорожденного младенца, которого его супруга Рея, по обычаю, опускала ему на колени. Долго смирялась и молчала Рея, но, когда родился младенец Зевс, сердце ее не выдержало и она взмолилась к матери Гее, чтобы та помогла ей. И Гея научила свою несчастную дочь скрыть младенца Зевса в глубокой пещере на острове Крит, а на колени Крону положить большой камень, завернутый в пеленки. Рея так и сделала. Титан не заметил обмана и проглотил камень.

Гея-Земля сама вскормила и выпестовала внука. Шли годы. Вырос Зевс, налилось силою его мощное тело, и он решил лишить власти своего жестокого отца. Однажды, когда Крон, спустившись на землю, уснул под дубом, Зевс напал на него и заковал грозного отца в несокрушимые оковы. Поверженный царь титанов по требованию Зевса вернул всех проглоченных им детей. И потом Зевс сбросил Крона в мрачную подземную бездну Тартар.

Война с титанами

итаны отказались покориться новому владыке. Тогда Зевс взошел на высокую гору Олимп, вершина которой вечно окутана облаками, и призвал к себе всех небожителей.

— Кто выйдет со мной на титанов,— провозгласил новый владыка богов,— сохранит свою прежнюю власть. Кто не имел власти — получит ее. Первой на этот зов пришла титанида Стикс, дочь Океана. Она привела с собой сыновей Силу и Власть. Перешел на сторону Зевса и сам Океан, старший из титанов.

Прометей сперва остался верен титанам и пытался убедить их применять в борьбе с Зевсом не только грубую силу, но и ум и хитрость. Но титаны насмехались над его советами.

Оскорбленный Прометей понял, что титаны потерпят поражение в борьбе с Зевсом. Тогда он внял советам своей матери Фемиды, провидящей судьбы людей и богов, и склонился вместе с ней перед победителем титана Крона.

Десять лет сражались боги-титаны и боги Крониды, и не было видно конца войне. На одиннадцатом году борьбы Прометей и Фемида подали Зевсу спасительный совет: освободить еще томящихся под землей шестерых гигантов, сыновей Урана и Геи — троих Киклопов, у которых, в отличие от прочих титанов, было лишь по одному глазу посреди лба, и троих сторуких великанов. Вызволенные из подземной бездны Киклопы на радостях подарили Зевсу огненные стрелы-молнии, которые они

выковали в заключении. Сторукие великаны Котт, Бриарей и Гиес тут же устремились на битву с титанами и за один раз метали в них по триста громадных камней. Зевс пустил в ход свое новое оружие — и посыпались с Олимпа на титанов частые молнии. Загорелся лес, вскипело море, до неба поднялись волны — и дрогнули, и покорились титаны. Сторукие братья надели на них крепкие оковы и сбросили их в Тартар.

Жребий

Когда титаны были низвергнуты, младшие боги, которым Зевс посулил власть, заспорили: каждый восхвалял собственные заслуги и подвиги, и каждый требовал себе большей власти.

Громовержец — так прозвали всесильного владыку богов Зевса, когда узнали силу огненных молний, подаренных ему Киклопами,— растерялся, не зная, кого слушать и как поступить. Выручил его Прометей, предложив решить дело жребием. Всем понравилась выдумка Прометея, и не нашлось никого, кто бы не согласился подчиниться воле случая. Так, по жребию, боги мирно поделили наследие побежденных. Небо осталось за Зевсом, море отошло Посейдону, а Аид стал богом подземного царства.

Новые люди

Во время битвы с титанами молнии Зевса выжгли на земле все живое — и она опустела. Возродить жизнь на пепелище Громовержец поручил Прометею. Прометей замесил глину и принялся вместе с братом Эпиметеем лепить смертных, начав с самых малых. Но тут Зевс позвал Прометея посоветоваться по какому-то важному делу, и, уходя, Прометей наказал Эпиметею прекратить работу. Однако Эпиметей ослушался, решив, что справится сам.

Когда Прометей возвратился, он увидел, что незадачливый ваятель уже извел почти всю глину, а главное — племя людей — еще не было создано. Пришлось отщипнуть по куску глины от уже готовых зверей, птиц и рыб.

Сотворенные существа лежали неподвижно, высыхая под жарким солнцем, пока любимая дочь Зевса богиня Афина, сойдя с Олимпа, не коснулась каждого создания своим копьем. Мигом оживал каждый, до кого дотронулась мудрая, искусная и отважная дочь Громовержца. Ожили и люди.

Похищение огня

о какими жалкими и бессильными, без мыслей и желаний были они в те времена! Они слонялись по земле, не зная, за что приняться, как построить себе жилище. От дождя и диких зверей прятались они в глубоких пещерах, куда никогда не заглядывало солнце. Они не умели предвидеть приближение зимы с ее морозами или щедрой плодами осени. И еду не умели готовить те люди, ибо не владели огнем. Огонь они видели только в облике страшной смертоносной молнии царя богов Зевса.

Так проходили сотни, а может, и тысячи лет. Никто из людей не считал тогда времени, ибо не умел этого делать. Да и зачем было считать? Год за годом, столетия за столетиями влачили люди одинаково жалкое существование в темноте глубоких пещер. А всесильные и могучие боги жили на своем заоблачном Олимпе. Судьба людей их вовсе не занимала. К тому же они опасались, что, обученные жить как следует, люди перестанут почитать богов.

Только Прометея печалила судьба людей. Чистую и благородную душу имел Прометей, открытую жалости и состраданию. Ясные глаза его смотрели прямо и смело.

Не раз просил он Зевса помочь людям, но тот решительно отказывал титану:

— Оставь эти мысли, Прометей! Не вспоминай об этом грязном племени, не замечай его, как не замечаем его мы, боги. Пусть ползает оно по земле, как ползало до сих пор! Не к лицу тебе, титану, думать о нем.

Прометей слушал Зевса, а глаза его невольно смотре-

ли вниз, на землю. И постепенно в его благородной душе все сильнее вскипало горячее желание помочь людям, хотя бы и против воли Зевса.

Однажды сидел Прометей на высокой скале и задумчиво глядел на людей. Падал белый холодный снег, его подхватывал пронзительный ветер и бросал на голые, не знавшие одежды тела. Посиневшие от холода, испуганные люди ползли к своим пещерам, прижимая к себе задубевшими от холода руками маленьких детей. Кто не успевал доползти, падал, замерзал. И холодный, равнодушный снег покрывал неподвижные фигуры.

Душа Прометея разрывалась от жалости. Он не выдержал, вскочил, глаза его гневно засверкали.

— Я помогу этим несчастным! — воскликнул он.— Я сделаю их счастливыми! Пусть гневается Зевс!

Прометей помчался к острову Лемносу, где в кузнице работал его друг — сын Зевса Гефест. Брызги ярких искр рассыпались из-под молота Гефеста. Бывало, Прометей часами просиживал возле Гефеста, любуясь его мастерством. Однако на этот раз он, улучив момент, когда Гефест отвернулся, выхватил из горна искру божественного огня, спрятал ее в сухой камышинке, простился с богом-кузнецом и побежал назад. «Огонь, огонь — вот что прежде всего необходимо иметь людям!»

А холодный снег все падал и падал. Скрючившись, люди сидели в пещере, прижимаясь друг к другу, пытаясь спастись от леденящего ветра.

И вдруг в пещеру, словно молния, влетел Прометей. Глаза его сияли радостью, возбужденное лицо светилось горячей любовью к несчастным.

— Вот вам огонь! — крикнул он.— Разожгите костры и согрейтесь!

Но люди только испуганно глядели на него. Они не понимали, что такое огонь и как можно согреться им.

Тогда Прометей принялся за дело сам. Он собрал кучу сухих веток, раздул искру, что хранилась в камышинке, и разжег костер. Красные языки пламени вырвались из-под веток и весело заплясали. Снег таял над костром и теперь уже не долетал до людей; злобный ветер только раздувал пламя. Прометей удивленно смотрел на людей, которые в страхе отодвинулись от огня.

Но вот засмеялись дети и потянулись посиневшими ручонками к животворному теплу. Потом и взрослые почувствовали, как возвращается подвижность к их одере-

веневшим рукам и ногам. Люди окружили костер, радуясь, что огонь защитил их от непогоды. Они смеялись и плакали от радости. И Прометей смеялся вместе с ними.

Так начал могучий и благородный титан Прометей помогать людям. Он знал, что делает это против воли Зевса, знал, что ему угрожает гнев всесильного бога. Но он знал теперь и то, какое это счастье — помогать слабым и видеть их просветленные, улыбающиеся лица.

Прометей словно бы раскрыл людям глаза и уши и научил людей видеть, слышать и понимать все вокруг. Он показал людям восток и запад, научил их числам, письму и чтению и дал силу памяти, которой люди раньше не имели. Собственными руками запряг Прометей в ярмо дикого горного быка, а в колесницу — гордого коня. Он построил для людей быстрый корабль и окрылил его белым льняным ветрилом, чтобы легко и вольно скользил тот корабль по морским просторам.

Но и на этом не остановился благородный титан. Он научил людей находить, добывать и использовать земные сокровища — медь и железо, серебро и золото. Он открыл людям целительные травы. Он вдохнул в людей волю, смелость, надежду, самоотверженность.

Всесильный Зевс долго не знал ничего про своевольные поступки Прометея. А боги, знавшие о делах Прометея, не решались сказать об этом Зевсу,— страшен был гнев Громовержца.

Но в конце концов все тайное становится явным. Однажды, после обильного пиршества, Зевсу захотелось развлечься. Он стал метать молнии в скалы и огромные деревья. Его радовало, когда от скалы отлетали осколки и деревья вспыхивали пламенем.

Но — что это? Зевс заметил на земле дым не только там, куда он кидал молнии. Приглядевшись, он увидел помимо дыма еще и огонь! А затем перед ним открылась невиданная до сих пор картина! Белые дома людей стояли среди цветущих садов. У морского берега покачивались на волнах парусники.

— Да что же это такое?..

Зевс помрачнел.

— Кто нарушил мой приказ? — прогремел его гневный голос.— Кто дал людям огонь, научил их строить дома и корабли? Кто сделал их подобными богам?

Невозможно описать ярость Зевса, когда он дознался, что это сделал Прометей. Сперва Громовержец решил

сжечь Прометея молнией, но потом придумал для титана более лютую кару.

— Ты считаешь себя очень благородным, Прометей? — зловеще спросил Зевс.— Или, может, ты признáешь свою провинность, согласишься, что совершил злодеяние? Отвечай мне! — Он сжал в руке пучок огненных молний, словно намереваясь швырнуть их в Прометея...

Но глаза титана глядели в лицо бога спокойно, даже подобия страха не было в этих ясных глазах.

— О каком злодеянии говоришь ты, Зевс? — бесстрашно ответил Прометей.— Я лишь исправил твою несправедливость. Ты должен был сам помогать людям. Взгляни, как счастливы они теперь! А вместе с ними счастлив и я.

— Ты счастлив? — с угрозой спросил Зевс.— Ты счастлив тем, что помог этим ничтожествам? Хорошо же, пусть теперь они помогут тебе... если смогут. Ведь ты многому научил их, не так ли? Жди теперь помощи от них!

Взмахом руки Зевс подозвал своих помощников, исполнителей его воли, Силу и Власть. Вот они стали перед богом, крепкие, мощные, жестокие, неумолимые. Окружавшие Зевса боги, увидев их, испуганно вздрогнули.

— Возьмите его! — прогремел голос Зевса, рука его указала на Прометея.— И навеки пригвоздите его к высокой скале на краю земли! И пусть Гефест, друг злодея, поможет вам.

В тот же миг Сила и Власть схватили Прометея своими могучими руками, из которых никто, даже титан, не мог вырваться. Они поволокли его на край света, в далекие и неведомые скифские земли, к огромным величественным вершинам Кавказа, под которыми неумолчно бились волны Черного моря. А следом за ними брел с неизменным молотом в руках друг Прометея Гефест. Он глубоко и печально вздыхал, но вынужден был исполнить приказ Громовержца: разве ж обладал он или кто-нибудь другой на земле мужеством и смелостью благородного титана?

Вот и каменные вершины Кавказа. Сила и Власть молча втащили Прометея на самую высокую скалу. Крепко держа его, они подали знак Гефесту, который скорбно глядел на своего друга.

Покорный воле Зевса, он тяжелыми железными цепя-

ми обвязал руки, ноги, грудь и бедра своего друга и приковал цепи к каменной вершине. Затем приставил острием к груди титана огромный алмазный стержень и ударил по нему молотом. Острие стержня пронзило грудь Прометея и коснулось скалы. Еще удар... еще... Теперь Прометей был не только прикован цепями к каменной скале, он был еще и прибит к ней.

Не поднимая на Прометея глаз, Гефест стал спускаться со скалы. А Сила и Власть, безжалостно глядя на прикованного Прометея, повторили слова Зевса:

— Ты помог людям, Прометей. Пусть теперь они помогут тебе.

Ни стона, ни жалобы не вырвалось из уст титана. Ясные глаза его мужественно смотрели вслед Силе и Власти, которые удалялись, выполнив волю Зевса.

Муки титана

только оставшись один, среди диких безлюдных скал, под порывами свирепого ветра, слыша только плеск далеких морских волн, что накатывались к подножью гор, начал он жаловаться на свою долю. Громко стенал Прометей:

— О божественный эфир и вы, быстрокрылые ветры! О речные источники и безумолчно рокочущие морские волны! О земля, праматерь всего сущего! О всевидящее солнце! Всех я вас зову в свидетели! Взгляните, какие муки терплю я! Вы видите, какое проклятье, какую кару должен буду нести я на протяжении неисчислимых лет. О горе, горе! Как прекратить мои страдания? И за что я терплю такие муки? За то, что я сделал людей разумными? О горе, горе!

Вдруг тихий шелест заполнил воздух — то мчались к прикованному Прометею его быстрокрылые родственницы, прекрасные Океаниды. В далеком гроте на краю моря они услышали тяжелые удары молота Гефеста, услышали жалобы титана — и ринулись к высокой скале, чтобы утешить Прометея и попытаться примирить его с Зевсом. Обливаясь слезами, они говорили:

— Покорись, Прометей! Покорись! Зевс простит тебе

все и освободит тебя. Нам так тяжело видеть тебя прикованным и страждущим. Покорись!

— Я ни в чем не виноват,— ответил Прометей.— Я лишь помог людям, а жестокий бог карает меня за это. Я не покорюсь ему! Да и не вечна власть Громовержца. Пробьет час его падения, и смирится он перед более сильным. И только я знаю, как немилосердный бог может избежать своей судьбы. Только мне известна тайна вещих Мойр.

— Что за беда угрожает нашему бессмертному владыке? — крикнул пролетавший в это время над скалой глашатай и скороход олимпийских богов Гермес.— О какой тайне ты болтаешь?

Тайну эту Прометей узнал случайно, услышав песню Мойр. Вещие богини пели о том, как великий Зевс полюбит прекрасную морскую богиню Фетиду, как возьмет ее в жены и как их сын сбросит Громовержца в глубокий Тартар, потому что будет у сына оружие пострашнее Зевсовых молний. Пели богини судьбы о том, что спастись владыка Вселенной сможет, лишь выдав Фетиду за смертного и тем самым избежав брака с ней.

— Открой свою тайну! — настаивал легконогий Гермес, паря над скалой.

— Нет такой пытки или такой хитрости, которая заставила бы меня открыть ее, пока я в оковах. Я заговорю, когда Зевс освободит меня!

Еще горше заплакали Океаниды, услышав такой гордый ответ. Ломая белые, как морская пена, руки, они умоляли:

— Безумный, опасно угрожать Зевсу! Вспомни о своей судьбе, покорись! Потому что Зевс может наслать на тебя еще большую кару!

— Я готов ко всему! — ответил Прометей, вскинув голову.

— О Прометей! Разумнее было бы покориться!

— Я не признаю себя виноватым! — твердил Прометей.— Пусть слышит это Зевс!

Со страшной силой грянул гром, нестерпимо ярким светом блеснула молния. Пронесся черный вихрь, задрожали громады гор, в море поднялись пенные валы. Закачалась скала, к которой был прикован Прометей.

Это Зевс, бог жестокий и мстительный, усиливал кару гордому титану, который не хотел повиноваться ему. Послышался грозный голос Громовержца:

— Покорись, Прометей!

— Нет! — воскликнул титан.— Не покорюсь никогда! Я принес людям огонь и знания, теперь они счастливы! Я сделал то, что должен был сделать ты!

Сквозь рев бури, сквозь раскаты грома и грохот землетрясения прозвучал голос разгневанного Зевса:

— Принимай заслуженную кару, Прометей! Я посмотрю, как ты будешь счастлив в бездне!

Со страшным грохотом скала с прикованным титаном провалилась в неизмеримую бездну, в вечную темноту подземного царства. А над потревоженной землей гремели насмешливые слова Громовержца:

— Когда покоришься, позови меня, Прометей! Может, я еще и помилую тебя, если ты откроешь мне тайну моей судьбы.

Но гордый титан молчал.

Так молчал он неисчислимые века, и тщетно Зевс прислушивался к неясным голосам, которые доносились из подземного царства. Среди них не было слышно голоса титана.

Прошли века — и поднял Зевс к дневному свету скалу с прикованным Прометеем. Но не для того, чтобы освободить, о нет! Громовержец придумал титану новую, еще более жестокую кару, чтобы заставить его покориться.

Теперь Прометей вновь оказался на высокой вершине, распростертый и прикованный к ней. Еще более тяжкими стали его страдания. Палящие лучи солнца жгли его тело; над ним проносились бури с дождем и градом; зимой хлопья снега падали на Прометея, и холод сковывал его руки и ноги крепче цепей. Но и этого было мало Зевсу!

Каждый день к скале стал прилетать огромный черный орел. Взмахивая могучими крыльями, он спускался к Прометею, садился к нему на грудь и раздирал ее острыми, как нож, когтями. Исполняя приказ Зевса, орел рвал своим клювом печень титана. Густым потоком текла кровь. Она окрашивала в красный цвет скалу и застывала черными сгустками у ее подножья. Загнивая от солнечного тепла, кровь отравляла нестерпимым смрадом воздух вокруг.

Каждое утро прилетал орел, и каждое утро принимался он за свою кровавую трапезу. На закате орел, насытившись, улетал. А за ночь раны на груди титана заживали,

вновь вырастала печень, чтоб с наступлением утра дать новую пищу орлу.

Шли дни, недели, месяцы, годы и столетия, но молчал Прометей. Лишь изредка стон вырывался из его растерзанной груди. Но все так же бесстрашно глядел он ясными глазами на голубое небо.

Приходили к нему освобожденные Зевсом из Тартара титаны и убеждали примириться с Громовержцем. И даже великая Фемида просила своего сына смириться. Но и матери отвечал он отказом.

— Если обиженный будет просить прощения у обидчика, нарушится мировой порядок,— непреклонно повторял Прометей.

И тогда все боги хором обратились к Зевсу:

— О властелин наш! Освободи страдальца Прометея!

Грозный царь, и сам уже склонявшийся добром, а не пытками выведать у Прометея тайну своей судьбы, величественно кивнул в знак согласия.

Освобождение Прометея

Люди, получившие огонь Прометея, не забывали о нем. Из рода в род передавались сказания о благородном титане и о страшной его судьбе. Но не было среди людей такого героя, который отважился бы помочь Прометею.

А гордый титан оставался непокорным. Порой он готов был кричать от жгучей боли, но лишь отводил свой взгляд в сторону, чтобы не видеть загнутый клюв Зевсова орла, да окидывал взором горы и побережье, не изменилось ли что вокруг.

Но нет, все оставалось прежним в этой дикой стране! Вот улетел сытый орел, упала прохладная ночь. Свежий ветер пронесся над страдальцем, охладил его лицо. Заживают раны — но зачем?.. Только для того, чтобы ненасытный хищник рано утром вновь начал рвать в клочья его измученное тело?

Однажды на закате дня безнадежный взгляд титана упал на подножье скалы, где всегда лишь шумели мор-

ские волны. О чудо! У подножья стоял высокий широкоплечий юноша. На могучих плечах его свободно лежала огромная львиная шкура, в руках у него была огромная тяжелая палица, на поясе висел колчан с длинными стрелами, а за плечами — тугой лук. Незнакомец внимательно смотрел вверх, словно что-то искал на вершине скалы.

Прометей тяжко вздохнул. Он подумал, что юноша будет умолять его покориться воле Зевса. Незнакомец услышал вздох титана.

— Эй, кто там на скале? — крикнул он, приложив ладони ко рту.— Не ты ли это, славный титан, благородный Прометей?

Прометей удивился, но ответил:

— Да, это я. А ты кто?

— Я — Геракл,— ответил незнакомец.— Сейчас я поднимусь к тебе. Жди!

Прометей горько улыбнулся: да, у него было время ждать!..

Сверху он видел, как, ловко преодолевая преграды, взбирался на гору Геракл. Когда на его пути оказывалась скала, он взмахом палицы сшибал ее вниз, в море. Деревья, что росли здесь века, он вырывал с корнями одной рукой и тоже швырял их в море.

«Геракл...— подумал Прометей.— Кто это такой?»

А нужно сказать, что Геракл был любимым сыном Зевса и смертной женщины Алкмены. И во все века не было на земле человека более сильного и бесстрашного, чем герой Геракл... Люди и боги знали, что Геракл могуч, как бог, и храбр, как лев. Не знал этого лишь прикованный на века к скале Прометей.

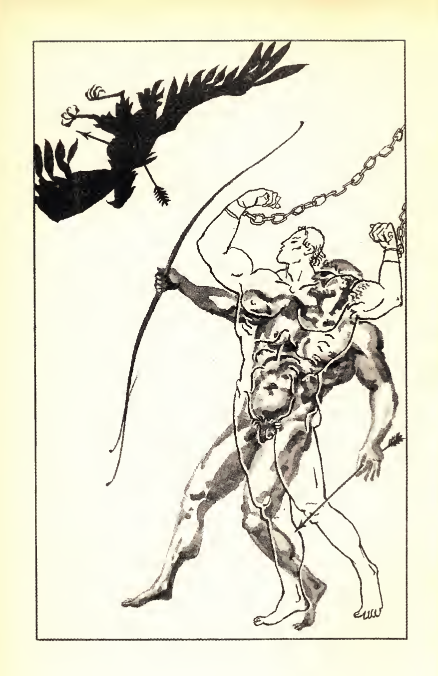
Он только видел, как не похож на обычных людей этот юноша с мускулистым торсом и могучими руками. Геракл стоял уже возле прикованного титана и с жалостью глядел на его цепи.

— Немало я слышал про твою судьбу, Прометей, но никогда не думал, что ты действительно так страдаешь. Как тяжелы твои цепи и кандалы... и этот алмазный стержень, что пронзил насквозь твою грудь...

Прометей скорбно улыбнулся:

— Подожди до утра, и тогда ты узнаешь, что кандалы и алмазный стержень — это самое малое из моих страданий.

Геракл присел возле титана и оперся на свою палицу.

— Поведай мне о себе, Прометей,— попросил он.— Я хочу знать, верно ли мне рассказывали о тебе. Верно ли, что ты дал людям огонь, знания и за это терпишь муки?

— Да,— грустно ответил титан. И начал свой печальный рассказ. И чем дольше слушал Геракл, тем больше и больше мрачнело его чело, тем крепче сжимали палицу его руки.

Долго говорил Прометей, и взволнованно слушал его Геракл, самый сильный среди людей и могучий, как бог. Отошла ночь, порозовел край неба. Приближалось утро — вот уже первые лучи яркого солнца пробились из-за горизонта. А Геракл все слушал, не отводя взгляда от измученного лица титана.

— И вот, Геракл, ты сейчас сам увидишь того орла, что каждое утро прилетает сюда раздирать мою грудь и терзать мою печень,— с глубокой печалью закончил Прометей. Подняв глаза, он искал в небе черный силуэт орла, прислушивался, не слышен ли шум могучих крыльев.

— И это все за то, что ты не покорился?

— Да,— ответил Прометей.

— И Зевс сказал, чтобы ты ждал до тех пор, пока тебе не помогут освобожденные тобой люди? Люди, которые стали такими, как боги?

Прометей не ответил; он увидел в небесной голубизне черную точку. То приближался орел, зловещий посланец Зевса.

Геракл выпрямился, ловким движением схватил тугой лук, наложил на него острую длинную стрелу и прицелился в огромного орла, что подлетал к скале. Зазвенела тетива, стрела взметнулась вверх — и черный орел упал на скалу с пробитым сердцем. Тогда Геракл повернулся с сияющим лицом к Прометею.

Он поднял свою тяжелую палицу и несколькими могучими ударами разбил кандалы и цепи, что приковывали титана. Крепкими руками он выдернул алмазный стержень, которым Прометей был пригвожден к скале.

И тут только Геракл осознал, что нарушил волю самого Зевса. Герой приуныл, раздумывая, как накажет его всесильный отец за этот поступок, и не заметил, что рядом с ним на скалу опустился глашатай и посланник Зевса легконогий Гермес.

— Успокойся, Геракл! — торжественно произнес Гер-

мес.— Ты не нарушил, а исполнил волю Громовержца. А тебе, Прометей, Зевс первый предлагает примирение.

И, верный своему слову, Прометей открыл Зевсу тайну Мойр, которую не могли исторгнуть из его уст никакие пытки.

А Зевс, чтобы избежать предначертаний Судьбы, выдал богиню Фетиду замуж за смертного — царя Пелея. От этого брака родился славный Ахиллес — герой Троянской войны.

КАДМ И ЕГО ПОТОМКИ

Кадм и Гармония

Жил в далекой Финикии могучий царь, по имени Агенор; было у него трое молодых сыновей и красавица дочь, Европа. Случилось однажды, что царевна с подругами играла на приморском лугу. Время было весеннее, весь луг пестрел от всевозможных цветов. Вдруг видят девушки: к ним подходит бык — белый, красивый. Они сначала перепугались: а ну забодает! Но он и не думал бодаться — смотрел на них ласково, вилял хвостом и то и дело приседал.

— Смотрите,— сказала одна,— он как будто приглашает нас сесть на него и прокатиться.

— А почему бы и не сесть? — ответила Европа.

— Ну что ж, садись, коль ты смела!

Жутко стало царевне, но и отлынивать было стыдно — села и ухватилась за рога. А быку, видно, этого и хотелось — он понес ее по берегу, да так тихо и бережно, что у нее весь страх прошел. Несет он ее туда, сюда, то назад, то вперед и при этом незаметно все ближе к морю; смеются девушки, смеется и царевна. И вдруг бык как бросится с нею в море — вскрикнула она, вскрикнули девушки, да было поздно: он плывет, она прижимается к нему, чтобы не упасть, и все кричит, кричит. Но помочь ей уже никто не мог. Смотрели девушки, плача, пока он не исчез среди волн, а потом, убитые горем, вернулись во дворец.

Царь, узнав о похищении дочери, призвал к себе старшего сына Кадма и сказал ему:

— Возьми корабль и товарищей и поезжай за море отыскивать сестру; найдешь — останешься моим наследником, а без сестры не возвращайся: не будет тебе в Финикии ни царства, ни житья!

Кадм набрал себе спутников, таких же юных, как он сам, сел на корабль и отправился странствовать по белу свету. Плывет он вдоль Сирии, Малой Азии, меж островов Архипелага, везде спрашивает про сестру — и все напрасно. Высадился наконец в Греции. Тут ему говорят:

— Есть в середине нашей страны высокая гора, имя ей — Парнас. В горе со стороны моря глубокая расселина, живет в ней вещий исполин змей Пифон. И рассели-

на, и змей принадлежат самой великой Матери-Земле. Подойди к расселине, не бойся змея, спроси громко, где твоя сестра. Если тебе суждено это узнать, то здесь и узнаешь.

Царевич так и поступил, но вместо ответа о сестре он услышал следующее:

— Как встретишься с коровой, иди за ней; где она ляжет, там и оставайся.

Оглянулся Кадм, а корова уже тут, словно ждала его. Пошел он за ней — спутники за ним. Идут долго; наконец корова легла. «Что же,— думает Кадм,— домой мне все равно возврата нет; пропадай мой корабль, пропадай и царство; и впрямь останусь здесь. Страна хорошая, плодородная, а вот и холм, где можно укрепиться». И говорит он товарищам, что им предстоит оставаться здесь, и посылает часть из них за питьевой водой.

Идут юноши, смотрят кругом, где бы найти чистой, проточной воды,— в знойной Греции это редкость. Вдруг видят — глубокая пещера, из нее течет хорошая ключевая вода. Но они не знали, что в пещере жил чудовищный, огнедышащий змей; едва подошли они, как он прянул, кого проглотил, кого огнем опалил, кого хвостом зашиб — ни одного не оставил живым.

Ждет Кадм, ждет — и посылает еще часть своих спутников. Не вернулись и эти. Посылает последних. Но и они пропали. И решился Кадм отправиться сам, но уже не за водой, а за товарищами. Идет он в том же направлении; слышит — кто-то зовет его по имени. Что за диво? Смотрит — под деревом девушка сидит. Верно, думает, местная нимфа. Подымает приветственно правую руку.

— Будь милостива,— говорит.— Зачем зовешь меня?

А была это не нимфа, а сама Афина-Паллада, любимая дочь Зевса, высшего бога, владыки небес. Призвав царевича, она сказала ему и про судьбу его товарищей, и про то, что ему самому надлежит сделать, и он решил во всем ее послушаться.

Змей тотчас, почуяв новую добычу, выполз из пещеры. Но она ему не досталась: Кадм был и могуч, и вооружен, и, кроме того, предупрежден, как вести себя. Он сразился со змеем и нанес ему своим копьем смертельную рану — змей, извиваясь, пополз обратно в свою пещеру. Последовал за ним туда и Кадм. Жутко там было: вздохи змея раздавались из глубины, лязгали зубы в пасти чудовища. Но Кадм в точности исполнил приказание богини: не об-

ращая пока внимания ни на то, ни на другое и даже не поглядев, что сверкает под пастью, он прежде всего выломал из нее зубы и вернулся под открытое небо. Облюбовав подходящую лужайку, он провел своим копьем две-три борозды по мягкой почве и опустил в них выломанные зубы. Вскоре почва стала пухнуть, вздуваться — и медленно, медленно из образовавшихся бугров поднимались воины, грозные, закованные в медные доспехи. Достигши ногами поверхности, начали они удивленно озираться кругом, пока не заметили Кадма, внимательно следившего за всем происходящим. Заметив его, они все, как один, кинулись на него, но Кадм, ждавший этой минуты, ловко бросил в середину толпы заранее припасенный тяжелый камень. Камень угодил в голову одному из воинов; тот, думая, что получил удар от соседа, уложил его ударом меча. За убитого вступился третий, и началась общая свалка — о Кадме забыли. Один падал от руки другого, под конец их осталось только пять. Им Кадм крикнул:

— Чем драться друг с другом, будем друзьями. Мне Мать-Земля велела основаться здесь; вы, сыны Матери-Земли, помогите мне!

Воины согласились, дали друг другу руки и решили созвать жителей ближайших мест и основать город на холме.

Теперь, заручившись помощью новых товарищей, Кадм вернулся в пещеру змея. Перешагнув через его недвижное тело, он направился в самую ее глубину. Там в полумраке сидела и убивалась дева неописуемой красоты. Увидев Кадма, она вскочила:

— Кто ты, смельчак, освободивший меня от власти змея?

Кадм назвал себя.

— А ты кто такая?

— Я — бессмертная богиня; отец мой — Арес, бог войны и раздоров, а мать — Афродита, богиня красоты и любви; зовут меня Гармонией.

— Я — смертный,— сказал Кадм.— Но если правда, что я освободил тебя, то будь мне женой!

— Мой брак,— сказала дева,— в руках моих родителей; дай мне к ним вернуться.

И они вдвоем вышли из пещеры. Проходя мимо змея, Кадм опять заметил что-то золотое, сверкавшее под его пастью, но не решился остановиться и рассмотреть, что это такое.

Не успели они выйти из пещеры, как случилось новое чудо. Небесная твердь разверзлась, исполинская лестница спустилась на землю, и по ней стали сходить небожители. Впереди всех владыка Зевс с Герой, своей божественной супругой; за ними Посейдон, их брат, с Амфитритой; Деметра, богиня плодородия, со своей дочерью Корой; Гефест, искусный бог-кузнец, Афина-Паллада и много других; они окружали Ареса и Афродиту, родителей освобожденной Гармонии.

— Слава тебе, Кадм! — сказал Зевс.— Своим подвигом ты стяжал себе прекраснейшую невесту в мире; мы все пришли отпраздновать твою свадьбу.

Вмиг появились столы с чудесными яствами. Пригласили и тех пятерых, которые уцелели в братоубийственной свалке. Девять Муз, богини песнопения, и три Хариты, богини изящества, спели свадебную песнь счастливой чете. Весело отпраздновали свадьбу, а когда она кончилась, все отвели молодых в брачный покой, который для них воздвиг Гефест.

Кадм основал город на вершине холма и назвал его Кадмеей, страна же в честь коровы, за которой он следовал,— по-гречески «бус» — получила имя Беотии. С Гармонией он жил в любви и совете, и было у них четыре дочери — Семела, Агава, Автоноя, Ино и сын Полидор.

Его товарищи женились почти все на местных нимфах и тоже стали отцами семей; их потомков звали «спартами», что значит «посеянные». И все были бы счастливы до конца, если бы не то золото, которое Кадм увидел сверкающим под пастью змея.

Дионис

рошло около двадцати лет. И вот однажды Кадм, перебирая с женой воспоминания прошлого, рассказал ей про ту диковину, которую он увидел сверкающей под пастью змея. Гармония тотчас потребовала от мужа, чтобы он ей принес сокровище змея.

Отправился Кадм после многих лет снова к забытой пещере. Ему живо вспомнился тот день, когда он впервые

посетил ее,— день, положивший основание его счастью. Вот он поравнялся и с деревом, под которым тогда сидела ласковая нимфа. Но что это? Она опять под ним сидит и опять его кличет, только таким грустным, озабоченным голосом.

— Вернись, Кадм,— говорит она ему,— не ходи в пещеру змея, не трогай его золота! На что оно тебе? Гея-Земля добра к вам, она рождает вам все плоды, в которых вы нуждаетесь. А золото она скрыла для себя и ревниво бережет его в своей заповедной глубине. Оставь это сокровище змею, отродью Земли: оно проклято его последним дыханием и внесет несчастье в твой дом!

Кадм призадумался: он уже готов был вернуться к себе. Но тут ему припомнилась просьба Гармонии, он представил себе, как она будет недовольна, если он вернется ни с чем. И, не обращая внимания на голос нимфы — а была это опять Афина-Паллада,— он решительно направился к пещере.

Там, на влажном дне, белели полуистлевшие кости убитого змея — он точно смеялся своими беззубыми челюстями, плотно прижимая к земле свое золото. Кадму стоило большого труда освободить сокровище из-под его исполинской пасти; ему показалось, что змей еще раз прошипел проклятье на отнимаемый у него клад.

Золото — это было роскошное ожерелье с семью большими сверкающими алмазами — досталось Кадму, но он не был рад своему богатству. Недоброе чуяло его сердце. И действительно, в доме он нашел плач и отчаяние: как раз перед его приходом туда внесли тело его единственного сына Полидора, убитого на охоте клыком свирепого вепря.

Прошло некоторое время, пока он решился показать свое сокровище жене. Но и она не обрадовалась ему.

— Мне уже не до украшений,— сказала она. И, подойдя к своей старшей дочери Семеле, она обвила своим ожерельем ее полную, прекрасную шею.

Улыбнулась Семела. «Вот будет на меня любоваться Зевс,— сказала она про себя,— увидев на своей избраннице такую несказанную красоту».

У каждой из четырех царевен был свой покой. Семелин занимал крайний выступ дворца и имел свой собственный вход. И вот царевна слышит, что кто-то стучится в ее двери. Открывает и видит — перед ней ее ста-

рая няня, уже давно не живущая во дворце. Обрадовалась ей Семела, вводит к себе, показывает свое новое украшение. Старушка как-то странно улыбается:

— Хороша-то ты хороша, дитятко, жаль только, что все еще не замужем.

Вспыхнула царевна:

— Никакого мужа мне не надо!

И рассказывает ей, что к ней ежедневно спускается с небесных высот сам Зевс в образе прекрасного юноши и что он любит ее гораздо больше, чем свою божественную супругу, владычицу Олимпа Геру. Еще страннее улыбается старушка.

— Хорошо, коли правда,— говорит она.— Но что, если это обыкновенный юноша и если он обманывает тебя, выдавая себя за Зевса?

— Этого быть не может!

— Я не говорю, что это так, но почему бы тебе не испытать его?

— Каким образом?

— А вот каким: когда он опять к тебе придет, возьми с него клятву, что он исполнит твое желание, а затем потребуй, чтобы он явился к тебе в своем божественном величье, таким, каким он является своей божественной супруге Гере.

Семела призадумалась: и в самом деле, почему бы его не испытать? Ей и самой обидным показалось, что Зевс никогда не показывается ей в своем настоящем виде.

Она не знала, что мнимая старушка была не кто иная, как сама Гера, пришедшая погубить земную избранницу своего небесного супруга.

Неласково встретила Семела своего высокого гостя.

— Зачем так нахмурилась? Иль недовольна?

— Да, недовольна.

— Скажи — чем!

— А ты исполнишь то, чего я пожелаю?

— Исполню.

— Поклянись!

— Клянусь!

— Стань передо мной, как ты показываешься Гере! Вздрогнул Зевс:

— Несчастная! Возьми назад свое неразумное желание!

Но Семела настаивала на своем — и Зевс покинул ее.

И тотчас небо заволокло страшными грозовыми тучами; земля окуталась мраком, точно ночь настала среди бела

дня. Поднялся неистовый ураган; глухой рев стоял над Кадмеей, деревья ломались, черепицы срывались с кровель. Семела стояла у окна ни живая ни мертвая от страха. Вдруг раздался оглушительный грохот, все небо мгновенно озарилось пламенем — и она увидела перед собой того, кого она любила, но увидела в огненном плаще, со всепалящими молниями в руке. Одно мгновенье — и она пала к его ногам, охваченная жаром молнии; еще мгновенье — и ее тело рассыпалось раскаленным пеплом, и на месте, где она упала, лежал младенец дивной красоты. Это был Дионис. Зевс схватил его и исчез. Покой Семелы догорел и обрушился; убитому горем Кадму, когда он его посетил в сопровождении своей второй дочери Агавы, так и не удалось найти останки своей старшей.

Агава втайне была довольна постигшим сестру несчастьем. «Теперь,— думала она,— власть перейдет ко мне и сыну моему Пенфею». Как наследница своей сестры, Агава взяла себе и ее золотое ожерелье, найденное на пожарище, не подозревая, какие несчастья навлекает этим на себя. И прошло еще около двадцати лет.

Согбенный старостью Кадм действительно передал власть своему внуку Пенфею: отца юноши уже не было в живых, и рядом с ним стояла, как бы в сане царицы, его гордая мать Агава. Едва успел Пенфей укрепить свою власть, как божественное внушенье тронуло сердце слепого прорицателя Тиресия — и стал он проповедовать нового бога — Диониса, сына Зевса и Семелы. Но проповедь Тиресия не тронула сердца гордой Агавы и ее не менее гордого сына. Агава твердила, что никакого бога Диониса нет, что Семела выдумала повесть о своем браке с Зевсом, за что и была убита его молнией.

Тогда Дионис решил сам вступиться за свою мать и за себя. Приняв образ молодого жреца, он своим прикосновением привел в исступление Агаву, ее сестер и всех женщин Кадмеи — с дикими криками они умчались на святые поляны Киферона и там подневольными вакханками стали служить новому богу. Разгневался Пенфей. Тогда явился к нему Дионис, чтобы кротким убеждением подействовать на его строптивую душу.

— Друг мой,— сказал он Пенфею,— есть еще возможность все устроить к лучшему.— И обещал вернуть вакханок.

Но Пенфей был непримирим. Он отказывался уверовать в божественность Диониса и решил сам увести женщин

с Киферона. Тогда Дионис и в него вселил безумие: думая, что он идет на разведку, Пенфей дал себя переодеть женщиной и в этом виде проводить на святую поляну. Там все еще в грозном безумии священнодействовали вакханки. Пенфея они не узнали, не узнали вообще человека в нем: кто-то крикнул, что перед ними дикий зверь,— и они, приняв его за льва, всей толпой бросились на него. Тщетны были его мольбы — в одно мгновение он был ими растерзан, и Агава, воткнув в его голову свой тирс, вернулась с нею в город, перед всеми похваляясь, что она убила свирепого льва и несет его голову.

В городе она застала своего отца Кадма; его увещевания привели ее в чувство, и она поняла, что разрушила свою жизнь. После такого преступления дочерям Кадма уже нельзя было оставаться в основанном им городе — Агава и Автоноя умерли на чужбине, Ино отправилась в соседний город Орхомен и вышла замуж за тамошнего царя Афаманта. Кадм и Гармония тоже покинули город, но впоследствии боги перенесли их на острова блаженных, где они продолжали жить в вечной юности, не зная ни забот, ни горя.

Антиопа

Дворец Кадма опустел после ухода его и его семьи. Правда, в одном его конце продолжал жить Лабдак, увечный телом и немощный духом сын Полидора; он даже, как царевич, приискал себе жену и имел от нее малютку сына — впоследствии царя Лая. Но управлять страной он не мог.

Этим воспользовались два выходца из соседнего острова Евбеи, два брата Лик и Никтей: перебравшись с вооруженной ратью в Беотию, они завладели ею; Лик обосновался в Кадмее, а брату предоставил землю у подножия Киферона, орошаемую рекой Асоп.

Не было красавицы прекрасней Антиопы, стройной дочери Никтея. Сам Зевс пленился ее красотой. Уподобившись сатиру, он предстал перед ней в одну из шумных

ночей дионисического праздника в рощах Киферона и увел ее в уединенную пастушью хижину святой горы. Хорошо было Антиопе под лаской любящего бога, волшебным сном казалось ей время его любви. Но сон кончился, и она осталась одна с двумя младенцами-близнецами на руках. Тут отчаяние овладело ею — она бросила своих детей, вернулась к своему отцу Никтею и застала его уже на смертном одре. Он проклял свою беглянку дочь и поручил своему брату Лику совершить кару над ней.

Лик увел Антиопу к себе в Кадмею и отдал на рабскую службу своей жене Дирке, тогдашней царице, унаследовавшей вместе с престолом Агавы ее роковое золотое ожерелье. Дирка поразилась красотой своей рабыни; она стала бояться, как бы ее муж, прельстившись этой красавицей, не сделал бы ее своей царицей вместо нее, Дирки. И она стала к ней вдвойне жестока: держала взаперти, принуждала к тяжелой работе, словом, всячески старалась извести ее ненавистную ей красоту. Так пришлось Антиопе долгим страданием искупить свое кратковременное счастье в пастушьей хижине Киферона. Да, долгим: оно длилось около двадцати лет. И вот однажды, когда Дирка вместе с прочими женщинами умчалась на празднование в честь бога Диониса и в унылую каморку Антиопы проникли ликующие крики вакханок, чудесная сила влилась в жилы страдалицы. Она разорвала веревки, которыми была скручена, вышибла двери своей темницы и побежала с быстротой ветра на Киферон. Поляны, рощи, знакомые места... а вот и хижина, в которой она провела такие счастливые дни. Не войти ли? Входит, видит двух юношей дивной красоты, один — пастух, другой — охотник. Просит у них убежища, рассказывает про свои несчастья. Один как будто тронут, но другой непреклонен.

— Все это выдумки,— говорит он ей строго.— А беглых рабынь мы принимать не вольны: с нас же взыщут.

Вдруг врывается толпа вакханок, впереди всех царица Дирка и ее подруга, молоденькая нимфа Фива.

— А, вот ты где! Ну погоди, заплатишь за свой побег.

И Дирка приказывает обоим юношам вести беглянку за собою.

— Что ты хочешь с ней делать? — спрашивает Фива.

— Казнить.

— Как казнить?

— Велю привязать ее к рогам дикого быка и затем пустить — натешится вволю быстрым бегом!

Тщетно отговаривала ее нимфа. Одержимая безумием, царица-вакханка оставалась глуха к ее увещеваниям.

«Нет,— подумала Фива.— Этого допустить нельзя». Оставив исступленную царицу, она бросилась искать помощи. Видит — навстречу ей старый пастух; рассказывает ему обо всем. Слушает старик, дивится, соображает — и вдруг вздрагивает, точно пораженный новой, страшной мыслью.

— Скорей,— говорит,— веди меня к ним, пока еще не поздно.

Бегут они вместе на верхний склон Киферона, видят: стоит жестокая Дирка, дикий бык уже приведен, и оба юноши привязывают к его рогам несчастную Антиопу.

— Амфион, Зет! — кричит им старик.— Что вы делаете? Вы собираетесь замучить свою родную мать!

Все остолбенели; у самой Дирки подкосились ноги.

— Как? — спросил Зет.— Разве не ты наш отец? И не твоя покойная жена наша мать?

И старик рассказал им все: как он их нашел в покинутой хижине, как он уже раньше, по молве людей, подозревал, что они царской породы, а теперь, после рассказа Фивы, окончательно догадался обо всем. Радость наполнила сердца юношей, но вместе с тем и ужас: ведь они едва не стали матереубийцами! А ужас перешел в ярость: не помня себя, они бросились к Дирке и привязали ее к рогам быка. Понесся исполинский зверь вниз по валунам и бурелому и скоро исчез; все слабее становились крики его жертвы и наконец умолкли совсем.

По понятиям тех древнейших времен такая кара считалась справедливой: каково преступление, таково и наказание, по строгому закону возмездия. Но Дирка была царицей — что-то скажет ее муж, суровый Лик? Действительно, он вскоре явился — и за женой, и за беглянкой. И дело дошло бы до нового кровопролития, но Зевс его не допустил. По его приказанию Гермес, божественный вестник, спустился на Киферон и примирил спорящих. Не надо новой крови: всему виной проклятие змея. Пусть же останки растерзанной царицы будут брошены в его родник, который и унаследует ее имя и будет на все времена называться Диркой; пусть Лик спокойно уйдет в свою родную Евбею, а власть над Кадмеей предоставит обоим юношам, чудесным сыновьям Зевса и Антиопы.

Ниобея

ачались счастливые времена. Из обоих юношей один, Амфион, был тих и мечтателен, другой, Зет,— деятелен и ретив; они постановили поэтому, чтобы первый правил в мирное время, второй — во время войны. Амфион всех очаровывал своей игрой на лире: не только люди, но даже звери, даже деревья, даже камни чувствовали ее волшебную силу. А под Кадмеей к тому времени вырос большой посад — необходимо было и его окружить стеной. Но для этого, рассказывают, не понадобилось ни каменщиков, ни плотников: Амфион играл — и камни следовали его зову, сами собою слагались в стену; Амфион играл — и сосны срывались со своих корней и, смыкаясь стволами, образовывали тяжелые ворота. Семь таких ворот, по числу струн своей лиры, устроил Амфион — оттого-то город и получил прозвище «семивратного». Назвали его братья в честь своей спасительницы Фивами. Старое имя Кадмеи осталось за акрополем.

Пришлось братьям подумать о невестах. Зет быстро решил этот вопрос: он женился на Фиве, сказав себе, что лучшей жены ему не найти. Что с ними дальше случилось, мы не знаем. Но Амфион узнал, что далеко за морем, в богатой Лидии, у ее царя Тантала есть дочь неописуемой красоты по имени Ниобея,— он решил к ней присвататься. Собственно, это было безумием: ему ли, царю маленького греческого городка, мечтать о такой невесте! А Ниобея была не только самой богатой царевной во всей этой части света — ее отец Тантал был любимцем богов, и сама она пользовалась дружбой одной из богинь — Латоны. Но Амфион надеялся на волшебную силу своей лиры — и не ошибся. Ниобея, сначала высокомерно встретившая этого никому не известного царя каких-то Фив, была тронута его игрой и радостно последовала за ним в его нероскошное царство.

Нероскошное — да, но все же в нем было одно сокровище, подобного которому не имелось даже в казне царя Тантала,— ожерелье Гармонии. Правда, на нем тяготело проклятье змея, но Амфион надеялся, что он был уже умилостивлен телом растерзанной жены Лика и проклятье с ожерелья снято. Радовался Амфион, поднося

жене столь драгоценный подарок. Как бы то ни было, Ниобея надела ожерелье Гармонии; уже раньше прекрасная, она показалсь в нем вдвойне прекраснее, но вместе с ним ее обуяла и гордость Агавы и Дирки.

Прошло много лет, полных самого безоблачного счастья. Сами боги, казалось, благословили Ниобею свыше всякой меры: семь могучих сыновей, семь красавиц дочерей родила она своему мужу. Ее же красота не только не увядала, но еще больше расцветала, и кто видел ее окруженною этой толпой детей, тому она казалась уже не смертной, а прямо богиней.

Но вот раздался в Фивах пророческий голос уже состарившегося Тиресия:

— Радуйтесь, смертные! Зевс тронул богиню Латону лучами своей любви — на блуждающем острове Делосе родила она двух божественных близнецов, Аполлона и Артемиду. Артемиде отец даровал власть над лесами и над зверем лесным — она его оберегает, и ей должны молиться охотники, чтобы безнаказанно вынести из леса свою добычу. Аполлон же пророчествует на Парнасе в святой ограде Дельфов. Сооружайте алтари, воскуряйте фимиам, закалывайте жертвы в честь божественных близнецов, Аполлона и Артемиды, и их благословенной матери Латоны!

И народ высыпал на улицы, послушный пророческому зову; быстро выросли алтари, благовонный туман фимиама вознесся к небесам, жертвенная кровь полилась струями, и благоговейные песни огласили город. Но одна душа осталась чужда всеобщей радости — это была душа гордой царицы Ниобеи. Как? В честь ее бывшей подруги Латоны воздвигают алтари? За что? За то, что она двоих детей родила? Двоих — велика заслуга! Она, Ниобея, не двоих, а две седмицы подарила своей новой родине! Не помня себя от гнева, она позвала свою свиту и быстро спустилась из дворца к ликующему народу.

Ее появление расстроило благоговейную радость толпы, песни умолкли, все ждали, что скажет царица.

— Безумные, ослепленные! — крикнула она.— Стоит ли воздвигать алтари матери двух жалких близнецов? Уж если кому, то мне их надлежит воздвигать, мне, окруженной таким роскошным цветом прекрасных и могучих детей! — И, не дожидаясь ответа толпы, она своим царским посохом опрокинула ближайший, наскоро возведенный из дерна алтарь.

Народ обомлел; никто не решался последовать дерзновенному примеру, но никто и не отважился прекословить гневной царице, которую все привыкли слушаться. Наступило гробовое молчание. И вот послышался сначала тихий, потом все громче и громче протяжный, раздирающий плач; он доносился со стороны того здания — палестры,— в котором сыновья Ниобеи упражнялись в беге, борьбе и других приличествующих их возрасту играх. Все громче и громче — и вот стали приносить их сами́х, одного за другим, от старшего, юноши с русым пухом на щеках, до младшего, нежного мальчика, за которым, убиваясь, следовал его верный пестун. Все были бездыханны; у каждого зияла рана в груди, и из раны, окруженная запекшейся кровью, выдавалась стрела — золотая стрела.

Крик пронесся по толпе:

— Это Аполлон их погубил за кощунство их гордой матери!

И все вернулись к алтарям; опять поднялись благовонные облака фимиама, опять послышались песни, но песни жалобные, умоляющие:

— Аполлон! Помилуй нас, Аполлон!

Ниобея, пораженная своим горем, уже не возражала толпе; мрачно понурив голову, она медленным шагом последовала за теми, кто нес ее сыновей ко дворцу. Прошли через царские ворота, положили убитых на траву внутреннего двора. Растворились двери женских покоев дворца, выбежали юные сестры, бросились с громким плачем обнимать то того, то другого из убитых братьев.

— Что случилось? Кто их убил?

— Аполлон их убил,— ответили жалобные голоса.

— Нет! — строго сказала старшая из свиты.— Ваша мать их убила своим нечестивым высокомерием.

Эти слова заставили очнуться погруженную в грустное раздумье царицу. Она подняла голову, окинула взором дочерей, обряжавших своих убитых братьев,— в своем горе они были еще прекраснее, чем раньше в своей радости. Опять гордая улыбка заиграла на ее бледных губах.

— О, не ликуй, жестокая! — крикнула она, угрожающе подняв правую руку к небесам.— Я все еще благословенная мать в сравнении с тобой. После стольких смертей я все еще побеждаю!

Прозвучало слово и умолкло — и все умолкли. Тишина — жуткая, зловещая тишина. Вдруг послышался странный свист, и вслед за тем одна из девушек со сто́ном

упала на грудь распростертого у ее ног брата. За ней вторая, третья, еще другие. Осталась одна, младшая, совсем еще девочка; с громким криком бросилась она к матери. Тут уже всякая гордость оставила царицу — она обвила плащом свое последнее дитя.

— О, пощади! — взмолилась она.— Хоть одну, хоть эту меньшую мне оставь!

Но было поздно: сверкнула золотая стрела — и головка и нежные руки беспомощно свесились с бездыханного тела.

И опять воцарилось молчание — на этот раз надолго. Ниобея застыла в немом горе, склонившись над телом своей девочки, и из остальных никто не хотел звуком или движением нарушить гробовую тишину — не хотел, а вскоре и не мог. Все застыли. Застыл и Амфион, когда он, вернувшись, увидел, во что превратился его еще недавно цветущий дом.

Прошло несколько дней. Никто из фиванцев не решался навестить царский дворец, обратившийся в настоящее царство смерти... Тела убитых лежали, каждое с золотой стрелой в пронзенной груди, и окружали их не люди, нет, а каменные подобия людей.

И снова, как в славный день подвига Кадма, разверзлись небеса, снова с них спустились боги, на этот раз для печального дела, чтобы предать земле обе седмицы Ниобеиных детей. Гробницу окружили фигуры скорбящих — только Ниобею Зевс приказал отделить от тех, кого она убила своим греховным высокомерием. Западный ветер, Зефир, обхватил ее своими могучими руками и унес обратно в Лидию. Там она поныне стоит каменным изваянием на горе Сипиле — ее рот раскрыт, как бы для жалобы, и вечная влага росится из ее недвижных очей.

ЗОЛОТОЕ РУНО

Фрикс и Гелла

авным-давно в Греции, между двух синих морских заливов, в глубокой долине, отгороженной высокими горами от всего остального мира, лежала страна Беотия.

Под синим небом ее высоко вздымалась вершина Геликона, таинственной горы, где между темных рощ, над звонкими струями ключа Гиппокрены, обитали богини искусства — музы.

Далеко внизу, блестя подобно зеркалу, раскинулось светлое Копаидское озеро. Берега его поросли таким камышом, из которого выходят самые лучшие, самые звонкие и певучие флейты; сюда по ночам, говорили люди, приходил порою сам бог лесов, великий Пан, чтобы срезать тростинку для своей божественной свирели.

Озеро ласково шуршало в пологих берегах, окруженное пашнями, лугами и виноградниками, потому что жители Беотии были искусными земледельцами. И совсем близко к его воде, отражая в ней свои храмы и башни, дома и ворота, стоял на одном из озерных берегов беотийский город Орхомен.

В те времена, о которых пойдет рассказ, владыкою Орхомена был счастливый царь Афамант, сын бога Эола.

В дни своей молодости он пленил своей красотой и смелостью бессмертную нимфу Нефелу-облачко. Она спустилась к нему. Была прекрасна Нефела-облачко. Светлым туманом окутывали ее стан волнистые мягкие волосы. Большие влажные глаза смотрели с задумчивой лаской, как смотрят звезды сквозь легкую дымку неба... Афамант полюбил Нефелу. Он женился на ней. И до поры до времени тихо и счастливо потекла их жизнь.

Богиня дождей и туманов сроднилась с трудолюбивым беотийским народом. Часто выходила она на крышу царского дворца и долго оставалась там, распустив волосы, подняв кверху покрытые золотыми запястьями руки. Стоя так, высоко над городом, она произносила таинственные заклинания.

Тогда ветер начинал свистать в ветках беотийских сосен, шуршать сухой листвой лавровых деревьев и маслин. Звонкие кузнечики и цикады прекращали стоголосое пе-

ние. Юркие ящерицы забивались в щели. Смолкали птицы. Горные орлы опускались в ущелья. Они знали: скоро хлынет животворный дождь.

А Нефела все пела свои вещие гимны. И по велению царицы со всех сторон начинали стягиваться к лугам и нивам Беотии ее сестры-тучи. Отягощенные влагой, собирались они вверху, клубились, громоздились. Сверкала далекая молния, гремел глухой гром.

И вот уже первые капли дождя прыгают по горячим камням; вот дети, разевая маленькие рты, ловят их прямо на язык; плодовые деревья вздрагивают омытыми листьями, и усталые крестьяне радостно подставляют под теплый ливень запыленные головы.

— Спасибо Нефеле, царице туч! — говорят они.— Теперь у нас будет хлеб и наше кислое, освежающее усталых вино: дождь идет!

Бог Эол часто влетал по ночам то в узкие окна, то в широкие двери Афамантова дворца. Он склонялся над колыбельками, где спали его внуки Фрикс и Гелла. Он шевелил кудри Фрикса, целовал светлый лобик Геллы, веял на них могучим дыханием и, скользнув в царскую опочивальню, шептал на ухо спящему сыну:

— Афамант, Афамант, люби Нефелу-тучку! Береги Нефелу-облачко! В ее руках — жизнь и счастье твоей страны.

И пока Афамант слушался мудрых советов, все шло хорошо.

Но случилось так, что пленила его взор дочь фиванского царя Кадма, темнокудрая Ино, поселившаяся в Орхомене после того, как ее сестра Агава в припадке безумия убила своего сына Пенфея.

Ино была смелой, пылкой, говорливой девушкой, а жена Афаманта Нефела ходила неслышной поступью, говорила тихо, улыбалась робко.

Ино часто и звонко смеялась — Нефела-тучка чаще плакала светлыми слезами умиленья.

Ино всегда была весела, как солнечный зайчик,— Нефела нередко становилась тихой и грустной, словно ее милые сестры, бесшумные дождевые облака.

И вот Афамант полюбил веселую, бурную Ино. Он прогнал прочь кроткую Нефелу, а темнокудрую дочь Кадма взял себе в жены. Афамант полюбил ее, она же не любила никого, кроме самой себя. А больше всего возненавидела мачеха детей Нефелы, мальчика Фрикса и девоч-

ку Геллу. Ей не понравилось, что Афамант оставил их при себе, когда Нефела удалилась от него в жилище богов, на далекую снежную гору Олимп.

Время шло. Фрикс и Гелла стали подростками, и мачеха начала бояться их: ей все чаще приходило на ум, что, сделавшись взрослыми, они могут отомстить ей за свою мать.

Тогда она решилась на коварное дело, чтобы не допустить этого.

Она хорошо знала, что теперь царю Афаманту и беотийскому народу нечего ожидать помощи от обиженной Нефелы-тучки. Облака давно уже обходили стороной беотийские пределы. Дожди стали редкостью. Всюду клубилась пыль, и землепашцы не знали, стоит ли им бросать семена в накаленную солнцем сухую землю. Ино же собрала женщин-орхомеянок и подучила их еще сильнее иссушить на солнце те зерна, которые собирались сеять их мужья.

— Надо проучить гордую Нефелу! — дерзко смеялась она.— Нефела думает, что без ее заботы вы погибнете! Это ложь. Молитесь богу солнца Аполлону, и он пошлет вам великий урожай!

Так и сделали орхоменские женщины. Сухие, тощие зерна легли в сухую, горячую землю, и из многих тысяч семян не взошло ни одно.

Страх обуял беотийцев. Голод грозил их стране. Тщетно молили они небо, чтобы оно послало им освежающий дождь. Напрасно уговаривал многокрылый Эол горестную Нефелу позабыть свою обиду — богиня далеко обходила землю, ставшую ей ненавистной, и горькие слезы ее лились над чужими, дальними краями.

Что было делать людям? Афамант, придя в отчаяние, решил отправить самых мудрых старцев в священный город Дельфы: пусть вещие жрецы Аполлона научат их, как надо поступать, чтобы избежать голода и смерти.

Послы отправились в путь и достигли Дельфийского храма.

— Царь Афамант,— сказали им жрецы,— должен вымолить прощение у Нефелы-тучки. Он должен выполнить все, что только она ему велит сделать.

Но коварная Ино не позволила передать мужу эти страшные для нее слова. Далеко за стенами города, там, где в тени священной масличной рощи белела статуя бога Гермеса, она, переодетая простой женщиной, встретила

Афамантовых послов. Она напоила их дорогим вином. Она осыпала их пышными дарами. Она подкупила их. И, придя в царский дворец, седобородые послы слукавили перед Афамантом.

— О царь! — сказали они ему так, как их подучила Ино.— Чтобы избавить твой народ от бедствия, голода и смерти, ты должен принести в жертву великим богам своего сына Фрикса. Отведи мальчика на священную гору и заколи там над жертвенником. Пусть его кровь брызнет вместо дождя на беотийскую землю. Тогда боги простят тебя, и эта земля принесет людям великий урожай.

Горько заплакал царь Афамант, услышав эти слова. С криком отчаяния разорвал он свои царские одежды. Он бил себя в грудь, ломал руки, прижимал к себе любимого сына. Но за стенами дворца уже бушевала толпа народа. Исхудавшие от голода люди смотрели сумрачно. Бледные матери поднимали на руках и показывали несчастному царю своих голодных детей. И царь Афамант решился.

— Пусть один мой сын погибнет, если его смерть спасет многих! — прошептал он, покрывая голову полой своего хитона.— О Нефела, Нефела! Страшно карают меня боги за мою вину перед тобой. Страшно мое наказание, Нефела! Сжалься над нами!

Прошла ночь, полная тоски и плача. И вот на высокой священной горе, под густолиственной смоковницей, собралась на рассвете следующего дня кучка людей. Было тихо, и небо ярко синело. Но странно: над самой вершиной горы с утра стояло в голубом небе легкое, светлое, сияющее облачко.

Все было уже готово для жертвоприношения. Белый камень, обагренный кровью бесчисленных барашков и тельцов, вымыли еще с вечера. На медных треножниках зажгли в курильницах зерна душистого ладана. Принесли горластые сосуды с водой. Старый суровый жрец, держа в правой руке острый и кривой нож, протянул левую. Он безжалостно схватил за кудрявые, черные, как смоль, волосы плачущего, дрожащего мальчика, связанного белым полотенцем.

Мальчик закричал в ужасе. Светлокудрая Гелла, его сестра, с отчаянным воплем бросилась к брату. Жрец грубо оттолкнул ее, но вдруг...

Вдруг над горой раздался словно удар грома. И жрец, и все, кто пришел, чтобы видеть, как будет принесен в

жертву царский сын Фрикс, вздрогнули и закрыли глаза руками. Ослепительный свет прорезал воздух. Послышался легкий звон, точно невидимая рука перебрала золотые струны огромной лиры. Белое облачко, сияя все сильнее, налетело на гору, окутало смоковницу, жертвенник, людей и унеслось. А на голых камнях, рядом с дрожащими Фриксом и Геллой, остался овен, барашек, но не простой, а золотой. Длинное, нежное, но тяжелое руно его сияло, точно пламя. Золотые рога закручивались крутыми завитками. Широкая спина лоснилась и горела.

— Дети мои! Дети мои, Фрикс и Гелла! — раздался нежный голос из улетающего облачка.— Скорее! Не медлите! Садитесь на спину этого овна. Я спасу вас, о мои дети!

Торопливо, не думая ни о чем, не боясь уже ничего, Фрикс и Гелла схватились руками за пышные пряди золотого руна. Тесно прижавшись, обняв друг друга, они уселись на широкую спину чудесного барана. И в тот же миг он, разбежавшись, поднялся с горы в воздух.

Под ним остался страшный белый камень, трава вокруг которого была бурой и жесткой от пролитой над ней крови. Под ним мелькнули белые черепа и кости убитых здесь во славу богов животных. Старый жрец и другие люди в страхе лежали там внизу, на земле, закрыв головы одеждой. Подальше, под горой, желтели и белели постройки Орхомена, темнели лесистые долины, серебряными лентами извивались речки, расстилались поля и леса. А волшебный овен несся над этой страной, поднимаясь все выше и выше.

Вот впереди, на дальнем горизонте, залегла темно-синяя бесконечная гладь. Она поднималась все выше и выше, сливалась с небом. То было море. Крепко вцепился тогда в золотые рога овна юный Фрикс. Полными восторга и изумления глазами всматривался он в невиданное зрелище, утешая испуганную, дрожащую сестру. Он уговаривал ее не бояться, показывал ей то на облака, плывущие навстречу, то на мелькающие внизу горы и долы Греции, то на многовесельные ладьи с красными и белыми парусами, ныряющие в синих морских волнах. Но девочка не слушала его. Великий страх охватывал ее все сильнее и сильнее. Все ее тело дрожало, руки трепетали и не могли держаться за золотое руно, глаза закрывались от ужаса.

И наконец, в тот миг, когда овен покинул берега Гре-

ции и понесся уже над вечно плещущим темно-синим морем, слабые пальцы Геллы разжались. Легкое тельце соскользнуло с пылающего золотыми отблесками бока овна. Как пушинка, мелькнула она в голубой бездне и с легким всплеском упала в шумные воды. И тотчас же волны сомкнулись над ней, вечно бегущие вдаль, вечно рокочущие волны моря...

Чудный овен не остановился ни на миг. Точно ничего не случилось, он легко нес вдаль горько рыдающего Фрикса. А то море, которое скрыло навек слабое тельце испуганной дочери Афаманта, люди стали называть с тех пор морем Геллы — Геллеспонтом.

Посмотри на карту Греции, начерченную учеными людьми. Между Европой и Азией ты увидишь узкий пролив. Теперь его зовут Дарданеллами, но это и есть Геллеспонт.

Все быстрее и быстрее несся по воздуху волшебный золотой овен. Он пролетел над другим великим проливом, Босфором, пересек Эвксинский Понт, который люди зовут теперь Черным морем, и наконец, тяжелея от усталости, начал опускаться на далекий берег, над которым во мгле сияли, подобно белым и розовым облакам, величавые горы Кавказа.

Сюда, на берега горной реки Фасиса, в таинственную заморскую страну Колхиду, где царствовал тогда сын бога солнца Гелиоса волшебник Ээт, принес чудесный овен своего опечаленного седока.

Ээт заранее знал о том, что это когда-нибудь случится. Известно было ему также и то, что золоторунный овен приносит счастье стране, в которой он пребывает.

Поэтому обрадованный царь ласково принял в своем дворце Фрикса.

— Я воспитаю тебя, как родного сына, о Фрикс, внук Эола! — сказал он.— Но никогда не позволю я тебе покинуть пределы моего царства. Овна же твоего надлежит принести в жертву великому гонителю туч, всемогущему Зевсу. Так надо сделать!

Так и было сделано. Овна закололи, а пылающее горячим блеском золота руно повесили на огромном, раскидистом платане в священной роще бога войны Ареса.

Роща эта шумела своими ветвями на берегу Черного моря. Высоко над ней вздымались вершины снежных Кавказских гор. Со всех сторон ее окружали скалы; охранять же единственный путь к руну Ээт приставил ужас-

ного огнедышащего дракона — и днем и ночью ни на миг не смыкало чудовище страшных и зорких глаз, сторожа такую драгоценность.

Прошло немного времени, и по всему свету прошел слух о великом чуде. Все стали говорить про волшебное руно, вечно сияющее, как жар, в темной роще на берегу Черного моря. Дошел этот слух и до далекой Беотии. И царь Афамант, умирая от старости, завещал своим потомкам во что бы то ни стало добыть и вернуть в Грецию это приносящее счастье руно. «Вот отчего,— говорили люди,— зависит, будут ли счастливы внуки и правнуки Афаманта».

Язон приходит к царю Пелию

эти самые дни старый пастух Ферсандр, житель одного прибрежного селения в Фессалии, кочевал вместе со своим стадом по склону великой горы Пелион. Каждый день он гнал своих коз все выше да выше в горы, а к ночи разводил костер где-нибудь под каменистым уступом, доставал из мешка горсть сушеных фиг и пресную лепешку, ужинал, запивая пищу чистой водой, и ложился спать до утра.

Однажды он проснулся на рассвете, так как его разбудило цоканье копыт по кремнистой тропе.

«Странно! — подумал Ферсандр.— Откуда бы здесь в горах мог взяться всадник?»

Однако топот все приближался, потом послышались голоса. Кто-то ехал по дороге за кустами, обогнул каменистый уступ и наконец остановился чуть-чуть пониже Ферсандра.

— Ну что же, отец? — услышал пастух слова, сказанные молодым, звонким голосом.— Вот большой камень, вот и перекресток. Настало время разлуки. Поведай мне то, что хотел сказать, и отпусти меня с миром. Боюсь одного: не подслушал бы кто-нибудь прежде времени твоей тайны.

— Не тревожься, сын мой,— ответил другой голос, глухой и хриплый, и Ферсандр вздрогнул, услышав его.—

Никто не видит нас. Здесь только стадо коз бродит по склону да, наверное, где-нибудь спит пастух: я чую запах потухшего костра. Но что нам до этого? Сядь на обломок скалы, а я лягу перед тобой: старые мои копыта устали...

Старый Ферсандр был любопытен, как мальчик; к тому же он любил в долгие зимние вечера рассказывать легковерным односельчанам всякие небылицы про то, что случается видеть летом в лесу.

Осторожно, стараясь не нашуметь, он подтянулся на локтях по каменной плите и через ее край заглянул вниз на дорогу. «Зевс-вседержитель!» — прошептали тотчас его губы.

Под старым дубом на огромном валуне сидел юноша лет двадцати, не более. Мужественное лицо его было прекрасно. Золотистые кудри, подхваченные узкой тесьмой, не закрывали высокого лба. В руках он держал охотничий дротик, на ногах были запыленные пестрые сандалии, сплетенные из белых и коричневых ремешков, а через плечо накинута мягкая и яркая шкура барса. Он сидел, улыбаясь, положив ногу на ногу; прямо же против него на траве, подогнув под себя передние ноги, как это делают утомленные долгим путем кони, лежал огромный белый, как серебро, кентавр.

Мощная спина человека-лошади была смочена утренней росой, длинная волнистая грива спускалась на траву. По густой седой бороде, по белым как снег волосам можно было видеть, как стар кентавр,— только брови темнели у него над черными мудрыми и добрыми глазами. Он лежал спокойно и с любовью глядел на юношу, а тот ласково перебирал рукой пряди его длинной серебряной бороды.

— Ну что же, отец? — сказал наконец юноша.— Что хотел ты поведать мне?

Кентавр помолчал несколько мгновений.

— О Язон, сынок! — промолвил он затем, и эхо подхватило отголоски его речи.— Настал день, которого я давно боялся. Но он не мог не прийти. Ты должен узнать все. Ты должен узнать, кто ты таков и что тебе надо теперь делать...

Так вот, Язон. Недалеко отсюда, на берегу моря, стоит богатый город Иолк. Много лет назад построил его тут мудрый Кретей, брат орхоменского царя Афаманта. Боги благословили его дела. Город вырос и расцвел, и Кретей,

умирая, вручил власть над ним своему сыну Эсону. Эсон должен был царить в Иолке по праву и закону. Но случилось так, что пасынок Кретея, Пелий, восстал против своего брата, свергнул его с престола, отнял у него власть и сам стал царить над Иолком. Несчастный же Эсон, скрываясь от злобного брата, поселился на окраине города, приняв другое имя, и до сих пор живет там в нищете и неизвестности. Ты слышишь, сын мой?

— Я слышу все, отец! — сказал Язон.— Прости мое невежество: это тот Афамант, сына которого унес за море золотой овен?

— Тот самый, Язон. Что скажешь ты на это?

— Я думаю, отец! Но я никак не пойму, зачем мне знать о несчастье Эсона?

Тогда кентавр положил тяжелую руку на плечо юноши:

— Клянусь моим бессмертием, Язон, ибо ты знаешь, что я бессмертен! Тебе надо услышать об этом. Так слушай же!

Спустя немного лет у Эсона родился сын. Эсон побоялся растить мальчика у себя в Иолке: он думал, что жестокий Пелий может убить его. Он распустил слух, будто ребенок умер, едва родившись. Он даже справил по нем пышные поминки. Когда же стемнело, он запеленал мальчика в белое полотно, взял его на руки и понес в лесистые ущелья горы Пелион. Он знал, что там обитает старый кентавр Хирон, друг всех обиженных. И вот он принес сына к Хирону.

— И добрый, мудрый Хирон взял от него мальчишку? — улыбнувшись, спросил юноша.

— Да, он взял этого мальчика,— отвечал кентавр.— Он взял его в свою пещеру и вырастил и воспитал среди других кентавров — и полюбил его, как родного... И — слушай меня хорошенько — по просьбе отца он назвал своего воспитанника Язоном...

Кентавр еще не успел договорить, как юноша спрыгнул с камня. Глаза его засверкали, лицо побледнело.

— Отец мой! Возможно ли? Это был я? — вскричал он.— Значит, я сын Эсона? Отец мой... Теперь я вижу, что мне надо делать. Я должен идти в Иолк сейчас же, немедленно. Я должен предстать перед Пелием... Я должен вернуть отцу его царство!..

При этих словах старый кентавр с шумом поднялся на ноги. Испуганный Ферсандр отпрянул назад и притаился

в кустах. Когда же наконец он осмелился вновь глянуть на дорогу, на ней уже никого не было.

Тогда хитрый пастух неторопливо пошел было в глубь леса. Но, отойдя немного, он вдруг остановился, оперся на посох и взял в руки свою редкую бороду. Прищурив глаза, шевеля беззубым ртом, он долго стоял так, совершенно неподвижно. Он размышлял о чем-то. Наконец глаза его открылись.

— Ноги юноши легче, чем ноги старца! — усмехнувшись, сказал он.— Но старец знает ближнюю дорогу в Иолк, а юноша нет. Значит, старец первый войдет во дворец Пелия и расскажет ему про все, что видел и слышал. И как знать, может быть, тогда Пелий сделает его пастухом царского стада... Думаю — сделает!..

Он осмотрел своих коз, разбудил мальчугана-подпаска, сказал, что вернется лишь завтра к вечеру, велел остерегаться волков и змей и ушел извилистой каменистой тропою через гору...

В тот же день, в полуденное время, дряхлая старуха-нищенка сидела на берегу быстрой горной реки, текущей вниз со склонов Пелиона. Солнце пекло, мухи кружились над ней, а по дороге никто не шел. Сама же старуха, без помощи, боялась идти вброд через бурную речку.

Наконец неподалеку зашуршали кусты, и из них вышел на берег старый пастух с длинным посохом в руке, с кожаным мешком за плечами. Едва выйдя на дорогу, зорко оглядел ее в обе стороны из-под руки и усмехнулся.

— Здравствуй, старая! — крикнул он нищей.— Давно ты сидишь тут? Скажи, не проходил ли через этот брод юноша, прекрасный, как бог Гермес, в пестрых сандалиях и в барсовой шкуре, перекинутой на одно плечо? Нет? Хорошо. Но все же мне надо торопиться.— И он стал спускаться к воде.

— Помедли, пастырь! — заговорила вслед ему старуха, кряхтя и стараясь встать.— Не уходи один. Ты крепче меня, у тебя посох. Помоги мне перебраться через поток...

Но пастух даже не замедлил шага.

— Куда тебе спешить? — насмешливо крикнул он.— Сиди спокойно, мать наших бабушек. Наверное, и без того скоро вещая Атропа обрежет нить твоей старой жизни. Мне некогда возиться с тобой. Я тороплюсь!

Он перешел реку и скрылся за скалами на том берегу, а старуха, погрозив ему вслед тощим кулаком, бормоча что-то себе под нос, снова уселась на камнях.

4 Заказ № 431

На этот раз ей пришлось ждать не так уже долго. Легкие шаги послышались за ее спиной, и из-за поворота дороги вышел юноша. Наверное, он шел издалека: дорожная пыль покрывала его ноги до колен, на лбу блестели капельки пота. Но глаза его сияли по-юношески радостно, и, спускаясь с речного берега к броду, он звонко напевал.

Увидев его, старая нищенка снова начала подниматься с камня.

— Здравствуй, матушка! — крикнул юноша, как только заметил ее.— Что делаешь ты тут одна, среди пустыни?.. Да будет благословен твой путь!

— О юноша-герой! — заплакала старуха, прикрыв глаза ладонью и глядя на него против солнца.— О юноша-герой! Я не смею утруждать тебя просьбой. Но я так стара, а поток этот такой бурный. Никто не хочет перевести меня на тот берег... Помоги мне, и благие боги дадут тебе то, что ты ищешь!..

Тогда юноша, не говоря ни слова, сошел с дороги. Бережно и ласково поднял он могучими руками слабое старое тело, прижал его к себе, как ребенка, и, перенеся через реку, осторожно опустил на землю. Только выходя уже из буйных струй, он на миг остановился и вскрикнул сердито: бурливая река внезапно сорвала пеструю сандалию с его левой ноги и в одно мгновение увлекла ее в свои пенные струи.

Однако делать было нечего. Молодость не унывает от таких ничтожных огорчений. Обутый лишь на одну ногу, путник двинулся дальше. Немного спустя он увидел седого пастуха, печально сидящего на краю дороги. Согнувшись, пастух морщился, держась рукой за правую стопу.

— Что с тобою, старый человек? — окликнул его юный, проходя мимо.— Что тебя печалит? Скажи, может быть, я помогу тебе?

Но старик, вместо ответа, сердито отвернулся. Он ничего не сказал прохожему: помочь ему было нельзя. Острый шип глубоко вонзился в его пятку. Он не мог идти быстро. Он не мог выполнить того, что ему хотелось сделать. С досадой и гневом глядел он теперь, как все уменьшается вдали на дороге стройная фигура юноши, покрытого шкурой барса, юноши, обогнавшего его на пути в Иолк. Но ни молодой, ни старый не знали одного: нищая старуха, сидевшая у реки, все еще смотрела на них издали. Только она стала теперь молодой и стройной де-

вушкой. На голове ее блестел медный шлем, в руке колебалось легкое копье. И, ослепленная солнцем, у нее на плече сидела сова, ибо эта девушка была богиней мудрости Афиной.

Как Пелий встретил Язона в Иолке

В тот же самый день, но уже к вечеру, царь Пелий возвращался с купанья домой в свой дворец. Пелий был горбат и некрасив, только большие умные глаза делали его похожим на человека. Но колесница, на которой он ехал по городу, запряженная четверкой быстрых коней, была прекрасна, воины его свиты блестели золотыми щитами и доспехами, и простаки, расступаясь перед ним, восклицали: «Велик и славен наш царь Пелий!»

Царь ехал задумавшись. Вдруг колесница замедлила бег: посреди площади сгустилась толпа народа.

— Что там такое, Архидем? — спросил Пелий у сопровождавшего его вельможи.

— Там нет ничего удивительного, о царь! — ответил Архидем.— А впрочем, я ошибся: там есть нечто очень удивительное. Там стоит странный юноша, прикрытый пестрой шкурой барса. Он прекрасен, как юный бог винограда Дионис. Он опирается на легкий дротик. И у него только одна сандалия на правой ноге.

Архидем сказал это и вздрогнул, потому что Пелий крепко схватил его за локоть.

— Сандалия на одной ноге? — вскрикнул царь.— О горе! Я погиб, Архидем! Разве ты не помнишь?

И Архидем побледнел. Он вспомнил.

Много лет тому назад мудрые жрецы бога Аполлона предсказали Пелию: «Ты будешь царствовать спокойно и счастливо, но лишь до тех пор, пока тебе не встретится человек, обутый только на одну ногу. А когда это случится, дни твои сочтены и гибель неизбежна. Тогда — не борись с судьбой!»

Царь Пелий был коварен и себялюбив, но ни трусость, ни глупость не были свойственны ему. Черные глаза его сверкнули из-под мохнатых бровей; откинув полы одеж-

ды, он вырвал ременные бразды из рук возницы и, круто натянув их, подъехал к юноше.

— Странник! — сказал он, надменно смотря на толпу с высоты колесницы.— Скажи нам, кто ты, куда держишь путь и где живут твои родные. Но отвечай только правду. Страшись осквернить уста ложью: с тобой говорит не простой человек.

Юноша все так же опирался на свой дротик, смотря прямо в глаза царю.

— Я тоже не простой человек, о горожанин! — спокойно ответствовал он.— Я — Язон, сын Эсона.

В темных лесах Пелиона, кентавром Хироном воспитан,
Юность свою я провел, вырос в глуши сиротой.
Но благосклонные судьбы иной мне назначили жребий:
Должен себе я вернуть царство отца моего!
Хитростью Пелий коварный лишил его власти законной.
По справедливости я должен врага наказать.
Путь укажите мне, граждане, верный в чертоги тирана,—
Честно и прямо своей доли потребую я!

Смелый юноша говорил так простодушно и открыто, большие глаза его смотрели столь бесхитростно и честно, что Пелий почувствовал, как надежда зарождается у него в сердце.

«Он простак, этот сын Эсона! — подумал Пелий.— Не надо его раздражать. С таким человеком хитростью и притворной лаской так же легко совладать, как с молодым львенком».

И, прищурясь, он ответил Язону совсем мирно:

Юный красавец, узнай: с тобою беседует Пелий.
Он не тиран и не враг замыслам гордым твоим.
Жребий отца твоего был предначертан богами;
Я, покоряясь судьбе, только его выполнял.
Люди тебя отведут к честной обители отчей.
Отдых вкусив, приходи смело в мой пышный дворец.
Там я тебе расскажу, что боги велели мне сделать:
Если судьбой суждено, будешь ты в Иолке царем!

Услыхав такой ответ от человека, которого он считал своим врагом, Язон удивился и обрадовался: он еще не знал, как коварны бывают люди. Приветливо улыбнув-

шись хитрому горбуну, он направился туда, куда его повели жители Иолка, и веселые иолкские мальчишки с шумом побежали впереди толпы, чтобы посмотреть, чем кончится дело.

Другие же мальчуганы повисли на запятках царской колесницы и, как ни отгоняла их стража, ехали так до самого дворца. Они видели, каким мрачным было чело царя, какие тяжелые морщины лежали у него над бровями, каким жестоким лукавством горел его взгляд, когда, сойдя с золоченой колесницы, горбун всходил по мраморным ступеням.

Они это видели, но Язон не видел.

Клятва Язона

Прошло несколько дней. Шумно и радостно стало в бедной хижине, где жил изгнанник Эсон. Братья Эсона, цари соседних городов, приехали к нему, чтобы отпраздновать возвращение племянника.

Узнав, что Пелий зовет Язона к себе во дворец, они решили пойти вместе с ним и поддержать его законные требования. Так и было сделано, потому что люди мудрые и опытные не могли сразу поверить в искренность слов тирана.

Но когда Язон вместе с ними предстал перед гордым царем, Пелий принял его все с той же лаской.

— Ты прав, сын Эсона! — сказал он, выслушав речи юноши.— Ты прав, и я не осмелюсь идти наперекор воле богов. Но знай: прежде чем получить из моих рук Иолкское царство, ты должен совершить великое дело, чтобы умилостивить владыку подземного царства Аида.

Не так давно ночью, во время бури, явилась мне тень несчастного Фрикса, окончившего свои дни в горьком изгнании, в далекой Колхиде. «Царем Иолка,— сказал мне Фрикс,— будет лишь тот, кто доплывет до колхидского берега, овладеет золотым руном, находящимся там, и водворит его в здешнем храме».

Я стар, Язон. Я не могу, соперничая с тобою, пуститься в далекий путь. Соверши великий подвиг, и в тот же час я без споров передам тебе законную власть.

Нетрудно увлечь юношей на геройские дела! Гордо поднял кудрявую голову молодой сын Эсона, услышав такие речи.

— Всеми богами клянусь, о Пелий! — вскричал он.— Клянусь дымом родного мне очага, клянусь сединами отца моего и звонкими копытами старого кентавра, сохранившего мне жизнь, клянусь моей кровью до ее последней капли — я выполню желание Фрикса! Да пребудет нерушимой воля богов! Какие бы препятствия ни стояли на моем пути, я уничтожу их. Хитростью и силой я овладею волшебным руном и, чего бы это ни стоило, верну иолкский престол роду моих отцов!

Так говорил он, и братья Эсона — Ферет, царь Фер, Амитаон, царь гористой Мессении,— кивали головами, одобряя эти речи. Согласно с ними качал втянутой в плечи головой и Пелий, пряча усмешку в черной жесткой бороде: он не верил, что кто-либо сможет овладеть заповедным руном. Он думал, что Язон, скорее всего, погибнет в походе. И эта надежда веселила его...

Постройка корабля «Арго»

вот по всем дорогам Греции, вдоль кремнистых горных троп и поросших лаврами долин, всюду и везде, от утонувшего в лазурном море острова Кифера на юге до диких ущелий Македонии на севере, от западного моря до восточного, пошли, поползли, полетели новые слухи.

Может быть, это крикливые чайки, скользя на серебряных крыльях вдоль скалистых и песчаных берегов, разнесли повсюду дивную весть? Может быть, золоторогие лани Киренейского леса, приходя по ночам на водопой, написали ее звонкими копытцами на белом песке возле источников? Или, может статься, туманная Нефела приказала своим сестрам-тучкам поведать всем людям о том, что задумал Язон? Так было то или иначе — неизвестно, но только месяца не прошло, как не осталось мужа во всей Греции, который бы не знал, к чему готовится храбрый юноша из далекого Иолка.

Молодые воины задумывались, чистя щиты или натачивая дротики: «Язону понадобятся крепкие руки».

Старые моряки с Эвбеи и Саламина, услышав новость, устремляли взоры в синюю морскую даль: «Колхида — за морем. Язону нужны гребцы и кормчие!»

Плотники из Пирея пытали встречных: «Не зовет ли Язон к себе опытных строителей корабля?» И девушки спрашивали юношей, говоривших им нежные слова: так же ли мужественны они, как славный Язон, сын Эсона?

Понемногу со всех сторон в тихий Иолк начали собираться смельчаки из разных концов Греции. Много явилось сюда храбрецов, чьи имена наводили страх на недругов одним своим звуком.

Пришел быстрый, как лесной олень, Мелеагр, славный победитель ужаса лесов — Калидонского вепря. Рука об руку с ним постучались в двери Язона товарищи Мелеагра по страшной охоте: и могучий Анкей, и Адмет, и осторожный и хмурый боец Теламон. Не отставая друг от друга ни на шаг, с одной и той же усмешкой на лицах пришли прекрасные близнецы Кастор и Полидевк, дети божественной Леды и лебедя-Зевса. Два других брата, Калаид и Зет, сыновья могучего бога северных ветров Борея, прилетели на широких крыльях, дарованных им свирепым отцом. Черные с серебром кудри их вились в беспорядке за широкими плечами. Взоры горели холодным светом, как звезды морозной ночи, и в то же время были чернее самой темной тьмы. Редкий человек мог выдержать их суровый взгляд.

И остроглазый Линкей, опытный кормчий, глаза которого видели сквозь воду и сквозь камни, и мощный Мопс рядом с добродушным Евфалом, и еще юный Пелей, который потом родил великого воина Ахиллеса, надежду греков,— все они один за другим явились на призыв Язона.

Но еще раньше, задолго до того, как Язон отобрал из пришедших храбрецов крепкую дружину, застучали молотки и топоры неподалеку от Иолка, на песчаном берегу полуострова Магнезии, и в расположенных поодаль горах. То славный строитель кораблей Арг, повелевая рабами и свободными плотниками, положил начало Язонову кораблю.

Наверху, высоко в горах, лесорубы валили стройные сосны, и задумчивые волы, жуя жвачку, тащили душистые бревна вниз по склону. На полях Иолка собирали коноплю, трепали ее чистыми дощечками, чтобы лучшей пенькой законопатить пазы судна. По ночам на берегу

горели костры — то в огромных медных котлах варилась ароматная смола для корабельных бортов и днища. А посреди всего этого, среди дыма, стружек и соленого ветра, подвязав простым шнурком непокорные волосы, двигался с большим бронзовым циркулем в руке седовласый спокойный Арг. Он то прилаживал одну к другой благоуханные сосновые доски, то указывал, как крепить уключины, то подолгу сидел на камне там, где на белом приморском песке был вычерчен по его замыслу гордый корабль, который он хотел построить.

Язон и его дружина то и дело ходили на берег, к месту постройки. Опытной рукой брался Линкей за кормило. Придирчиво испытывали братья Бореады крепкий парус. С сомнением ударял меднообутой ступней Теламон в прочно скрепленный киль. Арг только улыбался спокойной улыбкой. И скоро все должны были признать, что другого такого корабля еще не видели глаза человека.

Арг не один создал такое чудо, говорили люди. Нет, конечно! Ему, наверное, помогала мудрая Афина, богиня всякого искусства и художества. Недаром старый строитель и по ночам не отлучался от своего детища! Недаром в нос корабля вделал он кусок от ствола священного дуба из ее рощи, вырезал на нем ее изображение. Без помощи богов не мог человек соорудить подобное судно!

Наконец корабль был готов. А незадолго до этого дня еще три героя присоединились к Язоновой дружине. То был славный фракийский певец Орфей, который принес с собою не меч и не копье, как другие, а только золотую семиструнную кифару; то был соперник Линкея в искусстве править рулем Тифий и мощный, точно выкованный Гефестом из слитка стали, великан, молодой сын царя Амфитриона Геракл. Он один среди всех ходил грустный и задумчивый, тяжелые думы омрачали его чело: страшное дело случилось с ним недавно — одурманенный богиней безумия Ате, он в бреду убил своих детей и теперь, участвуя в трудном походе, хотел искупить невольную вину.

Все вокруг знали о тяжелом горе Геракла, и суровые воины старались, кто чем мог, скрасить ему дни, полные страдания.

Орфей же вначале не понравился своим товарищам. Он был слишком нежен, слишком красив, слишком похож на переодетую девушку. Его длинные пушистые волосы падали на плечи, тонкие руки все время перебирали золо-

тые струны кифары, висевшей на широкой перевязи через плечо. Хмурый Теламон, все видевший в мрачном свете, пожимал сердито плечами при взгляде на него. Но Язон приветливо встретил великого певца: еще кентавр Хирон рассказывал много чудесного про его песни, а Язон верил каждому слову своего мудрого воспитателя.

Отплытие аргонавтов

аступил долгожданный срок.

Утром Арг откинул волосы с покрытого потом лба и засмеялся впервые за много дней. Суровые плотники в лад ударили по смолистым клиньям, удерживавшим судно на берегу. Подобно лебедю, сходящему с берега в воду, скользнул гордый корабль на пенные волны залива. Подобно жителю вод острорылому дельфину, двинулся он вперед, весело разрезая белые гребни. Мощными кликами радости приветствовали его собравшиеся на берегу воины. Прорицатель же Феон поднял вверх руки и указал на легкое облачко, словно остановившееся в вышине над мачтой.

— О Нефела, властительница туч! — воскликнул он.— Мы взываем к тебе, отправляя своих детей в далекий путь по велению твоего сына! Пошли им ясное небо над спокойным морем, Нефела! Ты, мать вечерних облаков и утренней свежей мглы! Разгони туманы, преграждающие дорогу мореходцам. Сделай ясными дали и благоприятным цвет зари. Не оставь их твоею милостью в пути, о Нефела!

И, обратившись к смелым воинам, он сказал, что по желанию богов надо отплывать в путь завтра, чуть забрезжит утренний свет. Легкий корабль этот должно назвать гордым именем «Арго» — в честь искусного Арга, строителя дивного корабля...

Еще звучные цикады не прекратили своего звона в мокрых и блестящих листьях лавров; еще холодно было на пригорках, овеваемых легким морским ветерком, и тихий звон вчерашнего дня стоял еще в лесистых долинах; еще не успела румяная Эос подняться над сонными волнами; высоко на бледном небе сияла еще маленькая Се-

лена-Луна, и свет ее смешивался с чистым блеском Форос — утренней звезды, когда опытный кормчий Тифий разбудил воинов Язона.

Корабль «Арго» тихо покачивался у берега. Старец Эсон вместе со многими жителями Иолка стоял на берегу, готовясь проститься с сыном. Слезы катились по его седой бороде: кто мог сказать, вернут ли назад его Язона вечно шумящие волны?

Тускло горели костры; от прибрежных камышей клубами восходил туман. Далеко на берегу разносились вздохи тех, кто пришел проститься с героями.

Твердым шагом, гулко ступая затянутыми ремнем ногами, взошли моряки «Арго» на свое судно. Впереди на носу неподвижно стал самый зоркий — Линкей. Сзади, положив руку на изогнутую, как шея лебедя, рукоять кормила, склонился рулевой Тифий. По двое на каждой скамье сели смельчаки: могучий Геракл с Теламоном, Тезей с быстроногим Мелеагром, Анкей с Адметом. За одно весло взялись дружно Кастор и Полидевк. За одно весло взялись и братья Бореады.

Вот гортанно вскрикнул Тифий, и сразу же закипела вода под дружными ударами весел. Стремительно, как чудная морская птица, двинулся «Арго» вперед, унося на своей спине отважных моряков-аргонавтов.

Все дальше и дальше скользит он по утреннему морю. Все выше и выше по прибрежным холмам карабкаются те, кто пришел проводить смелых.

С острой скалы смотрит на море старый Эсон, и утренний ветер треплет его мокрую от слез бороду.

А там, в безбрежном просторе моря, навстречу заре несется «Арго». Вот видно — подняли аргонавты на нем четвероугольный парус. Вот выглянуло из-за морских волн солнце, и черной точкой на его пылающем диске означился этот парус в последний раз.

— Так и всегда! — сказал Эсон, протянув в ту сторону дрожащую, слабую руку.— Так сотни и тысячи лет будут уплывать смелые, сильные, молодые люди в неведомые страны. Так и всегда будут рваться за ними сердца их ближних, полные гордости и тревоги за них... И всегда, во веки веков, все они, уплывающие и остающиеся, будут в час разлуки на морском берегу вспоминать это утро, это море, этот тонущий в заре парус, парус аргонавтов!

Он не договорил и остановился. Он замолк потому, что в этот миг случилось что-то странное.

Внезапно со стороны моря пахнул легкий порыв ветра, и тотчас же на его крыльях издали донеслись неслыханные звуки. Нежное, как дуновение ветерка, мощное, словно шум морского прибоя, более сладостное, чем аромат цветов, пение зазвучало вокруг. Трудно было понять, откуда доносится дивная музыка. Одним казалось — это гребни волн превратились в певучие струны. Другим мерещилось, что столь сладко звучат натянутые над горой золотые лучи солнца, сияющие меж густолиственных древесных ветвей. Все замерли, все застыли. Даже самые старые горы как бы прислушивались к неземным звукам.

Потом все смолкло. Тогда старец Эсон положил руку на плечо мальчика-слуги.

— Подними голову, отрок! — торжественно сказал он.— Подними лик свой, оглянись и запомни все, что видишь вокруг. И не забывай этого утра до самой своей смерти. Ибо в это утро ты слышал то, что судьба позволяет слышать немногим. Ты слышал пение великого Орфея!

И в самом деле, то звучал голос божественного певца. Потому что едва первый луч солнца коснулся синих риз морской богини Амфитриты, Орфей там, на носу корабля, положил пальцы на струны золотой кифары.

В тот же миг, как завороженные, замерли герои-аргонавты, подняв из воды весла. Тяжелые капли влаги перестали падать с них в море: они застыли на весу, чтобы слушать Орфея. Легкий ветер не налегал больше на парус: он боялся звоном снастей помешать дивному Орфею. А за кормой из воды подняли плавники бесчисленные пестрые рыбы, появились скользкие, точно из густого черного масла вылитые, дельфины. Как завороженные, плыли они в пенистых струях и не хотели свернуть в сторону, потому что их околдовал своим пением певец всех певцов Орфей...

Сладко нам вечное море ударами весел тревожить,
Хоть нелегко покидать ближних на милой земле!
Манит отважного призрак далекой, неведомой славы,
Только несмелого мир тайнами смерти страшит.
Ройте ж могучими веслами синюю гладь, аргонавты!
Множество гордых вослед вашим путям поплывет:
Люди в туманную даль никогда не устанут пускаться,
Как за руном золотым, за золотою мечтой!

Так начался великий поход аргонавтов.

Аргонавты у Кизика

далившись от знакомых берегов, корабль «Арго» много дней разрезал волны спокойной Пропонтиды, того моря, которое сейчас люди зовут Мраморным.

Наступило уже новолуние, и ночи стали черными, как вар, которым смолят корабельные борты, когда зоркий Линкей первый указал товарищам на возвышающуюся впереди гору. Скоро забрезжил в тумане низкий берег, показались рыбачьи сети на берегу, городок у входа в бухту. Решив отдохнуть на пути, Тифий направил судно к городу, и немного спустя аргонавты стояли на твердой земле.

Из города бежали навстречу им люди. Здесь жили долионы — народ, любимый Посейдоном, богом морей. Юный царь Кизик правил этой страной, охраняя своих подданных от великого страха.

Дело в том, что у самого города поднималась высокая гора, покрытая дремучим лесом. В ущельях этой горы обитали ужасные шестирукие великаны. Нелегко было жить в мире с такими соседями. Только помощь морских богов спасала от их ярости несчастных долионов.

Царь Кизик радушно встретил славных гостей. До глубокой ночи длился пир в веселых покоях дворца при свете многочисленных факелов. Весело гремели струны певцов-рапсодов; музыканты дули в трубы, сделанные из морских раковин. Но поминутно стражи вглядывались в ночную мглу, опасаясь набега шестируких. И аргонавты, качая головами, жалели вечно тревожных долионов.

Утром, в тумане, «Арго» уже отплывал от гостеприимного берега. Но не успел еще Тифий в первый раз налечь на верное кормило, как вдруг на ближнем мысу послышался дикий рев: разводя одними руками верхушки деревьев, подхватывая другими целые скалы с земли, бежали по склону горы вниз многорукие чудовища. Со злобными воплями они начали метать обломки камней в море, стремясь закрыть ими выход из бухты. И «Арго» повернул назад, к земле.

Тотчас же поднялся над склоненными к веслам гребцами могучий Геракл. Схватив свой верный лук, он осыпал шестируких дождем метких стрел. С воплями упали

некоторые из них на прибрежный песок. Тогда, издав победный клич, аргонавты спрыгнули на берег.

Прикрывшись окованными медью щитами, сверкая бронзовыми наконечниками копий, плечом к плечу пошли они на неуклюжих, хотя и могучих, врагов. Братья же Бореады, Калаид и Зет, взлетели ввысь на своих шумных крыльях, чтобы разить шестируких из-за туч. Пыльным облаком окутал место схватки поднятый ногами сражающихся песок. Когда же он рассеялся, на берегу, залитом черной кровью великанов, лежали только подобные срубленным ветвистым дубам многорукие тела, сбегались радостные долионы да, оправляя сбившиеся доспехи, вытирая травой лезвия дротиков, аргонавты беседовали друг с другом о короткой страшной сече.

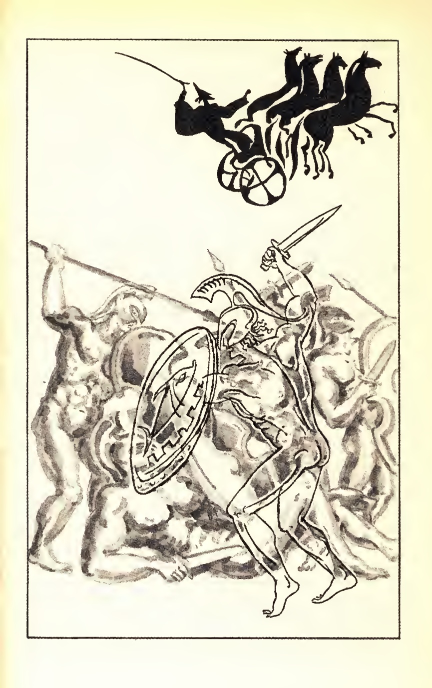
Немного времени прошло, и снова, сев на дубовые скамьи, налегли пловцы на упругие весла. Полуостров Кизика скрылся вдали. Однако темная судьба не сулила на этот раз удачи путникам.

К вечеру, когда семизвездная Колесница [1] опустилась к самым волнам моря, вдруг переменился ветер. Гонимый им «Арго» побежал вспять, и скоро снова забрезжили в ночной тьме слабые огни недавно покинутого путниками города долионов. В глубоком мраке пристали аргонавты к берегу, но еще не успели высадиться на землю, как из полной темноты ударило на них неведомое войско. Было так темно, что никто не мог понять, с кем на этот раз пришлось сражаться: то ли избежавшие смерти великаны явились отомстить за погибших братьев, то ли морские разбойники подстерегли в засаде мирных пловцов?

Долго кипела ночная битва. Звенели мечи, сгибались копья. Враг не видел врага, и победитель — пораженного. Наконец Язон острым копьем случайно пронзил грудь самого яростного противника. Дрогнули ряды неприятелей и, смешавшись, побежали. В это время первые лучи утренней зари окрасили небо над морем, и тотчас раздался стоустый крик горя.

Нет, не с великанами бились в ночи аргонавты! Не вождя разбойников убил Язон! Это жители города долионов во главе с юным царем напали на пришельцев, потому что приняли их за пиратов. Друзья не узнали друзей. Мирные гости пролили кровь своих радушных хозяев. Язон убил Кизика.

[1] Так называли греки созвездие, которое мы зовем Большой Медведицей.— *Примеч. В. и Л. Успенских.*

Скорбь обуяла и аргонавтов, и долионов. Пышную тризну справили они совместно над прахом убитых, трое суток оплакивая несчастного юношу-царя. А молодая супруга Кизика, милая Клейто, дочь Меропа, не перенеся страшного горя, пронзила себе сердце острым мечом.

Как аргонавты расстались с великим Гераклом

се дальше и дальше уносит крутогрудый «Арго» горсточку плывущих на нем героев.

В тумане проходят мимо него неведомые рыжие, точно львиная шкура, острова. День за днем великий Гелиос-Солнце, выходя из морских волн поутру, к вечеру снова опускается в море на своей огнесветной колеснице. День за днем текут волны, убегая за корму, и все дальше назад уходят берега милой Греции.

Великая скорбь ожидала аргонавтов у берега каменистой Мизии. Незадолго до их прибытия сюда сломалось одно из прочных весел корабля. Тотчас же двое из путников, Геракл и еще один воин, отправились в прибрежный лес, чтобы сделать новое весло. Все видели, как они вышли на берег, но, сколько ни ждали их возвращения, обратно никто не пришел. Бросились искать пропавших, но чужая земля была пуста и безмолвна. Гнев и отчаяние охватили дружину. Все заметались по берегу, Язон же впал в такое горе, что, опустив голову, сел неподвижно на корме и не проговорил ни слова, даже когда Тифий, видя, что дело безнадежно, направил судно в открытое море.

Заметив это, друг Геракла Теламон пришел в ярость.

— Стыд и позор тебе, сын Эсона! — воскликнул он, сжимая кулаки.— Я понял теперь: черное сердце твое полно радости. Все рыдают, а ты молчишь. И неудивительно. Ведь теперь ты избавился от того, кто мог соперничать с тобой в силе и славе. Ты нарочно покинул в беде Геракла. Но если так — я не спутник тебе. Немедленно возвращайся обратно, Тифий, или я силой заставлю тебя сделать это.

Напрасно уговаривал безумного вещий Мопс, тщетно убеждали братья Бореады. И неизвестно, что случилось бы, если бы внезапно в этот миг из зеленых волн не поднялась со влажным шумом покрытая морской тиной, усеянная ракушками голова водяного бога Главка. Одною рукой Главк остановил стремительный бег судна и, выжимая пену из зеленой бороды, сказал голосом шумным, как рокот прибоя:

— Не тревожьтесь, славные воины! Успокойся и ты, верный друг Геракла Теламон. Сын Зевса не погиб. По воле богов ему назначен иной жребий. Он должен вернуться в Грецию и там на службе у царя Эврисфея совершить двенадцать великих подвигов, слава которых переживет века. Вы же плывите своим путем. Да пребудет с вами благословение тучегонителя Зевса.

Услыхав такие вести, аргонавты примирились с неизбежным. Теламон, прощенный великим Язоном, сел на свое место. Брызнули весла кипучей влагой, и снова понесся вдаль стремительный «Арго».

Аргонавты посещают несчастного Финея

Много злоключений ожидало в дороге смелых путников, но из всех им было суждено выходить со славой.

В Вифинии, стране бебриков, задержал их непобедимый кулачный боец, царь Амик, страшный убийца,— без жалости и стыда он повергал ударом кулака на землю каждого чужеземца. Вызвал он на бой и этих новых пришельцев, но юный Полидевк, брат Кастора, сын Леды, сразил могучего, проломив ему висок в честной схватке.

Яростная буря однажды носила корабль по волнам и чуть не сокрушила его о скалы, но встал Орфей и божественным пением успокоил бешеные волны.

Наконец Линкей завидел далеко перед собою в лиловатой мгле освещенные солнцем берега Фракии. Плаватели двинулись к ним, чтобы, вытащив на берег корабль, осмотреть поврежденное волнами днище; кроме того, они хотели добыть припасов и свежей воды.

Подплыв к берегу, путники разглядели недалеко от воды белый каменный дом. Он был красив и обширен, но печать запустения лежала на нем. Не было видно снующих во дворе рабов, никто не собирал виноградных гроздьев, висящих на лозах, даже тропинка к колодцу заросла от конца до начала колючими травами — остролистом и акантом.

В недоумении приблизились аргонавты к дому. И вот навстречу им вышел, опираясь на посох, слепой старик. Он торопился к гостям, но был так худ и слаб, что еле держался на ногах. Едва выйдя из дверей, он опустился на траву, окончательно изнемогая.

Люди смелые и благородные всегда с великим почтением и любовью взирают на стариков. Кто знает, может быть, годы назад этот человек, который теперь слабее ребенка, был великим воином или славным героем? Может быть, спустя немного лет тому, кто теперь молод и могуч, самому понадобится помощь юноши?

Братья Бореады могучими руками бережно подняли с земли несчастного старика.

— Что с тобой, отец многих? — ласково спросил его Язон.— Поведай нам о своем несчастье. Не сумеем ли мы пособить тебе в беде?

— Горе мне, горе, чужестранцы! — плача, заговорил тогда старик, и руки его затряслись.— Горе мне, ибо я — Финей, много лет бывший царем Фракии. Великие боги были милостивы ко мне: они открывали мне свои тайны, и я мог предсказывать будущее. Но я совершил великий грех: из жалости я начал предвещать людям и то, что боги хотели скрыть от них навеки. Тогда отец наш Зевс вместе с сыном своим Аполлоном страшно меня покарали. Аполлон ослепил меня. Зевс же повелел ежедневно, как только я сяду за трапезу, прилетать в мой дом страшным гарпиям. Им дозволил он съедать мою пищу всю без остатка. Я знаю, освободить меня от нестерпимых мук голода могут только смелые люди, которые приплывут сюда на корабле «Арго». Среди них будут два сына Борея — суровый Калаид и непоколебимый Зет. Не вы ли это, благородные путники? Если так, то спасите меня!

— Утешься, вещий старец! — ответил ему Язон.— Мы моряки с «Арго», а эти воины, что держат тебя под руки,— Калаид и Зет — ощупай их крылья. Мы накормим и напоим тебя: старость всегда почтенна для нас. Но расскажи нам, кто такие эти гарпии?

— Дети мои, дети мои,— еле слышно сказал Финей.— Не спрашивайте у меня ничего. Приготовьте пищу, и вы сами увидите, что случится...

Так и сделали аргонавты. В полуразрушенном доме Финея они уставили богатыми яствами длинный стол и уже подвели было к нему злосчастного царя, как вдруг все вокруг наполнилось шумом и свистом крыльев. Страшные существа с прекрасными головами девушек, но с птичьими туловищами и крыльями, хрипло крича, налетели со всех сторон. От их черных с мертвенно-сизым отливом перьев веяло нестерпимым могильным смрадом. Жадные когти их хватали все, что стояло на столе, белые зубы терзали мясо, красные губы прильнули к сосудам. Напрасно пытались отогнать их прочь растерявшиеся аргонавты. Мгновенно покончив свое дело, девы-птицы с хохотом и визгом взвились над домом.

Но час расплаты настал. Тотчас же следом за гарпиями ринулись в небо Калаид и Зет, дети ветра.

Вот, словно хищные орлы, они несутся вдаль за крикливой стаей. Вот настигают ее... Блеснули бронзовые мечи...

В тот же миг, однако, все вокруг засверкало многоцветным блеском. Красные, синие, зеленые лучи перепутались в небе и отразились на облаках. Это богиня радуги Ирида примчалась с Олимпа на своих пестрых крыльях. Она принесла гарпиям повеление Зевса никогда больше не возвращаться к Финею. Муки несчастного кончились. Мгновенно повернули обратно буйные летуны Бореады и прилетели во Фракию, в тот дом, где впервые за много лет старец Финей спокойно вкушал приготовленную путниками пищу. Со слезами благодарности на глазах старик-прорицатель уже предсказывал Язону многое из того, что ожидало аргонавтов в будущем. Мудрые и вещие советы давал он смелым странникам, а крепче всего заклинал их, прибыв в Колхиду, обратиться с мольбами к златокудрой, рожденной морскою пеной богине любви и красоты Афродите.

— Только она одна,— сказал Финей,— властна помочь тебе, сын Эсона, в трудном и славном деле твоем!

Вскоре простились с фракийским царем аргонавты, и снова темные волны начали шипя рассыпаться перед острым носом «Арго». Старец же долго стоял на берегу, впивая полной грудью чистое дыхание моря, слушая, как постепенно замирают вдали невообразимо прекрасные звуки струн Орфея.

Симплегады

ень, другой, третий скользил над просторами Пропонтиды белый парус «Арго». К исходу третьего дня услышали герои впереди тяжелый шум и плеск. То доносился до них как бы гул мощного прибоя, то словно ревела буря или падал в пропасть гигантский водопад, то раздавались короткие страшные удары грома.

Встав во весь рост на носу корабля, сдвинув брови, зорко вглядывался в волны дальнозоркий Линкей. Вдруг, словно увидев нечто небывало страшное, он закрыл глаза руками. Что же открылось ему вдали?

Там впереди, как раз на пути легкокрылого судна, море шипело, бурлило и пенилось. Две огромные скалы возвышались там в тумане, но то были не простые скалы, а плавучие, страшные Симплегады. Эти скалы ни минуты не пребывали в покое. Они то отходили одна от другой, и тогда море между ними становилось обманчиво гладким и спокойным. То внезапно страшные утесы начинали стремиться друг к другу. Все быстрее и быстрее неслись они, раскачиваясь на яростных волнах, все сильнее ревела и клокотала пучина вокруг них. Наконец, с неистовым грохотом, в облаке водяной пыли, вздымая до неба пенные космы черной воды, они сшибались вместе. Казалось, весь мир содрогается вокруг. Но в этот миг плавучие горы снова начинали удаляться в разные стороны. Страшно было издали глядеть на это чудо; между тем нельзя было проплыть на восток, не пройдя меж них.

Замедлили аргонавты бег своего судна и стали держать совет.

— Вспомните, что сказал нам вещий Финей! — заговорили некоторые из них.— Прежде чем пытаться проскользнуть между роковыми утесами, должно пустить в эту теснину белого голубя, любимую птицу Афродиты. Пролетит голубь — промчится вслед за ним и «Арго». Погибнет крылатый разведчик — лучше выждать тогда иного, благоприятного времени.

Гребцы налегли на тяжелые весла. Тифий вцепился в кормило, и жилы на лбу у него надулись от тревожного напряжения. Вот Линкей выпустил из клетки сере-

бристо-белого голубка. Снежной пушинкой проскользнула птица в воздухе, ринулась в черную бездну между разошедшихся в стороны скал и в тот самый миг, когда они уже мчались друг на друга, молнией пронеслась меж них. С тяжким грохотом сшиблись утесы. Но голубь уже обогнул их.

Вот он несется назад к «Арго», вот садится на мачту... О счастье! Только одно-единственное перо из хвоста вырвали у него плавучие горы. Значит, нельзя терять ни минуты...

Линкей на носу, Тифий за рулем, а все остальные герои пенят воду шумными веслами. Вихрем летит «Арго» в мрачное ущелье, а скалы, покачиваясь в тумане, уже начинают сближаться. Одна волна влечет «Арго» вперед, другая отбрасывает его назад. Бурное течение кружит корабль в водовороте... Как быть, что делать? Скалы вот-вот столкнутся. Соленый пот и соленая вода струятся по лицам героев. Гибель, гибель...

Но Тифий, кормчий, налег на руль. В тумане и брызгах вдруг померещилась ему богиня Афина-Мудрость. Одной рукой, почудилось ему, она слегка коснулась скалы, другой — кормы судна. Точно стрела, прянул вперед «Арго». Пенные гребни обрушились на него. Раздался грохот, какого не выдержать уху простого смертного. Но скалы опоздали столкнуться. Только одну доску из корабельного руля вырвали они, растерли в щепки и начали расступаться в стороны.

Когда же гребцы, переведя дух, подняли весла, чтобы оглянуться назад, вдали за кормой они увидели только тихий пролив между двух неподвижных рядов утесов. Так сбылось веление богов: если хоть один корабль пройдет между Симплегадами, их роковое движение должно прекратиться навеки...

Солнце садилось позади мрачных скал. Веселые чайки, розовые от его лучей, кувыркались в лазурной бездне неба. Аргонавты утерли потные лица и, славя богов, двинулись дальше в широкий простор Понта Эвксинского.

Аргонавты встречают детей Фрикса

ирокошумным гулом дохнуло им в лицо это новое для них, неведомое грекам море. Синей пустыней простерлось оно перед ними, таинственное и грозное, безлюдное и суровое. Они знали: где-то там, на той стороне его бурливой бездны, лежат таинственные земли, населенные дикими народами; обычаи их жестоки, обличье ужасно. Там где-то лают по берегам полноводного Истра страшные люди с собачьими мордами — кинокефалы, псоглавые. Там носятся по вольным степям прекрасные и свирепые воительницы-амазонки. Там дальше пребывают в блаженстве могучие гипербореи. Но где это все?

Сколько ни вглядывался из-под ладони вдаль зоркий из зорких Линкей, ничего не мог он увидеть в сизой дымке. Море, море, одно только море везде... Страх и тоска стеснили многие сердца. Но делать было нечего. Сын Эсона подал знак, и длинные весла дружно взрыли воду Понта.

Никто не знает, долго ли плыл священный корабль вдоль безлюдных, пустых берегов. Дни уходили за днями, но ни белого паруса, ни расписных бортов встречной ладьи не было видно в синем просторе. Только чайки летали над мачтой «Арго» да по ночам далеко на прибрежных горах зажигались неясные огни.

Однажды утром Линкей вскрикнул: вдали показался низкий островок. Тифнй послушно налег на кормило, и корабль пошел к берегу. Ближе и ближе... Вдруг впереди что-то засверкало. Большая птица тяжело поднялась над островом и, грузно размахивая крыльями, полетела прямо к «Арго». Перья ее горели как жар, странный звон доносился до ушей аргонавтов.

Птица была уже над кораблем, когда из ее крыла вырвалось перо и, блеснув, точно маленькая молния, упало вниз.

Тотчас же громко вскрикнул гребец Оилей. Разогретый лучами солнца, он снял с себя воинские доспехи и греб, обнаженный до пояса. Теперь же он держался рукой за плечо, а в плече, глубоко уйдя в тело, торчало острое и тяжелое, как стрела, медное перо.

В это время вторая птица подлетела к смущенным

аргонавтам. Но меткий стрелок Клитий из Калидона уже напряг свой лук. Зазвенела тугая тетива, раздался свист, и со странным звоном вторая меднооперенная птица упала на корму «Арго» рядом с Тифием. Сомнений не было: на острове жили страшные обитательницы диких лесов, медноперые птицы стимфалиды!

Аргонавты торопливо надели на себя доспехи и прикрылись щитами. Ударяя дротиками в эти щиты, издавая громкие и грозные клики, они повернули к берегу. Тотчас великое множество сверкающих птиц с карканьем и завыванием взлетело над прибрежным лесом. Целый дождь смертоносных стрел посыпался сверху на героев, но щиты надежно прикрывали их плечи. Тогда шумная стая заметалась над взморьем и, выстроившись длинным треугольником, потянула прочь меж белых облаков.

И вдруг в тот же миг, как смолкли вдали тревожные птичьи крики, с острова послышались человеческие голоса. Навстречу приставшим к берегу аргонавтам бежали из леса четверо юношей.

— Чужестранцы! — кричали они.— Не оставляйте нас на этой страшной земле! Спасите сыновей несчастного Фрикса, родившегося в далекой Греции! Мы плыли из Колхиды в родной Орхомен, но буря разбила наше судно. Пожалейте нас!

Ломая исхудалые руки, они упали на землю перед аргонавтами. Но Язон уже сам с криком радости бросился к несчастным: разве мог он покинуть в беде своих братьев, внуков царя Афаманта? Сама судьба послала их ему навстречу!

Поздно вечером, когда «Арго» был вытащен наполовину на прибрежную отмель, а герои прилегли у костра на тяжелом морском песке, Язон открыл старшему из юношей, Аргосу, кто он, куда он едет и зачем. В свою очередь, смелый сын Фрикса обещал брату свою помощь. Всю ночь рассказывал он Язону про ту страну, где прошло его детство, и наконец сказал:

— Теперь ты знаешь все, Язон. Колхидой правит злой тиран царь Ээт, сын бога солнца Гелиоса. Добром он не отдаст тебе руно, а сражаться с ним нельзя, ибо он могучий чародей. Не лучше ли вам вернуться, пока не поздно?

Язон ничего не ответил юноше. Он только привстал с песчаного ложа и громко приказал спускать «Арго» на волны, ибо было уже утро.

Прибытие

вадцать дней и двадцать ночей несся после этого «Арго» по лону морскому. Двадцать раз опускался за его кормой в синие волны светозарный Гелиос на своей блещущей огнем колеснице. Двадцать раз впереди, там, куда все время вглядывались Линкей и Тифий, выплывала из ропщущих волн розоперстая утренняя Заря-Эос. Наконец, под вечер двадцать первого дня, Линкей протянул вперед руку: там далеко-далеко над волнами, среди которых резвились гладкие и черные дельфины, проступила теперь сквозь синее небо точно бы неподвижная гряда туманно-белых облаков. То были далекие горы. Аргонавты еще не знали, к этим ли горам лежит их путь. Но они продолжали плыть вперед.

Солнце приближалось к закату. Длинная тень пробежала по волнам к берегу от прямого паруса корабля. Ярким розовым блеском загорелись горные вершины. С земли потянуло теплым духом суши, запахом нагретых солнцем скал, листьев лавра и маслины, дымом невидимых отсюда вечерних костров.

Внезапно до слуха смелых плавателей донесся страшный стон. Далекий стон, но все-таки ясно слышимый и притом исполненный нестерпимой муки. Еще и еще... Аргонавты содрогнулись. Им показалось, что это сами горы, сама Мать-Земля, само море застонали от невыносимой боли. «Что это? Что это?» — шептали, оглядываясь друг на друга, воины Язона.

И вдруг хриплый клекот раскатился над мирным морем. В тревоге аргонавты подняли головы. Огромный орел, такой огромный, каких не видел ни один смертный, тяжко взмахивая гигантскими крыльями, пролетел низко над самым кораблем. Страшные лапы его были прижаты к брюху, чудовищный клюв поблескивал, точно отлитый из темной бронзы. Орел пролетел над судном, взмыл вверх и исчез в багровом вечернем небе.

Тогда заговорил прорицатель Мопс, сын Ампика́.

— Восславь великих богов, о Язон,— воскликнул он,— ибо ты привел нас к цели! Страна эта — Колхида. Разве ты не слышал тягостных стонов, разве ты не видел божественного орла? Узнай же: это стонал могучий титан

Прометей, страшно наказанный великим Зевсом. Помнишь ли ты, что случилось когда-то? Прометей возлюбил людей сильнее, чем своих братьев-богов. Он похитил у Зевса огонь его молний, отнес его на землю и научил людей, как управлять огнем. Только после этого они стали людьми, а до того они жили, как дикие и несчастные звери. Люди возблагодарили титана. Но за такую великую дерзость всемогущий Зевс приковал его к горам Кавказа и повелел своему орлу каждый тень терзать тело несчастного. Днем кровожадная птица рвет могучее тело, а за ночь страшные раны заживают опять. И мука эта длится вот уже много столетий.

Да, много-много веков длятся страданья Прометея! Но близится время его избавления. Могучий Геракл придет сюда, убьет орла и освободит многострадального друга людей от нестерпимой казни.

Это случится скоро, но еще не сейчас. Теперь же, о Язон, повелевай нами, ибо мы достигли конца нашего пути.

Пока он говорил это, корабль «Арго» уже вплотную подошел к берегу. Длинные листья густого камыша, растущего в изобилии возле устья колхидской реки Фасиса, зашуршали по его бортам. Аргонавты на веслах поднялись немного вверх по течению Фасиса и бросили якорь в тихой речной бухте.

Выйдя на берег, Язон принес жертвы всем богам Греции и Колхиды, но, помня завет мудрого старца Финея, первое возлияние совершил он в честь златокудрой Афродиты, богини любви и красоты. Он молил всевышних не препятствовать ему, потому что знал: как ни труден был путь из Иолка до Колхиды, только отсюда начиналась самая тяжкая часть великого подвига.

Настала ночь. Темнота окутала землю. В камышовых зарослях, фыркая, бродили барсы и вепри дикой страны. Над спящими аргонавтами порхали крылатые светляки Кавказа. А поодаль, за рекой, мирно спал на холме темный дворец Ээта. Спал за его толстыми стенами сам суровый царь, спали царские дочери Халкиопа и Медея, спал сын Апсирт, прозванный за красоту свою Фаэтоном, что значит «сверкающий». Спали и воины Ээта, и царедворцы, и слуги, и никто из них не знал, чему суждено случиться завтра.

Что случилось во дворце богов на Олимпе

ни спали, а легкий дымок от сожженных на влажном берегу Фасиса жертвоприношений тонкой струйкой тянулся все дальше и дальше ввысь. Хмурый Борей на шумных крыльях донес этот дым до середины Эвксинского Понта. Здесь он передал свою ношу быстролетному Эолу. И быстрый Эол умчал весть о мольбе Язона в обитель богов, на снежный Олимп.

Как только великая Гера, супруга Зевса-Громовержца, и дочь его Афина-Мудрость узнали о прибытии смелых плавателей в Колхиду, они стали совещаться, чем можно помочь аргонавтам.

— Как ни могуч сын Эсона,— сказала Афина,— как ни отважны его спутники, им не преодолеть чар волшебника Ээта. Против волшебства можно бороться лишь волшебством. Что думаешь об этом ты, о Гера?

— Против волшебства может устоять любовь! — задумчиво вымолвила Гера.— Разве ты не знаешь? Дочь Ээта, Медея, такая же чародейка, как ее отец. Но она молода и прекрасна. Молод и прекрасен и Язон. Что скажешь на это ты, мудрейшая из всех небожителей?

Холодно усмехнулась в ответ на ее слова светлокудрая воительница Афина.

— Я никогда никого не любила и никого никогда не полюблю! — презрительно сказала она.— Мне чуждо это чувство, ослепляющее людей и богов. Но если так, пойдем к золотоволосой. Она поможет нам.

И они направились в пышный чертог Афродиты.

Алыми и белыми розами были увиты легкие колонны ее дворца. Белые голуби с красными клювами и нежными лапками гулко ворковали и перепархивали с места на место над золотым троном богини. Сидя на этом троне, супруга хромого Гефеста расчесывала свои волосы, и золото трона меркло рядом с золотом ее кос.

А внизу на ступеньках сын Афродиты, озорной божок, крылатый мальчуган Эрот, играл в кости с простодушным любимцем Зевса, юным Ганимедом. То и дело обыгрывал он его и звонко насмехался над неловким. Страшный же лук Эрота и маленький колчан с легкими стре-

лами, небрежно брошенные им, висели на поручне золотого трона.

Как ни могучи были богини, с опаской погладили они курчавую голову крылатого мальчика. Они знали: стоит ему хотя бы в шутку уколоть кого-нибудь, человека или бога, одной из этих маленьких стрел, и свет становится не мил раненому. Непреодолимая любовь поселяется в его сердце, мучит его, жжет как огнем, заставляет совершать великие подвиги и великие безумства.

Тихонько обойдя пестрокрылого шалуна, обе богини склонились к плечу Афродиты и на ухо нашептали ей свою просьбу.

Пенорожденная, выслушав их, улыбнулась. Она отложила в сторону гребень, встала, и золотые волны волос покрыли ее до колен. Спустившись с трона, наклонилась богиня над Эротом.

— Слушай, сынок! — сказала она, а белые голуби на карнизах заворковали громче, услышав ее голос.— Слушай, что я скажу тебе! Ты давно просил, чтобы я подарила тебе ту забавную погремушку, которую нимфа Адрастея сделала для отца нашего Зевса, когда он был еще совсем маленьким. Хочешь, подарю? Но прежде сделай вот что: лети сейчас же в далекую Колхиду и там, во дворце царя Ээта, пронзи своей стрелой сердце его дочери Медеи. Пусть она полюбит смелого воина Язона. Пусть она так полюбит его, что позабудет свой дом, своего отца, свою родину и будет готова для него на все. Лети, сделай это — игрушка будет твоя!

С радостным криком вскочил на ноги кудрявый мальчик. Глаза его вспыхнули, он захлопал в ладоши, мгновенно схватил страшный лук и колчан со стрелами и, не оглянувшись ни разу, бросился прочь из дворца. Золотистые и пестрые, как у бабочки, крылья его сверкнули разок-другой в лучах восходящего солнца, а затем он исчез между белых облаков.

Тогда, проводив взором любимого сына, Афродита обернулась к пришедшим.

— Идите с миром! — нежно сказала она.— Не тревожьтесь ни о чем. Медея полюбит Язона.

Язон у Ээта

Рано утром, когда колхидские пастухи погнали на пастбища отары своих баранов, Язон со спутниками направился на гору, где стоял великолепный дворец Ээта.

Высокие стены дворца поднимались над скалами; всюду белели ряды мраморных колонн, сверкала медь украшений, выкованных богом подземного огня Гефестом в знак дружбы к отцу Ээта Гелиосу. Слоновая кость украшений отливала желтоватой и маслянистой белизной, ярко горела бронза, тяжелые серебряные двери, такие же, как во дворце самого Гелиоса, сияя, неслышно поворачивались на искусно сработанных петлях.

Клубами тумана окутала героев мать Фрикса Нефела, пока они шли. Сделать это ее просила Гера, чтобы случайно не смогла им повредить стража со стен дворца.

Когда же аргонавты вступили на обширный двор, туман разошелся и сверкающие медью воины предстали перед всеми взорами.

Как раз в это время младшая дочь Ээта Медея вышла из своих покоев. Она громко вскрикнула от неожиданности, увидев могучую дружину и среди пришельцев своих племянников, детей Фрикса и Халкиопы. На крики сестры выбежала Халкиопа. Плача и смеясь, кинулась она к сыновьям, которых считала навеки потерянными.

Наконец вышел из дворца и сам Ээт. Видя внуков невредимыми, он направился к вождю чужестранцев и обнял его с благодарностью, приглашая к себе для пира и отдыха.

В это самое время словно трепещущий луч солнца на мгновение прорвался сквозь тучи. То сын Афродиты прилетел во дворец. Спрятавшись за одной из колонн, никем не замеченный, он огляделся. Прямо перед собою он видел меднoблестящие доспехи Язона: героя обнимал и приветствовал чернобородый Ээт. Вокруг толпились, оглядывая друг друга, воины — колхидцы и аргонавты; счастливо смеясь, целовала своих детей Халкиопа. А поодаль, за тихо плещущим фонтаном, прислонясь к белой стене дворца, стояла высокая стройная девушка.

«Эйа! Она похожа на богиню ночи,— подумал Эрот,—

она прекрасна. Что ж? Тем лучше!» И верно: две косы, черные, как смола, и такие толстые, что их не могла охватить рука человека, падали с плеч Медеи до земли. Густые брови сошлись у нее над переносицей. Лицо ее было бледно, а огромные, темные, как мрак кавказских ночей, глаза с тревогой и надеждой смотрели на чужестранцев.

Эрот улыбнулся, поднял лук и, прищуря один глаз, нацелился прямо в грудь Медеи: там, под вышитым на ее одежде золотым драконом, билось пламенное сердце. Тоненько свистнула стрела. Медея схватилась за грудь. В глубине же глаз ее вдруг вспыхнул яркий огонь. Ни на минуту не отрываясь, она смотрела теперь только на Язона. Она уже не видела никого в мире, кроме него...

Очень довольный такой удачей, сын Афродиты бросил последний взгляд на дело рук своих и, вспорхнув, как большой золотистый мотылек, полетел к матери за волшебной погремушкой Адрастеи. Медея же осталась стоять возле фонтана и стояла там до тех пор, пока Ээт не позвал гостей в дворцовые покои.

Допоздна затянулось в тот день пиршество в богатом замке царя Колхиды. Возлежа за обильной трапезой вокруг уставленного яствами стола, весело праздновали аргонавты свое прибытие, а приближенные царя радовались возвращению его внуков.

Старший из сыновей Фрикса, Аргос, пил и ел рядом со своим суровым дедом. Слово за слово рассказал он ему все, что знал о Язоне и его спутниках. Он поведал царю, как смелые греки спасли их со страшного острова Аретиада, как бережно ухаживали за ними в пути, как почтительно обращались с потомками Фрикса. Не утаил он зато и цели, к которой стремились аргонавты.

Но едва тиран Ээт услыхал про замыслы Язона, как лицо его вспыхнуло гневом. Черные глаза засверкали. Сросшиеся брови, такие же густые, как у его дочери Медеи, сдвинулись вместе. Длинная борода, черная с проседью, завитая и умащенная благовониями, запрыгала по груди.

— Как, дерзкий чужак! — вскричал он, ударив кулаком по столу.— Как? Оказывается, ты осмелился незваный явиться в мою страну с тем, чтобы похитить у меня лучшее из моих сокровищ? За это одно ты уже достоин смерти! Но мало того: я не верю тебе! Не за божественным руном ты пришел к нам. Ты замыслил отнять у

меня мою власть, овладеть моими землями. Прочь отсюда, лжец и предводитель лжецов, или всех вас ожидает страшная гибель!..

Ропот прокатился по залу, где шел пир. Руки аргонавтов сами собой потянулись к мечам. Уже суровый и вспыльчивый Теламон приподнялся, нахмурясь, навстречу царю; уже Клитий зазвенел тетивой верного лука; Мелеагр уже крепко стиснул пальцами легкий дротик... Но Язон сделал своим товарищам успокоительный знак.

— Успокойся, сын Гелиоса! — сказал он, смотря прямо в черные глазаЭэта.— Успокойся и разгладь морщины на челе! Клянусь великими богами и жизнью моего престарелого отца, я не посягаю ни на твою власть, ни на твое царство.

Я приплыл сюда за золотым руном — ты прав, говоря так. Его я и прошу у тебя как милости. Я не богат. Не богаты и мои спутники. У нас нет ни золота, ни дорогих каменьев, ни бесценных благовоний в кипарисовых ящичках. Но у нас много силы и мужества. Прикажи — и за руно я выполню, не стыдясь этого, любую работу для тебя, сослужу какую хочешь службу. Ты знаешь, зачем мне нужно это руно: оно вернет мне похищенное царство.

Прямо и бесстрашно смотрел герой на царя-волшебника. Глубоко задумавшись, глядел на прекрасного мужа чернобородый тиран, глядел со скрытой враждой, с затаенным гневом.

А издали, из-за завесы, прикрывавшей дверь в другие покои, на орлиный лик чужестранца не отрываясь взирала младшая дочь царя, тяжелокосая Медея. Странные чувства теснились у нее в груди: ей делалось то страшно, то сладко, как никогда. Сердце ее билось, тяжелые ресницы сами опускались на глаза, щеки пылали.

— О Геката, черная богиня, мать всякого волшебства, помоги мне! — шептала она. Но, говоря так, она уже знала, что помочь ей никто не может, что достаточно Язону потребовать — она забудет все на свете и покорно пойдет за ним всюду.

Долго думал Ээт. Попеременно то опасение, то надежда, то лукавство отражались на его лице, и весь он был похож на дремлющего в раздумье горного орла.

Наконец он открыл глаза.

Что ж, чужестранец, пожалуй... Тебе, как любезному гостю,

В дар драгоценный отдам я руно золотое.
Но перед этим ты должен нелегкое выполнить дело,
Подвиг великий тебе пало на долю свершить.
Есть здесь над Фасисом быстрым полынью заросшее поле,
Богу Аресу оно издревле посвящено,
Плуг и лопата его не касаются много столетий,—
Прадеды наших отцов нам рассказали о том.
Поле священное это ты бронзовым вспашешь оралом,
Но не простые волы тяжкий твой плуг повлекут.
Двух медноногих быков запряжешь ты в тугие постромы,
Тех, у которых огонь рвется из жарких ноздрей.
Поле затем ты засеешь не зернами тучной пшеницы —
Зубы дракона твоя пусть там размечет рука.
Быстро посев прорастет. Из трав, из-под горькой полыни.
Воины в медной броне встанут на пахоте той.
Ты же не острым серпом убирать будешь тучную жатву,
Должен ты с ними один выдержать яростный бой.
Если исполнишь урок — золотое руно за тобою,
Если погибнешь — пускай боги оплачут тебя!

Он сказал это и замолчал, снова закрыв глаза. Молчал и Язон, и все смотрели на него, ожидая, что он ответит.

Предводитель аргонавтов поднял голову.

— Пусть будет так, великий царь! — были его слова.— Ты видишь — я здесь. Значит, я сделаю все, что ты прикажешь. Но, смотри, не нарушай и ты своего обещания.

Чем Медея помогла аргонавтам

Задумчивые и смущенные, вступили аргонавты на шаткий настил своего корабля. Сомнение охватило их: урок, заданныйЭэтом, многим казался невыполнимым. Хмуро сидел на скамье, охватив колени, Мелеагр; в глубоком молчании Линкей разглаживал курчавую бороду; братья Бореады смотрели на Язона своими свирепыми глазами, готовые по первому его слову раскинуть веющие холодом крылья и мчаться, куда он прикажет.

Но вот заговорил пришедший на корабль сын Фрикса Аргос.

— Аргонавты! — сказал он.— Мне ведом один лишь путь, ведущий к цели. Царь Ээт — великий волшебник, и бороться с ним не сможет смертный. Но дочь царя, смуглая Медея, тоже умелая чародейка. Надо добиться, чтобы она стала на нашу сторону. Если это случится, мы преодолеем все...

Аргос еще не успел договорить, как в воздухе раздался легкий звон птичьих крыльев. Стремительный белый голубь промчался над мачтой корабля, преследуемый коршуном, нырнул вниз и в ужасе забился в складки плаща Язона, неподвижно стоявшего на носу. Коршун же, не рассчитав силы удара, разбился о сосновые доски палубы.

— Смотрите, смотрите! — закричал тогда прорицатель Мопс.— Разве вы не видите, какое счастливое предзнаменование послали нам боги? Голубь, любимая птица Афродиты, ищет спасения на груди Язона! Вспомните старца Финея, братья. Афродите пенорожденной должны мы приносить жертвы!

Так они и поступили. Аргос же отправился во дворец, где жила его мать Халкиопа.

Темная ночь клубилась в это время над Колхидой. Все уже давно спали в низинах, и на горах, и на морском берегу. Только в покое младшей дочери царя, тяжелокосой Медеи, тускло горел масляный светильник. Сидя на своем ложе, Медея широко открытыми глазами всматривалась в ночную тьму. Скорбные сомнения терзали ее сердце, и, ломая руки, она не понимала, что ей теперь делать.

Она знала, как суров и непоколебим отец ее Ээт. Она слышала, какой приказ отдал он своим воинам: «Как только погибнет Язон, сжечь чужеземное судно и всех, кто прибыл на нем в Колхиду».

Но едва глаза девушки смежал сон, перед нею вставал смелый герой в золотом шлеме, честно и прямо смотревший в глаза царю. Нет, не могла, не могла она допустить, чтобы Язон погиб!

И вот встает Медея со своего ложа. Босая, ощупью пробирается она по дворцу к своей милой сестре Халкиопе. Черные косы, как змеи, извиваются у нее за плечами. Смуглое лицо ее бледно; слезы катятся по щекам. Что делать? Спасти Язона — значит пойти против воли отца. Покориться отцу — погубить Язона...

Долго шепотом говорили между собой сестры; когда

же звезды стали меркнуть на утреннем небе и розовая Эос пролила первую краску зари на снега Кавказа, сквозь туман к берегу Фасиса прокрался сын Фрикса Аргос. Он принес своим спасителям великую радость: смуглоликая Медея покорилась велению Афродиты. Как только солнце взойдет, она будет ждать Язона в храме подземной богини, страшной владычицы тьмы Гекаты.

Не было во всем мире волшебницы искусней Медеи. Целую ночь при неверном свете масляного фитиля, горящего в створке морской раковины, готовила она чудотворную мазь из ведомых только ей трав. И когда наконец она смешала с другими травами ту, которая росла высоко в горах на крови несчастного страдальца Прометея, дивная мазь была готова: тот, кто покроет ею тело, станет на целый день не уязвим ни огнем, ни железом, ни медью. Тот, кто умастит ею свое тело с утра, остается до вечера непобедимым. Эту-то мазь и решила юная волшебница отдать герою Язону.

Утром в мрачном лесу, в храме Гекаты, страшной богини, именем которой греки пугали маленьких детей, в храме безликой Гекаты, царицы мучительных снов, владычицы ужасных ночных призраков, встретились впервые лицом к лицу Язон и Медея.

И как только они взглянули друг на друга, сердца их дрогнули. Потупясь, стояли они и не смели поднять взоры, потому что каждый почувствовал в груди великую любовь.

Тут научила Медея Язона своему колдовству. Ночью, говорила она ему, должен Язон омыться в волнах Фасиса и надеть на себя черные, словно ночной мрак, одежды. Потом надо вырыть глубокую яму на берегу реки, вдали от всех живущих. Над этой ямой нужно заколоть черную, как уголь, овцу, облив ее лохматую шкуру черным медом диких пчел. То будет жертва, угодная Гекате.

Затем пусть Язон идет на корабль. Сзади за собой он услышит вой псов, скрежет, шипение ядовитых змей, плач, стоны и угрозы. Но пусть он не обернется ни разу.

Когда же наступит утро, этой мазью Язон должен натереть все свое тело. Надо натереть и острое копье, и верный меч, и тяжелый щит.

— Тогда, о Язон, ты будешь непобедим. Иди, делай то, что поручил тебе Ээт. Но помни одно: как только зашевелится земля на пустынном поле Ареса, как только из нее, точно молодая поросль, покажутся острия копий и

медных шлемов — метни в их гущу тяжелый камень. Метни его и сражайся без страха: руно будет твоим. Ты увезешь его тогда куда захочешь. Да, ты увезешь его, Медея же останется здесь на вечную скорбь и муку, на нескончаемый страх и общее презрение...

Вздрогнул Язон, услышав эти слова. Ясным взглядом голубых глаз посмотрел он прямо в глубокие черные глаза колхидянки. Тоской и надеждой, стыдом и счастьем были полны эти очи. Они сказали все, что чувствовала Медея. И Язон понял их немую речь.

Только приземистые колонны в храме Гекаты, только черные кипарисы, точно на страже стоящие над ним, да любимые ночной богиней совы и нетопыри слышали, о чем и как говорили между собой молодые люди. Когда же ременные сандалии Язона стали скользить вниз по мелким камешкам тропинки, ведущей под уклон, Медея, выйдя из портала, направилась домой. И страшный черный пес Фобос, любимец юной колдуньи, не узнавая ее, обнюхал ноги своей хозяйки: так небывало радостно было ее смуглое прекрасное лицо, так, подобно двум черным звездам, сияли глаза, так легка казалась ее походка! Она шла, и ей хотелось то петь, то плакать: Язон, сын Эсона, обещал похитить ее, увезти с собой в далекую Грецию и сделать там своей женою.

Как Язон вспахал, засеял и сжал ниву Ареса

Вот и еще одна ночь покрыла горы, леса и болота Колхиды. Бледные сестры-лихорадки вышли из мокрых топей. Зловещие ночные птицы зигзагами заметались над полями. Вредоносные росы клубами поплыли над рекой.

В глухую полночь, облаченный в черную одежду, Язон один сошел к берегу Фасиса. Вырыв заступом глубокую яму, он пролил над нею кровь жертвенной овцы.

Тотчас вокруг раскатился гром. Казалось, сонные горы поколебались. С протяжным стоном расселась земля. Мертвый холодный ветер, крутясь, рванулся из трещин. А вслед за его порывом вышла из расселины великая богиня — Геката ночная, Геката подземная.

В высоко поднятых руках она держала горящие факелы, но свет их был бледен и неверен, как свет луны. Бледным было и ее лицо — только Язон, объятый страхом, не посмел взглянуть на него. Невиданные чудовища, драконы и змеи, клубясь, кишели у ног богини. Странные бледнокрылые призраки вились над ней. Вой, стоны, скрежет доносились из-под земли, и далеко вокруг, в платановых лесах Колхиды, послышались испуганные вопли: то милые девы-нимфы, хозяйки лесных ручьев и источников, разбегались в страхе, закрыв руками лица: все на свете трепещет перед черной богиней ночей!

Едва было не закрыл глаз ладонями и Язон. Торопливо повернулся он и пошел, чуть не побежал туда, где стоял на причале «Арго». Чьи-то руки тянулись сзади за ним, чьи-то холодные губы шептали ему в уши неясные призывы, слышались плач, смех, мольбы, но он не оглянулся ни разу. И лишь только нога его ступила на прочные сходни между медных уключин «Арго», как все, что слышалось и виделось ему, бесследно пропало.

В это время уже забрезжил рассвет. Закричали в лесах фазаны, первые ласточки пронеслись над рекой. Наступал день великого подвига.

Как только солнце взошло, Язон послал к Ээту Евфала и Мелеагра. Сгибаясь под тяжестью кожаных мехов, принесли они из царского дворца блестящие и белые, как пена моря, зубы дракона.

Язон же между тем уже натерся сам, натер и свое оружие волшебной мазью Медеи. И едва коснулось его стана чудотворное зелье, нечеловеческая сила напружила мускулы сына Эсонова. Ноги его — показалось ему самому — превратились в стальные столбы, руки стали железными клещами.

Вышел на палубу Язон и, видя, что шумная толпа колхидцев уже спешит вслед за царской колесницей к полю Ареса, приказал подплыть к тому берегу, где оно лежало, в тесной долине между высоких гор.

Царь Ээт остановил колесницу у самого подножья горных скатов. Сын его Апсирт, стоя впереди, держал в руке ременные бразды, а сам Ээт и с ним тысячи колхидцев смотрели вниз, ожидая, что же будет дальше.

И вот, словно порыв ветра, прокатился говор в толпе народа: то Язон вступил на заповедный луг. Вот он идет по нему, и его золотые доспехи горят как огонь в алых

лучах утреннего солнца. Все люди, не отводя глаз, смотрят на Язона, но пристальнее всех, вся дрожа от тревоги, глядит ему вслед высокая девушка там, у старого развесистого платана на горе. Черные косы тяжелой короной лежат на ее голове, тянут ее назад, рот ее полуоткрыт — какие заклинанья бормочешь ты, колдунья Медея?

А Язон, приминая росистую траву обутыми в медь ногами, уже пересек поле. Вот он нашел на нем огромный железный плуг и бронзовое ярмо, сложил их вместе и двинулся к дальней горе, туда, где в ее склоне чернел узкий проход в пещеру.

Но он не успел приблизиться к черному жерлу. Ахнул в страхе народ, закрыла руками лицо Медея: два огромных бурых быка с хриплым мычаньем, подобным шуму прибоя, ринулись навстречу смельчаку из пещерного мрака. Струи пламени хлещут у них из ноздрей, дым клубится следом за ними. Наклонив раскаленные рога, мчатся они на Язона. Но, шагнув одной ногою вперед, прикрывшись круглым щитом, ждет их герой — так гранитный утес ждет удара волны во время бури.

Налетели! Ударились рогами о щит! Отпрыгнув, кидаются снова и снова... Пыль и дым окутали место схватки... Когда же они рассеялись, из множества уст вырвался облегченный вздох, только царь Ээт гневно закусил губу: все увидели, что Язон уже запряг одного из быков в плуг и надевает ярмо на другого. Как ни отбивался страшный зверь, как ни дышал в лицо героя струями огня, скоро и с ним было покончено.

Громко крикнул тогда Язон и острием копья уколол быков так, как колет их пахарь своим надоедливым стрекалом. Рванулись с места гордые животные, глубоко врезался в землю тяжелый плуг. Длинными пластами отворачивается и падает взрезанная им земля; борозда за бороздой ложится вдоль Аресова поля. И горные пахари-колхидцы хвалят искусство небывалого землепашца в золотом шлеме.

Вот и вспахан дикий луг. Приняв из рук Мелеагра глубокий короб с зубами дракона, крупными шагами пошел по бороздам Язон, разбрасывая вокруг себя страшное семя. Скоро и этот труд был закончен. И пока утомленный пахарь отпрягал своих огнедышащих волов, пока грозным окриком загонял он их в пещеру, пока спокойной стопой сходил к берегу Фасиса, чтобы, зачерпнув шлемом воды, освежить запекшиеся уста,— пока все это

длилось, весь народ затаив дыхание взирал на черное поле.

Сначала все на нем было тихо, только ветер шевелил стебли исковерканных плугом трав да кое-где среди глыб земли ослепительно блестел не покрытый ею зуб дракона.

Но вот кто-то вскрикнул в ужасе. Над землей, точно пламя светильника, показался, проколов почву, кончик бронзового копья. Вот рядом с ним выдвинулся другой, третий, сотый... Словно медной щетиной вдруг поросло поле. Все чаще рассыпаются комья земли, все сильнее вспучивается она, будто огромные кроты роются под ее поверхностью,— и множество блестящих шлемов сразу поднялось над полем. Еще мгновение — из земли показываются головы; отряхиваясь, поднимаются руки, плечи, и тесный строй воинов плечо к плечу воздвигся над недавней пашней. До самых склонов гор стоят их закованные в медь ряды. Их лица гневны, они яростно размахивают мечами. Озираясь, они ищут дерзкого, который посмел создать их себе на горе. Вдруг один из них увидел Язона. С тяжелым звоном они все разом повернулись к нему, и поле застонало под их ногами, когда неодолимой лавиной, все, как один, сделали они первый шаг ему навстречу.

Но Язон не дрогнул. Что делает он там, на берегу реки? Он нагибается к земле... Подняв рукой огромный обломок скалы, он швыряет его через головы передних воинов в самую их гущу...

Тотчас все смешалось на поле Ареса. Словно одержимые богиней безумия Ате, ринулись медные воины туда, где упал камень. Каждый хочет овладеть им. Они кидаются друг на друга с мечами. Они пронзают один другого копьями, душат руками. «Мое сокровище, мое!» — хрипит тысяча ртов. Они не видят ничего, кроме камня... В то же мгновение яростным бичом обрушился на безумных Язон. Он налетает на них вихрем, пронзает одного, поражает другого, умертвил десятого, сотого. Кровь ручьями льется на землю, ноги воинов скользят в липкой грязи; они падают, умирают, и наконец Язон остается один на лугу, покрытом закованными в медь телами.

Тяжко утомился великий аргонавт. Еле переводя дух, стоял он и смотрел вокруг то на груды окованных медью мертвецов, то на горы, по которым в ужасе убегали вдаль

от страшного места колхидцы, то на царскую колесницу, уносящую во дворец разгневанного и испуганного Ээта.

Наконец все смолкло вокруг.

Тогда Язон ударил рукоятью меча в гулкий щит и медленно пошел навстречу своим друзьям — они уже бежали к нему с криками радости.

Ээт же, возвратясь во дворец, заперся в дальнем покое. Он твердо решил теперь не выполнять данного им слова и каким угодно способом погубить ненавистных аргонавтов.

Как Язон добыл золотое руно

ак только Ночь, богиня в черной одежде, накрыла землю своим широким плащом и погрузила ее во мрак, Язон незаметно спустился к дворцу Ээта. Он не хотел, чтобы другие аргонавты знали, как он достанет руно с помощью царевны Медеи.

Ночь была темна, только глаза дракона, стерегущего руно, светились во мраке, подобно тысяче звезд. Мерно шумело Эвксинское море, и волны одна за другой ложились на берег, шурша по песку.

Медея ждала Язона у белой ограды дворца. Она закуталась в темный плащ, распустила волосы по плечам, а на голову надела венок из волшебных маков. Схватив героя за руку, Медея сказала:

— Идем. Я колдовала весь вечер, и мать Геката послала на помощь нам могучего бога Гипноса. Он усыпит чудовище, а ты убьешь его без труда. Но помни, Язон: все это я сделала ради тебя.

Сказав так, она поспешила в священную рощу Ареса. Язон пошел за ней следом, выхватив острый меч.

Пока они шли, бог сна Гипнос, по просьбе богини Гекаты, спустился на землю, неслышно подкрался к дракону и брызнул маковым соком в его бессонные очи. Тотчас веки дракона смежились и звезды — глаза дракона — погасли одна за другой. В небе стало совсем темно, только роща Ареса светилась мерцающим светом: там на самом высоком платане висело золотое руно, и каждый его завиток сиял в темноте, как звезда.

При этом волшебном свете Язон разглядел чудовище, дремавшее под ветвистым дубом. Три головы дракона, как три скалы, покоились на чешуйчатых лапах. В морщинах его огромного тела гнездились летучие мыши, а зубчатый хвост гигантским кольцом опоясывал рощу. Дракон ужасно храпел, и ядовитая пена стекала с его отвратительных губ. Даже сама Медея, увидев чудовище, вскрикнула и отбежала назад. А ведь она была волшебница, дракон ей не мог повредить.

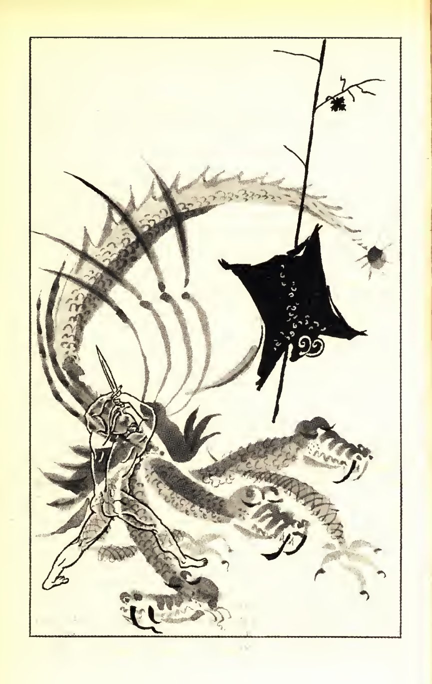
Но Язон не знал страха. Двумя руками он поднял над головою свой острый меч и трижды ударил дракона в том месте, где начинается шея. С последним ударом все три головы отскочили от тела, и кровь, горячая, как огонь, хлынула бурным потоком, сжигая мох и траву. Хвост в предсмертной судороге забил по земле, заметался, ломая столетние дубы, а когти вонзились в песок. Хорошо, что Язон успел отскочить, а то лапы чудовища раздавили бы его панцирь, как хрупкую скорлупу.

Но герой не стал ждать, пока прекратятся судороги безголового тела. Он бросился прямо к платану и снял с него золотое руно. Потом он вернулся к Медее. В сиянии золотого руна они не узнали окрестности. Половина деревьев в священной роще Ареса была повалена и разбита в щепки ужасным хвостом дракона. Его головы откатились на берег и лежали у самой воды, как три валуна, а из крови дракона образовалась река и, бурля, понесла свои волны к Эвксинскому Понту.

Перепуганная Медея прижалась к Язону. Тесно обнявшись, они побежали к «Арго». Все аргонавты сошли с корабля навстречу герою. Суровые воины радовались, как дети, волшебному блеску золотого руна. Они не могли им налюбоваться и, разглядывая, передавали из рук в руки.

Тем временем сладкоречивый Орфей взял кифару, сделанную из щита морской черепахи, и запел хвалебный пеан — гимн в честь богов. Однако Язон не хотел терять ни минуты. Он знал, что Ээт ни за что не отдаст золотое руно чужестранцам, и опасался, как бы коварный царек не заставил его навсегда остаться в Колхиде. Вот почему он приказал аргонавтам взойти на корабль и немедля отчалить от берега. А сам, обратясь к Медее, сказал:

Дева, удачи моей госпожой тебя сделали боги.
Трижды спасенный тобой, стал я навеки твоим.

Если тебе не противен супруг из Пелазгии дальней
(Хоть и безумье мечтать гостю о счастье таком),
Смело со мною взойди ты на палубу быстрого «Арго»,
В землю родную мою смело последуй за мной.
С нежной улыбкой ему отвечала младая Медея:
— Если не гонишь меня, всюду пойду за тобой.
Милый! По воле богов я навеки тебя полюбила.
Город, где ты родился, будет отчизной и мне.

Между тем аргонавты подняли парус и отвязали причал. Язон и Медея по крепким сосновым сходням взошли на палубу корабля. Парус хлопнул о мачту и с шумом наполнился ветром. Дружно ударили весла, запенились волны, и быстролетный корабль исчез в темноте.

Погоня

тром проснулся Ээт. Он сейчас же послал своих воинов в рощу Ареса. Злобный царек был уверен, что воины принесут ему череп и кости Язона, обглоданные драконом. Но воины с громкими криками возвратились к царю. Они уверяли все в один голос, что страшный дракон умерщвлен, а золотое руно пропало из рощи.

В ярости царь соскочил с постели. Топнув ногой, он обозвал посланцев лгунами и трусами, велел подать себе парчовую хламиду и, опираясь на посох, отправился сам к кораблю аргонавтов. Но там, где вчера стоял на причале священный корабль, бушевало теперь пустынное море. И «Арго», и аргонавты исчезли. Только выжженный круг от костра да несколько головешек чернели на месте их прежней стоянки.

Разъяренный Ээт вернулся к себе во дворец. На пороге дворца к нему кинулась Халкиопа, неодетая, вся в слезах. Халкиопа кричала царю, что Медея пропала,— наверное, и Медею похитили греки.

Ээт совсем обезумел от гнева и горя. Он выскочил из дворца и приказал снарядить в погоню за «Арго» четырнадцать кораблей, по семидесяти воинов в каждом. Жад-

ный царь бесновался, не зная, о чем ему больше жалеть — о похищенной дочери или о драгоценном руне.

Но пока Ээт ярился, «Арго» был уже далеко.

Весла героев дружно пенили море, парус вздувался от ветра, как белое облако, мачта гнулась, канаты скрипели. Налегая на весла, гребцы распевали победную песнь, радуясь ветру, несущему их домой. А Медея смотрела Язону в глаза и смеялась. Очарованная царевна забыла отца и сестру, рощу Ареса и черные скалы Колхиды,— так глубоко вонзилась ей в сердце стрела Эрота.

Уже розоперстая Эос-Заря давно слетела с небесного свода, когда корабли Ээта покинули гавань и ринулись в море. Тщетно их черная стая кружилась по водам Эвксинского Понта. Напрасно глаза Ээта искали добычи в пустынных морских просторах: они нигде не приметили паруса «Арго». Всюду, куда достигало орлиное зрение царя, он видел одни только волны. Валы громоздились то справа, то слева, гонялись один за другим и рассыпались в соленые брызги. Ни птицы, ни облака не было в небе. Лишь Гелиос-Солнце летел над водой в золотой колеснице.

Но солнечный бог не выдал царю корабль аргонавтов. Он молча правил квадригой своих огненогих коней. Тщетно Ээт простирал к нему руки. Гелиос не хотел раздражать Афину и Геру, которые охраняли Язона. И, кроме того, он любил свою внучку Медею больше, чем злобного сына.

Тогда Ээт пустился на хитрость. Он знал, что вернуться домой, в Элладу, греки могут только двумя путями.

Или они поплывут через пролив Геллеспонт, или на запад, по древнему Истру, ныне Дунаю, мимо мрачных стран, где водятся люди с собачьими головами. Обдумав это, Ээт разделил свой флот на два отряда. Первый отряд он сам повел к Геллеспонту, а второй, под начальством младшего брата Медеи Апсирта, отправил ближайшим путем к устью Истра. Куда бы теперь ни пришли аргонавты, они непременно попали бы в руки царя.

Между тем Язон, опасаясь погони, поостерегся плыть к Гелеспонту. Он повернул «Арго» как раз в ту самую сторону, куда направился Апсирт. С разных сторон враждебные корабли стремились к одной общей цели. И все зависело от того, успеет ли «Арго» войти в устье Истра прежде, чем подоспеет Апсирт.

Гибель царевича Апсирта

ного раз ночь спускалась на землю, прежде чем аргонавты увидели берег и подошли к островку неподалеку от устья реки. Могучие дубы и темные тополи дремали над самой водой. Прохлада и сумрак манили усталых гребцов, а в глубине густолиственной рощи виднелся храмик — четыре колонны из белого мрамора под плоскою кровлей.

— Мы очень устали,— сказали Зет и Калаид, поглядывая на остров,— а вверх по Истру придется все время грести. Сойдем на землю и отдохнем до вечерней зари.

— До ночи,— поправили Кастор и Полидевк.— В ночной темноте мы незаметно проникнем в реку, и царь Ээт никогда не узнает, куда мы пошли.

Язон кивнул головой. На одних только веслах герои вошли в неглубокую бухту, закрытую лесом и скалами с трех сторон, спустили смолистые сходни и вышли на сушу.

Ни о чем не заботясь, на время забыв о погоне, они разбрелись по лужайкам и рощам приветного островка. Гребцы разминали усталые члены, боролись друг с другом, стреляли из луков в румяные дикие яблоки, а Медея искала всюду волшебные травы, цветы и коренья.

Только мудрый Орфей со своею кифарой остался на берегу. Он сидел на прибрежной скале, потихоньку трогая струны, и старался понять, о чем говорят неумолчные волны. Со скалы ему виден был берег с устьем Истра, отделенный от острова нешироким проливом.

Вдруг Орфей быстро вскочил.

Аргонавты, только что задремавшие в роще на мягкой траве, пробудились от грома кифары. Золоченые струны не пели — они рокотали призывно и грозно, как в дни великих сражений. Сразу поняв, что случилась беда, Язон и другие герои бросились к Орфею и увидели вражеский флот, подлетающий к их островку на всех парусах. На носу переднего судна стоял молодой прекрасный воин. Острие его золотого копья сверкало на солнце, а на остальных кораблях щетинились копья колхидской дружины. Проскользнув между островом и материком, корабли повернули к берегу Истра и заградили дорогу священно-

му «Арго». Как ни могучи, как ни бесстрашны были герои Эллады, они хорошо понимали, что семь чужих кораблей без труда одолеют их легкий корабль.

— Что будем делать? — спросил Язон аргонавтов.

— Выйдем в море,— упрямо сказал Теламон и взмахнул тяжелым копьем.— Мы пробьемся сквозь их корабли.

— Не успеем,— ответил ему осторожный Тифий.

— Лучше биться на суше,— добавили Бореады.

— Нет,— проговорил Полидевк,— они уведут быстрокрылый «Арго» и оставят нас здесь без надежды вернуться домой.

— Все равно,— рассудил Мелеагр, сурово взглянув из-под шлема.— Нам осталось одно: победить или вместе погибнуть.

Но Медея по ярко горящим доспехам, по сиянию золотого копья узнала Апсирта. И в душе у нее загорелась надежда.

— Погодите,— сказала она аргонавтам.— Лучше хитрость, чем битва и смерть. Это только передовой отряд колхидского царя. ЦарьЭэт, мой отец, плывет позади на других кораблях. А царевич Апсирт доверчив и молод. Я его обману без труда. Только вы спрячьтесь в роще и не выходите оттуда, пока я вас не окликну.

Аргонавты одобрили мысль Медеи. Коварная дочь Ээта взошла на скалу и, притворно рыдая, стала громко взывать к Апсирту:

— Милый брат, не веди сюда свои корабли. Здесь у берега острые скалы. Видишь, «Арго» лежит на мели. Прикажи спустить паруса, или вы разобьетесь о берег.

Простодушный Апсирт, услышав Медею, поверил сестре и велел спустить паруса. А Медея кричала:

— Не губи меня, милый брат! Если ты со своею дружиной захочешь напасть на пелазгов, они растерзают меня раньше, чем вы доберетесь до них, а золотое руно бросят в море.

Апсирту показалось, что Медея говорит правду, и он закричал с корабля:

— Что же надо мне делать, Медея?

— Доберись до острова вплавь,— отвечала Апсирту сестра.— Вступи в переговоры с Язоном. Если ты пообещаешь пелазгам отпустить их живыми домой, он, наверное, отдаст тебе золотое руно и меня. Что же может он сделать еще? Ведь корабль Язона лежит на мели, а дружина слабее колхидского войска.

И, боясь, что Апсирт не решится приплыть к аргонавтам один, она зарыдала сильней.

— Что ты медлишь, милый Апсирт? Или хочешь, чтоб я погибла? Или мало того, что лукавые греки увезли меня силой из дома отца? Горе мне! Даже брат мой не хочет избавить меня от Язона.

Она так хорошо притворялась рыдающей и несчастной, что Апсирт перестал колебаться. Быстро снял он золотые доспехи, бросился в море и поплыл, рассекая руками лазурные волны.

— Видишь маленький храм в этой роще? — сказала Медея, когда он вышел на берег.— Это храм богини Артемиды. В нем тебя никто не посмеет тронуть. Ступай туда, а я приведу Язона.

И она побежала в рощу.

— Брат мой в наших руках,— с торжеством объявила она аргонавтам.— А покуда он здесь, никто из колхидского войска не поднимет меча против нас. Идите, договоритесь с Апсиртом.

Но Язон недоверчиво покачал головой.

— Если ты захотела вернуться к Ээту, я не стану держать тебя силой,— сказал он Медее.— Но никто не возьмет у меня золотое руно.

— Неразумный,— смеясь, отвечала Медея.— Неужели же ты поверил тому, что я обещала Апсирту? Я нарочно лгала, чтобы вернее его заманить. Отведи его пленником на корабль. Привязав его к мачте, мы выйдем в море, и ты занесешь над ним меч. Колхидцы подумают, что ты хочешь лишить его жизни, и под этой угрозой расступятся перед нами, потому что никто из воинов моего отца не захочет смерти царевича.

Так хитро предлагала Медея, но Зет и Калаид рассудили иначе. Они отозвали Язона в сторону и сказали:

— Не верь колхидской царевне. Она хитра и коварна. То, что она говорит, не годится для нас. Все равно царь Ээт догонит нас в Истре. А он жаден и зол. Он охотней пожертвует сыном, чем отдаст нам Медею и золотое руно.

— Что же делать? — спросил Язон.

— Лучше убьем Апсирта,— ответили Бореады.— А труп царевича бросим на берегу. Царь Ээт ни за что не уйдет от этого островка, пока не оплачет любимого сына по обычаям древней Колхиды. А колхидцы плачут над мертвым три дня и три ночи. За три дня мы успеем уплыть далеко.

Выслушав этот жестокий совет, Язон покачал головой.

— Нехорошо убивать беззащитного пленника,— возразил он.

Но другие герои считали совет Бореадов разумным.

— Лучше убить одного, чем многим погибнуть,— заметил Линкей.

— Ты жалеешь брата Медеи, а нас не жалеешь,— сердито сказал Теламон.

В тяжелом раздумье Язон отправился к храму Артемиды.

А Медея, не смея идти за Язоном, прилегла на траву у высокого дуба. Но как только ее голова прикоснулась к траве, мертвый сон одолел царевну. Опасаясь погони и мести отца, она не спала ни минуты с тех пор, как греки ушли из Колхиды.

Между тем Язон увидел Апсирта. Смуглолицый колхидский царевич стоял возле жертвенника Артемиды. В нетерпении он крутил и ломал дубовую ветку. Он был очень похож на Медею, только выше, сильнее и тоньше, и Язон почувствовал жалость при мысли, что этот красивый и стройный мальчик может так рано погибнуть.

Подойдя к царевичу, он сказал приятным и ласковым голосом:

— Юноша! Знай, что ты поддался на женскую хитрость и попался к нам в плен. Если твои корабли приблизятся к острову, мы убьем тебя без пощады. Но если ты повелишь колхидскому флоту, не трогая нас, уступить нам дорогу, мы причалим к берегу Истра и отпустим тебя на свободу. Выбирай же, что хочешь: жизнь или смерть.

— Верни мне сначала все, что украл у отца,— надменно ответил Апсирт,— Медею и золотое руно, потом говори.

Но Язон посмотрел Апсирту в глаза и спокойно сказал:

— Замолчи! Я не крал ни руна, ни Медеи. Золотое руно я увез потому, что выполнил все повеления Ээта, а Медея сама захотела уехать со мной.

— Ты собака и вор! — в гневе крикнул Апсирт и топнул ногою о каменный пол.— Приведи мне Медею. Я оставлю ее навсегда здесь, на этом пустом островке. Пусть погибнет от зноя и жажды за то, что она обманула меня.

Грозно нахмурясь, Язон схватился за меч. Но сейчас же отдернул руку.

— Не хотелось бы мне тебя убивать,— сказал он Апсирту.— Лучше миром закончим наш разговор.

— Не болтай бесполезного вздора,— сердито сказал Апсирт.— Позови мне Медею, пока я не кликнул своих и они не причалили к берегу.

— Берегись же,— сказал, отступая, Язон и выхватил меч.— Не вводи меня в гнев.

Но Апсирт засмеялся, с презрением взглянув на Язона.

— Ты не смеешь напасть на меня в этом храме. Человека, стоящего в храме, даже боги считают священным. Спрячь свой меч и исполни мое приказание. Что ж ты медлишь, лукавый пелазг? Я подам моим воинам знак, и, клянусь Аполлоном, ни один из твоих аргонавтов никогда не увидит Эллады!

Обезумев от гнева, Язон бросился на Апсирта. Не веря себе, царевич закрыл руками лицо. Он хотел отклониться, но тяжкий удар упал на его обнаженную голову. Пошатнувшись, он рухнул к ногам богини Артемиды, и подножие каменной статуи окрасилось кровью.

Так погиб надменный Апсирт.

Неподвижно смотрел могучий Язон на убитого юношу. Гнев и жалость боролись в его душе. Ведь он погубил любимого брата Медеи.

Но, зная, что мертвого все равно не воскресишь, Язон удалился из храма, взошел на скалу и, приставив ладони ко рту, закричал колхидской дружине:

— Слушайте вы, неразумные люди. Ваш царевич остался у нас. Если вы хоть немного приблизитесь к берегу, мы умертвим его без пощады. Лучше плывите к царю Ээту и расскажите ему, как вас обманула слабая женщина.

Услышав такие слова, колхидские воины подняли паруса и повернули назад. Ведь они ничего не знали о смерти царевича Апсирта. Они надеялись, что Ээт сумеет выручить царевича из беды. А аргонавты, по совету Бореадов, отрубили у убитого руки и ноги и запрятали их в разных местах островка. Греки знали, что царь Ээт не похоронит Апсирта до тех пор, пока не разыщет и не соберет воедино все части его юного тела.

Потом они подняли с земли крепко спящую Медею, отнесли ее на палубу «Арго» и потихоньку вышли в открытое море.

Встреча с псоглавцами

се случилось так, как предвидели Бореады. Царь Ээт со всем своим флотом приблизился к острову и сразу заметил тело Апсирта на черной скале.

Не помня себя от горя, он разодрал на груди одежду и проклял Медею. Он был уверен, что в смерти его сына виновна преступная дочь.

Два дня искали воины Ээта отрубленные руки и ноги Апсирта. Они рыскали по волнам вокруг островка, заходили в каждую бухту, облазали скалы и обшарили рощу. Только на третий день закончились поиски. Мертвого погребли возле храма Артемиды, в далекой чужой земле.

Между тем аргонавты свободно вошли в устье Истра и поплыли вверх по широкой реке. На рассвете второго дня пурпурные персты зари коснулись лица Медеи и разбудили ее от долгого сна. Этот волшебный сон послала Медее Геката. Богиня подземного мрака заранее знала о неизбежности смерти Апсирта. Гибель царевича ей предсказали неумолимые Мойры, богини судьбы. Геката любила Медею. Она не хотела, чтобы царевна видела мертвого брата. Вот почему она усыпила Медею на целые сутки.

Проснувшись, Медея увидела всех аргонавтов: и кормчего, и гребцов, и Язона, стоящего на носу корабля.

— А где же Апсирт? — в недоумении спросила царевна.

Ей никто не ответил. Аргонавты гребли в суровом молчании, а Язон упрямо смотрел в неглубокую воду.

— Где мой брат? — закричала Медея.— Куда вы дели его?

И опять ей никто не ответил. Весла сильными взмахами резали воду, пена, как змеи, шипела возле бортов корабля. И по согнутым спинам гребцов Медея вдруг поняла, что случилась беда. Она подбежала к Язону и, упав перед ним на колени, молила сказать ей всю правду.

— Брат твой остался на острове,— неохотно ответил Язон.

Он стоял перед ней неподвижный и грустный, с низко опущенной головой.

Царевна в страхе отпрянула от Язона. Аргонавты оставили весла, боясь, что она с отчаянья бросится в воду.

Но она, ничего не сказав и не глядя на них, добралась до кормы и опустилась на связку пеньковых веревок. Там сидела она целый день, обхватив колени руками, склонившись на них лицом.

До заката никто не сказал ни слова, точно смерть воцарилась на «Арго». Лишь когда опустилось в пучину багровое солнце, а над волнами встала луна, богоравный Орфей взял кифару и, ударив по струнам, запел. Нежный голос Орфея летел далеко над водой, тихо переливались звуки. Ветер упал, заслушавшись пеньем. Соловей умолк на ночном берегу. Волны перестали журчать под кормой и с рыданием биться о камни.

А по берегу Истра забегали быстрые тени. Это люди с собачьими головами, чудовища-псоглавцы, привлеченные пением Орфея, целой стаей примчались к реке.

Их острые морды тревожно нюхали воздух. С хрустом ломая высокие камыши, они бежали за кораблем вдоль берега в мелкой воде, удивленно размахивая руками и отрывистым лаем подзывая друг друга.

Но пловцы не смотрели на них и не слышали лая. Улыбаясь, внимали они певцу, и каждый из них вспоминал родную Элладу. Этот видел дымные рощи и светлые берега, тот — чудесные острова и высокие белые храмы, третий — горы над волнами синего леса. И Медея по воле певца забыла об убитом Апсирте. Только в темных глазах у нее еще не просохли недавние слезы.

Весла выпали сами собою из рук гребцов, а кормчий оставил кормило. Неподвижный корабль задремал у мели возле берега Истра.

Это сразу заметили псоглавцы. Скаля зубы и злобно рыча, они собрались на песчаной отмели. Их было великое множество. Они жались к воде, чуя близко добычу, но не знали, как переправиться на корабль. Наконец передние бросились в воду и поплыли к спокойно стоявшему «Арго».

Плеск воды, рычанье и лай оборвали вдохновенное пение Орфея. Он оставил кифару — чары волшебной песни покинули аргонавтов. Воины сразу схватились за весла. Но вокруг корабля вся река кишела телами чудовищ. Их свирепые морды одна за другой поднимались из волн. Волосатые руки с кривыми когтями хватались за борт и за весла. Зубы с лязгом вонзались и яростно грызли твердое дерево корабля.

Плечо к плечу Мелеагр и Язон рубили мечами. Кастор

и Полидевк били страшных чудовищ могучими кулаками, а Зет и Калаид поражали сверху тяжелыми веслами, между тем как проворный Тифий взялся за кормило, Евфал же поставил по ветру ослабевший парус.

Шум великой битвы на Истре разбудил молчаливые берега. Птицы, тучами поднимаясь из камышей, уносились на север с печальными криками. Звери в страхе бежали в леса и пустынные степи. Быстрокрылые чайки в тревоге кружились над древней рекой, почерневшей от крови.

А с берега к кораблю подплывали все новые стаи страшилищ, и уже по бортам карабкались вверх псоглавцы. «Арго», обвешанный сотнями тел, накренился к воде, и на палубе закипела кровавая схватка. Там, на носу, сражался с чудовищем Линкей. Здесь Язон, обхватив псоглавца руками, оторвал от настила его волосатое тело и швырнул его в Истр. Мелеагр возле мачты с трудом отбивался от трех псоглавцев, а Медея, дрожа, закрывала руками лицо. Видя гибель, грозящую Мелеагру, и боясь за Медею, Язон поспешил к ним на помощь. Точно молнией Зевса, разил он чудовищ мечом, и те рушились в воду одно за другим.

В это время спасительный ветер напружил парус. «Арго», вздрогнув, рванулся вперед и поплыл по реке, далеко за собою оставив рычащую стаю.

Видя, что им не догнать корабль, псоглавцы повернули к берегу. Выбравшись на песчаную отмель, яростные, разгоряченные запахом крови, они уселись на берегу и, вытянув морды к луне, завыли звериным воем. Долго еще их неистовый хор звучал в ушах аргонавтов, покуда и отмель и страшная стая не скрылись за поворотом реки.

— Видишь,— сказала Язону Медея,— это боги наслали чудовищ в наказание за то, что ты совершил злодеянье. Бойся грозных Эринний, Язон! Богини мести не оставят нас до тех пор, покуда кровью своей не искупим мы смерти Апсирта.

— Только бы нам вернуться в Элладу,— ответил Язон,— и отобрать у Пелия царство. А там я сумею умилостивить Эринний. Я поставлю им храм из паросского белого мрамора, и они помирятся со мной.

Как аргонавты спаслись от бури

ень за днем поднимался корабль аргонавтов против течения пустынного Истра. Мимо неслись берега, поросшие сумрачным лесом. Ни судов, ни людей не встречалось на этом пути.

Наконец аргонавты завидели горы, покрытые снегом, и дошли до истоков реки. Дальше некуда было идти. Пришлось волочить корабль по земле до реки Эридан, катить его по горе на сосновых катках, опускать вниз по обрыву и снова плыть по воде.

В тяжелой работе летели дни, покуда, пройдя Эридан и Родан, пловцы не достигли Тирренского моря у берегов безлюдной земли, которую много поздней люди стали называть Италией.

С веселыми криками выплыли аргонавты в открытое море. Но неприветливо встретило это море пловцов. Черные тучи нависли над самой водой. Злобный ветер завыл им навстречу. Волны вздулись, как горы, а сорванный парус упал на гребцов и едва не сбросил их в воду.

— Горе нам! — закричал Теламон.— Великие боги сговорились нас погубить!

— Это все из-за нашей колдуньи,— бормотал про себя Калаид.— Горе тем, кто связался с женщиной.

А Язон ответил сердитому сыну Борея:

— Помолись своему отцу. Может быть, он придет нам на помощь.

Но, как ни взывали к Борею Зет и Калаид, буря ревела вокруг с каждой минутой сильнее, черные волны бросали корабль то вперед, то назад, то к самому небу, то в бездну.

— Море требует жертвы,— сказал аргонавтам Зет.— Кому-то из нас придется погибнуть.

— Тот, кто прогневал богов, того мы и сбросим в море,— проворчал жестокий Калаид, взглянув на Медею.— Иначе все мы погибнем.

— Стыдись! — отвечал добродушный Евфал.— Лучше всем нам погибнуть, чем сбросить в море товарища.

— Помолись своему могучему деду, Медея,— задыхаясь от ветра, крикнул Язон.— Пусть он разгонит тучи.

Но, сколько ни молилась Медея великому Гелиосу, буря крепчала и выла вокруг в полуночном мраке. Соленые

волны совсем заливали корабль, он тяжелел от воды и погружался все глубже и глубже. Рук не хватало, чтобы вычерпывать воду.

— Клянусь Посейдоном,— воскликнул Зет,— сбросьте же в воду колдунью — и море утихнет!

— Сбросьте в воду Медею! — кричал и Калаид.— На гибель мы взяли колдунью с собою. Это она нам приносит несчастье.

И оба жестоких брата ринулись на корму, где, вцепившись в канаты, сидела Медея, мокрая с головы до ног.

— Назад! — загремел Язон, бросаясь к Медее на помощь.— Или вы первые свалитесь в воду.

— Назад! — сказал и Евфал, заслоняя Медею.

А Теламон повторял:

— Братья, не ссорьтесь. Простимся друг с другом. Теперь нам ничего не поможет.

В этом мгновенье молния прянула с неба, и послышался голос. Это священная голова богини Афины, врезанная в нос корабля, открыла свои деревянные губы.

— Плывите к острову Кирки,— сказал нечеловеческий голос.— Светлая дочь Латоны и Зевса, богиня Артемида, разгневалась на Язона за то, что он осквернил ее храм убийством Апсирта. Молите волшебницу Кирку-Цирцею очистить вас от греха.

Не замолк еще голос воительницы, как страшный белоголовый вал поднял корабль на хребте и погнал его в ночь с такой быстротой, что все аргонавты попадали друг на друга. «Арго» весь задрожал, заскрипел, затрещал от напора воды и с размаху врезался носом в песок. Буря мгновенно утихла, в разорванных тучах встала луна и озарила неведомый берег. Аргонавты спустились на землю, радуясь избавлению от смерти и забыв про недавнюю ссору. Но неприветливой показалась им и земля.

Черные скалы повсюду нависли над «Арго», теснясь одна над другой, как зубцы циклопической крепости. Дыры огромных пещер зияли и справа и слева. Вечною сыростью, холодом смерти веяло на героев из этих пещер.

— Это царство Гадеса,— сказали могучие Диоскуры, Кастор и Полидевк.— Это входы в подземный Тартар.

— Берегитесь Танатоса, демона смерти,— прибавил Орфей.— Не спите, потому что Танатос коварен и убивает во сне.

Но Язон отвечал:

— Лучше Тартар, чем бурное море. Дождемся рассвета.

Аргонавты бросили якорь и укрепили его в песке, чтобы волны не смыли корабль. Тесно прижавшись друг к другу, они забились под борт корабля, тщетно стараясь укрыться от холода. Руки и ноги их коченели, а зубы стучали. Утомленные бурею головы сами клонились на грудь, и веки слипались.

Видя, как трудно могучим героям бороться со сном, Мелеагр укрепил на мачте свой бронзовый щит и принялся колотить по нему рукояткой меча. Медным звоном будил он усталых товарищей, чтобы страшный Танатос не похитил их души во сне.

Как Язон и Медея очистились от греха у волшебницы Кирки

озоперстая Эос встала над морем, и солнце на огненной колеснице выкатилось из туч. Зоркий Линкей сейчас же приметил тропинку на черной скале. Но, приблизившись к ней, аргонавты увидели не тропинку, а подобие каменной лестницы, вырубленной в скале руками титанов. Тяжелые глыбы громоздились одна над другой до самого неба.

— Не ходите наверх,— сказал осторожный Тифий,— там живут великаны.

Но бесстрашный Язон возразил:

— Кто боится, пускай остается внизу. Я же взойду на вершину скалы и увижу, куда занесла нас судьба.

И герои в молчанье последовали за ним. Целый день поднимались они по гигантским ступеням, становясь друг другу на плечи и хватаясь за камни руками. Руки их срывались, а ноги скользили по гладкой скале.

— Что мы ищем? — твердили друг другу Зет и Калаид.— Куда мы стремимся? Чем карабкаться вверх к неведомой цели, не лучше ли нам возвратиться назад, сесть на «Арго» и выйти в открытое море?

Но Язон отвечал:

— Неразумны такие слова. Или буря напрасно прибила нас к этой земле? Кто из вас поручится, что там, наверху, не живет волшебница Кирка?

И опять аргонавты пускались в томительный путь через пропасти и провалы. А взойдя на вершину скалы, оглянулись на море, и «Арго» показался им меньше скорлупки лесного ореха.

Вдруг Линкей закричал:

— Там город, за лесом, внизу. Вижу, как поднимается дым над домами.

Герои спустились с горы и вступили в долину, залитую светом. Утонув по колено в траве, бродили здесь тонкорунные овцы, и пчелы жужжали кругом, привлеченные медом цветущих деревьев. В темных листьях висели повсюду золотые плоды.

У дороги стоял старый пастух, опираясь на посох, а тучные свиньи взрывали носами лиловую пашню.

— Чей это город мы видим вдали? — окликнул Язон пастуха.— И чей это храм из черного камня?

— Город наш,— ответил пастух,— а храм — беспощадных Эринний. Некогда здесь обитали циклопы. Они разоряли селения и пожирали людей. Но с той поры, как нашим народом правит волшебница Кирка, циклопы покинули остров и мир царит на земле.

— Слава великим богам! — воскликнул Язон.— Мы близко от цели.

И все повторили за ним:

— Слава великим богам!

Одни Бореады молчали, хотя и уверились, что роптали несправедливо.

Скоро заметил Язон и дом волшебницы Кирки, сложенный из тяжких камней на открытом и солнечном месте. Около входа лежали огромные горные львы и свирепые с виду волки. Завидев пришельцев, они поднялись, но без гнева, миролюбиво махая хвостами, ждали, покуда те подойдут. А из дома звучала приятная песня. Скрываясь за тканью, которою были завешены двери, волшебница пела, и тонкая ткань колебалась от ветра.

— Слышите голос? — сказал Орфей аргонавтам.— Кирка, наверное, молода и прекрасна. Она нам поможет.

Не успел он сказать, как ткань, отнесенная ветром, открыла незапертый вход и герои увидели Кирку. Удивленные, они отступили назад.

Мудрая Кирка сидела на троне, украшенном хитрой резьбой, величавая и седая. Ее иссохшие руки недвижно лежали на поручнях трона. Бесчисленные морщины избороздили ее лицо, такое древнее, как земля. Только глаза

божественной жрицы Эринней светились, как два драгоценных камня.

— Кто вы? — сурово спросила она аргонавтов.— Откуда пришли и чего вы хотите?

Звери, услышав ее слова, улеглись у порога, а Язон приблизился к входу с надеждой и страхом.

Но надежда героя была напрасна. Как только древняя Кирка узнала, что аргонавты умертвили Апсирта у жертвенника Артемиды, она отказалась и слушать Язона.

Тщётно он заклинал непреклонную жрицу очистить его от крови юного брата Медеи.

— Вы совершили ужасное злодеянье,— сказала волшебница Кирка.— Нет на земле вины тяжелей, чем убийство того, кто скрывается в храме и ищет спасенья у алтаря. Я давно живу на свете. Глаза мои видели Зевса еще молодым, но не случалось мне слышать, чтобы сестра заманила на гибель любимого брата. Оставьте нашу страну, вероломные чужеземцы. Я не хочу, чтобы ноги злодеев ступали по ее священной земле.

И, видя, что странники медлят, не в силах уйти, она повторила:

— Кто вы и как вас зовут? Вы рассказали мне все, а имен не назвали. Откройте же их, чтобы все люди знали, как называть осквернителей храма Артемиды.

Язон, потупясь, молчал. Не хотелось герою, чтобы имя его люди произносили с проклятьем, как имя злодея. С тяжким вздохом, не отвечая старухе, повернулся он, чтобы уйти. Но Медея, стоявшая сзади, смело приблизилась к трону. Кирка в недоумении смотрела на девушку, подходящую к ней без боязни. Вдруг она поднялась с высокого трона, пораженная блеском очей Медеи, и в волненье спросила:

Дева, по светлым чертам — ты дочь огнеликого бога,
А по сиянию очей — мне молодая сестра.
Гелиос только один такое сиянье дарует
Смертным глазам от него в мире рожденных людей.
Ни всемогущая скорбь, ни ядовитые слезы,
Ни смертоносный недуг — старости верная тень —
Солнечный этот огонь в глазах погасить не способны.
Кто ты, родная моя? Имя свое назови.
— Дочь я Ээта-царя,— отвечала старухе Медея.—
Гелиос, солнечный бог, дедом приходится мне.
Проклято имя мое, а если и ты не поможешь,
Братоубийцей меня станут в глаза называть.

Не успела она договорить, как древняя Кирка, дрожа, привлекла царевну к груди.

— Если и вправду ты дочь Ээта,— сказала она,— я не могу отпустить тебя, не очистив от преступления. Ведь я родная сестра царя Ээта и дочь великого Гелиоса. Боги давно предсказали мне, что незадолго до смерти услышу я вести о милой Колхиде.

Вымолвив эти слова, она сбросила с себя верхнее покрывало и взяла свой волшебный жезл. В то же мгновенье морщины исчезли с ее лица, вместо седых волос на плечи упали темные кудри, а сгорбленный стан распрямился и сделался гибким и стройным. С гордой улыбкой смотрела прекрасная Кирка на Медею и аргонавтов. А те отступили, пораженные превращением и светлой ее красотой.

— Не бойтесь и не дивитесь,— сказала волшебница.— Боги дали мне вечную юность бессмертных и мудрость старухи. Пойдемте же в храм и принесем священную жертву богиням мести.

Они отправились к алтарю беспощадных Эринний. Кирка там заколола ягненка и теплой жертвенной кровью омыла руки Язона, очистив его от свершенного им преступления. С души Язона упала великая тяжесть, а Медея первый раз после смерти Апсирта улыбнулась ему.

Но, прощаясь с Медеей, волшебница Кирка сказала:

— Даже я не способна совсем избавить Язона от наказанья. С тех пор как руки его омылись жертвенной кровью, люди не смогут ему отомстить за царевича. Но берегитесь богов. Совесть Язона до смерти не будет спокойна. Тяжкою будет ваша совместная жизнь. Много вы испытаете бед и лишений.

Остров Сирен

есмотря на такое печальное предсказание, аргонавты дружно и весело двинулись в путь. Как ни прекрасен был остров волшебницы, как ни чудесна долина, где царствует вечное лето, родная Эллада была им милей.

Быстро скользил их корабль мимо берегов плодородной Италии, и волны переливались под ним подобно серебряной чешуе. К вечеру над водой закружился

туман; несколько островков, похожих на встречные корабли, показались на горизонте. Но мгла опустилась до самой воды и скрыла островки от глаз аргонавтов.

Вдруг из тумана послышалось пенье. Звучные женские голоса́, сначала далеко, потом все ближе и ближе, все громче и громче, зазвенели в вечернем воздухе. В недоуменье переглянулись герои. Они не могли понять, откуда доносится пенье. Казалось, что им навстречу несется в тумане корабль, полный незримых певиц. И хотя аргонавты не слышали слов, им чудились в звуках мольба и тревога, жалобный нежный призыв.

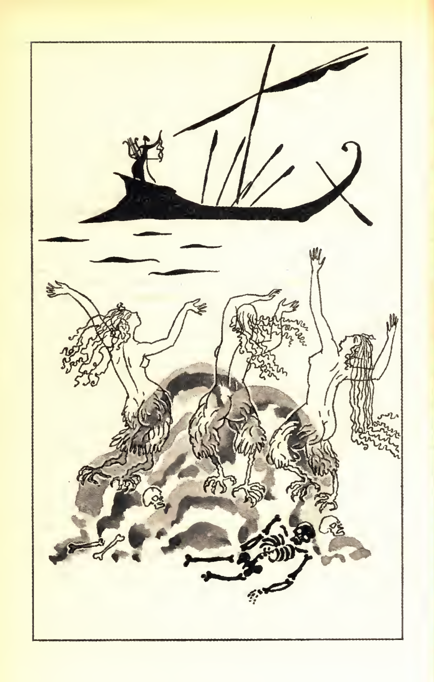
Это были волшебные звуки, они притягивали к себе аргонавтов, манили и звали корабль за собой. Сначала Орфей повернулся лицом туда, откуда слышалось пенье, и впился глазами в туман. За ним и Медея, откинув косы с ушей, прислушалась к песне, и юные Диоскуры, выпустив весла из рук, застыли в глубоком молчанье. А кормчий Тифий, оставив кормило, встал во весь рост и поднял правую ногу на борт, точно вздумал шагнуть через него в воду.

— Стойте! — сказал наконец Язон.— Это песня о смерти. Кто-то тонет в тумане и взывает о помощи!

По знаку Язона гребцы схватились за весла. Их бронзовые тела разом рванулись вперед, потом откачнулись назад, и «Арго», весь в пене и брызгах, понесся сквозь плотный туман на призывные звуки. Никогда еще аргонавты не гнали корабль с такой быстротой. Охваченные неодолимым желанием узнать, откуда звучит эта песня, гребцы забыли даже свою Элладу.

Нос корабля на быстром ходу прорезал туман, и навстречу ему точно всплыл из-под воды неведомый островок. У подножья этого островка кипели буруны, и острые рифы, скрытые под водой, грозили неосторожным пловцам. А на зеленой лужайке, у самых волн, были набросаны груды камней, и желтые черепа с пустыми глазницами повсюду валялись в траве.

Но аргонавты не замечали бурунов. Не видели они и костей. Сильными взмахами весел гнали они своей корабль прямо на рифы. Там на гладко обточенном камне, над самой водой, вполоборота к пловцам сидели три девы-певицы. Наполовину скрытые камнем, они манили к себе аргонавтов и пели волшебную песнь. Их волосы отливали на солнце то медью, то зеленью. Руки тянулись навстречу героям. Большие глаза, холодные, как глаза змей, не от-

рываясь следили за «Арго». И, повинуясь волшебному взгляду, кормчий Тифий направил корабль прямо на камень. Точно во сне он видел и рифы, и золотистую мель, но под действием чар ему казалось, что лучше разбиться о риф, чем уплыть от острова прочь, не упившись чудесным пеньем. То же почувствовали и другие пловцы. Только мудрый Орфей не поддался волшебству.

Встав на носу корабля в длинной волнистой хламиде, поднял кифару певец и по струнам рукою ударил. Мерно под ловкой рукой загремели согласные струны, страшных певиц голоса заглушая торжественным хором:

Стойте, герои Эллады, гребцы быстроходного «Арго»!
Или затем мы спаслись от погони жестоких колхидян,
Чтобы погибнуть в волнах, не достигнув Пелазгии
милой?
Разве не слышите вы, как ревут перед нами буруны,
Берег и скалы вокруг покрывая кипучею пеной?
Разве не видите вы: это остров Сирен смертоносных.
Бойтесь коварных сестер. Неизбежными чарами песен
Губят они корабли проходящих вблизи мореходов.
В море, отважный Язон! Удались от обители смерти.
Тот, кто увидел Сирен вероломных и ими пленился,
Тот ни седого отца, ни матери милой, ни братьев
В доме родном никогда не утешит желанным возвратом.
Злобные сестры Сирены до пояса так же прекрасны,
Как и богиня любви Афродита, рожденная морем.
Но не смотрите на них, не пленяйтесь их ложной красою:
Бедра волшебных сестер поросли отвратительной
шерстью,
А от колен, вместо ног, кривые орлиные лапы
Издавна служат у них безобразному телу опорой.

Так пел аргонавтам Орфей, и сами Сирены заслушались песни. Они не понимали человеческой речи, но голос певца казался им слаще и чище их собственных голосов. А звуки его кифары так удивили коварных сестер, что они замолчали, в недоуменье глядя на быстро идущий корабль.

Но как только пенье Сирен прекратилось, один за другим очнулись гребцы. Волшебные чары слетели с Тифия, как сон. Он грудью налег на кормило, и легкий корабль, едва не ударясь о камень, свернул на восток и помчался от острова прочь.

В страшном волнении Сирены спрыгнули с камня и вперевалку заковыляли к воде. Им так хотелось поближе взглянуть на Орфея, что они на минуту забыли и о своем безобразии. Но тут уж все аргонавты увидели и косматые бедра, и кривые птичьи лапы волшебных сестер. Могучим, презрительным смехом разразились тогда герои. Громко засмеялся Язон. Корчась от смеха, спутали весла Кастор и Полидевк. Схватился за голову смешливый Евфал, а Теламон обнял руками мачту, чтобы не опрокинуться в воду. Так уплыли герои от страшного острова. Сирены же, упав на траву, катались по ней и грызли друг друга в напрасной ярости.

Харибда и Скилла

Когда наконец аргонавты перестали шутить и смеяться, мудрый Орфей сказал:

— Часто издали люди считают прекрасным то, что вблизи уродливо и смешно.

И все согласились с Орфеем.

Но недолго герои вспоминали косматых красавиц. Впереди им послышался грохот волны, точно буря опять летела навстречу. Налево они увидали берег, а направо — огромный лесистый остров. Между островом и землей показался пролив, очень узкий и стиснутый скалами. С одной стороны слышался хриплый собачий лай, точно тысячи псов собрались на скале и делили добычу. С другой — грозно ревела пучина и с каждой минутой нарастала волна.

— Неужели опять мы вернулись к Эвксинскому Понту и попали в страну псоглавцев? — спросил Теламон.

Но ему никто не ответил, потому что никто не знал, что за остров виднеется сбоку.

Слыша грохот и лай, Тифий повернул налево. Он подумал, что псы на скале не очень опасны. Лучше плыть мимо них, чем попасть в ревущий поток.

Но как только «Арго» приблизился к левому берегу, Язон закричал:

— Правь правее, Тифий! Посмотри: это страшная Скилла.

Аргонавты взглянули наверх и увидели на скале отвра-

тительное чудовище. Шесть свирепых волчьих голов, разевая кровавые пасти с тремя рядами зубов, раскачивались над бездною. Они, как грибы на липовом пне, торчали пучком на одной извилистой шее. Двенадцать звериных лап со стальными когтями тянулись навстречу «Арго». Двенадцать горящих глаз неотступно следили за кораблем.

В страхе Тифий направил корабль к правому берегу. Но не успел он еще отойти от мерзостей Скиллы, как справа разверзлась огромная пасть другого чудовища. Волны бурным потоком хлынули прямо в разинутый зев, как в бездонную пропасть, увлекая корабль за собой.

— Назад! — закричал Мелеагр.— Гребите назад! Берегитесь Харибды!

Изо всех сил работали веслами аргонавты, борясь против яростного течения. Только чудом им удалось задержать корабль и причалить его к покрытому тиною рифу, внезапно поднявшемуся из волн, потому что Харибда втянула всю воду в свое ужасное чрево и море вдруг обмелело.

Оглушенные ревом прибоя, пловцы, как могли, держались за камень, а Харибда, раздув дрожащие ноздри, тянула в себя остатки воды, и пар поднимался над нею столбами.

— Как только чудовище выпустит воду обратно,— сказал аргонавтам Язон,— сразу беритесь за весла. Если нам не удастся пройти, покуда оно переводит дыханье, мы никогда не увидим Эллады. Ставьте же парус. Молите отца, Бореады, чтобы он нам помог.

Покамест он так говорил, волны с шумом помчались обратно. Это злая Харибда отрыгнула всю воду из чрева. Но гребцы уже были готовы: весла ударили по воде, парус с треском развернулся во всю ширину, и корабль, как стрела из лука Артемиды, пролетел мимо самих чудовищ. Долго слышали аргонавты, как лает им вслед свирепая Скилла, как ревет и фыркает в гневе Харибда, но теперь они были спокойны и, спустив парус, потихоньку гребли на восток, огибая гористые мысы. Так они миновали Мессинский пролив.

Планкты

днако впереди их ждало еще одно испытанье. Надо было пройти через Планкты — огромную сводчатую пещеру. В этой древней пещере царит темнота. Только узкая трещина в своде пропускает отблеск дневного света. В вечном мраке по кругу струится вода и воронкой уходит под землю. Вечно кружит она обломки судов, заблудившихся в этой пещере. А под морщинистым каменным сводом бушуют холодные вихри, день и ночь над волнами встают водяные смерчи. Никогда ни один мореход не прошел через Планкты. Даже голуби Зевса, которые, точно белые пчелы, носят на светлый Олимп амброзию — сладкую пищу бессмертных богов,— и те погибают под сводами Планктов, сбитые в воду смерчем.

Но аргонавты никак не могли миновать этой мрачной пещеры. Путь в Элладу лежал через страшный подземный проход.

Осторожный Язон поставил корабль на якорь у самого входа в таинственный грот, чтоб принести обильную жертву богиням Афине и Гере. Герои молили бессмертных богинь усмирить волненье в пещере. Однако богини молчали, а небо над «Арго» подернулось дымкой. Пришлось выжидать хорошей погоды и попутного южного ветра.

Только на пятые сутки очистилось небо. Свежий попутный бриз напряг парус. Корабль сам просился вперед, но аргонавты не трогались с места: они ожидали знаменья вечных богинь. Вдруг белый стремительный голубь пронесся над палубой «Арго» и опустился на мачту. Почистив носиком перья, любимая птица богов опять сорвалась с корабля и скрылась под сводом пещеры. Язон подумал, что голубя к ним послала Афродита, и поднял якорь, надеясь на помощь богини.

Корабль разбежался по зыбким волнам, как тень проскользнул в пещеру и очутился в подземном мраке. Грохот и гром совсем оглушили героев. Подхватив смоленое судно аргонавтов, волны швырнули его далеко от входа и погнали мимо базальтовых стен по бесконечному кругу.

То и дело приходилось пловцам нагибаться под выступом черного свода и отталкиваться от стен. С каждым кругом корабль приближался к центру пещеры, и ни вес-

ла, ни руль не могли его задержать. Все стремительней и короче становились круги. «Арго» падал в вертящуюся воронку, точно скользил по нарезкам винта.

В смертном страхе Медея прильнула к Язону. Прижав к себе плачущую царевну, Язон смотрел ей в глаза последний раз перед концом. Могучие Диоскуры, обнявшись, сидели у мачты. Они не боялись погибнуть, но им было горько и больно, что, умирая так рано, они не смогли совершить и половины тех подвигов, о которых мечтали с самого детства. А Мелеагр стоял на носу корабля. Скрестив на груди свои сильные руки, нетерпеливый герой думал, что если уж смерть неизбежна, то лучше погибнуть первым, чтобы не видеть, как тонут друзья.

Один только юный Пелей не верил в близкую гибель. Пелей еще не был женат, а боги ему предсказали, что у него от брака с подводной богиней родится герой Ахиллес, который прославит Элладу и имя отца. Пелей был уверен, что нимфы, живущие в Планктах, спасут его от губительных волн и увлекут за собою в подводный дворец. Он потихоньку молился богине любви Афродите, чтобы она напомнила нимфам о предсказании богов.

А «Арго» все несся и несся, точно в воронке, сужая круги; водяные смерчи, подобно чудовищным пальмам, вырастали у бортов корабля и с грохотом рушились прямо на палубу, обдавая героев соленой водой. Вот уже нос бессильного «Арго» повис над клокочущей ямой водоворота. Еще мгновенье — и он бы обрушился в бездну. Но вместо того чтобы падать носом вперед, корабль неподвижно застыл на волне. Внезапно настала глубокая тишина. Исчезли смерчи, и черные волны как бы подернулись масляной пленкой. Только далекие своды пещеры еще отдавали назад запоздалое эхо недавнего гула.

С радостным криком Пелей соскочил со скамьи. Он был уверен, что Афродита, услышав его молитву, смирила подземные воды. Он думал, что из воды навстречу к нему сейчас же всплывет сама морская царица и пригласит его на подводный пир.

Но юный герой ошибся. Не Афродита, а Гера смирила пучину. Это она упросила лазурно-кудрявого Посейдона спасти аргонавтов, и бог, взмахнув волшебным трезубцем, остановил вращение воды. Путь был свободен. Громко крича от восторга, аргонавты выбрались из пещеры по другую сторону Планктов. Теперь уже ничто не могло задержать их корабль на пути. К полудню герои завидели

радостный остров феаков, где правили народом добрый и справедливый царь Алкиной с прекрасной царицей Аретой.

Аргонавты у царя Алкиноя

а этом острове ждал аргонавтов заслуженный отдых. «Арго» вошел в Феакийскую гавань. Всюду бесчисленными рядами стояли стройные корабли. Бросив якорь у пристани, герои пошли во дворец к Алкиною.

Глядя на аргонавтов, на их тяжелые шлемы, на крепкие мускулы ног в блестящих поножах и на загар коричневых лиц, миролюбивые феакийцы шептали друг другу:

— Должно быть, это Арес со своей воинственной свитой шествует в дом Алкиноя.

А посмотрев на Медею, они прибавляли шутливо:

— А вот и красавица Афродита. Только на этот раз она родилась не из пены морской, а из сажи в кузнице бога Гефеста. Видите, как черны ее косы, как обветрена кожа. Должно быть, подземный огонь опалил ей лицо.

Так шутили веселые феакийцы, шумной толпою провожая героев до царского дома.

Гордо вздымался над людною площадью дом Алкиноя.
Медные стены блистали в переднем покое и были
Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали.
Вход огражден был дверями, литыми из золота. Кольца
И золотые замки украшали тяжелые створки.
Справа и слева от двери стояли у самого входа
Две золотые собаки искусной работы Гефеста.
Были бессмертны собаки, с летами они не старели,
Верно они стерегли крепкозданный дворец Алкиноя.
Всюду по стенам покоя тянулись удобные лавки,
Крытые мягким ковром в шерстяных разноцветных узорах.
А в гинекее дворца, возле мудрой царицы Ареты,
Вкруг очага, на скамье, пятьдесят рукодельниц сидели.
Рожь золотую мололи они жерновами ручными,
Нитки сучили и пряли умело прилежные девы.

Царь Алкиной приветливо встретил пришельцев. Он приказал отвести Медею на женскую половину дворца к гостеприимной Арете, а воинов пригласил к себе и устроил богатый пир. Шумной толпой вторглись в покой феакийцы. Всем им хотелось послушать рассказы героев. Но не успели гости возлечь на пышно украшенных ложах, как двери дворца распахнулись и в дом ворвались незнакомые люди.

Двенадцать чернобородых мужей с мечами в руках, гремя золотыми доспехами, торопливо прошли через зал и приблизились к Алкиною. Самый высокий из них, предводитель с седеющей бородкой и с глазами, горящими злобой из-под черных косматых бровей, свирепо взглянул на Язона, возлежащего рядом с царем. Быстро спрыгнул Язон с богатого ложа и могучей рукою схватил копье. Вслед за Язоном вскочили и все аргонавты, мгновенно готовые к битве. А бородатые воины, обступив своего предводителя, в ярости потрясали мечами.

Царь Алкиной с удивлением и гневом смотрел на эту безмолвную ссору. Если бы властным движением руки не удержал он врагов, бой завязался бы тут же, в дворцовом покое, между накрытых столов и бочек с душистым вином.

— Кто вы такие? — спросил Алкиной бородатых пришельцев.— Кто вам позволил врываться с оружием в мирный дворец и нападать на гостей посреди веселого пира?

— Я царь Ээт,— отвечал предводитель чернобородых.— А гости твои — бесчестные люди: похитители и убийцы. Стыдно царю укрывать их в своем крепкоzданном дворце.

И, повернувшись к Язону, Ээт потребовал, чтобы герой отдал ему Медею и золотое руно.

— Возьми, если можешь,— спокойно ответил Язон.— Только выйдем отсюда. Сразимся в открытом поле. Нехорошо затевать кровавую драку в светлых покоях дворца.

Череады же расправили черные крылья и яростно закричали:

— Чего же ты медлишь, Ээт? Пойдем и сразимся!

Буйные братья давно стосковались по войнам и битвам. Им надоело скитаться в морях и беспрестанно работать тяжелыми веслами. Они обрадовались неожиданной стычке; они горели желанием показать колхидской дружине искусство и силу греческих воинов.

Но Алкиной не хотел, чтобы дело дошло до сражения. Он успокоил Ээта разумною речью и потихоньку послал слугу за царицей Аретой, которая славилась не только своей удивительной красотой, но и великим умом. Узнав, в чем дело, Арета сейчас же явилась на пир.

— Выслушайте меня, великие воины,— с кроткой улыбкой сказала царица Ээту и аргонавтам.— Меч никогда не докажет правды. Лучше решите ваш спор справедливым судом. Изберите судьей царя Алкиноя. Он судит разумно и честно. Сами боги внушат ему правильный приговор.

С радостью принял Язон предложение Ареты. С той поры, как вещая Кирка сняла с него грех, Язон не боялся суда. Ээт же нахмурился и молчал. Он с удовольствием отказался бы от препирательств. Но, боясь показаться неправым, он мрачно взглянул на Арету и в знак согласия кивнул головой.

Гости опять возлегли за столы, и пир продолжался. Но он продолжался в молчанье, потому что враги не смотрели один на другого и, втайне сердясь, не хотели забавить царя Алкиноя приятной беседой. К полуночи все разошлись по разным покоям дворца и крепко заснули, потому что на скучном пиру выпили много вина.

Только царица Арета долго шепталась с Медеей в дальнем покое дворца. Все разузнав от Медеи, она поспешила к царю Алкиною. Судьба несчастной царевны тронула сердце Ареты, и ей захотелось помочь аргонавтам.

Царь Алкиной сидел у постели и в раздумье расчесывал гребнем волнистую бороду.

— Не знаю, как быть,— сказал он, взглянув на Арету.— Я молился богам, но они отвечают неясно. Афина и Гера хотят, чтобы я оправдал аргонавтов, а Артемида и Гелиос требуют им наказания. Как бы я ни решил, кто-нибудь из богов будет разгневан.

Подумав немного, он продолжал:

— Нельзя оставить Язону Медею. Вот если бы он женился на ней, тогда никто не мог бы разлучить жену с мужем. Но так как они не женаты, придется Медее вернуться к отцу.

— Так и решим,— улыбаясь, сказала Арета.— Ты хорошо рассудил, Алкиной!

Очень довольная тем, что узнала, она возвратилась к Медее, а царь Алкиной решил, что теперь ему не о чем думать, лег в постель и заснул, забыв даже вытащить гребень из бороды.

— Закутайся в плащ и разуйся,— сказала Медее Арета.— Я послала раба за Язоном.

Крадучись, вышли они в широкие сени дворца и, встретив у входа Язона, тайно от всех отправились в храм великой богини Геры, покровительницы семейного очага.

Плотно закрыв тяжелые двери храма, озаренного светом одного только факела, Арета сказала Язону о решении царя Алкиноя и спросила героя, хочет ли он взять себе в жены царевну, чтобы спасти ее от гнева отца. Язон крепко задумался, а Медея стояла с низко опущенной головой и в тревоге ждала ответа. Ведь она любила Язона больше всех людей на земле. Наконец Язон повернулся к Арете и сказал:

— Выслушай меня, добрая Арета, а ты, царевна, запомни мои слова. Я очень люблю Медею. Ради этой любви я взял ее на корабль. Но когда мы садились на «Арго», я был уверен, что боги помогут нам быстро вернуться домой и там отдадут мне наследство отца. Ведь Медея — царевна, и я не хотел жениться на ней, пока не верну свое царство. Но все случилось не так, как я думал. Не добрые боги, а злые, враждебные ветры несли мой корабль по волнам. Вместо мира и счастья скитанья и бури выпали нам на долю. Много дней прошло с той поры, как мы ушли из Колхиды, а у меня все еще нет ничего, кроме трости, щита и меча. Нет ни царства, ни дома, ни верной надежды их получить. Пусть Медея решает сама: пристало ли ей, царевне, скитаться с бездомным бродягой? Захочет ли царская дочь всю жизнь прожить с бедняком?

Тут Язон замолчал и с боязнью взглянул на Медею. А она протянула руки и прижалась лицом к холодным доспехам Язона.

— Довольно,— сказала царица Арета.— Я вижу, что злая судьба не испугает Медею. Отныне вы муж и жена, и никто не посмеет вас разлучить.

Утром Ээт со своею дружиной явился на суд к царю Алкиною, а вслед за Ээтом вошел и Язон.

Мудрый судья восседал на высоком троне в белых одеждах, по краю окрашенных в пурпур. Рядом с царем на высоких подушках сидела Арета.

— Слушайте волю богов! — возвестил Алкиной, обращаясь к колхидянам.— Могучий Язон честно исполнил все то, что приказал ему царь Ээт, и золотое руно досталось Язону по праву. Но царевну Медею похитили арго-

навты нечестно, и она вернется к отцу. Так решили великие боги.

Выслушав это решение, Ээт нахмурился и сказал:

— Плохой ты судья, Алкиной. Язон никогда не смирил бы быков, не посеял бы зубы дракона и не убил бы чудовища, если бы Медея не помогла ему колдовством. Он бесчестно украл у меня золотое руно, не свершив никакого подвига. Подвиги за него совершила Медея — значит, ей и принадлежит золотое руно.

И, видя, что царь Алкиной в смущении не знает, что отвечать, Ээт закричал со смехом:

— Боги всегда справедливы, Язон! Отдай мне Медею, а если не хочешь расстаться с проклятой колдуньей, верни мне без спора руно. Выбирай же, могучий герой, убивший дракона с помощью женщины! Ведь если тебя покинет Медея, ты потеряешь всю свою силу и не свершишь ни единого подвига.

Все колхидяне засмеялись. Довольные шуткой Ээта, они хохотали и скалили белые зубы. Но Язон покачал головой и сказал:

— Напрасно ты веселишься, Ээт. Ты не получишь ни руна, ни Медеи.

Услышав такие слова, Алкиной огорчился.

— Я судил справедливо,— сказал он герою.— Сами боги велели вернуть Медею отцу. Неужели ты хочешь нарушить волю богов?

— Нет,— ответил Язон,— не хочу. Но боги повелевают жене идти не за старым отцом, а за мужем.

— А Медея тебе не жена! — торжествующим голосом крикнул Ээт.— Приведи ко мне дочь, или я возьму ее силой.

— Нет,— ответил Язон.— Мы с Медеей муж и жена. Ни словом, ни силой ты ничего не возьмешь, потому что мы дали друг другу священную клятву перед мраморной статуей Геры.

— Кто свидетель клятвы? — спросил Алкиной, недоверчиво посмотрев на Язона.

— Кто свидетели клятвы! — насмешливо воскликнул Ээт.— Не верьте ему: он обманщик.— И, так как Язон молчал, Ээт повторил с торжеством: — Где же свидетели клятвы?

— Здесь,— сказала царица Арета, склонившись с высокого трона.— Я слыхала их клятву, и я повенчала их в храме. Разве мало вам слова царицы Ареты?

Царь Ээт, с горящими гневом глазами, как дикая кошка колхидских дебрей, бросился к трону, но, раздумав, повернулся на месте и пошел из дворца. Дойдя до дверей, он опять обернулся, поднял обе руки и сказал, задыхаясь:

— Будьте прокляты вы, ненавистные греки! Пусть никто из вас не увидит отчизны. А ты, Алкиной, да не ведаешь счастья во веки веков!

В страшном гневе он выскочил вон и, спустившись к своим кораблям, удалился в Колхиду. А царь Алкиной, очень довольный, что так хорошо для Язона окончился суд, устроил великий пир и до вечера слушал рассказы пловцов-аргонавтов. Отдохнув у приветливых феакийцев, герои отправились в путь.

Проклятье Ээта

Весело трепетал под ветром холщовый парус крепкодонного «Арго». День и ночь неустанно он резал лазурные воды, приближаясь к заветной земле. Наконец аргонавты завидели берег и вдали очертания Иолка.

Свежий ветер родины дышал им в лицо, доносил до них запах травы, только что скошенной поселянами Иолка, запах спелого винограда и тучной земли. Язон и Медея стояли на самом носу корабля. И счастливый герой любовался картиной знакомого берега.

— Видишь пристань и храм,— говорил он царевне.— А вон там между зелени плоская кровля. Это домик Эсона-царя. Там найдешь ты отца, добрее и лучше Ээта. А вот и высокий дворец коварного Пелия. Может быть, и помогут нам боги вернуть себе этот дворец.

— Возьми-ка кифару, Орфей,— просили певца Диоскуры.— С вольной песней влетим мы в родную гавань Язона.

Но, как только Орфей прикоснулся к кифаре, в лицо аргонавтам ударил порыв налетевшего с севера вихря. «Арго» вздрогнул и, закружившись на месте, повернулся назад. Накренясь к воде, он понесся от милого берега прочь. С диким криком Язон подбежал к снастям и мечом обрубил канаты. Парус шумно упал, но, подхваченный

вихрем, он унесся в открытое море. Водяное течение помчало корабль на восток и на юг, мимо берега изобильной Эвбеи, а оттуда к Пелопоннесу. Тщетно Кастор и Полидевк, Зет и Калаид, Мелеагр и Язон хватались за весла. Напрасно Тифий пытался налечь на кормило. Весла с треском ломались в упругих волнах, а кормило не слушалось кормчего.

Вот уже скрылся на западе Пелопоннес, вот уже мимо мелькнули высокие красные скалы, вот и рощи зеленого Крита остались за крепкой кормой, а немного спустя перед носом показался из пенистых волн неведомый берег. Неприглядный и плоский, засыпанный желтым песком, без единого кустика, без травы, он тянулся на многие стадии вправо и влево, как пустыня за дальним Египтом.

«Арго» примчало потоком к самому берегу, и он глубоко завяз в черном илистом дне далеко от песчаной косы.

Путешествие по пустыне

Проваливаясь по самое горло в вонючий и склизкий ил, аргонавты один за другим кое-как пробились сквозь эту трясину на берег. А Медею Язон перенес на руках. Но им было нужно вытащить на берег и корабль. Пришлось привязать к его носу, у киля, смоленый канат и, упираясь в землю ногами, тащить корабль, как волы тянут плуг. Ноги героев тонули в сыпучем песке по колено, мышцы на согнутых спинах и на руках вздувались, как горы, а корабль не двигался с места: он крепко увяз. Но герои не падали духом; все сильней и сильней налегали они на канат, покуда нос корабля не тронулся с места и, пропахав огромную борозду в илистом дне, не вышел на чистый песок. Только покончив с этой тяжелой работой, герои смогли оглядеться кругом.

Берег был настоящей пустыней. Лишь гребни сверкающего песка уходили в бескрайнюю даль. Вокруг корабля расстилалось два моря: сзади — лазурное, полное блеска и шороха волн, спереди — зыбкое, желтое море песков. И нигде даже зоркие глаза Линкея не заметили ни селенья, ни дерева, ни источника пресной воды.

— Это все из-за нашей Медеи,— молвил Калаид, толкнув потихоньку Зета. А Зет отвечал:

— Брат, ты прав, как всегда. Проклятье Ээта сбылось над Язоном. Никто из нас никогда не увидит родимой земли.

Так роптали Зет и Калаид. Да и всякий другой человек на месте скитальцев-героев стал бы, пожалуй, роптать. Но остальные аргонавты не впали в уныние.

— Полно ворчать, Бореады,— сказал Полидевк, а Кастор прибавил:

— Будь у меня такие же крылья, как у Калаида и Зета, я бы не стал горевать, а облетел бы пустыню и разыскал бы колодец с водой.

Однако дети Борея угрюмо молчали и только поглядывали один на другого.

Язон разделил аргонавтов на три отряда и разослал их в три стороны в поисках воды, наказав возвращаться к закату. Сам же с Медеей остался на берегу, чтобы набрать хоть ракушек на обед. Солнце клонилось к земле. но нагретая за день пустыня дышала невыносимым зноем, как накаленный бронзовый щит. Даже близость морской воды не спасала от этого жара.

Нагибаясь за ракушками к песку, Язон и Медея услышали плеск волны и шорох прибоя. Скоро прибрежный ил совершенно исчез под водой, и волны, поднявшись до берега, стали лизать корму корабля. Язон сейчас же сообразил, что, пользуясь этим приливом, «Арго» сможет пройти над илистой топью и вернуться в Элладу. Он стал кричать и звать остальных аргонавтов, чтобы те торопились назад. Но, затерявшись в песках, аргонавты не слышали крика: они ушли далеко. Между тем прилив подымался все выше и выше, точно волны хотели похитить «Арго» с земли.

Вдруг Язон и Медея услышали звонкие голоса. Шумный вал разбился о берег и оставил на мокром песке трех богинь в венках из подводных цветов. Это были прибрежные нимфы Океаниды. С веселыми криками гнались они одна за другой, но, увидев людей, удивленно остановились. Потом закутались, как в плащи, в свои зеленые волосы и подошли к Язону. Старшая из сестер спросила:

— Кто вы такие и как вы попали в пустыню?

— Мы — аргонавты,— ответил Язон.— Плыли на родину в Иолк, но по воле богов теченье снесло нас сюда. Если вы, бессмертные сестры, можете нам помочь, ука-

жите нам путь домой, и, вернувшись на родину, мы поставим вам мраморный храм.

— Ты хорошо говоришь, чужестранец,— молвили богини.— Не пытайтесь вернуться назад. В море грозит вам ужасная гибель. Лучше дождитесь на берегу, пока наша мать Амфитрита не распряжет своих белых коней. Тогда поднимите на плечи корабль и ступайте пешком по пустыне до самого края земли. Там вы найдете дорогу домой.

Сказав так, нимфы бросились в море и скоро пропали из глаз. Только что скрылись они, вернулись назад аргонавты. Язон передал им вещие слова нимф. Но никто из героев не знал, когда Амфитрита, седая жена владыки морей Посейдона, распрягает своих коней.

Аргонавты решили не спать ни днем, ни ночью. Присев на песок возле самого берега, они не сводили глаз с моря в тщетной надежде, что Амфитрита примчится к ним на своей колеснице. Но море казалось таким же пустынным, как и берег вокруг. А герои устали, и сон стал клонить одного за другим. Даже сам Мелеагр, бессонный охотник и страж, не выдержал и заснул тяжким каменным сном.

Долго спали измученные герои. Трижды волны налетали на берег и опять убегали назад, а они все лежали недвижно и не слышали шума воды. Вдруг Язон вскочил как безумный и бросился к морю. Он услышал сквозь сон призывное ржанье коня. Солнце только что встало из желтых песков, море было спокойно и тихо. Внезапно вода возле берега расступилась, отхлынула прочь, и на сушу из волн выскочил ослепительно белый конь с сияющей гривой и с глазами блестящими, как зеленые камни. Он взобрался на берег, уткнулся мордой в песок, громко фыркнул и вдруг, резвясь, понесся в пустыню. Язон понял, что это и есть волшебный конь Амфитриты. Он разбудил аргонавтов, и герои по шестеро в ряд взвалили «Арго» на плечи. Сгибаясь под тяжестью ноши, пошли они в том направлении, где скрылся подводный конь.

Утро скоро сменилось жарким, безветренным днем. Отвесные стрелы лучей, как раскаленное золото, жгли аргонавтов. Ноги вязли в песке, а тяжесть огромного судна давила и резала плечи. Мелкие камешки вперемешку с горячим песком забивались Медее в сандалии. Царевна старалась ступать осторожно, но непривычные ноги ее покраснели, стертая кожа потрескалась от жары, и песок обжигал ступни.

Ни конца ни края не было мертвой пустыне. Кроме шороха ног по песку, ни единый звук не тревожил ее безмолвия. И во всем безоблачном небе только пара орлов кружила под самым солнцем.

В полдень песок, накаленный до блеска, сделался белым, как снег. Он слепил глаза аргонавтам, а губы их почернели и запеклись от мучительной жажды.

— Язон! — говорила Медея.— Я не могу так идти. Ноги мои обливаются кровью. Лучше ляжем на этот песок и умрем.

Но Язон не отвечал ни слова. Он хорошо понимал, что, если Медея, поддавшись усталости, ляжет на жаркий песок, она уже больше не встанет. Солнце спалит ее жгучим огнем.

Аргонавты все шли и шли, не задерживаясь ни на миг. Наконец закатилось солнце, наступила короткая ночь. Но и ночью не стало легче. Даже мудрый и терпеливый Орфей забыл о своей кифаре. Жара иссушила горло божественного певца. В ночной духоте он брел, шатаясь под тяжестью корабля, и видел один только ровный сыпучий песок.

Так день и ночь, ночь и день шли они по пустыне, пока наконец Медея не обезумела от ужасной жажды.

— Язон,— прошептала она чуть слышно жесткими, как древесная кора, губами.— Я прокушу себе руку и выпью собственной крови, а потом напою и тебя. Ведь все равно мы умрем от жажды.

Но Язон и теперь не ответил. Он упрямо шагал вперед.

Бореады твердили, точно в бреду:

— Во всем виновата колдунья. Пусть она умирает в песке. Как только Медея умрет, удача воротится к нам.

— Замолчите,— ответили Диоскуры,— или мы силой принудим вас замолчать. Медея ни в чем не виновна, и всем одинаково тяжело.

— Мужайтесь! — хрипло пробормотал Линкей, точно ворон прокаркал.— Я вижу дерево и скалу. А что это падает там со скалы? Смотрите — ведь это вода!

— Ты бредишь,— сказал Мелеагр.— Я не вижу ни дерева, ни скалы. Ты просто спишь на ходу и видишь воду во сне.

— Нет, он не бредит! — в восторге крикнул Евфал.— Это правда вода! Я чувствую запах воды!

Вглядевшись туда, куда показала рука Евфала, арго-

навты увидели черную черточку пальмы на фоне бездонного неба, но так далеко, что глаза едва различали ее.

— Слушай, Язон,— молвил тогда Евфал, посмотрев на Медею.— Нам неудобно нести корабль по шестеро в ряд. С боков довольно и по пяти человек, а Теламон подопрет корму. Ты же возьми царевну на руки и неси возле нас. Видишь, она уже не может идти.

Так говорил он из жалости к бедной Медее. На самом же деле аргонавтам было очень трудно тащить корабль на плечах.

Язон с благодарностью посмотрел на доброго Евфала и подхватил Медею с земли как раз в ту минуту, когда она, пошатнувшись, едва не упала в песок. И вдруг по пустыне пронесся стремительный ветер. Влажный и мягкий, он освежил горячие лица героев.

— Море! — сказал Теламон.— Там за пальмою море! Этот ветер — морской!

Люди разом рванулись вперед, и Язон побежал, держа на руках Медею. Скоро они взобрались на высокий песчаный холм и увидели целый пальмовый лес на морском берегу. Между пальм росли и другие деревья, а с высокой скалы серебряной лентой сбегал водопад.

Сбросив корабль на песок, вперегонки пустились герои к скале и припали губами к широкой струе водопада. А Язон, зачерпнув горстями воду, оживил бесчувственную царевну. Аргонавты пили и пили и никак не могли утолить свою жажду, а когда наконец, опьянев от воды, они оглянулись, то увидели в двух шагах от себя обнесенный оградою сад.

Там деревья сгибались под тяжестью яблок, крупных, сочных и огненно-золотых. Между этих деревьев ходили прекрасные девушки в белых одеждах, а на мягком зеленом лугу, в глубине чудесного сада, стоял бородатый гигант и держал на плечах тяжелый небесный свод.

— Это сад Гесперид,— сказал аргонавтам Орфей.— Здесь растут золотые яблоки. А вот и мощный Атлант.

— Да,— отозвались из-за ограды прекрасные девушки,— мы — Геспериды, а это брат нашего отца Атлант. Чистый источник в скале, из которого вы напились, выбил мечом великий Геракл, когда приходил в нашу землю.

— Это добрые вести! — воскликнул Язон.— Мы дошли до самого края земли и отсюда вернемся в Элладу. Ведь именно так предсказали нам нимфы.

Озеро Тритона

тдохнув у приветливых Гесперид, рассказав Атланту о всех своих приключениях, аргонавты спустили на воду корабль и поплыли вдоль берега. «Арго» стремился на восток, а берег все время сворачивал на запад.

Поздно вечером добродушный Евфал сказал с удивлением:

— Посмотрите-ка, в этой стране солнце прячется на восходе: берег нас повернул на закат, а оно опять там, за нами.

— Что это за чудо! — сказал и Язон.— Я вижу знакомые пальмы. Вон и скала. Или лукавый Гермес отнял мой разум, или мы снова вернулись к земле Гесперид.

Тут только поняли аргонавты, что то, что они принимали за море, не море, а круглое озеро. Эта весть привела их в отчаяние. Но, по счастью, они увидели на берегу незнакомого юношу. Он стоял у воды и глядел в нее, точно в зеркало.

— Как пробраться отсюда в открытое море? — окликнул Язон незнакомца.

— Путь один,— отвечал незнакомец.— Молитесь Тритону. Это озеро бо́га Тритона, и, кроме него, никто не выведет вас отсюда.

Едва успев сказать это, юноша вдруг пропал, точно его и не было.

Не зная, как быть, аргонавты причалили к берегу. Тут разумный Орфей предложил поставить треножник в честь бога Тритона и принести ему тучную жертву. Так и решили. А пока остальные сооружали треножник, Мелеагр отправился в лес. Знаменитый охотник скоро нашел там оленя и, поймав, принес его на плечах к треножнику. Разожгли костер, закололи оленя и сожгли его мясо на ярком огне в жертву богу Тритону.

Жертвенный дым столбом поднимался к небу. Вдруг он рассеялся, и из пламени появился пропавший юноша. Ничего не сказав, он протянул из огня обнаженную руку к Евфалу и подал ему небольшой комочек земли, очень мягкой и липкой. Покуда Евфал с удивлением рассматривал странный подарок, жертвенный дым снова окутал огонь, и виденье исчезло. Аргонавты решили, что жертва

приятна Тритону, и снова поплыли вдоль берегов круглого озера.

Скоро они услыхали трубные звуки — точно кто-то трубил в огромный охотничий рог. Они повернули на звук и увидели бога Тритона. Он всплыл перед ними по пояс, с трезубцем в одной руке и с большой перламутровой раковиной в другой.

Бог трубил в эту раковину, как в рог, а трезубцем коснулся земли, и земля расступилась. Перед «Арго» открылся проход в Средиземное море. Но как только корабль миновал этот узкий проход, берега сомкнулись опять.

Великан Талос

нова «Арго» бежал по лазурному морю, и когда на заре аргонавты увидели остров, они сразу узнали Крит. Надо было зайти и набрать на дорогу пресной воды, запасы которой иссякли. Но причалить к острову оказалось не так-то легко.

На острове Крит правил в то время Минос — царь не менее жадный и злой, чемЭэт.

За долгую жизнь Минос накопил несчетные груды сокровищ. Он дрожал над ними, как скряга, и вечно боялся, что его обворует чужестранец. Но особенно подозрительным сделался он недавно, после того как придворный зодчий Дедал улетел от царя вместе с сыном Икаром на искусно сделанных крыльях. Не доверяя никому, Минос запретил чужеземцам подходить к берегам благодатного Крита и, чтобы никто не нарушил запрета, поставил сторожа на берегу, великана Талоса.

Талос был не простой великан. Он был выкован из меди Гефестом-искусником, богом огня. Но Гефест вдохнул в его жесткое тело живую душу, и гигант ел и пил, слышал, видел и говорил, как другие люди. День и ночь шагал он по Криту на медных ногах, сотрясая весь остров, и швырял обломками скал в корабли, проходившие мимо Крита.

Как только «Арго» приблизился к острову, великан появился из-за горы и закричал медным голосом, чтобы

пловцы убирались подальше. Для подкрепления своих слов он швырнул в их корабль увесистую скалу. Плоская глыба звучно хлопнула по воде и, подскакивая, как ловко пущенный камень, перепрыгнула через «Арго». Потом она потонула в волнах. А гигант кривлялся и хохотал, ужасно довольный своим искусством.

Несмотря на такую угрозу, аргонавты не повернули назад, но по-прежнему плыли к берегу.

— Не бросай в нас камнями! — кричали они.— Мы нуждаемся в пресной воде. По закону гостеприимства ты не смеешь нам отказать.

Но Талос и знать не хотел о законах гостеприимства. Одну за другой, раскачивая, кидал он глыбы, и Тифий едва успевал увертываться от них.

— Придется уйти без воды,— заворчали всегда недовольные Бореады.— И тут несчастье преследует нас...

Но Медея, заранее знавшая, чем закончится речь Бореадов, не дала им договорить до конца.

— Постойте,— сказала она,— дайте мне бронзовый щит и вина. Я придумала, как усмирить великана.

Язон принес ей свой щит, а Диоскуры разрезали кожаный мех с вином, подарок Атланта, и вылили в перевернутый щит, как в огромную чашу. Медея же подмешала в вино снотворной травы, которую собирала на маленьком островке в день убийства Апсирта, и, став на носу корабля, закричала:

— Не сердись на нас, добрый Талос! Мы хотели угостить тебя нектаром, сладким напитком богов. Тот, кто вкусит священного нектара, станет бессмертным, как боги. А в обмен за бессмертье ты дашь нам немного воды.

Глуповатый Талос подумал, что стать бессмертным не так плохо. Он перестал швырять камнями и побрел по колено в воде навстречу гостям за обещанным угощением. Огромным глотком осушил он весь щит Язона и, причмокнув от удовольствия, облизал свои медные губы.

— Дай еще,— попросил он Медею.

— Нет,— сказала Медея,— если ты выпьешь еще хоть глоток, то сейчас же умрешь. Будь доволен, что стал бессмертным, и принеси нам воды.

Талос скорчил хитрую рожу и засмеялся.

— Разве я обещал принести вам воды? — отвечал он, смеясь.— Уходите-ка подобру-поздорову, или я запущу в вас вот этой горой.

— О как ты хитер и коварен! — сказала Медея.— А

мы-то надеялись, что ты добрый и справедливый гигант.

— И ошиблись,— ответил Талос, улыбаясь до самых ушей.— Я ужасно хитер и коварен. Хитрее меня нет никого на земле.

И он зашагал к берегу, распевая хвалебную песню о хитрости и уме бессмертного Талоса. Но не успел еще медный хвастун выйти на берег, колени его подогнулись, а веки закрылись. Он ткнулся лицом в песок и захрапел на весь остров.

— К берегу! — закричала Медея.— Убейте его, покуда он спит.

— Как это сделать? — спросил Теламон.— Ведь медную шею не перерубишь мечом.

— Убить его просто,— ответил мудрый Орфей, который знал все на свете.— У Талоса в теле одна только медная трубка, по которой течет волшебная кровь, как по жиле. Эту жилу Гефест заткнул золотым гвоздем. Если вытащить гвоздь, кровь прольется на землю и криводушный гигант умрет.

Не дослушав Орфея, Язон прыгнул в светлые волны, быстро доплыл до берега, вытащил гвоздь из темени великана, и жидкая лава, вместо живой человеческой крови, потекла из отверстия в море. Вода закипела, над морем поднялся пар, а медный гигант превратился в огромную медную гору, очень похожую на лежащего человека. Аргонавты же набрали воды и ушли от острова Крита.

Возвращение в Иолк

чень скоро приплыли они в Эгейское море. А из этого моря не так уж далеко до Иолка. Как-то в полдень Евфал сидел на корме, отдыхая от гребли, и рассматривал высохший черный комочек земли, полученный им от Тритона.

— Вот и все мое царство,— шутя говорил он Язону.— Больше у меня нет земли. Придется мне обратиться в букашку, чтобы править страной, что лежит у меня на ладони. Ты счастливец, Язон, по сравнению со мной: у тебя есть надежда вернуть себе царство отца, а у бедного аргонавта Евфала и этого нет.

Тут Евфал размахнулся и выбросил в море бесполезный комочек земли. Но покуда комок летел над водой, он сделался величиною с лепешку, а упавши на волны, начал расти с удвоенной быстротой. Сначала он стал размером как шкура барана, потом — как бычья, потом сравнялся со скалой и наконец превратился в прекрасный остров Каллиста. Из черной земли, на глазах у героев, полезли иголочки свежей травы, потом появились кусты. Кусты превратились в деревья, и скоро тенистые рощи покрыли чудесный остров, а недалеко от берега вырос город с дворцом и храмом, с широкой людною площадью и с пристанями на берегу. Народ теснился на пристани, манил к себе корабль аргонавтов и громко кричал:

— Евфал, Евфал! Это добрый наш царь Евфал вернулся из дальних странствий!

Так, по милости бога Тритона, Евфал сотворил себе целое царство из комочка волшебной земли. Язон не хотел завидовать счастью Евфала, но, удаляясь от нового островка, он все-таки был задумчив и грустен.

— Вот,— говорил он Медее,— я целую жизнь гонюсь за моим потерянным царством и рыщу по бурным волнам, а беззаботный Евфал нашел себе то, чего не искал. Наяву получил он такое великое счастье, о котором не смел мечтать и во сне.

Чем больше думал об этом Язон, тем сильнее хотелось герою вернуться на родину в Иолк и развернуть перед Пелием золотое руно.

Как Пелий обманул Язона

аленький домик обиженного царя Эсона обветшал, потемнел от времени. Крыша его покосилась, плющ занавесил открытые двери, а возле самого входа разросся бурьян. Даже каменные столбы строения потрескались и осели.

Ни раба, ни собаки не было у Эсона. В страшной бедности доживал он свои последние дни. Сам ходил к колодцу с разбитой амфорой, сам варил на углях похлебку из темной муки. Беспокойный, как все старики, Эсон поднимался до света и, кряхтя, вылезал на порог своей убогой лачуги. Неподвижный и старый, сидел он здесь целые дни, поджидая Язона, и ящерицы, обманутые его

неподвижностью, шмыгали возле царя, взбегали по складкам одежды к нему на колени и, растопыря короткие лапы, заглядывали в лицо старику блестящими маленькими глазками. А он все сидел и дремал, уронив бородатую голову на бессильную грудь.

Вдруг старику сквозь дремоту послышались голоса. Он поднял голову и чуть не ослеп от яркого блеска. Прямо к нему, шагая через бурьян, приближался прекрасный и статный воин об руку с женщиной удивительной красоты. Воин нес золотое руно, перекинув его через согнутый локоть, и оно блестело на солнце, как солнце.

Тихо ахнул Эсон. Торопясь обнять любимого сына, он протягивал руки, хотел подняться с земли, но ноги его подгибались, и руки дрожали. С радостным криком Язон подбежал к старику. Он упал перед ним на колени, отшвырнул золотое руно, обнял старика за плечи могучей рукой. А Эсон, не веря глазам, то смеялся, то плакал от счастья. И Медея тоже не знала, смеяться или плакать на пороге убогой хибарки, где ждала ее новая жизнь.

Видя, как дряхл и бессилен отец, Язон на руках отнес его в дом, а Медея зажгла огонь в очаге и стала готовить похлебку. Скоро приветливый дым заклубился над домом Эсона; вкусный запах похлебки поплыл из дверей, чисто вымытые амфоры и чаши наполнились светлым вином из бурдюка, подаренного Язону Евфалом.

Поручив Медее отца, Язон отправился к Пелию. Было раннее утро, но жители Иолка, разбуженные нежданною вестью, уже покидали дома, толпились на улицах и шумели.

— Смотрите, Язон возвратился,— говорили они.— Он не погиб в далекой Колхиде. Он привез золотое руно. Придется старому Пелию уступить ему трон.

Пелий вышел к Язону заспанный и сердитый: зная суровый характер царя, рабы не решились сказать ему о возвращении героя.

Но Пелий сразу узнал гостя. А когда он увидел в руках у Язона золотое руно, с него соскочил всякий сон. Большие глаза царя заблестели. Неужели придется возвратить Язону отнятый трон? Притворяясь равнодушным, Пелий сказал:

— По рассказам я думал, что это руно гораздо красивее и богаче. Чего не скажут глупые люди! Ты хорошо поступил, Язон, что исполнил желание Фрикса. Теперь душа его успокоится в мрачном Аиде. Пойди и повесь

руно в храме. Отдай его в жертву богам, и великие боги наградят тебя за хороший поступок.

Видя, что аргонавт не тронулся с места, Пелий спросил с деланным удивлением:

— Что же ты медлишь, Язон? Или ты хочешь оставить себе золотое руно и отклонить награду богов?

— Перестань притворяться,— сказал с возмущением Язон.— Не боги, а ты обещал мне награду. Возьми золотое руно и верни мне царство Эсона.

— Я не могу принять от тебя золотого руна,— поспешно ответил Пелий.— Боги явились мне в сонном видении и повелели повесить его в храме Ареса за то, что ты погубил в Колхиде его любимых быков и тысячеглазого змея. Ступай же! Исполни веленье богов. А я тебе ничего не должен.— Но про себя он подумал: «Меня назовут глупцом, если я променяю царский престол на баранью шкуру, хотя бы она и была из чистого золота».

В страшном гневе Язон едва не убил обманщика Пелия. Но ведь Пелий был его дядей, и Язон боялся новым убийством разгневать богов. Он ушел из дворца, хлопнув медною дверью так, что стены дворца зашатались, а двери попадали с петель.

— Не печалься,— сказала Язону Медея.— Я придумала, как избавиться от царя. Подожди только несколько дней, потому что у нас с тобой должен скоро родиться ребенок, и я не хочу колдовать, пока он еще не родился.

Между тем царь Пелий решил задобрить Язона. Он прислал к нему каменщиков и древоделов, чтобы те перестроили заново обветшалый домик Эсона, и в подарок пригнали Язону целое стадо коров, быков и баранов. Пригласив аргонавтов к себе, Язон и Медея мирно жили в родительском доме до тех пор, покуда у них не родилось двое детей. Оба мальчика были толстыми и здоровыми детьми, и родители крепко их полюбили.

Теперь Медея могла колдовать без боязни повредить детям волшебными чарами. Прежде чем начать колдовство, она отправилась во дворец к дочерям лукавого Пелия и сказала царевнам:

— Одолжите мне ненадолго большой медный чан.

— А зачем тебе чан? — тотчас спросили дочери Пелия по привычке, свойственной всем девушкам.

— Царь Эсон очень стар и бессилен,— отвечала Медея.— Я сварю волшебное зелье, чтобы сделать его молодым.

— О! — сгорая от любопытства, закричали царевны.— Позови нас, когда начнешь колдовать. Мы хотим это видеть.

— Хорошо,— ответила Медея и отнесла чан домой.

Дождавшись ночи, она разулась, распустила волосы по плечам и пошла за город, на волшебное место, где сходятся три дороги. Там собрала она колдовские травы и, став на распутье дорог, три раза прокричала совой. Тотчас послышались грохот и гром, и богиня подземного мрака Геката примчалась к Медее по воздуху в огненной колеснице, запряженной драконами.

Молнии сыпались из кровавых ноздрей драконов, и пар валил клубами из их ушей. А от кожаных крыльев чудовищ поднялся такой вихрь, что деревья в лесах застонали.

— Какая гроза! — говорили жители Иолка и прятались по домам.

— Мать Геката,— сказала Медея богине.— Дай мне силу и уменье сделать Эсона бодрым и молодым.

Не ответив ни слова, Геката три раза коснулась Медеи волшебным жезлом и умчалась назад.

Медея вернулась домой, позвала царевен, спрятала их за кусты, разложила костер и, повесив чан над огнем, стала варить колдовское зелье. Как только вода закипела, желто-зеленая пена, шипя, потекла через край на горячие угли. Царевны визжали от страха: им казалось, что это не пена, а змеи шипят на углях. Там, где пена коснулась травы, вся земля запестрела цветами, круглыми и сверкающими, как маленькие яркие щитки.

Медея все время мешала зелье сухою веткой смоковницы, приговаривая таинственные слова.

Вдруг царевны увидели, что мертвая ветка покрылась свежими почками, через миг на ней появились зеленые листья, и она зацвела в руках у Медеи. Еще через миг на месте цветов созрели прекрасные смоквы. Пораженные чудом, царевны вылезли из-за куста, а колдунья сказала:

— Зелье поспело — пора начинать.

Она вошла в дом и, как маленького ребенка, принесла на руках мирно спящего Эсона — таким он стал легким от старости. Серповидным ножом она надрезала горло Эсону, выпустила на землю всю его старую темную кровь и влила ему в жилы волшебное зелье. Сразу же рана на горле исчезла, белые кудри царя потемнели и

сделались черными, а на сморщенных, желтых щеках старика появился румянец и морщины разгладились. Старец Эсон казался теперь младшим братом Язона.

Царевны без памяти бросились во дворец, но сейчас же вернулись обратно. Они умоляли Медею дать им немного волшебного зелья.

— Мы очень любим нашего отца,— говорили царевны,— а Пелий немного моложе Эсона и скоро умрет. Дай нам волшебного зелья, чтобы он стал молодым.

— Подождите, пока он заснет,— посоветовала Медея.— Ведь во сне вам будет гораздо легче надрезать ему горло.

Царевны ушли, а Медея вылила зелье на землю и сварила в котле ядовитые травы. Потом она позвала царевен.

— Берите,— сказала она.

Царевны с трудом подняли тяжелый чан, переполненный ядом. Едва дождавшись, чтобы Пелий заснул, они схватили зазубренный кухонный нож и, из великой любви к отцу, перерезали ему горло. Но, сколько ни лили они на рану яд из котла, Пелий не становился моложе. Напротив, он весь почернел от яда. Долго ждали царевны, пока проснется отец, но, видя, что он лежит неподвижно, принялись его тормошить и только тогда догадались, что своими руками убили отца.

Так погиб вероломный Пелий за то, что он обманул Язона и не вернул ему царство отцов.

В ночь колдовства Медеи Язона дома не было. Только утром услышал он об убийстве, о котором кричал весь город. Вернувшись домой, он стал укорять Медею:

— Плохо ты сделала. Или ты думаешь, что судьба не накажет тебя и меня за это новое злодеянье?

— Успокойся,— возразила Медея,— ни ты, ни я пальцем не тронули Пелия. А если его безумные дочери по доброй воле убили отца, значит, на них и падет проклятие Эринний. Мы же получим царство и хорошо заживем.

Но Язон покачал головой и сказал:

— Злодеяние никогда не приносит счастья. Боюсь, что нам будет не лучше, а хуже.

— Тебе ли говорить такие слова? — в сердцах отвечала Медея.— Разве не ты погубил Апсирта?

— За это я и страдаю,— угрюмо сказал Язон и в первый раз в жизни поссорился с Медеей.

Но все-таки он пошел во дворец, чтобы потребовать себе свое царство. У дворца его встретил старший сын Пелия, царевич Адраст, юный, но смелый воин.

— Знаю, зачем ты пришел,— сказал царевич Язону.— Но погоди говорить о царстве, пока мы не похороним отца. Нехорошо делить наследство, когда в доме лежит покойник.

— Это правда,— ответил Язон и вернулся домой.

Но не успел он дойти до дому, как люди сказали ему, что там случилось большое несчастье: змея укусила Эсона, и он упал мертвым.

— Видишь,— сказал Язон Медее, горюя над телом отца,— кара судьбы уже началась.

Оба царевича — Адраст и Язон — стали готовиться к похоронам. Но и готовясь к похоронам, Адраст не терял даром времени. Он тайком разослал по городу Иолку хорошо обученных вестников. Вестники всюду шныряли в толпе, заходили в дома и, оглядываясь, нашептывали народу, что Медея колдунья, что она не только убила царя, колдовством обезумив его дочерей, но погубила и своего брата Апсирта.

— Если вы изберете Язона царем,— говорили народу посланцы Адраста,— ждите смерти. Царевна Медея нашлет на вас мор и безумие. Дети начнут убивать отцов, а сестры — возлюбленных братьев.

Так нашептывали они народу, и, когда пришло время избрать царя, граждане Иолка не захотели иметь Медею царицей и объявили царем Адраста, а не Язона.

Как Язон женился на коринфской царевне

идя, что жители Иолка не любят и никогда не полюбят Медею, Язон решил покинуть родную страну.

«Может быть, счастье свое я найду на чужбине»,— подумал герой. Продав свое стадо, он купил колесницу, четверку горячих коней, забил досками двери и окна Эсонова домика и поехал в Коринф, где царствовал царь Креонт, давнишний това-

рищ и друг Язона. Вместе с Язоном и все аргонавты тронулись в путь кто куда. Видя, что сила и смелость великой дружины теперь уже не пригодятся Язону, каждый из аргонавтов спешил возвратиться домой. На перекрестке у старого дуба, где колдовала Медея, в последний раз обнялись товарищи и разошлись — одни на запад, другие на восток, третьи на север, четвертые на юг.

Быстро бежали Язоновы кони по пыльной дороге, и цокот их крепких копыт повторяло окрестное эхо. К вечеру он с семейством приехал в Коринф, где царь Креонт, давно поджидавший к себе знаменитого морехода, с великой почестью принял гостей. Он поселил их в новом каменном доме, очень похожем на настоящий дворец. Тихо и мирно текла жизнь Язона в Коринфе. Но могучий герой не привык к такой скучной жизни. Горько и тяжело было ему на чужбине. Не веселили его ни пиры, ни охоты, ни почести во дворце. День и ночь он раздумывал все об одном — об утраченном царстве. Ведь сыновья его подрастали, а он был все так же беден, как и в далекие, прежние годы. Язону казалось, что всю свою жизнь он прожил напрасно. В самом деле, зачем он искал золотое руно, плавал в Колхиду, боролся с бурями и ветрами, умирал от жажды в пустыне и спасся от кровожадных Сирен? За все эти подвиги и скитания судьба не послала ему никакой награды, и нечего было герою оставить детям в наследство. Погруженный в свои печальные думы, Язон не радовался даже и дружбе с Креонтом. И на царских пирах он с горечью говорил про себя, что живет у Креонта из милости, как нахлебник.

Однажды, когда Язон возвращался домой из дворца, молчаливый и мрачный, его остановила старуха, с головой укрытая покрывалом.

— Могучий Язон,— сказала старуха,— меня послала к тебе дочь Креонта, прекрасная Главка. Давно уже наша царевна хотела увидеть тебя, прославленного героя. Вчера же, когда ты с царем возлежал на пиру, она незаметно прокралась в покои и, спрятавшись за колонной, хорошо рассмотрела тебя. С этой минуты стрела Эрота попала ей в сердце, и она полюбила тебя больше жизни. Последуй за мной. Я сведу тебя к нашей царевне. Она хочет с тобой говорить.

— Зачем я пойду к ней? — ответил Язон.— Мне не о чем говорить с царевной. У меня есть жена Медея и юные сыновья.

— В том-то и дело,— с живостью отвечала старуха,— что у тебя есть два сына-наследника, царской крови, а царствовать им будет негде. Медея бежала с тобой от Ээта в одной только черной одежде, а если бы ты оставил ее и женился на Главке, вторая жена принесла бы тебе в приданое все коринфское царство. По смерти Креонта твои сыновья сделались бы царями. Подумай об этом.

— Нечего думать,— ответил Язон.— Я не покину Медею.

Но через день, выходя из дворца, он снова встретил старуху, так же, как прежде, укрытую с головой.

— Главка ждет тебя, воин,— сказала старуха.

Язон оттолкнул старуху, но она побежала за ним.

— Если ты покинешь Медею и женишься на царевне,— шептала она на ходу,— Главка устроит так, что Креонт подарит тебе полцарства в самый день вашей свадьбы, а после смерти Креонта получишь ты и вторую половину.

Язон ускорил шаги, и старуха отстала. Но хотя она и отстала, слова старухи глубоко запали в сердце Язона. Целую ночь он ворочался с боку на бок, а утром мрачно сказал жене:

— Говорят, что юный Пелей женился на морской богине Фетиде и кроме Ферсальского царства владеет теперь водной страной. Один только я ничего не имею.

Сердито стукнув калиткой, он ушел к Креонту на пир. А Медея вздохнула, точно она была виновата, что у нее не нашлось никакого приданого для семьи.

Ночью старуха опять поджидала Язона на прежнем месте.

— Главка ждет тебя,— снова сказал она и схватила героя за руку.

Но Язон вырвал руку и, не отвечая ни слова, пошел домой.

— Погоди! — закричала старуха.— Обернись и взгляни на меня!

Язон оглянулся. Старуха сбросила с себя покрывало, выпрямилась, раскинула руки, и Язон увидел перед собой не старуху, а прекрасную Главку в бесценных одеждах.

— Разве Медея красивее меня? — спросила царевна.— Медея худа и черна, как ворона, а мои волосы золотятся, как спелая рожь. Медея бедна, и руки ее огрубели от черной работы, а я молода и одета в бесценные ткани.

Язон ничего не ответил и молча пошел домой. Но царевна была настойчива и своенравна. Она позвала к себе царя Креонта и плакала перед ним, пока царь не согласился уговорить Язона.

На другой день Креонт, вызвав к себе Язона, обещал сейчас же отдать ему все свое царство, если он женится на Главке.

— Я старше тебя,— сказал он Язону,— и скоро умру, потому что давно уж болею. Покуда я жив, мы будем править с тобой вдвоем, как два брата, а после моей кончины все мои земли перейдут к тебе одному и достанутся детям Медеи. А дочь Ээта никто не обидит. Мы построим храм в честь подземной богини Гекаты, и она станет жрицей Гекаты, как было в Колхиде. Подумай о детях, Язон, и о нашей давнишней дружбе. Не отказывай мне. Ты обидишь меня и царевну, если откажешь нам в нашей просьбе.

Язон, который очень любил своих сыновей, долго думал и наконец согласился. Он больше всего на свете хотел, чтобы дети его стали царями.

Как Медея отмстила Язону и Главке

тот же вечер сыновья Язона играли на улице недалеко от храма Гименея, в котором коринфяне празднуют свадьбы. Вдруг в темноте показались факелы, послышался шум и говор веселой толпы. Потом заиграли флейты, грянуло пение и загремели колеса.

— О Гименей, о Гименей! — восклицала толпа.

Маленький сын Медеи с удивлением увидел на свадебной колеснице Язона в сверкающей царской одежде. Он побежал к Медее и закричал:

— Мама, иди-ка! Посмотри: наш отец открывает шествие — весь золотой стоит он на колеснице!

Медея стремительно выбежала из дому и увидела, как Язон об руку с Главкой сошел с колесницы и поднялся по ступенькам в храм.

Медея хотела войти вслед за ними, но толпа ее не пустила. Коринфяне, так же как жители Иолка, не любили Медею за то, что она колдунья, а Язона они любили

и очень гордились тем, что великий герой поселился у них и женится на коринфской царевне.

Совсем обезумев от горя, Медея вернулась домой и послала к Язону старшего сына. Она умоляла, чтобы муж ее, прежде чем отправиться во дворец, зашел к ней проститься.

Язон, который чувствовал себя виноватым перед Медеей, послушался и пришел.

— Ты напрасно горюешь, Медея,— сказал он ей ласково и печально.— Я не забыл о клятве, которую дал тебе при царице Арете, и люблю тебя так же, как прежде. Боги знают, что я не хотел жениться на Главке. Я это сделал ради наших детей. Ты подумай: даже беспечный Евфал и тот сотворил себе остров из комка негодной земли. А мы ничего не имеем, и дети, твои и мои, живут из милости у чужих.

Но Медея не верила ни единому слову Язона.

— Ты обманщик и трус! — закричала она.— Почему ты тайком от меня отправился с Главкой в храм? Побоялся сказать мне об этом? И зачем говоришь ты о наших детях? Если ты их действительно любишь, то знай, что лучше им сделаться бондарями или кузнецами, чем быть царевичами и жить всю жизнь рядом со злою мачехой. Будь уверен, что Главка погубит их.

И вот, видя, что сделанного нельзя изменить и что суровый Язон не откажется от женитьбы на Главке, Медея задумала страшную месть.

— Погоди,— сказала она Язону.— Я сержусь на тебя, но я не сержусь на царевну. Я хочу ей послать драгоценный подарок, чтобы она хорошо обращалась с моими детьми.

Говоря так, она побежала в дом, достала из сундука золотой венец работы Гефеста и чудесно вышитую одежду, которые тайком от всех привезла ей однажды Геката. Отдав обе вещи Язону, Медея сказала:

— Венец для царя, а одежда для Главки. Пусть наденут и помнят меня добром.

Обрадованный подарками, Язон решил, что Медея примирилась со своей суровой участью, и поспешил во дворец, где ждала его Главка.

А Медея, посмотрев ему вслед, усмехнулась жестокой усмешкой, потом побежала домой, взглянула на сыновей, мирно спавших в постели, и, не выдержав, зарыдала.

Тем временем царь Креонт, обеспокоенный, что Язон так долго не возвращается от Медеи, подумал:

«Покуда эта колдунья живет возле нас, ни мне, ни Язону, ни Главке не будет покоя. Чего доброго, она и сейчас околдует Язона, и он совсем не придет во дворец».

Подумав об этом, Креонт послал к Медее гонца с суровым приказом. Но только что вышел гонец, явился Язон.

— Все обошлось хорошо,— сказал он Креонту,— я помирился с Медеей, и она не станет преследовать нас своим колдовством. Вот венец для тебя и одежда для Главки. Это подарок Медеи. Примерьте-ка.

Увидев бесценный венец искусной работы Гефеста, Креонт подумал:

«Напрасно послал я гонца. Надо отправить другого и отменить мой жестокий приказ».

Но прежде, чем сделать это, он примерил венец. А Главка, схватив чудесно расшитую ткань, захлопала от радости в ладоши.

— Медея гораздо добрее, чем о ней говорят! — закричала она и тут же надела одежду.

Но в тот самый миг, когда драгоценный венец коснулся волос Креонта, а мягкая ткань окутала плечи Главки, отец и дочь почернели, как угли, и замертво рухнули на пол. Оба волшебных подарка Медеи были отравлены страшной Гекатой, мрачной владычицей мертвых. Всякий, кто их примерял, доставался богине Гекате.

Так погибли Креонт и царевна за то, что они разлучили Медею с Язоном и на чужом несчастье хотели построить счастье и мир для самих себя.

Между тем гонец с жестоким приказом явился к Медее. Всеми покинутая, она лежала ничком на полу и горько рыдала.

— Встань и выслушай слово царя! — возвестил суровый гонец.— Царь Креонт приказывает тебе до зари покинуть наш город и уйти из него навсегда. Сыновей же твоих я сведу во дворец, и они будут жить, как царевичи, у Язона и Главки.

С диким криком вскочила Медея и кинулась на гонца. Она была так страшна в своей ярости, что гонец испугался и убежал.

А Медея, дрожа и не зная, что делать, бросилась к детям. Ате, богиня безумия и глупости, которая только и знает, что подбивает людей на дурные дела, вселилась в

Медею и лишила ее рассудка. Безумной царевне почудилось, что лучше убить детей, чем отдать их Язону и Главке. Так Медея и сделала. Она схватила кинжал и, не помня себя, заколола им спящих детей, а потом вонзила его себе в сердце.

Но как только острый кинжал коснулся сердца колдуньи, грянул гром и ужасная колесница Гекаты, запряженная парой драконов, появилась над городом. Холодный вихрь закружил Медею, поднял ее на колесницу и умчал в подземное царство как раз в ту минуту, когда прибежал Язон. Горько плакал Язон над телами своих сыновей, тщетно звал он Медею назад из подземного царства.

Смертью обоих сыновей судьба покарала Медею за то, что она из корысти убила Пелия и свалила вину на его дочерей. А Язона она покарала за то, что он не сдержал своей клятвы, и за то еще, что, покинув Медею, он из черной корысти женился на Главке.

Смерть Язона

тех пор прошло много-много лет.

Однажды два мальчика, козопасы из Иолка, пригнали стадо к ручью, бегущему в море. Стадо вошло по колено в ручей, и козлы, обмочив свои черные бороды, жадно втягивали холодную воду.

Зная, что стадо не отойдет от воды, пока не напьется и не сощиплет траву вдоль ручья, мальчики разом воткнули в песок крючковатые палки, сбросили с плеч хламиды и побежали к морю купаться.

Вдруг один закричал:

— Смотри-ка, Эвмей, что это там на песке?

Эвмей защитил ладонью глаза от яркого света, вгляделся и отвечал:

— Не знаю, Горгий, по-моему, это корабль.

— Ну да,— засмеялся Горгий,— корабли не плавают по песку.

— А этот плывет,— упрямо сказал Эвмей.— Разве не видишь? Вот мачта. Пойдем поглядим.

— Страшно,— ответил Горгий.— Ведь это большой

корабль. Гребцы заберут нас в плен и продадут в рабство.

— А их и нет,— заметил Эвмей, внимательно глядя из-под руки.— Они, наверно, утонули. Буря выбросила корабль на песок — вот и все.

— Если бы буря,— в раздумье сказал Горгий,— он бы лежал на боку, а он стоит ровно.

— Трусишка! — свистнул Эвмей.— Ну, оставайся один, а я схожу посмотрю.

— Я сам посмотрю,— угрюмо ответил Горгий и нерешительно зашагал к кораблю.

Приблизившись, козопасы увидели не корабль, а остов древнего судна, до самых бортов занесенный песком, расшатанный ветром, изъеденный волнами бурных приливов.

Он стоял неподвижный, как призрак, и длинные весла его, выходя из отверстий с обеих сторон, упирались в песок. Сосновые доски обшивки там и сям оборвались, и в скважины видно было безбрежное море. С высокого носа корабля слепыми глазами смотрела на мальчиков вниз деревянная голова Афины-Паллады, изваянная искусным резцом на конце носового бревна.

— Видишь? — спросил Горгий, указывая рукой на голову грозной богини.

— Вижу,— ответил Эвмей.— Что ж ты боишься, Горгий? Это пустой корабль. Влезем на палубу и поплывем. Я буду воин, а ты гребец.

— Как же мы влезем?

— А вон по веслу. Смотри!

И смелый Эвмей, обхватив весло коленями и руками, начал карабкаться вверх. Робкий Горгий полез по другому веслу.

Вдруг они оба услышали голос и разом спрыгнули вниз. Оба хотели бежать, но, не зная, откуда доносится голос, оба застыли, дрожа и косясь на голову страшной богини: им показалось, что это поют деревянные губы Афины. Ветер донес до них и слова мерно звучащих стихов:

Смертью кончается все. И палубу быстрого «Арго»
Время заносит песком. Радуйся, злобный Ээт!
Умер и старец Эсон, умер и Пелий коварный.
С Главкой славный Креонт в общей могиле лежит.
Разом похитила смерть сыновей темнокосой Медеи.
Только страдалец Язон грозной богиней забыт.
Долго ли мне, о Зевес, скитаться по белому свету?

Долго ль в могучей груди тяжкое сердце носить?
Сжалься, великий Зевес! а вы, молчаливые Мойры,
Жизни ненужную нить острым обрежьте серпом.

— Горгий,— сказал Эвмей,— давай убежим.

Но в это мгновенье из-за кормы корабля вышел неведомый старый воин. Кудри, седые, как пена, вились у него из-под бронзового шлема, на согнутом локте руки, держащей копье, висел круглый щит, а светлые голубые глаза смотрели прямо вперед невидящим взглядом. Мальчики в страхе прижались к обшивке древнего корабля. Воин шел прямо на них. Вдруг он остановился, в недоумении глядя на голых, дрожащих детей. Глаза его странно блеснули. Он бросил копье и щит на песок и протянул козопасам обе руки.

— Великие боги! — сказал неведомый воин.— Вы мне вернули моих сыновей. Отроки, если вы дети Медеи, идите ко мне, я ваш отец Язон.

Но, видя, что дети молчат и дрожат с головы до ног, он опустил протянутые руки, нахмурился и спросил:

— Кто вы такие? Зачем вы пришли к остову моего «Арго»?

Горгий заплакал, а смелый Эвмей отвечал, стуча зубами от страха:

— Не делай нам зла, господин, мы козопасы из Иолка. И наш отец не Язон, а Клитий, владелец большого стада. Позволь нам уйти домой.

Воин не отвечал. Он долго стоял в раздумье, с опущенной головой.

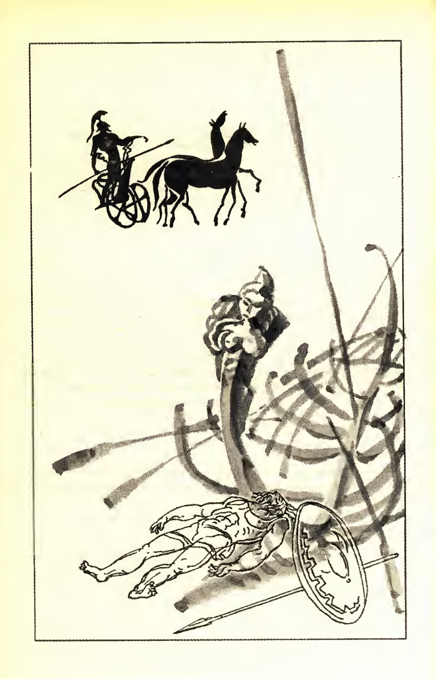
Потом вздохнул и сказал:

— Если вы жители Иолка, вернитесь в город и возвестите царю Адрасту, что аргонавт Язон вернулся в родную страну. Пусть царь придет сюда и не боится Язона. Я не стану требовать у него ни царства, ни жизни. Я только открою ему, куда я спрятал от всех людей золотое руно, от которого отказался Пелий. Идите скорее, потому что я чувствую смерть над своей головой и скоро умру.

Мальчики побежали к ручью, гонимые страхом и гордые порученьем героя, о котором с раннего детства слышали они от отца.

Надев хламиды и вытащив из песка свои палки, они погнали стадо домой, хотя солнце стояло еще высоко, и скоро скрылись за поворотом дороги.

Язон же со вздохом обошел вокруг неподвижного ко-

рабля. Каждый медный гвоздь, торчащий наружу в трухлявой его обшивке, будил в могучем герое печальную память о прежних, далеких днях.

Солнце нещадно палило песчаный берег и раскаляло своими лучами бронзовый шлем Язона. Зная, что козопасы не скоро вернутся домой и что Адраст не придет к нему до заката, Язон, обойдя корабль, прилег в его тени на песок. А так как он пришел сюда издалека и очень устал, то ему захотелось спать.

Но перед тем как уснуть, он снова стал сетовать на свою судьбу. Он просил великих богов, чтоб они, послав ему скорую смерть, избавили его от вечной тоски по Медее.

Мало-помалу сон одолел героя. Но едва он заснул, как с моря примчался шквал. Шумный вихрь налетел на корабль, закрутил воронки песка, и остатки древнего остова, затрещав под его напором, обрушились на землю. Из расшатанного ветром корабля выпал тяжелый брус с вырезанной на нем головой Афины. Он упал на Язона и убил его.

Поздно вечером царь Адраст, окруженный целой толпой воинов и жителей Иолка, в золотой колеснице подъехал к остову «Арго». Но он уже не нашел корабля. Вихрь раскидал сосновые доски и раскатал дубовые бревна по берегу моря. На песке же, придавленный тяжелым брусом, лежал неподвижный Язон. Он был мертв.

И никто никогда не узнал, где он скрыл от людей золотое руно аргонавтов.

КАЛИДОНСКАЯ ОХОТА

10 Заказ № 431

Предсказание Мойр

В недоступном человеческому взору дворце Матери-Земли восседают ее дочери, три предвечные пряхи — три Мойры, могучие богини рока. Когда рождается человек, первая, Клото, извлекает из своей пряжи нить его жизни. Вторая, Лахесис, продолжает ее работу, соединяя с этой нитью другие, то золотые, то черные. Жужжит веретено, тянется жизнь человека через горести, через радости, пока третья, Атропа, своими ножницами не отрежет нить. Тогда наступает его смерть. Таинственна эта работа; лишь Мать-Земля о ней знает да Аполлон, с тех пор как он основал свое прорицалище в Дельфах. Через него и люди узнают о нависшем над ними роке, если он считает нужным им его раскрыть.

Бывает, однако, что и сами Мойры являются людям с предостережением, и именно о таком случае я хочу здесь рассказать.

Идя от Парнаса на запад, мы проходим через гористую страну, называемую Этолией. Ее западную границу образует самая большая река Средней Греции, Ахелой. А близ Ахелоя расположены оба крупнейших города Этолии — Плеврон и Калидон.

Так вот в этом Калидоне жил царь Ойней со своей царицей Алфеей. Жили они в любви и совете и дожили наконец до великой радости — рождения сына. Пригласили родственников и друзей, весело отпраздновали «амфидромии» мальчика — это вроде крестин у нас — и дали ему имя Мелеагр.

Сидит Алфея в своем доме перед очагом, рядом с ней на мягкой подушке в щите его отца дремлет маленький Мелеагр,— сидит и любуется на своего ненаглядного сынка. День был холодный, и на очаге весело горело пламя. Солнце уже успело зайти; огонь, то вспыхивая, то как бы прячась, озарял неровным светом стены. Тени то появляются, то исчезают; кругом никого; было бы жутко, если бы не эта радость в крепком щите отца. Вдруг видит — перед ней три женщины неземного роста и неземной, хотя и суровой, красоты. Тоже тени? Нет, они не исчезают, она их явственно видит.

— Радуйся, царица,— говорит первая,— твой Мелеагр будет самым прекрасным юношей во всей Элладе.

— Радуйся, царица,— говорит вторая,— он будет самым могучим воином во всей Элладе.

— Да,— прибавила третья гробовым голосом,— если доживет; но ему роком положено умереть, как только догорит это полено на твоем очаге.

Сказали и исчезли. Что это, сон? Нет, она их явственно видела, явственно слышала: «...как только догорит...» Боги, а оно уже догорает! Вскочила, схватила полено, потушила своим покрывалом и спрятала дымящуюся головню на самом дне своего заповедного ларца. «Это теперь моя высшая драгоценность,— подумала она,— сама жизнь моего сына!»

Охота на вепря

Мелеагр вырос и стал действительно, как ему предсказали Мойры, самым прекрасным и могучим юношей во всей Элладе, гордостью родителей и надеждой граждан.

Это было то время, когда бог земледелия Триптолем, исполняя волю своей великой пестуньи Деметры, учил людей хлебопашеству. Прилетел он на своей воздушной колеснице и к царю Ойнею и был с честью им принят. Зазеленели, заколыхались калидонские нивы; возрадовался Ойней. «Теперь,— подумал он,— можно вовсе бросить охоту, эту жестокую и кровопролитную забаву».

Однажды, собрав милостью Деметры особенно обильный урожай, он на городской площади Калидона приносил первые плоды в жертву двенадцати великим богам, алтари которых красовались на ней. Был возжжен огонь; погрузив пылающую лучину в стоявшее тут же ведро с водой, царь окропил присутствующую многочисленную толпу и затем начал приношение. Сопровождал он его молитвой, причем стоящий рядом с ним флейтист наигрывал торжественный напев. Сначала Гестии, богине самого очажного пламени, с которой всякий благоразумный человек начинает богослужебное дело; затем Зевсу и Гере, владыкам Олимпа, покровителям государств и семей; затем Посейдону и Деметре, брату и сестре обоих владык, богам волнующегося моря и волнующейся нивы; затем

Гермесу, ласковому другу смертных, даровавшему им первое стадо и научившему их скотоводству; затем Гефесту и Афине-Палладе, учителям всех ремесел, облагородивших нашу жизнь; затем Дионису и Афродите, от коих всякий восторг и в творчестве, и в любви; затем Аполлону, царю кифары и владыке Дельф, вещающему смертным волю Зевса и веленья рока... и здесь Ойней остановился.

— Здесь рядом алтарь Артемиды, царь,— заметил его старший советник,— могучей сестры могучего брата. Не должно лишать чести ни одного из великих богов Олимпа...

— Она — богиня охоты,— презрительно ответил царь.— С тех пор как питомец Деметры нас научил хлебопашеству, нам более не нужно ее кровавое дело.

На этом он и кончил торжество.

Но Артемида не забыла его дерзновенного слова. Чтобы ему показать, что и после перехода к хлебопашеству ее дело не потеряло своего значения, она вывела из своих нагорных лесов чудовищного вепря. Он принялся безжалостно опустошать своими клыками нивы и Ойнея, и других калидонцев. Зеленеющие уже глыбы земли были выворочены, все поля изрыты; при продолжении бедствия грозили неурожай, голод.

И народ взмолился к царевичу Мелеагру, чтобы он, самый могучий юноша всей Эллады, снарядил охоту и освободил страну от этого бедствия. Мелеагру это и самому было любо: пылкий юноша не разделял тихих наклонностей своего отца. Он кликнул клич — и цвет тогдашней эллинской молодежи собрался, чтобы принять участие в этой отныне славной Калидонской охоте.

Первыми пришли оба брата царицы Алфеи, с почетом встреченные всеми как главные, после самого царя, вельможи страны. Потом богатырь Анкей, сильный, но необузданный; об его чудесных подвигах ходила громкая слава — полагали, что ему помогала волшебная сила. Потом еще много других, которых мы перечислять не будем; напоследок — дева из далекой Аркадии, охотница Аталанта. Она привлекла всеобщее внимание не только тем, что была единственной девой среди мужчин, но и своей неописуемой красотой — и нечего говорить, что все юноши, начиная с самого царевича, без памяти в нее влюбились и стали просить ее руки. Но она оставалась холодной к их стараниям.

— Выйду за того,— коротко отвечала она,— кто убьет калидонского вепря.

— А если ты сама его убьешь?

— Тогда останусь девой — этого-то я более всего желаю.

Одни только братья Алфеи не участвовали в общем увлечении, но не потому, что Аталанта им не нравилась.

— Боюсь ее,— сказал старший младшему.— И если это не сама Артемида, то, наверное, одна из ее близких нимф.

— Да,— отвечал другой,— мстя за нанесенное ей нашим зятем оскорбление, она нашлет на него беду похуже самого вепря.

С охотой не торопились: надо было сначала через горных пастухов узнать, в какой чаще пребывает зверь. Тем временем все были гостями радушного царя. Днем они упражнялись в метании копья и других играх, развивающих силу и ловкость; вечером пировали, но скромно, довольствуясь одним кубком вина, чтобы не ослабить своего тела. Один только Анкей ни в чем себя не стеснял: спал до полудня, ни в каких упражнениях не участвовал, зато вечером пил без удержу, кубок за кубком; а так как четвертый кубок, волею Диониса, был кубком Обиды, то не проходило пира без ссор. Одного только Мелеагра он слушался.

— Знаешь,— сказал ему однажды тот,— мне вина не жаль, но как же ты, вечно пьяный, будешь с нами охотиться?

Анкей грубо расхохотался.

— Не беспокойся,— ответил он ему,— и вепря убью я, и на Аталанте женюсь я.

— Почему ты так уверен?

— Потому что боги мне даровали три желания; два я уже израсходовал, но силой третьего исполню то, что сказал.

Наконец логовище зверя было найдено; на рассвете все двинулись к указанной чаще. Обыкновенно греки охотились так: в удобном месте расставляли между деревьями крепкие конопляные сети и с помощью собак старались загнать в них зверя. Но в данном случае это было совершенно бесполезно: не было столь крепких сетей, которых чудовищный вепрь не прорвал бы, и никакой облавы он бы не испугался. Нет, против него надо было идти с копьем в руке.

Анкей стоял в ряду с прочими, небрежно склонясь на свое копье,— по обыкновению, пьяный. Мелеагр, сильно его невзлюбивший за его буйства и за его виды на Аталанту, стоял рядом с ним, не спуская с него глаз. Вдруг из чащи стал доноситься треск ломающихся сучьев и шум вырываемых деревьев.

— Ну, слушай же! — сказал Анкей Мелеагру и, молитвенно воздев вверх руки, отчетливо произнес: — О, дайте, боги, вепрю жизнь исторгнуть мне!

— Что, складно? — спросил он, смеясь, Мелеагра.

— Складно, да не ладно! — угрюмо ответил тот.

— Как не ладно?

— А так, что не ясно, кому кого придется убить: тебе ли вепря или вепрю тебя.

Анкей побледнел. Ему и то показалось, что после его двусмысленной молитвы в воздухе над ним послышался чей-то смех. «Это Немезида! — подумал он.— Немезида, грозная богиня, карающая человеческое самомнение,— она записала мою просьбу на скрижалях возмездия». Он бы охотно ушел, но было уже поздно: вепрь вылетел из чащи и понесся прямо на него, дико сверкая своими налитыми кровью глазами. Анкей метнул свое копье, но его рука дрожала от страха еще более, чем от похмелья, и копье бессильно ударилось в дерево. Еще мгновенье — и он сам, пораженный ударом клыка в живот, грохнулся о землю.

Охотники устремились к зверю. Вот блеснуло копье одного из братьев Алфеи, затем копье другого — напрасно: вепрь, чуя опасность, ловко изворачивался, оба промахнулись. Вдруг раздался громкий женский голос:

— В сторону все!

Смотрят — Аталанта, ясная и грозная, как сама Артемида, стоит на бугре, готовая метнуть копье. Копье полетело, вонзилось чудовищу в бок — кровь брызнула, но и только. Рассвирепев от раны, вепрь бросился в сторону Аталанты. И она бы испытала участь Анкея, но Мелеагр, точно окрыленный нависшей над ней опасностью, внезапно настиг зверя и вонзил ему копье в затылок. Раздался скрежет зубов, точно лязг железа, и чудовище повалилось на бок, поливая обильной кровью зеленую траву.

Исполнение предсказания

хота кончилась, но смерть Анкея не дала возникнуть настоящей радости. Один только Мелеагр торжествовал и как победитель, и как жених. Его дядья косились на него, считая его чуть не виновником той смерти.

— За женщину тотчас вступился, а товарища спасти не мог, хоть и стоял рядом,— говорили они шепотом. Все-таки обычай велел принести благодарственную жертву Артемиде, а затем и самим подкрепиться. Соорудили из дерна простой алтарь, содрали со зверя шкуру,— она, а также и голова с клыками должны были быть наградой победителю. Затем, как водится, жертвоприношение, пир — припасы были заранее принесены рабами. Тем временем слава об удачной охоте распространилась в окрестности; стали стекаться пастухи, крестьяне, стали благодарить охотников, и более всего Мелеагра. Кто был счастливее его? Теперь уже и с вином нечего было стесняться: каждый пил, сколько ему было угодно,— только Аталанта, смущенная, не прикасалась к кубку, молчала и даже не отвечала на учтивые слова своего жениха. «Ей досадно,— подумал он,— что победа досталась не ей, но ничего, я ее утешу».

И вот, когда пир кончился, Мелеагр встал и возгласил:

— Товарищи, тушу зверя мы разделим поровну — всем будет вдоволь. Шкура и голова заранее назначены наградой победителю, но так как хозяину неуместно брать награду в ущерб гостям, то я предлагаю присудить ее...

— Конечно,— прервал его старший дядя,— тому, кто, как ближайший его родственник, имеет на нее наибольшее право!

— ...тому,— продолжал Мелеагр, с трудом сдерживая свой гнев,— кто, как первый ранивший зверя, имеет на нее, после победителя, наибольшее право. А это, как вы все видели, было подвигом Аталанты!

И с этими словами он протянул ей исполинскую голову зверя.

— Неслыханное оскорбление! — крикнул дядя.— Тебе, видно, дерзкий молодчик, твои любовные шашни дороже священного долга крови!

И с этими словами он, грубо оттолкнув Аталанту, ухватился за голову вепря.

Затуманились глаза у Мелеагра: он ничего не видел, кроме оскорбления, нанесенного ему и его невесте. Не помня себя, он схватил стоявшее тут же копье, еще красное от крови зверя,— и кровь обидчика потекла по древку.

— Убийца! Нечестивец! — крикнул брат пораженного, подымая свое копье на Мелеагра... но в следующее мгновенье и он, бездыханный, лежал рядом с убитым.

Все это произошло так быстро, что никто не успел вмешаться,— теперь уже было поздно. Мелеагр стоял понурив голову. Молчали и остальные. Но где была Аталанта, невольная виновница всего несчастья? Она исчезла; куда и как — этого не видел никто.

Убийца, проливший родную кровь, всех оскверняющий своим присутствием, своим обращением,— вот в кого обратился недавний победитель, кумир всего народа, самый прекрасный и могучий юноша всей Эллады! Никто ему этого не говорил — он это знал и так. Все грустно разошлись, не думая о разделе роковой добычи. Мелеагр тоже медленно побрел домой — все его сторонились, никто не решался с ним заговорить.

Он побрел домой, но дома не достиг.

Молва его опередила. Алфея с упоением выслушала рассказ об охоте и о подвиге Мелеагра. Но не успела она насладиться этой радостью, как пришел другой вестник, и она узнала, что оба ее брата пали от руки ее сына.

У гречанки любовь к братьям — самая святая после любви к родителям. «Другого мужа я могу получить, если потеряю первого,— рассуждала она,— и других детей мне боги тоже могут послать, но, раз потеряв братьев, я других уже не получу». К тому же после смерти отца брат был первым защитником своей сестры от возможных обид со стороны ее мужа; да и при выборе невесты грек старался породниться с могучими мужами, и от влияния братьев зависело положение гречанки в доме ее мужа.

И вот Алфея узнает, что оба ее брата убиты; мало того — они убиты ее сыном. Тут пламя безумия обуяло ее. Не сознавая, что она делает, она бросилась к своему заповедному ларцу, где среди других драгоценностей хранилась высшая, роковая, талисман ее сына. Схватив ее, она кинулась туда, где по-прежнему стоял очаг и его пламя бросало причудливые узоры на белые стены. Еще

мгновенье — и головня вспыхнула багровым, кровавым блеском.

Вспыхнула — и вскоре погасла: рок исполнился. И гнев сестры остыл: проснулась мать. Слышит — прислужницы приносят на носилках бездыханное тело; да, это тело ее сына, и его убийца — она. Там над убитым плачут его старый отец Ойней, его маленькая сестра Деянира — и отец остался без сына, и сестра без брата, и виною этому — она. Пусть плачут, кто вправе плакать; она это право потеряла. Там, в покое Ойнея, нет никого. Там на стене висит его старый, полуржавый меч. Этот меч — ее право и ее долг.

Таков был страшный исход радостной и славной Калидонской охоты.

ПЕРСЕЙ

Рождение Персея

а плоском холме, царящем над городом Аргос, расположен царский дворец; живет в нем царь Акрисий. О его подвигах аргосские граждане ничего не знают, а только об его вечных ссорах с его братом-близнецом Претом, которого он заставил переселиться в соседний Тиринф. Зато все с восторгом говорят об его дочери Данае, красавице, какой еще свет не видал. Ей бы и замуж пора, да не выдает отец, а почему не выдает, этого никто не знает.

А дело в том, что вскоре после ее рождения Акрисий, недовольный, что родился не сын, послал в Дельфы спросить Аполлона, каким богам ему молиться, чтобы они благословили его рождением сына. Оракул ему ответил, что сына ему вообще не будет, а сужден таковой его дочери, но что от ее сына Акрисию придется принять смерть. По времени тут ничего страшного не было: пока еще дочь станет невестой, пока у нее родится сын, пока он подрастет — не вечно же человеку жить. Но умереть насильственной смертью, да еще от руки внука, очень горестно — вот почему Акрисий решил не выдавать дочь замуж. А чтобы она без него не распорядилась своей судьбой, он держал ее взаперти в ее девичьем покое, и аргосские граждане с сожалением говорили о прекрасной затворнице, а царевичи соседних государств — о своих обманутых надеждах. Но этим надеждам все равно не суждено было сбыться: сам Зевс, желавший дать эллинам могучего богатыря, остановил свои взоры на Данае. Он спустился к ней в виде золотого дождя и стал ее мужем. Ее старая няня, под надзором которой она находилась, долго колебалась, сказать или не сказать царю о происходящем. Наконец страх перед земным владыкой пересилил — она известила его, что его предосторожности были напрасны, что внука ему не избежать. Испугался Акрисий, и, чтоб тот же таинственный незнакомец не мог похитить грядущее дитя по тем же воздушным путям, он перевел свою дочь из ее девичьего покоя в подземный покой с медными стенами. Здесь и родился чудесный ребенок — Зевсов сын Персей.

Ярость овладела Акрисием, когда к нему, по его приказанию, привели Данаю с ребенком на руках: так вот

он, его будущий убийца! Он охотно убил бы его самого, да и мать заодно, но закон запрещал проливать родную кровь — ему пришлось бы самому отправиться в изгнание, чтобы не навлечь божьего гнева на Аргос. Акрисий велел изготовить емкий ларец, посадить туда мать и дитя и бросить их в море: пусть оно само с ними расправляется!

Играет море в лучах весеннего солнца, плывет по его волнам ларец; дивятся на него подплывающие дельфины, дивятся и резвые нимфы моря, среброногие Нереиды. Чу, какой-то голос слышится — уж не ларец ли запел? Нет, это в нем заключенная мать поет колыбельную песнь своему ребенку:

— Засни, дитя, засни, пучина, засни, безмерное горе!

— Ты слышишь? — говорит Галена Фетиде [1].

— Слышу, сестра.

— Что нам делать? Дать им погибнуть?

— Ни за что. Там, на близком острове, рыбак занят своим делом, загоним ларец к нему в невод.

Остров звался Серифом, а рыбак — Диктисом. Был он братом местного царя Полидекта. Не удивляйтесь этому: остров был мал и скалист, царь небогат, а его брат и подавно. Из боязни перед морскими разбойниками города строили подальше от моря; так и царь Полидект жил в городе Серифе на холме, а взморье предоставил своему брату.

Удивился Диктис, найдя в своем неводе ларец, и еще более удивился, когда из него вышла прекрасная женщина с ребенком на руках. Он был беден, но добр и честен; он обоим предложил у себя гостеприимство, и Даная с благодарностью приняла его. Так и вырос Персей среди утесов серифийского взморья, помогая своему пестуну в его трудовой жизни.

[1] Галена и Фетида — морские нимфы.— *Здесь и далее примечания составителя.*

Поручение Полидекта

иктис был добр и честен, но его брат, серифийский царь, крут и упрям; долго скрывал от него хозяин Данаи своих гостей, но под конец тот проведал о них. Даная ему очень понравилась, и он хотел взять ее к себе; но она теперь находила себе опору не только в своем хозяине, но и в своем подросшем сыне. И Полидект понял, что ему следует воздействовать хитростью. Юноша был смел и в своей жажде подвигов тяготился бездеятельной жизнью в глуши неведомого острова. На этом Полидект и построил свой план.

— Послушай, Персей,— сказал он ему однажды,— там, на материке, царевич Пелоп справляет свою свадьбу с прекрасной Гипподамией в Элиде. Все боги обещали почтить эту свадьбу своим присутствием; все цари и материка и островов хотят послать молодым свадебные подарки. Мне отставать неловко, а у меня ничего нет; не поможешь ли ты мне добыть подарок, достойный любимца богов?

— Охотно, царь Полидект,— ответил Персей,— укажи только какой.

— Принеси мне голову Медузы. Живет она в далекой Ливии (по-нашему — Африке), она единственная смертная из трех сестер Горгон; ее свойства чудесны — так чудесны, что обладающий ею может не бояться своих врагов, хотя бы их и было тысяча против него одного.

А про себя подумал: «Погибнешь ты в этом приключении, и легче мне будет добыть твою красавицу мать».

Медуза Горгона

ноша с жаром согласился и отправился на взморье снаряжать себе корабль. Но пока он, утомленный, отдыхал на берегу, к нему явился другой юноша, еще прекраснее его.

— Я,— сказал он ему,— Гермес, бессмертный вестник богов; посылает меня Афина-Паллада, твоя заступница на небесах. Царь хочет погу-

бить тебя, но ты не погибнешь, если будешь помнить мои слова.

И он поведал Персею то, что ему было полезно знать, и, покидая его, оставил ему три подарка: крылатые сандалии, серповидный меч и медный щит.

Обрадовался Персей: теперь, думает, и корабль мне не нужен. Надел сандалии — и почувствовал, что он легок, как перышко; взмахнул руками — и поплыл по воздуху, как плывут по воде. Направление ему раньше уже указал Гермес; он летел, стараясь иметь полуденное солнце по левую руку и полунощную Медведицу по правую; летел не день и не два, но под конец все-таки долетел до материка. И он понял, что перед ним Ливия.

Видит — высокая гора, а на вершине исполин; небесная твердь опускается ему на могучие плечи. «Атлант! — подумал он.— Я достиг Атлантовых пределов; за ними течет кругосветный Океан, путь по которому прегражден человеку, пока не исполнится время». А на склоне горы — угрюмый замок, окруженный зубчатой стеной. В замке живут три Горгоны, а стену сторожат престарелые Грайи, безобразнее которых нет существа на земле.

Эти Грайи день и ночь сторожили стену замка, тут же ели, тут же спали. Был у них у трех только один глаз и один зуб, но этим глазом они видели острее, чем любой двуокий обоими, и этот зуб впивался в железо глубже, чем зуб тигра в плоть. Персей это знал от Гермеса и знал, как ему действовать: притаившись за камнем так, чтобы Грайи его не видели, он выждал минуту, когда часовая передавала своей смене и глаз и зуб, и, быстро бросившись на них, перехватил и тот и другой. Взмолились Грайи:

— Пожалей нас, не оставляй слепыми и беспомощными!

Он обещал им возвратить похищенное, но под условием, что они будут молчать и останутся на месте.

Он вошел во двор, окруженный зубчатой стеной; кругом его — исполинские деревья, струившие дивный аромат со своей темно-зеленой листвы. Это не смоковницы, не шелковицы: вперемежку с сочными белыми цветами виднеются то золотисто-желтые, то золотисто-красные плоды. Но что это? Он проходит между рядами статуй мужчин и женщин: любим Палладой был тот мастер, что их изваял! Но отчего у всех это выражение испуга в застывших глазах? Он вспомнил сказанное ему Гермесом:

нет, ненавидим Палладой был этот мастер! Этим мастером был леденящий взор Медузы Горгоны.

И вот двери самого замка. Он входит, держа в левой руке щит, в правой — меч. Входит, смотрит все время на поверхность своего щита — это гладкая медь, все в ней отражается, точно в зеркале,— других зеркал мужчины в то время не знали. Один покой, затем другой, третий — все роскошно, но пусто. Наконец слышит голоса... забилось в нем сердце: он у цели. Входит — явственно отражаются в зеркале его щита три женщины, все три страшны, но страшнее всех — одна. Безобразна? Нет, скорее красива, но упаси нас бог от такой красоты! Персей видит ее только в зеркале, но чувствует, что у него даже от этого отраженного взора стынет кровь. Медлить нельзя — быстро бросившись на страшилище, он мощным ударом своего меча отрубает ему голову. Схватив ее за волосы... нет, за извивающиеся змеи, которые вместо волос покрывают голову Медузы, и, не обращая внимания на их бешеные укусы, прячет ее в кожаный мешок, свешивающийся с рукоятки его щита. Теперь только он озирается кругом: сестры Горгоны с жалобным криком умчались, тело же Медузы лежит, заливая покой кровью.

Дело сделано; голова Медузы добыта... для царя Полидекта, как простодушно думает Персей; остается вернуться домой. Он уже собрался подняться в воздух — вдруг чувствует на своем плече прикосновение чьей-то руки. Смотрит — перед ним женщина несказанной, строгой, но не страшной красоты, со шлемом на голове и щитом в руке и с кроткой улыбкой на устах.

— Не бойся, Персей,— говорит она ему.— Я Афина-Паллада, твоя небесная заступница. Ты, сам не зная того, сослужил богам великую службу: в тот роковой день, когда силы света и силы тьмы, боги и гиганты, встретятся в решающем бою, Медуза была бы самым страшным нашим врагом; против ее леденящего взора не устоял бы никто. Ты уничтожил этого врага. И за это тебя ждет награда.

Милостивые слова богини придали юноше смелости.

— Я — слабый смертный,— сказал он ей.— Вы — вечно живущие, всесильные боги. Как мог смертный сразить ту, против которой не устоял бы никто из вас?

Богиня опять улыбнулась.

— Только зная все,— сказала она,— ты мог бы понять и это. Желал бы ты знать все?

— О да! — с жаром ответил Персей.

— Тогда вот тебе мой совет. На окраине эллинского мира, у истоков Ахелоя на нагорной поляне, именуемой Додоной, стоит вековой дуб. Его корни спускаются в заповедные владения Матери-Земли; его листья шепчут непонятную для нас и для вас весть, и эта весть — весть Матери-Земли; три голубицы сидят на одном суку его и воркуют непонятную для нас и для вас песнь, и эта песнь — песнь Матери-Земли. И несколько ветхих, согбенных старцев живут под его сенью; они спят на голой земле, питаются плодами, и никогда влага Ахелоя не касается их членов. Это — Селлы. Они тоже пожелали знать все. Молодыми людьми, как ты ныне, пришли они к додоновскому дубу, жили по его законам, и сила Матери-Земли влилась им в душу: теперь, на старости лет, они понимают шепот листьев, понимают воркование голубиц, понимают весть и песнь Матери-Земли. Желаешь и ты приобщиться к их знаниям? Иди к Додону, но помни, что за это знание ты должен заплатить своей молодостью.

Юноша потупил глаза: в своем щите он увидел молодое лицо в зыбкой раме черных кудрей, свои огненные очи, свои алые, полные губы — его мысли представились те согбенные, престарелые Селлы, о которых ему говорила богиня,— он содрогнулся.

— Нет, богиня,— сказал он,— не могу.

Она в третий раз улыбнулась доброй, хотя и слегка насмешливой, улыбкой.

— Для иных — знание,— ответила она,— для иных и для тебя — дело. Но прими на веру мои слова: есть такие дела, которые может совершить смертный божьей крови, но не бог; не только вы нуждаетесь в нас, но и мы порою в вас. И вот почему Зевс время от времени рождает себе смертного сына. Но он не властен назначить ему его подвиг: без его участия должно совершиться все. Полидект потребовал от тебя убиения Медузы, чтобы погубить тебя; ты ее убил, чтобы исполнить его поручение,— так оно и должно быть. А теперь — получи назначенную тебе награду.

Взяв его за руку, она взвилась с ним в поднебесье; перелетев через хребет Атлантовой горы, они спустились в пределы роскошного сада на самом берегу Океана — Атлантова, или, как мы ныне говорим, Атлантического, океана. Он весь был открыт дуновенью западного ветра, Зефира, весь был пропитан его душистой, свежей тепло-

той; от него одного Персей почувствовал себя точно возрожденным, сила и радость наполнили все его существо.

— Где мы? — спросил он Палладу.

— Это — Загорная, Гиперборейская страна, рай моего брата Аполлона. Теперь тебе дозволено только его посещение; лишь когда ты кончишь свою земную жизнь, он примет тебя навсегда и вместе с тобой ту, которая тебе будет женой. Но оставь вопросы — смотри, внимай и наслаждайся.

Персей последовал за своей проводницей; но мы за ними последовать не можем: никакое перо смертного человека не может описать эту красоту и это блаженство. Он увидел в воздухе восковой храм, образец Дельфийского,— и увидел на земле гиперборейский храм Аполлона не из мрамора и меди, а из опала и золота; увидел сонм блаженных, пирующих мужчин и женщин, хороводы юношей и девушек; увидел разрешение земных загадок, отдых от томления земной жизни. Жужжали райские пчелки, пели райские птички, и эти звуки легкого труда и легкой радости сливались со звуками райских цевниц и ниспадали на душу ласковой, исцеляющей росой...

Андромеда

В обратный путь Персей пустился в прямом восточном направлении, следуя дуновению Зефира, имея полуденное солнце уже не сбоку, а прямо над собой. Летел он над бурыми утесами, над выжженными песчаными равнинами, через сухую поверхность которых изредка прорывались пучки зеленовато-серой, по-видимому очень жесткой, травы. Незнакомые Персею звери оживляли местами эту немую пустыню, но от этого оживления становилось еще тоскливее на душе. «Здесь,— подумал Персей,— область гнева Матери-Земли». Было невыносимо жарко.

Но вот пески кончились. Цепь обнаженных гор, затем спуск в зеленое царство бесчисленных пальм и, наконец, море. Море! Сладко затрепетало его эллинское сердце при виде этой родной стихии. Теперь надо держать путь к северу вдоль береговых утесов. Но что это? На одном из

них, у самого моря, какое-то дивное изваяние — образ женщины, девушки, прикованной к скале. Осторожно спустившись, он подошел к мнимому изваянию. Но это была девушка. Она подняла голову и посмотрела на него так жалостно, так умоляюще, что у него дрогнуло сердце.

— Дева,— сказал он,— кто ты? И почему ты прикована к этой пустынной скале?

— Зовут меня Андромедой,— ответила она.— Я дочь Кефея, царя эфиопской страны. Моя мать Кассиопея похвалялась, что она красотой превосходит Нереид,— разгневались резвые нимфы морских волн; выведя из глубины самое страшное из всех чудовищ, они наслали его на нашу страну. Много настрадались от него эфиопы. Царь послал вопросить оракул Зевса-Аммона в оазисе ливийской пустыни, и тот ответил, что чудовище успокоится не раньше, чем я буду отдана ему на попрание. И вот меня приковали к этой скале. Царь обещал мою руку тому, кто сразится с чудовищем и убьет его. Он надеялся, что его младший брат Финей, мой жених, исполнит этот подвиг. Но, видно, и ему жизнь милее невесты. Он скрывается, а чудовище вот-вот явится за мной.

— И пусть скрывается,— весело крикнул Персей.— Для меня это не первое чудовище, и ты невеста моя, а не его.

Поодаль от скалы, к которой была прикована Андромеда, послышался шум разбивающихся о берег волн и глухой, зловещий рев, точно от целого стада разъяренных быков. Персей мгновенно поспешил туда. Огромная волна бросилась на скалистый берег, заливая его на далекое расстояние. Когда она отхлынула, на берегу остался исполинский змей. Оглянувшись несколько раз кругом и набрав воздуху через вздутые черные ноздри, он решительно повернул в сторону скалы Андромеды. Но Персей столь же решительно преградил ему путь — и начался бой не на жизнь, а на смерть. У Персея не было ничего, кроме кривого меча. Для того чтобы действовать им, надо было подойти совсем близко к чудовищу. А оно его не подпускало, грозя ему то своей страшной черной пастью с тройными рядами острых зубов, то своими могучими лапами, то своим извивающимся хвостом, удар которого способен был прошибить скалу, а не то что человека. Отчаявшись приблизиться к нему с земли, Персей на своих крылатых сандалиях поднялся на воздух, но и это ему не

помогло. Сам он, правда, был вне опасности, но змея и оттуда поразить не мог: его спина была покрыта чешуей прочнее стали — герой скорее разбил бы свой меч, чем причинил бы чудовищу малейшую царапину. Убедившись в бесплодности попыток своего противника, змей перестал обращать на него внимание и продолжал свой путь к скале.

Это-то и погубило его: Персей тихо подлетел к змею и ловким ударом отсек ему лапу. Заревело чудовище от боли; забыв об осторожности, оно подняло голову вверх, обнажив этим свое самое чувствительное место — мягкое горло. Этого и ожидал Персей: спустившись внезапно на землю, он в один миг перерезал ему гортань. Кровь хлынула и из раны, и из пасти. Чудовище еще билось некоторое время, беспомощно ударяя хвостом об окружающие утесы, и затем испустило дух.

Оставив на песке бездыханное тело, Персей подошел к скале, освободил Андромеду и отвел ее домой, требуя, чтобы родители немедленно отпраздновали свадьбу. У тех чувства были смешанные: радость по поводу спасения дочери была приправлена грустью о предстоящей вечной разлуке с ней.

Тем не менее Кефей, верный данному слову, созвал через гонцов гостей на свадебный пир. Пришли все. Вначале им не люб был заморский жених, но он был так прекрасен, так приветлив, что они стали уговаривать царя всеми мерами задержать его в стране, благо у него у самого сыновей нет.

Пуще прежнего нахмурилась царица Кассиопея: она благоволила Финею и была недовольна тем, что пришелец отнимает у него не только невесту, но и царство. И вот, пока она молчала, пока сановники переговаривались, а Персей уже готов был уступить их желанию, представляя себе, как сначала отправится в Сериф, чтобы вручить обещанное Полидекту и взять с собою мать,— послышался снаружи шум, гам, и в свадебный зал ворвался молодой вельможа во главе нескольких десятков юношей.

— Случилось недостойное дело,— крикнул он.— Пока я сражался со змеем, кто-то увел мою невесту и, вероятно, присваивает себе честь победы... Да вот он, я вижу, уже сидит рядом с нею.

И, быстро подойдя к Персею, он грубо схватил его за плечо:

— Уходи, пока цел! А свадьбу продолжать можно — только с другим женихом.

Персей встал и презрительным движеньем стряхнул руку прибывшего.

— Змея убил я,— заявил он спокойно.

— Ты! — крикнул Финей (конечно, это был он).— А где твои доказательства?

— А где твои?

— Вот они! — торжествующе объявил Финей. С этими словами он бросил под ноги царю и царице длинный, черный, раздвоенный язык. Он был до того отвратителен, что все невольно отшатнулись.

— У мертвого зверя нетрудно было отрезать язык,— со смехом ответил Персей.

Но его слова заглушил крик юношей, пришедших с Финеем:

— Уходи, пришелец!

— Он прав! — вмешалась вдруг царица Кассиопея.— Кто убил змея? Каждый говорит, что он: у одного доказательства есть, у другого нет никаких; один — свой человек, вельможа, другой — заморский бродяга, нищий, по его же словам. Какие же тут возможны сомнения?

И, поднявшись с места, она подошла к Финею и схватила его за руку, вызывающе глядя на гостя, на дочь и ее слабовольного, но честного отца.

— Оставь его, злая царица! — крикнул Персей.— Ты уже раз своей нечестивой похвальбой едва не погубила свою дочь. Теперь ты отнимаешь ее у ее спасителя, избранного ею жениха. Оставь Финея — не то ты разделишь его участь!

Но его слова еще более разъярили Финея, царицу и юношей. Обнажив свои мечи, они бросились на него.

Тогда Персей быстрым движеньем вынул из кожаного мешка, с которым он не расставался, голову Медузы. Отвернувшись сам, он протянул ее навстречу надвигающейся ватаге. Мгновенно бешеные крики замолкли. Спрятав голову обратно в мешок, он посмотрел на своих врагов — они все застыли с открытыми ртами, с движеньями гнева, с поднятыми мечами в руках. И Кассиопея стояла рядом с Финеем — недвижный камень, подобно ему, подобно всем.

Он посмотрел в другую сторону — там за столами с яствами и вином сидел царь и его почтенные гости: они не жаловались, не обвиняли его; жаль ему стало

их, но он понял, что среди них ему уже оставаться нельзя.

А Андромеда? Как решит она?

Он обратился к ней:

— Ты видишь, я невинен в смерти твоей матери, в одиночестве твоего отца, но если ты раскаиваешься в своем слове, я возвращаю тебе его.

Она нежно подняла к нему свои взоры.

— Ты мой спаситель, мой жених, мой господин,— сказала она ему.— Невеста, подруга или раба, но я последую за тобой.

Он вывел ее из дворца, крепко обвил рукой ее стан — и они полетели вместе по влажному раздолью ночного воздуха туда, где на краю небосклона горели огни Большой Медведицы.

Конец Полидекта

Тем временем на Серифе Даная и ее добрый покровитель, Диктис, переживали тяжелые дни. Едва успел Персей покинуть остров, как Полидект потребовал обоих к себе и заявил, что он берет Данаю замуж. Тогда, однако, Данае удалось уговорить тирана, чтобы он повременил. По греческим обычаям, не только отец выдавал замуж свою дочь, но и сын, если он был взрослым, свою одинокую мать — на это и ссылалась Даная. Полидект согласился: он был уверен, что Персей погибнет.

Действительно, месяцы уплывали за месяцами, а Персей не возвращался. И вот однажды Полидект объявил Данае, что ее сын несомненно погиб и ничто не мешает ей теперь выйти за него. Даная же чувствовала себя как бы освященной браком с ней Зевса, давшим ей такого могучего сына, и не могла признать своим мужем смертного. Не видя для себя другого спасения, она бросилась просительницей к стоящему на городской площади алтарю Зевса, и Диктис последовал за ней. Полидект не посмел ее оттуда насильственно увести — он этим оскорбил бы Зевса. Но он запретил приносить обоим пищу, надеясь, что голод заставит их со временем покинуть свое убежище. К брату же он воспылал ненавистью, видя в нем защитника Данаи и главную причину ее упорства.

Но Даная твердо решилась скорее умереть, чем принять предложение тирана. Она усердно молилась Зевсу в надежде, что он поможет ей опять, как и в те дни, когда она была заключена в ларце и ветер и волны уносили ее неизвестно куда. И свершилось то, что она считала чудом: оторвав глаза от алтаря, она увидела внезапно перед собой прекрасного юношу и рядом с ним еще более прекрасную деву. Она едва не вскрикнула от восхищения, но Персей — он, конечно, и был тем юношей — уговорил ее пока его не выдавать, а для виду согласиться на требования Полидекта. Вслед за тем он ушел, никем не замеченный.

Пришел Полидект:

— Что, одумалась?

— Да, одумалась, теперь мне ясно, что сын погиб.

Обрадовался тиран, созвал гостей на свадьбу. Были расставлены столы в просторном дворе его дома, вино лилось рекой, всем было весело, только невеста сидела молча рядом с женихом, дожидаясь обещанного спасителя. И вот, когда Полидект встал, чтобы принести Зевсу торжественное возлияние, в открытые ворота вошел Персей, с ним Диктис и Андромеда.

— Брак недействителен,— сказал он,— так как моего согласия нет, а согласие матери вынуждено голодом. Кто из вас не хочет разделить преступление вашего царя, пусть встанет и присоединится к нам.

Лишь немногие последовали его призыву, но с ними, конечно, была и Даная.

Полидект побагровел от злобы, но решил действовать, сказав про себя: «Если он вернулся, значит, он Медузы не видал». Громко же он обратился к нему со следующими словами:

— С твоей матерью мы уже поладили, а с тобой у нас особые счеты. Ты обязался доставить мне голову Медузы. Где же она?

Персей улыбнулся:

— Подумай сначала, стоит ли тебе требовать ее от меня.

«Наверное, не принес»,— сказал про себя Полидект, совершенно успокоенный.

— Думать тут нечего,— возразил он,— я требую ее у тебя по уговору, а если ты его не исполнил — прощайся с жизнью.

— Ну что ж, ты требуешь — вот она!

С этими словами Персей вынул голову страшилища из мешка и, сам отвернувшись, протянул ее царю. Царь вскрикнул было от ужаса — но крик замер у него на устах. Медуза окинула его и его сотрапезников своим мертвым, леденящим взором — и они застыли, как кто сидел, у полных столов, с кубками в руках. И еще долго показывали в Серифе каменный пир царя Полидекта.

Смерть Акрисия

ередав Диктису имущество и власть его брата, Персей с Данаей и Андромедой вернулись на взморье; отведя мать и жену в хижину бывшего рыбака, юный герой пошел туда, где к нему явился Гермес, в надежде встретить его и теперь. Он не ошибся: божественный вестник и на этот раз пришел.

Персей горячо поблагодарил его за его милостивую помощь, отдал ему крылатые сандалии, меч и медный щит. Но, приняв их, Гермес продолжал вопросительно и выжидательно смотреть на юношу.

— Я все тебе передал,— оправдывался тот.

— А голова Медузы?

— Я добыл ее для царя Полидекта, а так как его больше нет в живых, то...

— То ты считаешь себя вправе оставить ее себе?

Персей опустил голову. «Разве я не добыл ее своим подвигом? — подумал он.— И разве я не благодаря ей добыл Андромеду и спас свою мать?»

Очень не хотелось ему расставаться с чудесным талисманом, но Гермес нахмурился.

— Послушай, юноша,— сказал он ему.— В твоих руках безмерная, непреоборимая сила. Мы, боги, теперь ничто перед тобой. Стоит тебе внезапно показать мне голову страшилища — и вместо меня здесь будет стоять камень, носящий мой облик. Стоит тебе с ней явиться на Олимп, святую гору богов,— и каменный пир Полидекта повторится на блаженной вершине.

Неохотно протянул Персей Гермесу сумку с головой Медузы Горгоны.

— Голова страшилища будет отныне красоваться на эгиде — чешуйчатой броне — Афины-Паллады, наводя

страх на врагов Олимпа,— сказал Гермес, с радостной улыбкой принимая от Персея его трофей.— Ты же будешь счастлив и до смерти, и за ее пределами на этом и на том свете. Станешь отцом многих и прекрасных детей, доживешь до глубокой старости, а когда наступит твой предельный день, Паллада уведет тебя в сад гипербореицев.

С этими словами он исчез, оставляя Персея в счастливом раздумье. Что делать теперь? Конечно, ехать в Аргос, броситься к ногам деда, старого Акрисия, уверить его, что он боится понапрасну: ему ли, Персею, посягать на священную жизнь отца своей матери?

Диктис охотно дал ему корабль, и он вторично с матерью, но этот раз и с женой измерил тот водный путь, который он тогда, по нечестивой воле Акрисия, совершил в заколоченном ларце. Но когда он прибыл в Навплию, гавань города Аргоса, трусливый царь на лошадях умчался через Коринфский перешеек в Беотию, из Беотии в Фессалию, где в городе Лариссе он и спрятался, прося никому не говорить о его приезде. Персей и туда за ним последовал, но, благодаря хитрости Акрисия, найти его не мог.

Молодой ларисский царь как раз справлял поминальные игры по умершему родителю, и Персей не мог устоять против соблазна принять в них участие. Ведь его дед не мог не находиться среди многочисленной толпы зрителей — что-то скажет он, когда глашатай громко провозгласит: «Победил Персей, внук Акрисия, аргосец!» Неужели не придет, не обнимет того, кто вместе с собою прославит и его, и их общую родину? И действительно, он стал одерживать одну победу за другой — в беге, в прыжке, в борьбе, в метании дротика; соперники позеленели от зависти — Акрисий молчал: трусость побеждала в нем все другие чувства. Оставалось состязание в метании диска. Метали кто как мог, в общем недалеко; публика, успокоенная близостью перелета, стала со ступеней спускаться на арену. Но когда Персей бросил диск — он взвился высоко и одно время как бы повис над головами смотревшей с другого конца стадиона толпы. Она с криком рванулась во все стороны; диск упал, но в своем падении задел одного старика, не успевшего вовремя спастись,— задел и уложил на месте. Этим стариком был Акрисий — оракул исполнился.

Персей торжественно похоронил нечаянно убитого деда

за воротами Ларисcы, на краю большой дороги, как это было в обычае у греков. Теперь ничто не мешало ему, вернувшись в Аргос, занять осиротевший престол, но внутренее чувство запрещало ему поселиться во дворце своей, хотя бы и невольной, жертвы. Брат Акрисия Прет жил, как мы знаем, в соседнем Тиринфе; отправившись к нему, Персей предложил ему выгодную мену: Аргос с Микенами и Навплией взамен одного Тиринфа. Прет с радостью согласился, тем более что под его власть переходил вместе с Аргосом и Микенами и лежащий между ними, славный своими богатствами и своей святостью, храм Аргосской Геры. И досталось Прету богатство, а Персею — безоблачное счастье до смерти и за ее пределами, на том и на этом свете.

ДВЕНАДЦАТЬ
ПОДВИГОВ ГЕРАКЛА

Рождение Геракла

За несколько лет до того времени, как в шумном Иолке вероломно овладел царским престолом коварный Пелий, дивные дела совершились на другом конце греческой земли — там, где среди гор и долин Арголиды лежал древний город Микены. Жила в этом городе в те дни девушка по имени Алкмена.

Она была так прекрасна, что, встретив ее на своем пути, люди останавливались и в безмолвном удивлении смотрели ей вслед.

Она была столь умна, что самые мудрые старцы порою вопрошали ее и дивились ее разумным ответам.

Она была так добра, что пугливые голуби из храма Афродиты, не дичась, опускались, чтобы ворковать у нее на плечах, а соловей пел по ночам свои звонкие песни у самой стены ее дома.

И, слыша, как он поет среди розовых кустов и виноградных лоз, люди говорили друг другу: «Смотрите! Сама Филомела славит красоту Алкмены и удивляется ей!»

Беззаботно росла Алкмена в отеческом доме и даже не думала, что ей придется когда-нибудь покинуть его кровлю. Но судьба судила иначе...

Однажды в городские ворота Микен въехала запыленная колесница. Высокий воин в блестящих доспехах правил четверкой усталых коней. Это отважный Амфитрион, брат аргосского царя Сфенела, приехал в Микены искать себе счастья.

Услышав грохот колес и храп коней, Алкмена вышла на крыльцо своего дома. Солнце садилось в этот миг. Червоным золотом рассыпались его лучи по волосам прекрасной девушки, пурпурным блеском окутали ее всю. И как только Амфитрион увидел ее на крыльце у двери, он забыл все на свете.

— Куда я поеду дальше и зачем? — сказал он сам себе.— Вот передо мной стоит мое счастье.

Не прошло и нескольких дней, как Амфитрион отправился к отцу Алкмены и стал просить его выдать дочку за него замуж. Узнав, кто такой этот молодой воин, старик не стал возражать ему. Весело и шумно отпраздновали

микенцы брачный пир, а потом Амфитрион посадил жену на пышно украшенную колесницу и увез ее из Микен. Но они не поехали в родной город Амфитриона — Аргос: туда ему нельзя было возвращаться.

Не так давно на охоте он нечаянно убил копьем своего племянника Электрия, сына старого царя Сфенела. Разгневанный Сфенел прогнал брата из своих владений и запретил приближаться к аргосским стенам. Он горько оплакивал погибшего сына и молил богов, чтобы они послали ему еще одного ребенка. Но боги оставались глухи к его мольбам.

Вот почему Амфитрион и Алкмена поселились не в Аргосе, а в Фивах, где был царем дядя Амфитриона Креонт.

Тихо текла их жизнь. Одно только огорчало Алкмену: муж ее был таким страстным охотником, что ради погони за дикими зверями на целые дни оставлял молодую жену дома.

Каждый вечер выходила она к воротам дворца, чтобы дождаться нагруженных добычей слуг и утомленного охотой мужа. Каждый вечер закатное солнце, как бывало в Микенах, снова одевало ее в свои пурпурные одежды. Тут однажды на пороге дворца освещенную алым светом зари Алкмену увидел могучий Зевс, самый сильный из всех греческих богов, и, увидев, полюбил ее с первого взгляда.

Зевс был не только могуч, но также хитер и коварен. Хотя у него была уже жена, гордая богиня Гера, он захотел взять и Алкмену себе в жены. Однако сколько ни являлся он ей в сонных видениях, как ни уговаривал разлюбить Амфитриона, все было тщетно.

Тогда коварный бог задумал покорить ее лукавым обманом. Он сделал так, что вся дичь из всех лесов Греции сбежалась в те фиванские долины, где в то время охотился Амфитрион. Тщетно убивал неистовый охотник рогатых оленей, клыкастых кабанов, легконогих коз: их с каждым часом становилось вокруг него все больше и больше. Слуги звали своего хозяина домой, а он никак не мог оторваться от любимого развлечения и день за днем, неделю за неделей охотился, забираясь все дальше в глушь лесных дебрей. Тем временем сам Зевс превратился в человека, как две капли воды похожего на Амфитриона, вскочил на его колесницу и поехал в фиванский дворец.

Услышав знакомое цоканье копыт и звон доспехов, Алкмена выбежала на крыльцо, радуясь тому, что увидит

наконец долгожданного мужа. Чудесное сходство обмануло ее. Она доверчиво бросилась на шею лживому богу и, называя милым своим Амфитрионом, повела его в дом. Так при помощи волшебства и обмана Зевс стал мужем прекрасной Алкмены, пока настоящий Амфитрион охотился за зверями далеко от своего дворца.

Прошло немало времени, и у Алкмены и Зевса должен был родиться сын. И вот, однажды ночью, когда Алкмена мирно спала, вернулся настоящий Амфитрион. Увидев его поутру, она ничуть не удивилась этому: ведь она была уверена, что муж ее давно дома. Вот почему этот обман, придуманный Зевсом, остался нераскрытым.

Повелитель же богов, удалясь из фиванского дворца, возвратился в свое заоблачное жилище на высокой горе Олимп. Зная, что у старшего брата Амфитриона, аргосского царя Сфенела, нет детей, он задумал сделать своего сына наследником Сфенела и, когда он родится, отдать ему Аргосское царство.

Узнав об этом, сильно разгневалась ревнивая богиня Гера, первая жена Зевса. Она возненавидела Алкмену великой ненавистью. Ни за что не хотела она, чтобы сын этой Алкмены стал аргосским царем.

Задумав погубить мальчика, как только он появится на свет, Гера тайно явилась к Сфенелу и пообещала, что у него родится сын Эврисфей.

Ничего не ведая про это, Зевс созвал всех богов на совет и сказал:

— Выслушайте меня, богини и боги. В первый день полнолуния, когда луна станет совсем круглой, родится на свет мальчик. Он будет царствовать в Аргосе. Не подумайте сделать ему что-нибудь дурное!

Услышав такие слова, Гера спросила с хитрой улыбкой:

— А если в этот день родятся сразу два мальчика, кто будет тогда царем?

— Тот, кто родится первым,— ответил Зевс. Ведь он был уверен, что первым родится Геракл. Он ничего не знал об Эврисфее, будущем сыне Сфенела.

Но Гера улыбнулась еще хитрей и сказала:

— Великий Зевс, ты часто даешь обещания, о которых потом забываешь. Поклянись перед всеми богами, что царем Аргоса будет тот мальчик, который родится первым в день полнолуния.

Зевс охотно поклялся. Тода Гера не стала терять времени даром. Она позвала богиню безумия и глупости Ате

и приказала ей украсть у Зевса память. Как только Зевс потерял память, он забыл об Алкмене и о ребенке, который должен был родиться у нее.

Вот почему случилось так, что сын Зевса Геракл еще до своего рождения потерял отца. Но зато он нашел в Амфитрионе доброго и заботливого отчима.

Между тем наступил день полнолуния. Гера набросила на себя черную одежду, чтобы ее никто не узнал, и полетела в Аргос. Там она сделала так, что сын аргосского царя Эврисфей родился на целый час раньше, чем сын Алкмены Геракл.

Когда оба мальчика уже лежали в своих колыбелях — один в Аргосе, а другой в Фивах,— Гера вернулась на гору Олимп, в жилище богов, и приказала богине глупцов Ате возвратить память Зевсу. Потом она созвала всех богов и богинь и сказала:

— Выслушай меня, отец Зевс, а вы, боги, будьте свидетелями. Сегодня, в день полнолуния, первым родился на свет Эврисфей — сын аргосского царя Сфенела. Помните ли вы все, что сказал Зевс? Теперь Эврисфей и будет царем над Аргосом, а маленький Геракл должен ему подчиняться во всем.

Услышав это, Зевс пришел в страшную ярость.

Он сразу же догадался, что его одурачила Ате-Глупость. Схватив богиню глупцов за рыжие волосы, он сбросил ее вниз с Олимпа. С тех пор Ате не смеет вернуться в жилище богов. Зато она вечно трется среди людей. И если кто-нибудь из вас захочет сделать глупость, пусть он спросит себя: уж не проделки ли это большеротой и длинноухой рыжей Ате?

Как Геракл задушил змей

Наказав Ате, Зевс сделал только первую половину дела. Поэтому он сейчас же повернулся к богам и сказал:

— Слушайте меня, боги! Я не возьму назад моей клятвы: Эврисфей будет аргосским царем. Но зато я сделаю Геракла могущественнее и сильнее всех царей на земле. Когда этот мальчик вырастет, он совершит двенадцать великих подвигов, и в награду за эти подвиги вы, боги, сделаете его бес-

смертным. Так решил я, Зевс. Горе тому, кто вздумает изменить мое решение.

Сказав это, Зевс грозно взглянул на Геру, но Гера подумала про себя: «Еще неизвестно, удастся ли Гераклу совершить хоть один подвиг. Во всяком случае, мы с Ате во-своему вмешаемся в его дела».

Увидев мрачное лицо Геры, Зевс задумался. Он подозвал к себе свою любимую дочь Афину и попросил ее день и ночь следить, чтобы никто не сделал Гераклу какого-нибудь зла.

Между тем мальчик Геракл спокойно лежал в своей колыбели рядом с братцем Ификлом. Они родились близнецами, в один день и час, но были совсем не похожи один на другого. Геракл был сильный, здоровый мальчик. Он в первый же день так буянил в тесной люльке, что ее пришлось прикрепить к полу — иначе она опрокинулась бы. А Ификл был сонливый и слабенький, он лежал неподвижно, как все новорожденные дети.

Наступила ночь. Афина — богиня мудрости — послала к Амфитриону свою любимую сову, самую умную из всех птиц. Пушистая сова неслышно летала над колыбелью Геракла и обмахивала его мягкими крыльями. От этого ребенок умнел с каждым часом.

Но богиня Гера твердо решила погубить его; она ни за что не хотела, чтобы сын ненавистной Алкмены сделался сильней и могущественней ее любимца Эврисфея.

Как только стемнело, Гера пошла в ядовитое болото, выбрала там двух самых сильных и самых страшных змей и потихоньку принесла их к дому Амфитриона. Чтобы не вышло какой-нибудь ошибки, Гера решила убить обоих мальчиков. Одна змея должна была ужалить Геракла, а другая — Ификла. Хуже всего было то, что, едва дети уснули, сова неслышно сорвалась с карниза и улетела. Ей нужно было непременно наказать крыс, которые сгрызли пряжу богини Афины.

Усталая мать близнецов Алкмена тоже заснула, оставив у колыбели, по совету мудрой совы, двенадцать рослых прислужниц. Но прислужницам скоро надоело сидеть в темноте. Одна за другой они начали дремать. Головы их опускались все ниже и ниже. Они зевали все разом до тех пор, пока не заснули крепким сном. А змеи ползли да ползли и через широкий двор, прямо по лестнице, приползли к колыбели Геракла.

Ровно в полночь маленький Геракл проснулся. Он ле-

жал в темноте, сосал кулак и слушал во все уши, потому что был умен не по возрасту. Вдруг он услышал возню и шуршание на пороге, потом тихий свист и шипенье на полу. Любопытный мальчик приподнял голову и заглянул за край колыбели. В ту же минуту он увидел большую змеиную голову рядом со своей головой. Геракл немного испугался и откинулся назад. Тут он заметил другую змею, которая жадно тянулась к маленькому Ификлу. Тотчас же Геракл схватил змей обеими руками пониже голов и стал их душить изо всех сил. Змеи шипели, как вода на углях, и молотили хвостами о каменный пол, но мальчик держал их крепко и все сильнее сжимал кулаки. Шум разбудил ленивых прислужниц. Увидя змей, они, растрепанные и неодетые, бросились вон, стали громко кричать и звать на помощь. Их вопли перебудили всех в доме. Люди забегали с факелами, по комнатам заметались тени. Размахивая мечами, прибежали кадмейские воины, стоявшие на страже у ворот дворца Амфитриона. Сверкая золотыми доспехами, вбежал и сам перепуганный шумом Амфитрион.

При свете факелов все столпились над колыбелькой. Но маленький Геракл уже крепко спал, зажав в кулаках задушенных змей,— они болтались теперь, как две веревки, по сторонам колыбельки. При виде такого чуда Амфитрион, и кадмейские воины, и все двенадцать ленивых прислужниц стали пятиться от колыбели, качая головами и шепотом переговариваясь друг с другом: так они были удивлены.

Все они решили, что, значит, сами боги заботятся о Геракле, раз они наградили новорожденного мальчика такой удивительной силой. Людям нечего бояться за его судьбу.

Но это было большой ошибкой.

Как Геракл вырос и почему он убил своего учителя Лина

а другой день Амфитрион призвал к себе прорицателя Тиресия, который умел предсказывать будущее. Как только старец Тиресий взглянул на Геракла, он сразу же понял, что перед ним лежит не простой ребенок, а сын великого Зевса. Тиресий предсказал Амфитриону, что, когда Геракл вырастет, он не только победит всех зверей и людей, но поможет и самим богам справиться со страшными сторукими гигантами, которые живут на краю земли. Тиресий посоветовал Амфитриону как можно лучше беречь и воспитывать мальчика.

Амфитрион считал Геракла своим сыном и любил его еще больше, чем Ификла. Поэтому, как только мальчик подрос, он пригласил ему в учителя самых знаменитых воинов и мудрецов. Искусный Эврит, который никогда не делал промахов, научил Геракла стрелять из лука, Автолик показал ему, как ловчее бороться с другими мальчиками, великий герой Кастор учил его рубить мечом и бросать копье, а сам Амфитрион постоянно брал его на свою колесницу и давал ему править четверкою горячих коней. Скоро Геракл стал искуснее и сильнее не только всех своих сверстников, но и многих взрослых людей.

Он был так силен и велик, что, играя с другими мальчиками в семь камешков, в мяч и в лапту, никогда не умел рассчитать свои силы. Вместо камешков он клал на ладонь большие булыжники и подкидывал их столь высоко, что все дети бросались от него врассыпную, боясь, как бы камни не проломили им голову. А мячом Геракл бил так крепко, что мальчики падали кувырком. Тут-то с Гераклом и случилось несчастье.

Строгий Лин обучал его всем наукам и искусству играть на большой семиструнной кифаре. Науками Геракл занимался охотно, но игра на кифаре ему не давалась, потому что струны он рвал всякий раз, как только касался их пальцем. Это очень сердило старого учителя Лина, и как-то раз он больно прибил Геракла. Геракл обиделся. Он изо всей силы швырнул прочь от себя кифару и нечаянно задел ею Лина. Как всегда, он забыл о своей необыкновенной силе. Кифара коснулась учителя самым краешком, но убила его наповал.

Узнав об этом, Амфитрион испугался, как бы Геракл с такой страшной силой не натворил еще каких-нибудь бед и не покалечил маленького Ификла или других городских детей. Посоветовавшись с Тиресием, он решил на время отправить Геракла за город и поручил ему пасти свои стада на киферонских лугах.

Богиня Гера поражает Геракла безумием

рошло много лет. Геракл вырос и возмужал. Он стал сильным и смелым юношей, могучим бойцом, отважным защитником своей родины.

Однажды, когда он отправился на охоту, соседний царь Эргин напал в его отсутствие на Фивы. Он подчинил себе фиванцев и заставил их платить ему непосильную дань.

Но Геракл, как только вернулся домой с охоты, собрал, вместе со своим братом Ификлом, большой отряд храбрецов, ударил с ним на войско Эргина, убил его в яростной битве и освободил родину от врагов.

В награду за это фиванский царь Креонт отдал Гераклу в жены свою дочь, красавицу Мегару. Радостной была эта свадьба, и шумным был веселый брачный пир. Сами боги спустились с Олимпа и пировали вместе с Гераклом. Один из младших сыновей великого Зевса, неутомимый Гермес, вестник богов, который всюду летает на своих крылатых сандалиях, подарил герою прекрасный меч. Бог света и радости Аполлон дал ему лук с золотыми стрелами. Искусный Гефест своими руками сковал ему панцирь, а богиня Афина облекла его в дорогую одежду, которую выткала для него сама. Одна только злобная Гера ничего не подарила Гераклу: она по-прежнему ненавидела и Геракла, и его мать Алкмену.

Геракл и Мегара счастливо зажили во дворце Креонта. Скоро у них родилось двое детей. Но Гера, которая в это время опять стала женою Зевса, завидовала их счастью. Она постоянно ссорилась с Зевсом, и ей было досадно, что многие люди на земле живут дружнее, чем боги на Олимпе.

Однажды дети играли у ног Геракла на шкуре льва. Им нравилось рассматривать огромные львиные лапы и засовывать кулачонки в оскаленную пасть. Геракл любо-

вался детьми. Светлый огонь мирно горел в очаге. Вдруг легонько скрипнула дверь. Тихое пламя испуганно заметалось, раскачивая большие тени на потолке. Геракл удивленно поднял голову: он подумал, что кто-то вошел. Но он никого не увидел.

А это богиня Ате, никем не замеченная, прокралась в дом. Тихонечко подойдя к Гераклу сзади, она накинула ему на глаза волшебную невидимую повязку, одурманила его разум и свела героя с ума.

Так сделала Ате по приказанию Геры, и вот обезумевшему Гераклу стало казаться, что львиная шкура, лежавшая у его ног, вдруг ожила, а дети превратились в ужасных двуголовых чудовищ.

Дико вращая налившимися кровью глазами, Геракл вскочил с места, с ревом набросился на детей и убил их одного за другим. Затем он начал метаться по дому, крушить и ломать все, что попадалось ему под руку. Напрасно Мегара и прибежавший на шум Ификл старались его успокоить. Он погнался за ними и до тех пор гонял их по всему дому, пока они не выскочили на улицу. Тут повязка безумия упала с его глаз, и бешенство сразу прошло. Геракл остановился, удивленно оглядываясь вокруг. Он никак не мог понять, почему жена и брат убегают от него со всех ног. Задумчивый, вернулся он домой, стараясь вспомнить, что такое с ним было, но как только увидел трупы своих детей, чуть опять не сошел с ума от горя и отчаянья. Закрыв лицо руками, он выбежал вон, боясь оглянуться на свой разоренный дом, и бежал до тех пор, пока не настала ночь. Ему было так тяжело и горько, что он решил никогда не возвращаться домой и пошел в другой город к своему другу Феспию.

Феспий, сын Архегона, был мудрым человеком и добрым товарищем. Сильно опечаленный несчастьем, которое случилось с его другом, он не стал понапрасну укорять его и огорчать бесполезными причитаниями. Он сделал лучше.

— Выслушай меня, Геракл,— сказал он.— Только слабые вздыхают о том, что уже свершилось, да плачут о невозвратном. Тот же, кто крепок душой, стремится загладить прошлое благими деяниями в будущем. И ты можешь сделать это.

Вчера, когда я проходил по городскому рынку близ храма Артемиды, я увидел толпу юношей — они, горячась, обсуждали какие-то вести. Я прислушался к их речам

и узнал о славных замыслах. В далеком Иолке Язон, сын Эсона, собирает могучую дружину, чтобы плыть за золотым руном, за сокровищем Эолидов, Фрикса и Геллы. Мышцы твои крепки, Геракл, взор твой ясен. Послушайся меня: ступай в Иолк, к Язону. Много подвигов встретит он на своем пути, и, если ты вместе с ним прославишь добрыми делами свое имя, боги простят тебе нечаянный проступок...

Так и сделал Геракл. Через холмистую Беотию и прибрежную Локриду, минуя семивратные Фивы, пробрался он в славный город аргонавтов и отплыл вместе с ними в далекий путь.

Покорно подчинялся он в дороге юному Язону, хотя сам был старше и сильнее его. Безропотно греб он один тяжелым веслом на борту быстролетного «Арго».

Но боги предназначили ему судьбу, отличную от судьбы аргонавтов. Когда однажды, сойдя на берег маленького островка, он углубился в лес, чтобы по приказу Язона заменить сломанное весло новым, в чаще деревьев встретил его лукавый и быстроногий Гермес, юноша с птичьими крылышками на круглой шапке и с другой парой крыльев на задниках легких сандалий.

— Брат мой Геракл! — сказал он ему.— Выслушай повеленье отца нашего Зевса. Оставь сейчас же славных аргонавтов: их подвиги слишком легки для тебя. Иди в Аргос. Там царствует твой соперник Эврисфей, тот, что родился на краткий час раньше, чем ты. Стань слугой презренного труса Эврисфея. Делай все, что он повелит тебе, все, что могучему прикажет ничтожный. Когда же ты выполнишь весь тяжелый урок, всемогущие боги, я думаю, даруют тебе прощенье...

Как Геракл поступил на службу к царю Эврисфею

Услышав волю богов, Геракл содрогнулся от гнева и обиды. Он знал, что Эврисфей был ничтожный, дрянной человек и все люди смеялись над его удивительной трусостью. Говорили, что Эврисфей боится даже собственной тени. Но, вспомнив, что это боги посылают ему наказание за убитых детей, Геракл смирился.

«Ну что ж,— подумал он.— Я сам виноват во всем этом. Ведь сам я совершил такое страшное преступление. Хорошо еще, что мне позволено искупить столь великую вину. Лучше я пообещаю сам себе всю свою жизнь смело бороться за несчастных и обиженных людей, помогать слабым против злых чудовищ и драконов, как это делали великие герои до меня. Вот тогда-то я, наверное, заслужу прощение».

Рассудив так, Геракл быстро отправился в путь. Скоро он прибыл в Аргос.

Узнав о приходе Геракла, Эврисфей обрадовался, но вместе с тем побледнел от страха. Ему было очень приятно, что боги заставили служить ему такого смелого человека, но он испугался, как бы Геракл не вздумал убить его и захватить себе Аргосское царство. Из трусости Эврисфей не вышел навстречу Гераклу. Он приказал ему ждать у порога, а сам забрался в постель с ногами и начал думать, куда бы ему отправить Геракла — так, чтобы самому прославиться, а Геракла погубить. Но только глупый царь попробовал думать — он сейчас же заснул как убитый. Во сне явилась ему богиня Гера и посоветовала послать Геракла на охоту за страшным Немейским львом.

Эврисфей проснулся очень довольный, приказал Гераклу убить Немейского льва и целый день рассказывал басни о том, как ему пришла в голову такая умная мысль.

Что случилось с Гераклом в пещере Немейского льва

емейский лев был не простой зверь, а страшное волшебное животное огромного роста. Он был сыном огнедышащего дракона Тифона и гигантской змеи Ехидны. Жил он в Немейской долине, неподалеку от селенья Клеоны, и наводил страх на все окрестности своими набегами. Храбрый, но осторожный Геракл нарочно зашел в Клеоны, чтобы хорошенько расспросить жителей о привычках льва. Он постучался в первую попавшуюся хижину, в дом бедняка Молорха, и остался у него ночевать. Добрый Молорх охотно поделился с Гераклом последним

куском черствого хлеба и кружкой кислого вина, но, узнав, куда он идет, так ужаснулся, что долго не мог произнести ни одного слова. Потом он упал на колени и стал умолять Геракла не ходить на охоту за львом.

— Это страшный зверь,— говорил он Гераклу,— такой же сильный, как и свирепый. Шкура его тверже, чем каменный панцирь; зубы его легко разгрызают самый твердый булыжник. Вот какой это зверь. Он живет в глубокой темной пещере, и пещера его заколдована: пока он в ней, его нельзя убить ни копьем, ни мечом, ни стрелой...

Так уговаривал добрый Молорх Геракла, потому что ему было жаль этого молодого воина в белоснежной одежде и в блестящем, как золото, панцире. Молорх был уверен, что Геракл идет на верную смерть. Видя, что гость не хочет послушаться его, он огорчился и сказал:

— Вот что, странник! Сегодня все люди в нашем селении приносят жертвы могучему Зевсу. Хочешь, я тоже принесу жертву, чтобы Зевс сохранил тебя от страшного зверя?

На это Геракл отвечал улыбаясь:

— Добрый Молорх, лучше подожди приносить жертвы, пока я не убью Немейского льва. Ты будешь ждать меня тридцать дней. Если я вернусь в этот срок с львиной шкурой, мы поблагодарим Зевса за удачную охоту. Если же я не приду и на тридцатый день, ты оплачешь меня, чтобы тень моя не томилась в подземном царстве умерших.

Сказав это, он встал, надел свой высокий шлем, повязал меч и вышел из хижины.

Старый Молорх грустно проводил его до порога. Долго стоял он у дверей, покачивая седой головой. Он был уверен, что гость никогда не вернется назад.

Двадцать девять дней прошли в томительном ожидании. Как только занималась заря, Молорх выходил на дорогу посмотреть, не белеет ли на ней плащ Геракла, не блестит ли его золотой панцирь. Вечером он сидел на пороге до тех пор, пока ночь не становилась черной, как яма, полная угля. Но сколько он ни всматривался в темноту, Геракл не возвращался.

Наступил тридцатый день. Он пришел и ушел, а Геракла все не было. Печальный Молорх вымыл руки и приготовился принести жертву в память погибшего героя. Но как только он это сделал, кто-то сильно постучал в дверь. Молорх поспешил открыть засов, думая, что это вернулся Геракл. Но вместо Геракла в хижину, нагнув-

шись, вошел незнакомый человек. Он был закутан в темный тяжелый плащ. Голову его покрывал странный шлем невиданной формы. Густая борода закрывала могучую грудь, а пыльные волосы космами падали на плечи.

— Если тебя зовут Молорхом,— сказал незнакомец хриплым и грубым голосом,— то погоди приносить жертву, потому что я принес тебе весть от Геракла.

Глядя на темный плащ и косматую бороду незнакомца, Молорх сообразил, что к нему пришел сам лесной бог Пан. От страха у него отнялся язык, он покорно сел на скамью и приготовился слушать, не смея даже спросить у грозного бога, жив ли Геракл. Гость опустился у очага, заслонив своим огромным телом и без того слабый огонь. В хижине стало совсем темно.

— Как только Геракл ушел от тебя,— начал гость,— его со всех сторон охватила ночная тьма. Он все время оглядывался назад, потому что боялся, как бы лев не прыгнул на него из кустов...

Слушая хриплый голос гостя, Молорх подумал, что Пан долго шел и очень устал; поэтому он встал, вылил в чашу свое последнее вино и молча поставил его на стол. Гость жадно схватил чашу, разом выпил вино, вытер губы рукой и продолжал свой рассказ:

— На заре Геракл пришел в Немейскую рощу. И тут он зорко смотрел по сторонам, думая, что зверь засел где-нибудь между деревьев. Но ничего не было видно. Тогда Геракл вспомнил, что Немейского льва нельзя убить ни стрелой, ни мечом, потому что шкура его тверже камня. Подумав об этом, он решил раздобыть себе оружие понадежнее, вырвал с корнем молодой дуб, обрубил ветви и сделал себе тяжелую палицу, твердую, как железо. Вот она, ты можешь ее посмотреть.

С этими словами гость протянул Молорху огромную дубину. Молорх осторожно потрогал ее: она была так тяжела, что он не решался взять ее в руки. Гость с улыбкой поставил дубину между колен.

— Сделав палицу,— продолжал он,— Геракл влез на дерево и крепко уснул. Он проспал десять дней и десять ночей, набираясь сил для битвы с Немейским львом. Наконец он проснулся и, видя, что лев не пришел к нему в Немейскую рощу, пустился в дальнейший путь. Не успел он выйти из рощи, как заметил прямо перед собой огромного каменного льва, грузно лежащего на холме над самой дорогой.

Геракл решил, что это окрестные жители высекли из камня такое удивительное изваяние. Он спокойно остановился, дивясь столь искусной работе. Вдруг страшилище подняло каменную голову и с грозным рычаньем вскочило на ноги. Увидев такое чудо, Геракл тотчас же натянул лук, нацелился прямо в глаз ужасного зверя и спустил стрелу. Золотая стрела блеснула, как молния, но, должно быть, зверь успел опустить каменное веко, потому что она отлетела назад со звоном. Однако, ослепленный ее блеском, чудесный лев прянул в сторону и с ревом помчался прочь. Геракл пустил вдогонку вторую стрелу, но и эта стрела отскочила от каменной шкуры. Лев побежал быстрее и скрылся между холмов. Геракл поднял упавшие стрелы и покачал головой: бронзовые наконечники их совсем расплющились. Он повесил лук на плечо и, крепко сжимая в руках дубину, побежал вслед за львом, удивляясь неожиданной трусости такого свирепого зверя. Но Геракл помнил, что Немейский лев так же хитер, как и свиреп. Поэтому он осторожно бежал по следам, опасаясь, что лев спрятался где-нибудь близко в засаде и выскочит на него неожиданно. Однако льва нигде не было видно, а следы затерялись в каменистой Немейской долине. Геракл очень долго бродил вокруг, пока наконец не дошел до высокой горы, заросшей кустами. Он облазил скалы и обшарил кусты, но льва нигде не увидел. Между тем наступила ночь. Геракл зажег костер, чтобы зверь не напал на него в темноте. Но как только стемнело, он услышал глухое рыканье зверя, кружившего во мраке возле костра. Геракл дождался луны и сразу увидел льва. Зверь стоял на горе и смотрел на огонь. Геракл сейчас же схватил свою палицу и пошел вверх по склонам горы. Но когда он дошел до вершины, лев пропал, точно провалился сквозь землю.

Целую ночь Геракл разыскивал льва, а на рассвете вернулся к костру. Как только лучи восходящего солнца осветили окрестность, Геракл снова увидел зверя. С громким криком он погнался за ним. Лев скачками помчался к горе и снова пропал. Торопясь за ним по следам, Геракл увидел в кустах у подножья горы большую пещеру. Догадавшись, что в этой пещере и прячется лев, он смело раздвинул кусты, но сразу остановился. Пещера была сырая, темная и такая тесная, что в ней негде было размахнуться дубиной. Геракла охватил страх...

— Ты говоришь неправду,— сказал Молорх, в пер-

вый раз прерывая рассказ гостя.— Геракл не знает страха.

Но гость улыбнулся.

— Ты хорошо сказал, добрый Молорх,— отвечал он,— а все-таки Геракл испугался. В глубине пещеры он увидел два зеленых огня — два страшных глаза свирепого льва — и в страхе покинул пещеру. Я не хотел бы, добрый Молорх, чтобы ты когда-нибудь видел такие глаза.

— Странник,— сказал Молорх, опять прерывая гостя,— не томи меня и скажи: жив Геракл или умер?

— Слушай дальше,— ответил гость, по-прежнему улыбаясь.— Как только зверь заметил, что Геракл испугался, он выскочил из пещеры и хотел напасть на него. Но Геракл зажег от костра большую ветку и, пугая зверя огнем, погнал его в глубь пещеры. Чем дальше он шел, тем выше поднимались пещерные своды. Геракл уже поднял дубину, чтобы ударить зверя, но в эту минуту лев скрылся за выступом скалы. Геракл побежал за ним и с разбегу выскочил вон из пещеры. Хитрый зверь устроил себе логовище с двумя ходами. Геракл обежал гору, снова вошел в пещеру через первый ход, снова выскочил из второго и опять помчался к первому.

Так Геракл гонялся за зверем до поздней ночи, пока наконец не понял, что никогда не настигнет зверя, если не измыслит какой-нибудь хитрости. Подумав хорошенько, он сложил перед первым ходом огромный костер, чтобы зверь не вышел наружу, а сам поспешил ко второму ходу и целую ночь таскал к нему большие обломки скалы, пока наконец не завалил дыру до самого верха.

На заре он вернулся к первому ходу и, размахивая горящей веткой, смело пошел на льва. Увидев, что ему больше некуда деться, лев повернул назад и с яростным ревом бросился на Геракла.

Услышав это, Молорх вскочил.

— Странник! — крикнул он, схватив гостя за руку.— Если ты бог, скажи мне, жив ли Геракл?!

Но гость отвел его руку.

— Ты слишком торопишься, добрый Молорх,— сказал он спокойно.— Подняв дубину, Геракл со страшной силой ударил зверя по голове. Удар был так силен, что каменный череп треснул. Немейский лев упал к ногам Геракла и забился в судорогах, стараясь подняться на ноги. Тогда Геракл схватил его руками за горло и сжимал до тех пор, пока зверь не задохся.

— Странник,— спросил Молорх, и глаза его заблестели,— куда же девался Геракл?

Гость рассмеялся и сказал:

— Убив зверя, Геракл пошел к старику Молорху и рассказал ему, как он охотился на Немейского льва.

Сказав это, гость схватил с очага головешку и ярко осветил свое лицо. Молорх вскрикнул от неожиданности — он увидел перед собой Геракла, за тридцать дней обросшего бородой и густыми косматыми волосами, совсем как грозный бог леса Пан. Над головой Геракла, вместо шлема, поднималась морда Немейского льва, а тело было покрыто каменной шкурой, твердой, как панцирь...

Вместе с обрадованным Молорхом Геракл принес благодарственную жертву Зевсу и отправился со шкурой льва к царю Эврисфею. Узнав о возвращении Геракла, Эврисфей задрожал от страха и зависти, но все-таки пошел посмотреть на шкуру. Он шел навстречу Гераклу важно и медленно, как подобает царям.

Но как только он увидел ужасную голову льва с оскаленной пастью, он сразу забыл про свою царскую важность, закрыл руками лицо, как всякий трус, и убежал во дворец. Весь дрожа, он велел передать Гераклу, чтобы тот никогда не смел приносить добычу к нему во дворец, а показывал бы ее издали с высокого холма. Геракл пожал плечами и усмехнулся, но послушался и унес львиную шкуру из дворца, чтобы прибить череп над городскими воротами.

Целую ночь Эврисфей злился на Геракла за то, что тот победил льва и вернулся живым. Но больше всего он злился, что сам струсил. Целую ночь думал он, как бы ему поскорее погубить Геракла, куда бы его отправить на верную смерть.

Под утро Эврисфей заснул. Во сне ему опять явилась злая Гера и посоветовала послать героя в ядовитое Лернейское болото, туда, где жила ужасная змея — Лернейская гидра, младшая сестра Немейского льва. Она тоже родилась от Тифона и Ехидны.

Эврисфей сейчас же соскочил с постели и велел передать Гераклу, чтобы он немедля отправился на поиски гидры.

Битва с Лернейской гидрой

Геракл, не возразив ни слова, сейчас же снарядился на новый подвиг. Но так как он очень устал, преследуя Немейского льва, то решил доехать до ядовитого болота на золотой колеснице своего отчима Амфитриона. Нужно было только найти хорошего возницу, а никто из друзей Геракла не хотел ехать с ним в место, проклятое самими богами.

Один Иолай, сын Ификла, умолял дядю взять его с собою. Иолай был еще мальчик, но он хорошо справлялся с конями Амфитриона и славно перебирал одной рукой ременные вожжи. Видя, что дети в Фиванской земле стали храбрее взрослых мужей, Геракл согласился взять мальчика с собой.

Легконогие кони, закусив удила и согнув шеи, быстро домчали их до источника Амимоны, за которым тянулось бесконечное море кочек, покрытых ядовитой ржавчиной. Только сухая осока торчала среди этих кочек да с одного берега спускалась в болото низкая поросль.

Оставив коней с Иолаем у источника, Геракл взял с собой священный меч, подаренный ему на свадьбе Гермесом, и ступил на болотную почву. Под тяжестью героя все болото закачалось от края до края. Ноги его сразу же утонули в бездонной моховой трясине, из-под них поднялись кверху радужные пузыри ржавчины. От запаха ядовитых трав кровь прилила к голове. Осторожно ощупывая дорогу, Геракл шагал с кочки на кочку, а болото зыбилось и шаталось под ним. Вдруг он сделал неверный шаг и провалился в мох по пояс. Геракл ухватился рукой за чахлое деревце, торчавшее на соседней кочке, но сухое деревце обломилось. Еще немного — и трясина втянула бы Геракла с головой, но он сделал последний шаг и нащупал твердое дно. Стоя на цыпочках, ухватившись руками за мох, Геракл закричал Иолаю, чтобы тот скорее бросил ему с берега ременные вожжи. Иолай навязал на вожжи камень и метнул его Гераклу. Схватив камень, Геракл повис на вожжах, а Иолай подхлестнул лошадей, и горячие кони, дружно рванув колесницу, вытащили Геракла из трясины.

Но как только он вскочил на ноги, обтирая с себя ядовитую слизь, он услышал отчаянный крик Иолая.

Мальчик прыгал на колеснице, показывая рукой в густые заросли сухого тростника. Взглянув в ту сторону, Геракл вздрогнул: прямо к нему ползло по болоту отвратительное чудовище — Лернейская гидра с девятью головами. Все девять змеиных голов страшно шипели, высунув раздвоенные жала. А кочки по-прежнему зыбились и шатались под ногами героя. Нечего было и думать сражаться со змеей на такой трясине.

Шаг за шагом Геракл стал отступать к берегу. Он боялся опять провалиться в трясину и двигался медленно, а клубок змеиных голов все быстрее и быстрее катился к нему. Страшная гидра гналась за ним так стремительно, что Гераклу пришлось защищаться мечом от змеиных жал. Но как только он вышел на берег, гидра повернула назад и с шипением поползла к себе в тростники, довольная, что никто не смеет напасть на нее в ее зыбком царстве.

Тут только Геракл понял, какой трудный подвиг поручил ему Эврисфей. Успокоив дрожащего Иолая и коней, которые жались друг к другу, Геракл стал соображать, как ему выманить гидру на твердую землю.

Подумав немного, он приказал Иолаю заехать на северный край болота, откуда дул ветер, и поджечь сухой тростник. Иолай так и сделал. Скоро желтый огонь весело побежал по болоту. Встречаясь с ржавой болотной водой, он трещал и шипел не хуже змеи.

Это был ужасный пожар. Едкий дым пополз по трясине, и ветер гнал его как раз к тому месту, где засела Лернейская гидра. Почуяв огонь, чудовище выползло из засады и заскользило по кочкам к берегу, стараясь уйти от Геракла в лес. Но Геракл ждал гидру, подняв над головой острый меч. Как только первая голова змеи коснулась земли, Геракл одним прыжком наступил ей на шею и взмахом меча отсек ее прочь. Тогда остальные восемь голов, выпустив жала и обнажив ядовитые зубы, накинулись на Геракла. Тело змеи оплело ему ноги, точно железными путами, а смертоносные зубы и жала щелкали и скользили по панцирю, стараясь найти обнаженное тело.

Меч Геракла блистал, как молния. Одну за другой отрубил он еще семь голов, но девятую, самую злобную и большую, он никак не мог отрубить, потому что она была бессмертной. Острый клинок меча проходил через эту голову, как через мягкий студень, не оставляя на ней никаких следов. Сбросив с себя петлистое тело змеи, Геракл

схватил голову прямо руками, стараясь ее задушить, но тут он увидел, что все остальные восемь голов опять отросли и бросились на него с новой яростью. Увертываясь от гидры, Геракл рубил и рубил мечом, а головы все отрастали и отрастали. И всех страшнее шипела средняя, бессмертная голова. Скоро Геракл устал рубить. Он уже терял надежду одержать победу над гидрой, как вдруг в голову ему пришла счастливая мысль. Он стал кричать Иолаю, чтобы тот принес ему горящую ветку дерева.

Храбрый мальчик сейчас же понял, что надо делать. Он прибежал, размахивая пылающей головней. Как только Геракл отрубал змеиную голову, Иолай прижигал горящим суком кровавую рану.

От этого шеи гидры сморщились, и новые головы перестали расти на них. Так погибли все восемь голов ядовитой Лернейской гидры. А девятую, бессмертную голову Геракл завалил большими камнями. Сколько ни билась змея, она не могла стряхнуть с себя тяжелой каменной груды.

Торжествуя победу, Геракл обмакнул свои стрелы в ядовитую змеиную кровь и пропитал их змеиным ядом, чтобы стрелы разили насмерть. Подобрав отсеченные головы, он вскочил на высокую колесницу. Кони рванули и, закусив удила, помчали его прочь от болота, прямо в Аргос к царю Эврисфею.

Но перепуганный Эврисфей, конечно, побоялся даже посмотреть на змеиные головы. С золотого порога дворца он замахал руками и сердито закричал, требуя, чтобы Геракл не заходил и домой, а сейчас же подстрелил ему страшного Эриманфского вепря.

Геракл у кентавров

яжело вздохнув, Геракл соскочил с колесницы, отпустил Иолая домой и, забросив все восемь голов в колючий терновник, чтобы их никто не нашел, отправился разыскивать этого нового зверя. Долго шел он все вперед и вдаль, пока перед ним, упираясь вершинами в облака, не встали каменистые горы Фолос. Целый день взбирался путник по горным тропинкам. Но чем дальше он шел, тем

выше поднимались перед ним горы. Гераклу очень хотелось пить. Он остановился и стал слушать, не журчит ли где-нибудь ручеек, но вместо плеска воды вдруг донеслось до него конское ржание и громкий топот. Вскоре огромный гнедой конь показался на склоне горы. Он мчался вверх так, что камни летели из-под копыт. Конь громко ржал, а всадник кричал и махал руками. Геракл подумал, что всадник кричит и машет ему. Прикрыв глаза ладонью, он хорошенько вгляделся в гнедого коня и чуть не вскрикнул от неожиданности.

Это был вовсе не конь, а самый настоящий кентавр — получеловек-полулошадь. Там, где у всякой другой лошади начинается шея, у этого коня было человеческое туловище — с животом, грудью, руками и головой. Это-то туловище Геракл и принял за всадника.

Пока Геракл разглядывал удивительное создание, человек-конь остановился на горной лужайке и, приставив обе ладони ко рту, затрубил в них, как в трубу. Со всех сторон затрещали кусты. Целый табун точно таких же кентавров неспешно протрусил мимо Геракла, поднимая облака пыли. Удивленный Геракл пошел вслед за ними.

Скоро он вышел на большую поляну в горной дубовой роще. Тут между деревьев виднелись хижины, сложенные из грубых больших валунов и прикрытые хворостом. Земля под дубами была вся утоптана и убита, как гладкий глиняный пол. Но никого не было видно, только там и здесь валялись черепа оленей и груды костей да возле одной из хижин стоял хвостом к Гераклу гладкий вороной кентавр. Подняв руки и задрав кверху голову с острой бородкой, он срывал листья с высокого дерева и засовывал их в рот, мирно отмахиваясь своим лошадиным хвостом от комаров и слепней. Геракл громко окликнул кентавра, на всякий случай выхватив все же меч.

Услышав голос, кентавр поднялся на дыбы, повернулся на задних ногах и подскакал к Гераклу с ласковым ржаньем. Думая, что кентавр не поймет его речи, Геракл показал знаками, что хочет есть и пить. Но кентавр заговорил правильным и красивым греческим языком. Он повел Геракла в свою убогую хижину, посредине которой горел небольшой костер, и угостил его жареным мясом. Пока гость насыщался, хозяин прямо руками рвал на куски сырую оленью тушу и пожирал ее, с хрустом разгрызая хрящи. Добрый кентавр этот, которого звали Фо-

лом, не переставая расспрашивал Геракла, кто он, откуда он идет, как живут люди и правда ли, что они умеют ковать железо и медь. Он с восторгом рассматривал золотые доспехи Геракла, его щит и меч, и удивлялся искусной работе.

Насытившись, Геракл попросил пить. Добрый Фол удивился, услышав такую просьбу. Он не мог понять, зачем это нужно держать воду дома. У кентавров не было никакой посуды. Почувствовав жажду, они галопом скакали на водопой к ближайшей горной реке и пили там совсем как лошади. Кентавр уверял Геракла, что до этой реки прямо рукой подать, каких-нибудь две-три мили. Но Геракл так устал, бродя по горам, что отказался идти туда вместе с Фолом, хотя его и сильно мучила жажда. Тогда Фол подмигнул и сказал, что в одной из хижин у старого кентавра Хирона стоит большая бочка с вином. Только это — священный напиток, его подарил кентаврам сам бог вина Дионис, и никто из них не смеет пить из бочки без разрешения Хирона. Говоря о вине, Фол так вкусно прищелкивал языком, что Геракл почувствовал мучительную жажду. Он стал уговаривать Фола дать ему хоть одну каплю вина. Но Фол покачал головой и сказал, что никак не может нарушить запрета. Другое дело, если Геракл сам зачерпнет из бочки. Ведь Геракл — гость, а по законам гостеприимства гость может пить и есть все, что захочет.

Говоря это, Фол хитрил. Он отлично знал, что Хирон очень рассердится, если кто-нибудь дотронется до священной бочки, но ему самому так хотелось выпить, что он решил открыть бочку с помощью пришельца. А тогда в случае нужды можно будет свалить всю вину на него одного.

Геракл не заметил хитрости Фола. Он вошел в пустую лачугу Хирона, открыл бочку, зачерпнул из нее прямо горстью и стал пить, а веселый Фол, пристроившись рядышком, тянул вино из бочки. Так они пировали, очень довольные друг другом. Между тем остальные кентавры своим звериным чутьем издалека услышали запах вина. В страшной ярости они поскакали домой, по дороге отламывая куски скал и поднимая с земли булыжники, чтобы угостить ими незваного гостя.

Услышав ржанье и крики своих разгневанных братьев, Фол отбежал в сторону и как ни в чем не бывало стал пастись на лугу, между дубовых деревьев, предоставив

Гераклу самому выпутываться из беды. Геракл из дверей хижины закричал кентаврам, чтобы они не бросали в него камнями. Он напомнил им древние законы гостеприимства и право гостя пить и есть в чужом доме. Но разъяренные кентавры не стали слушать Геракла. Целый град камней полетел в него, ударяясь о стены хижины. Тогда Геракл решил защищаться. Он вынул лук и колчан, натянул тетиву и стал пускать в кентавров одну за другой смертоносные стрелы, отравленные ядом Лернейской гидры. Два или три кентавра упали замертво, остальные отступили, испуганные неожиданной смертью, которую принесли их братьям маленькие и с виду совсем нестрашные стрелы. Но когда ядовитая стрела попала в копыто самого сильного и мудрого из кентавров, бессмертного Хирона, и тот, обожженный ядом, закричал отчаянным голосом, весь табун обратился в бегство. Фыркая и толкаясь, кентавры скакали по узкой горной тропинке. Геракл погнался за ними, чтобы их напугать.

Между тем любопытный Фол поднял одну из стрел, выпущенных Гераклом, и вертел ее перед самым носом, стараясь увидеть, где в ней засела смерть. Он тоже не понимал, почему стрелы приносят гибель. Незаметно для самого себя Фол оцарапал руку об острый конец стрелы. Страшный яд проник к нему в кровь, и простодушный хитрец упал замертво. Вернувшись после погони и увидев холодную тушу бедного Фола, Геракл горько оплакал гостеприимного друга и, лишь похоронив его, отправился дальше.

Не останавливаясь, он дошел наконец до тех мест, где скрывался Эриманфский вепрь. Страшного зверя нигде не было видно. Герой присел отдохнуть на груде сухого валежника под большим деревом, росшим на склоне горы. Но как только он это сделал, хворост зашевелился, заворчал и захрюкал. Огромная голова кабана высунулась из самой середины кучи. Геракл едва успел отскочить. Эриманфский вепрь выпрыгнул из ямы, во все стороны раскидывая хворостяную крышу своего лежбища. Он был ростом с большую корову, его свиные глазки налились кровью, щетина на остром хребте поднялась дыбом, а загнутые клыки нацелились прямо в живот Гераклу. Вепрь был так велик и тяжел, что если бы он бросился на Геракла, то уж, наверное, сбил бы его с ног.

Как ни силен был герой, он все же не решился сразу вступить в поединок со страшным зверем. Быстрый как

молния, отскочил он с тропинки в сторону и спрятался за дерево такой толщины, что пять человек не смогли бы охватить его ствол руками. Яростный вепрь, как буря, налетел на дерево, разя его ударами клыков. Пена клочьями падала с его рыла. Под тяжкими ударами твердый ствол затрещал. Листья и желуди с шумом посыпались на землю. То отбегая назад, то кидаясь вперед, Эриманфский вепрь с разбегу крушил столетний дуб в щепки, стараясь добраться до Геракла. Напрасно герой пытался ударить его мечом сбоку. Меч оставлял глубокие царапины в шкуре вепря, но не мог нанести ему смертельной раны. Грязь и пена смешались с кровью чудовища, которое с каждым ударом меча только свирепело все больше и больше.

Наконец огромное дерево покачнулось. Грозя раздавить Геракла, оно заскрипело и рухнуло. Затрещали молодые клены вокруг. Хорошо еще, что Геракл успел увернуться от падающего ствола. Правда, он опять очутился лицом к лицу с разъяренным вепрем. Но снова, прежде чем зверь успел броситься на него, Геракл отпрянул в сторону. Став так, чтобы солнечные лучи отражались от гладкой поверхности щита, Геракл пустил целый сноп лучей в налитые кровью глазки чудовища и с громким криком принялся колотить по щиту дубиной. Тогда, ослепленный солнечным блеском, напуганный криком и звоном, Эриманфский вепрь повернулся и побежал вверх по горе, разбрасывая во все стороны столетние дубы своими крепкими боками. Мрачное хрюканье зверя было похоже на рык Немейского льва. Однако Геракл неотступно гнался за ним, не переставая греметь щитом и время от времени страшно крича. Несколько раз злобный вепрь пытался остановиться, но всякий раз Геракл пугал его блеском и криком и гнал его все выше и выше. Так добрались они до самой вершины горы, покрытой глубоким снегом. Тут Геракл закричал так пронзительно и ударил по щиту с такой силой, что перепуганное животное бросилось в рыхлый снег и завязло по самые уши. Как ни бился, как ни хрюкал вепрь, он все глубже увязал в глубоком сугробе.

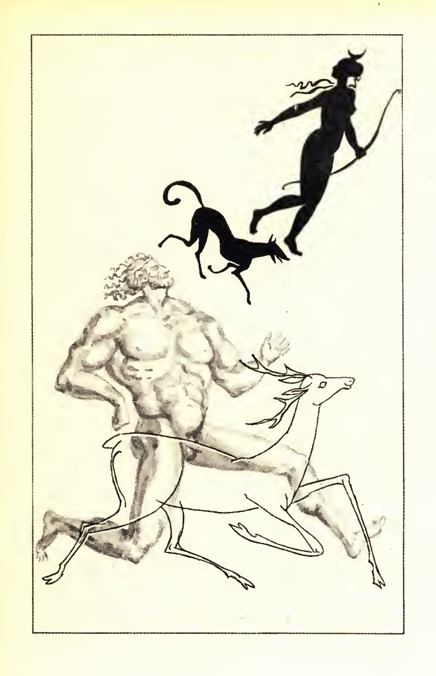
Геракл накинул на страшную морду вепря шкуру Немейского льва, сковал зверю цепью все четыре ноги и, с трудом взвалив себе на плечи гигантскую тушу, понес ее вниз с горы к царю Эврисфею.

Как Геракл ловил Керинейскую лань

Как только трусливый царь увидел свирепую голову вепря и острые загнутые клыки, он кинулся прочь и забился со страху в большой медный чан, в который слуги сливали дворцовые помои. Он просидел там целую ночь. Там он и заснул. А во сне ему опять явилась богиня Гера. Поутру Эврисфей выбрался из чана, очистился от корок и шелухи и, напустив на себя важный вид, приказал Гераклу на этот раз поймать ему золоторогую Керинейскую лань.

Выслушав новое приказание Эврисфея, Геракл глубоко задумался. Он знал, что у Керинейской лани неутомимые медные ноги, что она хитра и осторожна. Знал он и то, что лань была любимицей богини Артемиды-охотницы. Артемида же никому не позволяла прикасаться к своим любимым животным.

Поразмыслив об этом, Геракл решил как следует приготовиться к охоте. Не теряя времени, он отправился к себе на родину в Фивы и стал там упражняться в беге. Каждое утро, как только вставало солнце, молодой Иолай по просьбе Геракла садился верхом на коня, самого быстрого из всей четверки Амфитриона, и во всю конскую прыть скакал по долине. А Геракл бежал рядом с конем, крепко держась за его гриву. В первый день он сумел пробежать наравне с конем только один час, во второй — два, в третий — три часа. Скоро Геракл приучился без устали бежать за конем целый день без еды и питья, не останавливаясь ни на минуту. Тогда он решил, что время охоты настало, и пошел на озеро, где часто пила воду эта быстроногая лань. Засев в кусты, он просидел неподвижно три дня и три ночи, поджидая осторожную добычу. Три раза звезды подымались над горизонтом, три раза заходили они за край земли, а лани все не было. Наконец, на четвертую ночь, Геракл услышал легкое постукивание копыт и, высунув голову из куста, увидел рогатую тень на тихой озерной воде. Неслышно пополз он вокруг широкого озера, стараясь подкрасться к лани как можно ближе. Но чуткое животное расслышало шелест ветвей. Повернув точеную голову, лань оглядела берег и вдруг, закинув на спину рога, понеслась прочь от Геракла по узкой лесной

тропе между деревьев. Золотые рога ее сверкали в полосах лунного света. Геракл вскочил и, шумно дыша, погнался за ней. Деревья мелькали одно за другим, ноги бегунов без устали двигались, едва касаясь земли.

Они пробежали лес, выбежали на большую поляну, снова пропали в лесу, появились на открытом поле и всё неслись и неслись — лань впереди, а Геракл за ней. Они пробежали мимо шестидесяти деревень и девяти городов; солнце встало, отбросив на землю две быстро бегущие тени. Оно высоко взобралось по небесному своду, обливая их золотыми лучами, а они все неслись — лань впереди, а Геракл сзади.

Чем дальше они бежали, тем меньше становилось расстояние между ними, потому что Геракл бежал очень быстро. Но все-таки он не мог поравняться с ланью. Изнемогая от солнечного зноя, Геракл на бегу сбросил с себя тяжелую шкуру Немейского льва и повесил ее на дубовую ветку. Потом он сбросил с себя и одежду, оставив только широкий пояс на бедрах; потом он скинул сандалии, чтобы легче было бежать, а лань все неслась впереди, уводя Геракла все дальше в горы.

Солнце стало клониться к западу, Геракл устал от стремительного бега, а медные копытца чудесной лани стучали все так же ровно по твердой земле. Тогда Геракл собрал все свои силы и бросился вперед с такой быстротой, что расстояние между ним и ланью совсем сократилось. Бежать было трудно, потому что путь шел в гору. И все-таки Геракл нагнал лань, но едва он успел протянуть руку, чтобы схватить ее за блестящие рожки, как вдруг прямо перед ним разверзлась широкая и бездонная пропасть. Уверенный, что лань теперь никуда не уйдет, Геракл чуть-чуть замедлил бег, а лань, точно пущенная из лука стрела, перелетела через ужасную бездну. Геракл резко остановился; задыхаясь от бега, он стоял на самом краю обрыва, а лань на той стороне мирно пощипывала траву, изредка взглядывая на Геракла, точно посмеиваясь над ним.

Огорченный Геракл медленно пошел по краю пропасти в обход, стараясь не упустить лань из виду. Он потратил много времени, несколько дней и ночей, для того чтобы обойти пропасть и снова выследить лань. Потом опять началась бесконечная погоня. Всякий раз, как Геракл настигал лань, она уходила от него, то прыгая в глубокие реки, то скрываясь в густых зарослях, то пропадая среди песчаных холмов.

Каждый раз после этого Гераклу приходилось разыскивать лань по следам. Так охотник и дичь уходили все дальше и дальше.

Лань завела Геракла в страну, где жили люди с собачьими головами. Она привела его там к широкой реке Истру, в которой обитали прекрасные женщины с рыбьими хвостами. Теперь эту реку зовут Дунай. Но Гераклу некогда было взглянуть на псоглавцев или поговорить с водяными красавицами: слишком он торопился. Неутомимый охотник без остановки погнал лань назад, от реки Истра в Грецию, пока не вернулся в те места, откуда начал охоту. Здесь он остановился, лег на землю и крепко заснул. Он бы ни за что не уснул, если бы богиня Афина, которой Зевс поручил помогать Гераклу, не наслала на него сон. Во сне Афина явилась к Гераклу и посоветовала ему поймать лань сетью.

Очнувшись, Геракл так и сделал. Он быстро сплел из гибких веток и длинной осоки легкую сеть, расставил ее на тропе, по которой звери ходят на водопой, и, выследив лань, погнал ее прямо к сети. Выскочив на прогалину, лань понеслась по ней со всех ног и тотчас запуталась в сети ногами. Торжествующий Геракл схватил ее, повалил, связал ей вместе тонкие ножки и на руках понес к Эврисфею.

Но не успел он сделать и ста шагов, как вся окрестность зазвенела от собачьего лая. Целая свора косматых псов выскочила на тропинку и окружила героя, не пуская его дальше. Следом за ними вышла из-за кустов разгневанная богиня Артемида. В короткой охотничьей одежде, с золотым полумесяцем в волосах и с луком в руках стояла под ветвями миртов юная богиня охоты. Натянув смертоносный лук, от стрел которого не может уйти ни одно живое существо, Артемида целилась прямо в сердце Геракла. Гневным голосом она потребовала, чтобы он немедленно выпустил лань, если не хочет умереть. Не желая сердить богиню, Геракл смиренно ответил, что он поймал лань не по своей доброй воле, а по приказанию великих богов. Он попросил позволения только показать лань Эврисфею, с тем чтобы сейчас же ее выпустить. Грозная богиня смягчилась и позволила Гераклу отнести лань в Аргос.

Увидев героя с Керинейской ланью на руках, Эврисфей задрожал от гнева и от зависти к его великой удаче. Ведь и так о Геракле говорила вся Греция. О Геракле, а не о нем. Царь сейчас же принес жертву гневной богине

Гере и по ее совету послал Геракла в Стимфальский лес. Он потребовал, чтобы Геракл выгнал из этого леса и перебил знаменитых Стимфальских птиц, которых там водилось великое множество.

Геракл изгоняет Стимфальских птиц

Решив, что этот подвиг легче всех остальных, Геракл охотно отправился в город Стимфал, а оттуда в дремучий лес, где жили чудесные птицы.

Еще не дойдя до леса, он увидел целые тучи огромных Стимфальских птиц. Они кружились в воздухе, прыгали по земле, сидели на деревьях и клектали так громко, что у Геракла зазвенело в ушах. Когда они поднимались стаями в воздух, стоял такой лязг и звон, что Геракл подумал: «Уж не медные ли перья у этих птиц?» Так оно и было. Острые страшные клювы Стимфальских птиц, их крючковатые когти и перья были из чистой меди.

Разглядев птиц получше, Геракл понял, что он жестоко ошибался и что этот подвиг ничуть не легче других. Но не успел он еще сообразить, что же делать, как целая стая хищников налетела на него сверху. Воздух гудел от их медных крыльев. Одна за другой птицы пронеслись над Гераклом. Вдруг большая стрела ударила прямо в львиную пасть, зацепив волосы героя. Не понимая, откуда падают стрелы, Геракл поднял голову и увидел, что Стимфальские птицы, кружась над его головой, стряхивают остроконечные сверкающие перья прямо со своих крыльев. Каждое такое перо было вдвое острее и тяжелее обыкновенной стрелы — оно могло пробить человека насквозь.

Хорошо, что Геракл, отправляясь в Стимфальский лес, разыскал в дубовой роще шкуру Немейского льва, которую сбросил, гоняясь за ланью. Он воткнул свою дубину в рыхлую землю и, накинув на нее львиную шкуру, присел на корточки в этой каменной крепости. Потом он стал пускать в птиц одну за другой золотые стрелы, подарок солнечного Аполлона. Одна за другой падали на землю и птицы, но ведь их было бесконечное множество, а у Геракла только двенадцать золотых стрел. Расстреляв их все до последней, Геракл стал пускать из лука медные

птичьи перья, поражая Стимфальских птиц их же оружием. Но на место каждой убитой птицы слетались целые стаи других, и, как метко ни стрелял Геракл, он скоро понял, что уничтожить всех медных хищников невозможно.

Тогда он прекратил свою охоту и, утомленный долгой стрельбой из лука, скоро уснул под шкурой Немейского льва. И, снова явившись ему во сне, богиня Афина посоветовала герою смастерить как можно больше деревянных крылатых трещоток, вроде маленьких ветряных мельниц, какие делают ребятишки.

Геракл так и поступил. В ближайшей деревне с помощью жителей он изготовил такое множество этих трещоток, что, когда подул ветер и все они начали кружиться и трещать, люди глохли от шума.

На другую ночь Геракл отнес трещотки в Стимфальский лес и расставил их там как раз под птичьими гнездами.

Поднялся ветер, трещотки закрутились и загрохотали, наполнив лес невыносимым стуком. Перепуганные птицы поднялись со своих гнезд и с печальными криками улетали прочь от насиженных мест, в далекие страны, к берегам Эвксинского Понта. Подобрав несколько медных птиц, подстреленных им накануне, Геракл связал их лапами вместе и отнес Эврисфею.

Как Геракл в один день очистил стойла царя Авгия

есело пировал Геракл во дворце Эврисфея, а молва о его удивительных подвигах катилась из царства в царство, из города в город, до самого края земли. Люди и боги везде прославляли героя. Но чем больше они говорили о нем, тем сильнее завидовал ему Эврисфей. Злой царек видел, что сыну Зевса любой подвиг по силам. Мало того, он чувствовал, как презирает могучий слуга своего трусливого хозяина. И он окончательно решил извести Геракла непосильной работой.

Мрачный и злой, Эврисфей целыми днями шагал из угла в угол, придумывая, куда бы послать героя, как бы его опозорить перед всеми людьми. Каждую ночь Эврис-

фей выпивал по целой чаше снотворного зелья, чтобы поскорее увидеть во сне коварную Геру.

Но богиня сама не могла ничего придумать, и царю Эврисфею вместо нее снились разные глупые сны. От этого он просыпался еще злей, чем был вечером, и с утра начинал колотить своим посохом всех придворных.

Наконец Гера отправилась за советом к хитроумному богу торговцев — Гермесу. Сын Зевса, Гермес любил своего брата Геракла, но еще больше он любил придумывать для людей и богов всякие хитрые задачи, которые никак невозможно решить.

Выслушав Геру, Гермес улыбнулся и сказал, что найти неисполнимое для Геракла дело совсем нетрудно. Стоит только послать его в Элиду к царю Авгию и приказать очистить от навоза конюшни, в которых царь держал стадо своих волшебных быков. Авгиевы конюшни никто никогда не чистил, и за многие годы в них накопилась такая толща навоза, что никакой человеческой жизни не хватило бы на эту работу.

— Как только Геракл заглянет в стойла,— уверял Гермес Геру,— он откажется убирать навоз. Нужно быть совсем сумасшедшим, чтобы взяться за такое безнадежное дело.

Обрадованная Гера немедленно явилась Эврисфею во сне, и царь, вскочив, отправил Геракла прямо с пира чистить Авгиевы стойла.

Узнав о такой неприятной и грязной работе, Геракл очень обиделся. Как и многие молодые люди, он считал подвигами только те дела, где много храбрости да опасности, свиста стрел и звона мечей. Он никогда не отказывался от настоящего подвига, но совсем не хотел копаться в навозе. Однако мудрая богиня Афина шепнула ему, что это очень полезное для людей дело. А всякое полезное дело, особенно если его нелегко сделать, и есть настоящий подвиг.

Подумав, Геракл вспомнил, какое обещание он дал когда-то самому себе, молча взял большую лопату, поднял ее на плечо и отправился к Авгию.

Царь Авгий был самым богатым царем на земле, потому что отец подарил ему три тысячи быков белых, как снег, две тысячи быков красных, как кровь, и еще одного, особенного, который ночью блестел, словно звезда.

Все быки были так велики и свирепы, что ни один человек не мог войти в их стойла. От этого животные обросли

навозом и грязью до самых хребтов. Тяжелый запах гнилой соломы поднимался над конюшнями, и люди в окрестностях стонали, задыхаясь от этих вредных испарений.

Явившись в Элиду, Геракл целый день бродил вокруг конюшен, слушая грозный рев волшебных быков и звон золотых цепей, которыми их приковали к стойлам. Он осмотрел всю долину за конюшнями и гору, с которой бежали, будто гонясь друг за другом, две бурные реки — Алфей и Пеней. Высмотрев все, что ему было нужно, Геракл пришел к царю Авгию и очень спокойно сказал ему, что берется очистить огромные стойла в одни сутки, если только царские пастухи сумеют выгнать оттуда быков.

Услышав хвастливую речь Геракла, Авгий так громко рассмеялся, что даже его быки ответили ему дружным ревом. Вслед за царем захохотали и гости, сидевшие с Авгием за столом, и смех их был ничуть не слабее мычания быков: люди и в те времена умели хорошо посмеяться. А за гостями рабы и слуги начали хвататься за бока, покатываясь от хохота. Выбежав из дворца, они рассказали воинам о том, как глупо хвастается Гѐракл. Воины побросали на землю щиты и залились веселым смехом. Скоро весь город потешался над Гераклом, а волшебные быки все топтались в своих стойлах и ревели, как буря. Но Геракла не смутили эти насмешки. Он без всякого приглашения сел за стол и, пока люди смеялись над ним, ел и пил столько, сколько хотел.

Кончив смеяться, Авгий вытер глаза и предложил Гераклу побиться с ним об заклад, что ему не очистить конюшен и за целый год. Авгий был так уверен в этом, что обещал Гераклу десятую часть своих быков, если только герой сумеет сдержать свое хвастливое слово. А если Геракл проиграет, он должен отдать царю единственное свое сокровище — золотые доспехи и шкуру Немейского льва.

Все, кто сидел на пиру, уговаривали Геракла отказаться от глупой затеи, считая, что он обязательно проиграет, но могучий герой принял вызов царя.

Чуть только забрезжило утро, он взял лопату, попросил у рабов топор и пошел через город в лес, который рос в долине между двух рек. Пока он шел по улицам, люди высовывались из дверей домов, из-за колонн храмов и, давясь от смеха, показывали на него пальцами. Но герой не обращал внимания на них. Вломившись в самую чащу леса, он стал рубить и валить деревья одно за другим. К полуд-

ню весь лес был срублен. Одни только свежие пни торчали из мха.

Кончив рубку, Геракл свалил толстые бревна в кучу, обхватил их руками и понес на берег Пенея. Там он бросил их в воду, закидал землей и камнями и совсем запрудил реку. Потом он устроил плотину и на Алфее.

Весь город сбежался смотреть на работу Геракла. Видя, что он таскает тяжелые бревна, веселые горожане перестали смеяться. Они покачивали головами, не понимая, зачем Гераклу понадобились плотины, и говорили, что знаменитый герой, вероятно, сошел с ума.

Солнце уже садилось, когда Геракл достроил обе плотины.

Он закричал пастухам, чтобы те поскорее выгнали всех быков вон из стойла и как можно шире открыли ворота. Потом Геракл спокойно уселся на берегу и стал смотреть, как бурные воды обеих рек, прибывая с каждой минутой, поднимались до самого верха плотины. Вода бурлила и клокотала, стараясь прогнать тяжелые бревна.

Между тем Авгий пришел поглядеть, что успел сделать Геракл за день. Увидев плотины, царь только пожал плечами, и все согласились, что Геракл, очевидно, и впрямь безумец: ведь солнце уже садилось, а он еще и не думал приниматься за чистку стойл. Но как только солнце коснулось земли, реки хлынули через плотины. Воды их с ревом слились в один могучий поток и затопили долину, посредине которой возвышался Авгиев хлев. Крутясь и пенясь, поток ворвался в ворота грязных конюшен и, прежде чем люди успели опомниться, смыл весь навоз и вынес его через вторые ворота в широкое поле. То самое дело, которое люди не сумели бы сделать и в год, реки сделали в полчаса. Стойла царя Авгия были очищены.

Тогда Геракл разрушил плотины и, успокоив бурлящие воды, вернул потоки в прежние русла. Вода сбыла. Поляна сейчас же просохла, и Авгий, а с ним и весь народ увидали сквозь широко открытые ворота столь чисто вымытые стойла, точно сами быки вылизали их своими шершавыми языками.

По всей стране покатилась весть об этом подвиге Геракла. Слепые певцы пели о нем, сидя в пыли на припеке у городских ворот. Матери рассказывали про него дочерям, а отцы — сыновьям. Но сердце самого героя было неспокойно. Ведь кровь убитых им детей все еще тревожила его совесть. Шесть великих дел выполнили его

мощные руки. Много раз глядел он в глаза смерти. Но всегда легче совершить плохой поступок, чем потом загладить свою вину. Об этом нельзя никогда забывать.

Нужно было совершить еще немало подвигов, прежде чем Геракл мог получить желанное прощение. Надо было торопиться. Великий герой не хотел состариться и умереть, не выполнив назначенного ему богами урока.

Вот почему он не стал пререкаться с жадным скрягой Авгием, когда тот отказался заплатить ему за очистку стойл.

— Радуйся, о царь скупцов! — с презрением сказал герой Авгию.— Нет у меня времени сейчас настаивать на моей правде. Но берегись того дня, когда я совершу свой двенадцатый подвиг. Тогда я вернусь сюда, и ты пожалеешь о своем обмане...

Сказав это, он удалился из Элиды и пошел назад к Эврисфею. А люди с тех пор и до наших дней, когда хотят рассказать о каком-нибудь грязном и беспорядочном месте, говорят:

— Это настоящие Авгиевы конюшни.

Седьмой подвиг Геракла

Долго думал тщедушный и трусливый Эврисфей, прежде чем назначить своему могучему слуге новый урок. Он видел, что мужество и сила Геракла не знают пределов. Казалось, все опасные и трудные работы уже сделаны. В это время дошла до слуха царя удивительная весть.

— Далеко за синим морем,— говорили царю приезжие купцы,— лежит богатый остров Крит. Царствует там гордый царь Минос. Он не боится никого из людей; он осмеливается нарушать даже волю богов.

Не так давно случилось с ним вот что. Бог моря Посейдон выслал из морских глубин на берег прекрасного круторогого быка. «Этого быка,— повелел бог,— ты, Минос, должен отвести в священную рощу на берегу и там принести мне в жертву, заколов его на камне, обточенном моими волнами».

Так бы и надо было сделать царю. Но гордому Миносу

очень понравился тучный и красивый бык. Он пустил его в свое стадо, а в жертву принес богу морей простого теленка.

Тяжко разгневалось море на Миноса за такую дерзкую насмешку. Волны его с шумом ударились о критские берега, и в тот же миг быком овладела великая ярость. Как бешеный ринулся он прочь от стойла, оглашая окрестности диким ревом. Немало дней прошло с тех пор, а этот морской бык все еще бродит по полям и лесам Крита. Он убивает и калечит людей, и нет смельчака, который смог бы обуздать его.

Царь Эврисфей обрадовался такому известию. «Вот,— думал он,— настоящая задача для моего слуги». Но он хотел сделать работу Геракла еще более трудной и сложной.

Поэтому, посылая его за Критским быком, он заодно повелел ему привести из далекой страны Фракии страшных кобылиц царя Диомеда.

На высоком морском берегу построил свой мрачный дом царь Диомед. Между острыми глыбами скал возвышались рядом с этим дворцом крепкие конюшни. Там, прикованные к дубовым яслям, рыли копытами землю, храпели и косили глазами прекрасные гнедые кобылицы. Их шерсть блестела, как медь. Их шеи гнулись, точно шеи лебедей. Их гривы спадали шелковистыми волнами до самых копыт. Но горе было тому, кто подошел бы поближе к этим быстроногим скакунам. Они не ели ни сена, ни свежей травы, ни золотого овса, ни тяжеловесных ячменных зерен: это были кони-людоеды.

И каждый раз, как буря разбивала корабль против дворца Диомеда, его слуги подбирали тонущих и бросали их на съедение кровожадным кобылицам своего повелителя.

Нелегко было Гераклу выполнить новый приказ трусливого и коварного Эврисфея. Но делать было нечего. С дубиной в руках (двадцать воинов не могли бы поднять с земли эту дубину), с рыжей шкурой Немейского льва на плечах тронулся он в далекий путь.

На легком корабле плыл он на остров Крит, и гребцы корабля дивились добродушию и силе великого героя.

Пусто и безлюдно было в те дни на Крите. Дороги заросли чертополохом и колючим акантом, поля заглохли: все боялись страшного быка.

Могучий герой смело пустился навстречу чудовищу.

На глухом перекрестке они встретились. Бык, наклонив голову, со злобным мычанием бросился на Геракла. Но смелое сердце не дрогнуло.

Дождавшись, чтобы бык подбежал совсем близко, Геракл схватил его могучими руками за рога и прижал головой к земле. Как ни рвалось дикое животное, как ни храпело, как ни вращало налитыми кровью глазами, все было тщетно. Надев на быка ременную узду, Геракл сел на него верхом и поплыл через море к царю Эврисфею.

Увидев быка, Эврисфей, как всегда, ужаснулся и спрятался во дворце, а быка приказал выпустить поскорее за городские стены. С ревом помчалось страшилище по всей стране, наводя страх на жителей. Долго носилось оно по горам и долинам Греции, пока далеко, в стране Марафонской, не поймал его другой великий герой — Тезей.

Геракл у Адмета

Геракл между тем уже плыл во Фракию за конями Диомеда. По пути он решил навестить в городе Феры своего старого друга фессалийского царя Адмета.

Царь Адмет и его жена, прекрасная Алкеста, были самыми счастливыми людьми во всей Фессалии. Адмет был очень богат. Никто не мог бы сосчитать, сколько коней и быков было в его владении. Несметные стада его ежегодно увеличивались. Золотые тарелки, серебряные блюда и всевозможные драгоценности заполняли его огромный дворец. А расшитые золотом и самоцветами одежды у Адмета носили даже слуги.

Но не богатство делало Адмета и Алкесту счастливыми. Они были такими счастливыми потому, что пылко любили друг друга. Никогда ни единая тучка не пробегала между ними, и стоило только Адмету догадаться о каком-либо, даже самом маленьком, желании Алкесты, как он торопился выполнить его. Точно так же поступала и Алкеста.

К тому же они были очень добры и помогали всем, независимо от того, знатен или беден человек, стар он или молод.

Вот почему все жители города Феры очень любили Адмета и Алкесту.

В безоблачном счастье текла жизнь царя и царицы. И вдруг царь Адмет тяжело заболел. Какая болезнь поразила его — никто не знал. Лучшие врачи, осмотрев больного, скорбно разводили руками. Они понимали, что не способны помочь Адмету.

Царь Адмет лежал на своем ложе почти в беспамятстве. Он не в силах был пошевелить ни ногой, ни рукой. Только изредка у него доставало сил попросить едва слышным, слабым голосом:

— Воды... дайте мне воды...

Его супруга, прекрасная Алкеста, день и ночь сидела возле ложа любимого мужа. Слезы душили ее, но она мужественно сдерживала себя. Словно в тумане, сквозь горькие слезы глядела Алкеста на такое дорогое ей лицо Адмета — лицо, утратившее живые краски, худое и посиневшее. Она подносила Адмету воду в золотом кубке, но муж ее был уже без сознания и не мог пить. Вода, орошая бороду и усы Адмета, разливалась на подушках.

Всех врачей Фессалии призвали к ложу больного Адмета. Но они не могли победить тяжкую болезнь. И только один старый-старый врач решился посоветовать Алкесте:

— Врачи бессильны, Алкеста! Сам бог смерти, страшный Танатос, положил свою тяжелую руку на лоб твоего мужа. Никто из смертных не в силах отвести эту руку. Только могучий бог Аполлон может помочь тебе, а больше никто!

Услышав это, Алкеста упала на колени возле ложа Адмета.

— О всемогущий Аполлон! — воскликнула она.— Помоги мне! Ты знаешь, как мы любили друг друга. Зачем мне жить, если умрет любимый мой муж? Взгляни, Аполлон, вот возле ложа больного Адмета собрались его маленькие дети. Они плачут вместе со мной и тянут к тебе свои слабые ручонки! Помоги им! Отведи от Адмета тяжкую руку страшного Танатоса!

И вот послышался легкий, словно дыхание ветра, шорох. Потом сразу во всех окнах колыхнулись роскошные занавеси.

— Я услышал твои мольбы,— раздался голос бога Аполлона.— Слушай меня, Алкеста! Ты просишь, чтобы я отвел руку Танатоса ото лба твоего мужа. Но эта

тяжелая рука, уж коль она простерлась, не может отказаться от жертвы. Если хочешь, чтобы Адмет остался жить, найди человека, который согласится умереть вместо Адмета!

Вновь пронесся ветерок — и все умолкло. Алкеста в отчаянии оглянулась вокруг себя. Затуманенный от горя ее взгляд останавливался то на одном, то на другом из присутствующих в зале. Взгляд этот словно бы говорил: «Вы слышали, люди, что сказал бог Аполлон? Всем вам делал добро мой муж — неужели не найдется среди вас того, кто спасет его?..»

Но те, кто находился в зале, один за другим отворачивались от Алкесты, отводили глаза, чтобы не встречаться с ее просящим взглядом. Никто не хотел жертвовать собственной жизнью.

— Неужели никто из вас не спасет Адмета? — воскликнула наконец Алкеста.— Тисий, славный воин, неужели ты забыл, как Адмет спас тебе жизнь, когда враги окружили тебя? Тисий, неужели и ты оставишь Адмета?..

Но храбрый Тисий тоже опустил глаза и не ответил ничего, ибо очень страшна простому смертному тяжелая рука Танатоса.

Тогда взгляд Алкесты остановился на старых родителях Адмета.

— Ваша жизнь приближается к своему пределу,— произнесла она.— Умирает ваш сын. Пожалейте его, спасите вашего сына!

Но и они опустили глаза, потому что и старым людям тяжело расставаться с жизнью.

Горько заплакала Алкеста. Голова ее упала на край ложа Адмета. А когда она подняла голову, в зале уже никого не было: все ушли прочь, стараясь не глядеть друг на друга.

И вновь прохрипел Адмет:

— Воды... дайте воды...

Алкеста выпрямилась. Глаза ее блеснули, а голос грустно задрожал.

— Слушай меня, любимый мой муж Адмет,— сказала она.— Запомни, что я скажу. Никогда не забывай меня, твою жену, которая так любила тебя. Я оставляю тебе наших детей. Пусть никогда не коснется их беда! Слышишь ли ты меня, Адмет?

— Да... слышу...— прошептал Адмет.— Я... не хочу... чтобы ты... жертвовала... своей жизнью...

— Нет у меня иного желанья, как отдать тебе все лучшее, что у меня есть,— ответила Алкеста.— Любимый мой, пусть страшный Танатос возьмет мою жизнь. Но я верю, что буду жить в твоем сердце! Я не хотела бы только одного: чтобы у моих детей была мачеха, Адмет!

— Остановись, Алкеста...— через силу произнес Адмет.

Но Алкеста поцеловала чело Адмета и, обняв в последний раз своих детей, гордо вышла на середину зала. Прекрасное лицо ее было полно решимости.

— Хмурый бог Танатос,— громко произнесла она,— я не боюсь тебя и твоей тяжелой руки. Отведи ее от моего мужа. Бери меня в темное царство теней — я согласна умереть вместо моего любимого Адмета!

Ледяной порыв ветра ворвался в помещение. Сразу стало темно. И в этой полутьме Адмет, который сразу почувствовал, как к нему возвращаются силы, увидел высокую хмурую фигуру бога Танатоса. Длинной сухою рукой бог Танатос схватил за плечи прекрасную Алкесту и сразу исчез вместе с нею. Только издали донеслись до Адмета слова его Алкесты:

— Помни обо мне, Адмет! Пусть дети наши никогда не знают горя!

Возле Адмета плакали его испуганные дети. Сам Адмет уже не лежал на своем ложе. Он стоял склонив голову, на глаза его набегали слезы. Но он снова был мужественным и сильным Адметом, каким его знала Фессалия. Он не заплакал, хотя сердце его болело так, будто горело оно на адском огне.

— Зачем, зачем ты это сделала, моя любимая Алкеста? — в отчаянии произнес он.— Зачем мне жизнь, если нет тебя? Я пойду вслед за тобой, Алкеста, я не останусь жить без тебя!..

Он схватил свой острый меч, готовый убить себя, погасить холодным лезвием меча жаркий огонь, который сжигал его сердце. Но взгляд его упал на детей, которые со страхом смотрели на него. И в ушах Адмета вновь прозвучали последние слова Алкесты: «Пусть дети наши никогда не знают горя!»

Адмет остановился, выронил меч. Разве имел он право лишить себя жизни и покинуть детей? Кто тогда будет их любить и защищать? Алкеста пожертвовала жизнью ради него — и она доверила ему, Адмету, своих детей. Он должен жить для них!

Адмет овладел собой. Он, как мог, успокоил детей,

утешил их. К счастью, они были маленькими и не понимали, что никогда больше уже не увидят своей матери. Иначе разве можно было бы их утешить?..

А когда дети легли спать, удивляясь, почему сегодня вечером мать не пришла, как обычно, обнять и поцеловать их перед сном, Адмет сел возле стола и опустил голову на руки. Невыразимая грусть овладела им. Нет больше его жены, нет прекрасной Алкесты. Никогда больше не почувствует он ласкового прикосновения ее руки, никогда не услышит ее милого голоса, никогда не заглянет в ее ласковые глаза!.. Алкеста, Алкеста, зачем ты это сделала?..

Вдруг Адмет услышал какой-то шум. Чей-то громкий голос звал его — веселый, знакомый голос. Кто это? Разве не все в Фессалии знают про беду, которая постигла Адмета? Как можно появиться в доме человека, который только что потерял любимую жену, со смехом и весельем?..

Дверь открылась — и на пороге возникла высокая мощная фигура человека с огромной дубовой палицей в руке. На боку у него висел меч с золотой рукоятью. Плечи пришельца, широкие и сильные, были покрыты великолепной львиной шкурой. Человек улыбался, он шел к Адмету, радостно протягивая к нему руки и горланя так, что дрожали стены дворца:

— Эй, Адмет! Что это ты так плохо меня встречаешь! Разве ты не рад нашей встрече после стольких лет разлуки? Вставай, Адмет! Встречай своего гостя, своего старого друга Геракла! И прикажи принести нам побольше еды и вина, как можно больше! Геракл устал, меряя дорогу к тебе, Адмет. Он хочет есть и пить, он хочет развлекаться. Эй, Адмет, иди сюда, я тебя расцелую!

Мужественное лицо Геракла сияло радостью, он обнял Адмета, расцеловал его:

— Как я рад, Адмет, что снова вижу тебя! Немало пришлось мне поработать за все эти годы, немало чудовищ победил, видел немало опасностей. И вот я снова с тобой, друг мой! Давай, давай будем есть и пить! Твоя жена, прекрасная Алкеста, должно быть, уже спит вместе с детьми? Ну и хорошо, пусть спит. Не нужно ее будить, мы увидимся с нею завтра. Что же ты молчишь, будто и не рад меня видеть? Да нет, все равно я знаю, что так же рад, как и я, не так ли?

Геракл уже снял свой меч, положил на лавку тяжелую

палицу. Он сел за стол и принялся есть то, что слуги раньше принесли для Адмета и к чему тот так и не притронулся.

Адмет не знал, что делать. Сердце его разрывалось от горя. Но перед ним сидел его лучший друг, который пришел к нему в гости. Разве можно было нарушить закон гостеприимства и печальными словами омрачить радость друга?

Нет, пусть добрый друг Геракл веселится, Адмет переборет себя и скроет до утра печальные новости.

Насытившись, Геракл внимательнее поглядел на Адмета — только теперь он заметил, что вокруг глаз его друга залегли глубокие морщины, что Адмет лишь старается быть веселым, а на самом деле в каждом его слове, в каждом звуке его голоса дрожит печаль.

— Что с тобой случилось, Адмет? — удивился Геракл.— Ты не такой, как всегда. Что произошло? Может, я смогу помочь тебе?

Адмет не выдержал. Он вскочил, закрыл лицо руками.

— Не спрашивай меня ни о чем, Геракл! — сказал он прерывающимся голосом.— Позволь мне выйти и оставить тебя одного на некоторое время. Не думай, что я не рад тебе. Но сегодня, Геракл, я не в силах быть веселым. Все, что имею, принадлежит тебе, ты это знаешь. Но прости меня!..

И Адмет выбежал из зала. Геракл с удивлением глядел ему вслед: таким он никогда еще не видел своего друга. Что же случилось?

Он повернулся к старому слуге. С дрожью в голосе и великой печалью тот рассказал Гераклу о внезапной болезни Адмета, о горе Алкесты, о том, как она пожертвовала собой и умерла, чтобы спасти своего любимого мужа...

Геракл слушал молча. Адмет потерял прекрасную Алкесту! И хмурый бог Танатос не помиловал ее, видя такое самопожертвование!

Схватив тяжелую палицу и меч, Геракл сорвался с места. Глаза его гневно блистали. Он крикнул:

— Пусть Адмет ждет меня, я скоро вернусь!

Испуганные слуги остались в зале одни. На столах валялись недоеденные яства и опрокинутый кубок с вином. А Геракл уже мчался к огромной пещере, которая вела в темное царство бога Танатоса. Вот он, вход в пещеру!

Хмурый голос прогремел из темноты:

— Остановись, человек! Ты приблизился к царству бога Танатоса. Остановись, если не хочешь, чтобы бог Танатос наложил на тебя свою тяжкую руку!

— Я не боюсь Танатоса! — воскликнул Геракл.— Пусть он явится передо мной! Я хочу видеть его!

— Остановись, человек! — повторил мрачный голос.— Бог Танатос не знает пощады, он не щадит никого. Остановись!

— Я не прошу у него пощады! — гневно ответил Геракл.— Где он? Я, Геракл, хочу разговаривать с ним!

Ледяной ветер вырвался из глубокой пещеры. Он испугал бы любого, но не прославленного героя Геракла. Вслед за этим появилась высокая костлявая фигура бога Танатоса. Бог гневался. Он протянул к Гераклу свою длинную сухую руку, чтобы коснуться его и отобрать жизнь. Но Геракл отскочил в сторону и крикнул:

— Постой, Танатос! Слушай, что я скажу тебе! Я, Геракл, требую от тебя, чтобы ты отдал мне прекрасную Алкесту.

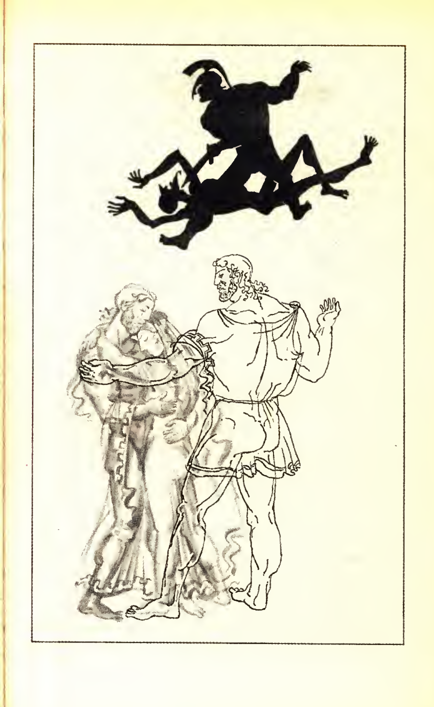
— Как смеешь ты требовать что-либо от меня? — возмутился Танатос.— Я бог, а ты простой смертный.

— Я знаю, что ты бог,— ответил Геракл спокойно.— Но ты обыкновенный бог, а я не обыкновенный смертный. Я — Геракл! Разве ты не слышал обо мне?

— Даже если бы ты владел силой десяти Гераклов, ты будешь наказан за твое хвастливое требование,— промолвил Танатос и снова протянул сухую длинную руку к Гераклу.

Теперь уже не ветер, а целый ураган закружился вокруг Геракла, сбивая его с ног и подталкивая к Танатосу. Еще миг — и рука Танатоса коснулась бы героя.

Но Геракл не растерялся. Ловким движением он швырнул в Танатоса свою тяжелую палицу. Она просвистела в воздухе и ударила Танатоса по протянутой руке. Этот удар был настолько неожиданным и сильным, что бог Танатос упал на землю, застонав от боли. Геракл не ждал, пока Танатос поднимется. Выхватив меч из ножен, он бросился на врага. О нет, Геракл не дотронулся до Танатоса ни рукою, ни ногой! Он хорошо знал, что малейшее прикосновение к богу смерти лишит жизни его самого. И потому Геракл только приложил острый конец своего меча к шее Танатоса так, что тот не мог и пошевельнуться, ибо лезвие меча тотчас бы пронзило его шею, и сказал:

— Я не боюсь ни тебя, Танатос, ни твоего ледяного ветра. Отвечай: отдаешь мне прекрасную Алкесту? И знай, если ты не согласишься, я отрублю тебе голову. Отвечай немедленно, Танатос! Я уже обнажил меч!

Танатос был вынужден сдаться. Он произнес:

— Согласен. Я отдам Алкесту. Но откуда мне знать, не будешь ли ты угрожать мне и после этого, Геракл?

— Еще никогда и никого я не обманывал,— гордо ответил Геракл.— Пусть выйдет сюда прекрасная Алкеста, и я отпущу тебя...

И снова бог Танатос был вынужден согласиться...

А что делал тем временем Адмет?

Сидя возле спящих детей, Адмет переборол себя. Но, вернувшись в зал, где он оставил Геракла, Адмет не нашел его там. Слуги рассказали ему, как Геракл узнал о горе Адмета, как он убежал куда-то.

— Горе мне! — воскликнул Адмет.— Лучший мой друг оставил меня недовольный, потому что я не смог принять его так, как того требует гостеприимство! Горе мне, горе! Сперва потерял я любимую жену, а теперь и любимого друга!

Но не успел он произнести это, как на пороге возник Геракл. Вместе с ним вошла какая-то женщина, закутанная в темное покрывало. Женщина осталась возле порога, а Геракл приблизился к Адмету.

— Зачем ты скрывал от меня то, что с тобой произошло, Адмет? — спросил Геракл.— Разве я тебе не друг?

Поникший, Адмет молчал. А Геракл продолжал:

— Адмет, я вынужден сейчас покинуть тебя, ибо еще не выполнил урок, назначенный всемогущими богами. Ты потерял жену, Адмет. Я привел тебе вот эту женщину. Я хочу, чтобы она оставалась у тебя до моего возвращения, а если пожелаешь, то и навсегда. Я буду рад, если она понравится тебе и ты женишься на ней. Ведь тебе нужна жена, которая будет любить тебя и твоих детей.

Адмет покачал головой.

— Никогда не будет у меня другой жены, кроме Алкесты, Геракл,— решительно ответил он.— Никогда не будет у моих детей мачехи. Я не желаю видеть никаких женщин после того, как я потерял мою Алкесту.

— Даже в том случае, если она будет очень похожа на Алкесту? — спросил Геракл.

Адмет поглядел на женщину. Действительно, она была

очень похожа на Алкесту. Но от этого сходства Адмет еще больше погрустнел.

Тогда Геракл сделал шаг назад и сорвал с женщины покрывало. Перед Адметом стояла его Алкеста. Она протягивала к мужу руки и радостно улыбалась. Адмет бросился к ней.

— Алкеста! Любимая моя жена! Неужели это ты? Почему же ты молчишь?

Он с жаром обнимал, целовал ее. Но Алкеста молчала. Смущенный Адмет посмотрел на Геракла: он не понимал, почему его жена не отвечает.

Геракл улыбнулся:

— Твоя жена, Адмет, побывала в царстве теней бога Танатоса. Теперь она возвратилась к тебе оттуда. Но царство Танатоса наложило на нее свою печать. Не беспокойся, Адмет, Алкеста не сможет разговаривать только три дня и три ночи. А после этого она станет такой, как была.

Какими словами описать чувства Адмета? Он снова был со своею любимой женой. Впереди были долгие годы безоблачного счастья, которое вернул ему прославленный и бесстрашный герой Геракл.

Восьмой подвиг Геракла

ростившись с Адметом и его прекрасной супругой, Геракл сел на корабль и поплыл во Фракию, где над морской пучиной, на черных скалах, высился дворец Диомеда и злобно ржали страшные кобылицы.

В тот час, когда он подошел к конюшне, Диомед охотился в лесах своей страны. Геракл бесстрашно распахнул ворота и зашел в стойло, усыпанное человеческими костями. Он связал веревками испуганную стражу, смело накинул уздечки на кровожадных коней и повел их к своему кораблю.

Но слуги дали царю знать о том, что случилось в его конюшнях.

Разгневанный царь бросился вместе со своими воинами на морской берег и тут встретил Геракла.

В жарком бою Геракл победил воинственных фракий-

цев. Одним ударом дубины он разбил голову свирепому Диомеду и швырнул его тело не съедение коням.

Потом Геракл отвел страшных кобылиц к Эврисфею.

Царь Эврисфей, как подобает жадному трусу, не сберег и этих кобылиц. Дрожа от страха, едва взглянув на них издали, велел он выпустить их в дикие Ликейские горы. Там, между скалистых круч и сосновых лесов, на них напали злые горные волки, и скоро только старцы-певцы в своих песнях поминали страшных животных и их свирепого хозяина.

Геракл в царстве амазонок

арь Эврисфей был всегда угрюм и мрачен. Он ненавидел всех, кого богини судьбы сделали умнее, храбрее, сильнее его. Но было на свете одно существо, в котором он души не чаял,— его дочь, золотоволосая царевна Адмета.

Когда Адмета смеялась, царь Эврисфей улыбался. Зато когда она плакала, он скрежетал зубами, и горе было человеку, виновному в ее слезах. Если же Адмета говорила: «Я хочу!» — то ее слово было сильнее всех законов в царстве Эврисфея.

Однажды няня рассказала Адмете удивительную историю.

— За далеким Эвксинским Понтом,— говорила няня,— лежит таинственная страна амазонок. В этой стране нет мужчин; там живут одни только женщины. Но это не простые женщины. С колыбели они учатся воевать. Их игрушки — острые мечи и луки со звонкими стрелами. Совсем еще маленькими девочками они уже садятся в седла и скачут по горам и долам своей страны, как самые смелые всадники. Не было доныне ни одного полководца, который сумел бы — хитростью или силой — победить смелую конницу амазонок. Никогда еще враг не пробирался в их столицу, в знаменитый таинственный город Темискиру. Этот город высится там, где бурная река Термодон впадает в сердитый Понт Эвксинский. Посреди города возвышается пышный дворец, а в нем живет великая царица амазонок, прекрасная Ипполита.

Много дивных сокровищ хранится в кладовых и ам-

барах ее дворца. Там есть драгоценные камни, взятые смелыми всадницами в бою, и военные кольчуги из тонких золотых цепочек. Там есть хрустальные сосуды, привезенные из далеких восточных стран, и пестрые чепраки, которыми накрывают потные спины царских лошадей. Но дороже всех драгоценностей для царицы Ипполиты ее волшебный пояс — этот пояс она надевает, готовясь к бою. Он не красив и не пышен. Зато его подарил Ипполите сам свирепый бог войны, кровавый Арес. Этот пояс приносит счастье в бою. Вот почему амазонки стерегут его как зеницу ока. Горе тому, кто захочет отнять его у них.

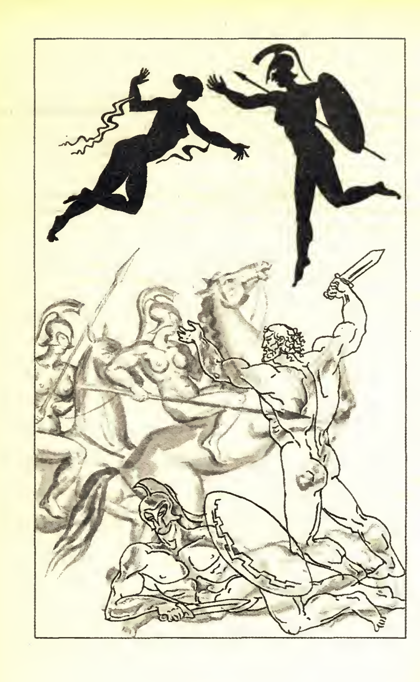
Едва только золотокудрая Адмета услышала этот рассказ, как ей захотелось получить и примерить такой удивительный пояс. Надев свои маленькие сандалии, она побежала по каменным плитам дворца в те покои, где жил ее отец. Бросившись ему на шею, она сказала, что больше всего на свете сейчас же, теперь, хочет она получить в подарок волшебный пояс царицы Ипполиты.

Эврисфею самому никак не удалось бы добыть эту великую драгоценность. Но ведь Геракл еще не совершил всех назначенных ему подвигов. И вот снова приказывает тщедушный царек герою покинуть родные страны и отнять у отважных амазонок волшебный пояс их царицы...

Долго легкие ладьи Геракла пенили острыми носами волны. Долго плыл он из милой Греции в ту сторону, где летом восходит солнце. Наконец перед ним выросла на морском берегу столица амазонок Темискира. Спутники Геракла вытащили на берег свои легкие корабли, разожгли вокруг них костры и стали лагерем под стенами великого города.

Скоро послышались звуки труб. Царица Ипполита сама пришла в лагерь узнать, что нужно в ее земле чужестранцам. Мирно и почтительно встретил герой смелую владычицу амазонок. Ничего не скрывая, он рассказал ей все про себя и про свою службу у Эврисфея. Выслушав его рассказ, Ипполита растрогалась: ведь она как-никак была женщиной.

— Будь спокоен, сын Зевса,— сказала она,— тебе не придется проливать кровь из-за этого волшебного пояса. Правда, я дорожу им больше всех своих сокровищ, но для тебя я не пожалею его. Будь моим гостем, Геракл. Отдыхай в мире. Через несколько дней я отдам тебе свою лучшую драгоценность.

Так мирно сговорились между собой эти смелые и благородные люди.

Но коварная богиня Гера все еще не теряла надежды погубить ненавистного ей Геракла. Темной ночью, обернувшись амазонкой, она проникла в Темискиру и пошла по ее темным улицам, нашептывая встречным лживые речи.

— Не верьте, Гераклу,— говорила она.— Его добродушие обманчиво. Не пояс нужен ему — он хочет похитить нашу царицу и увезти ее в далекие страны.

И она так много, так долго, так хитро уговаривала простодушных воительниц, что в конце концов они поверили ей. Тотчас вскочив на своих коней, амазонки взялись за оружие и устремились к лагерю Геракла. Их было много, а греков мало. Смелые всадницы одна за другой нападали на самого героя, но одну вслед за другой он повергал их на землю. Вот уже пала быстрая, как вихрь, Аэлла. Погибла и Протоя, женщина-герой, семь раз подряд побеждавшая храбрейших воинов. Попала в плен предводительница Меланиппа, и войско амазонок побежало в ужасе перед Гераклом. Царица Ипполита поспешила вручить ему свой пояс. Горько покачал Геракл головой.

— О Ипполита, Ипполита,— сказал он ей с упреком.— Я не хотел кровопролития и гибели твоих сестер. Зачем вы послушались коварных речей Геры?

Перед разлукой он дружески обнял царицу амазонок. Неутешно оплакивала она смерть своих лучших подруг, но не сердилась на Геракла. Они расстались друзьями, и скоро золотокосая Адмета уже играла поясом Ипполиты. Впрочем, он ей не понравился. Он был беден с виду и некрасив. Для того чтобы оценить его, как должно, надо было иметь великое и смелое сердце. Дочь же трусливого Эврисфея совсем не отличалась мужеством. Вот почему пояс Ипполиты скоро пропал неизвестно куда.

Десятый подвиг. Быки Гериона и хитрый великан Какос

алеко от Греции, в той стороне, где вечером солнце пылающим кругом спускается в зеленые волны океана, лежал среди вечно ропщущих вод пустынный остров Эритея. Он был дик и необитаем. Только время от времени раздавались на нем гулкие, тяжелые шаги. Это огромный, как туча, трехголовый великан Герион приходил сюда осматривать стада своих быков. В безопасности и покое паслись они на зеленых лугах Эритеи.

Лениво пощипывали сочные травы, мирно бродили по безлюдному острову эти быки, огромные, как самый большой слон, огненно-красные, как те облака, что горят по вечерам над закатом. Ни зверь, ни человек не могли добраться до них через бурные воды западного моря. Но, боясь за свои стада, Герион все же приставил охранять и пасти их другого великана, Эвритиона.

Эвритион был столь же велик, как и его хозяин Герион, но не был трехголовым. Зато в помощь пастуху-гиганту был дан хозяином страшный пес Орт. Этот пес одним глотком мог бы проглотить сразу десять огромных львов или тигров.

Так вот, за быками Гериона и отправил своего могучего слугу Геракла трусливый и жадный Эврисфей, когда пришла тому пора совершить свой десятый подвиг.

Долго шел покорный Геракл на запад, через те страны, где теперь лежат Франция и Испания. Он перебирался через высокие горы, переплывал бурливые реки. Наконец достиг он места, возле которого Африка отделяется от Европы узким и глубоким проливом.

Через этот пролив Геракл перебрался с великим трудом. В память о своем путешествии на обоих берегах он поставил по высокой, похожей на столб скале. Мы теперь зовем эти скалы Гибралтаром и Сеутой. В древности же их называли Геркулесовыми столбами. Они находятся так далеко от солнечной Греции, что только хвастуны и лгуны осмеливались в те времена уверять, будто и они, как Геракл, доходили до их подножий. Вот почему и посейчас, когда хотят сказать, что какой-

нибудь человек много лжет и хвастается, говорят: «Ну, он дошел до Геркулесовых столбов».

Миновав это мрачное место, Геракл вышел на берег бурного западного океана. Пусто было здесь, так пусто, что даже герою стало жутко. Соленый ветер рвал пенные гребни волн, свистал в пустых ракушках на прибрежном песке, трепал космы водорослей, выброшенных на берег прибоем. Далеко, за открытым простором моря, лежал серый остров Эритея. Но ни одного паруса не было видно вдали, ни следа от челна на сыром песке, ни даже выброшенных морем бревен, чтобы сколотить плот. Геракл сел на львиную шкуру, положил рядом с собою тяжелую палицу и верный лук и, охватив колени могучими руками, стал мрачно смотреть на пенные гребни волн.

День клонился к вечеру. И вдруг увидел Геракл, что Гелиос-Солнце на своей лучезарной колеснице начал спускаться с высоты небес на запад и с каждым мигом приближается к нему. Наполовину ослепленный сияньем и блеском, разгневался Геракл на солнечного бога. Он схватил свой лук и нацелился острой стрелой в светозарного Гелиоса.

Бог-Солнце удивился такой смелости. Но он не рассердился на сына великого Зевса. Расспросив, в чем дело, узнав, что делает герой в этом диком краю, он даже уступил Гераклу на время свой челн. На этом челне Гелиос каждую ночь сам переезжал через океан, чтобы утром снова подняться над восточным краем земли.

Обрадованный Геракл сел в ладью Солнца и, переплыв море, прибыл на дикий остров. Еще издалека донеслось до него по волнам океана громкое мычание пурпурных быков, но едва он ступил на берег, как страшный пес Орт с хриплым лаем и рычаньем кинулся на него.

Одним взмахом палицы герой отшвырнул ужасного пса, вторым ударом убил исполинского пастуха и, собрав быков, погнал их к своей ладье.

На полпути к берегу настиг его хозяин быков, трехголовый великан Герион. Но тремя стрелами герой поразил чудовище и, спокойно переправив быков через океан, возвратил ладью Гелиосу-Солнцу.

Далекий путь предстоял теперь Гераклу. Через тридевять земель погнал он волшебное стадо в родную Грецию.

Он прошел, подгоняя быков длинной и острой жердью —

стрекалом, через выжженные плоскогорья, цветущие долины и сочные луга нынешних Испании и Франции.

Наконец великой стеной стали на его пути непроходимые Альпийские горы.

Трудно было могучему пастуху провести свой гурт через их теснины и кручи. Двойные копыта благородных животных скользили по гладким скалам, тонули в вечном снегу горных вершин. И все же горы остались позади. Впереди зазеленели плодородные равнины Италии...

Как-то вечером, когда с болот потянуло лихорадочной сыростью, утомленный Геракл согнал своих быков в узкую долину между лесистых гор, лег на землю, подложил под голову большой плоский камень и крепко уснул.

Его охватил непробудный сон. Должно быть, злая Гера подослала к нему маленького сонного Морфея, бога с длинными тяжелыми ресницами, в колпачке из лепестков снотворного мака.

Геракл уснул и ничего не услышал. Не слышал он, как в густом буковом лесу затрещали чьи-то тяжелые шаги, как кто-то огромный, шумно дыша, ходил по поляне, как жалобно мычали быки Гериона — сначала близко, потом все дальше и дальше...

Он проснулся только утром и с гневом увидел, что долина пуста. Измятая трава блестела от росы, да грустно мычал единственный уцелевший теленок со звездочкой во лбу.

Вне себя от ярости герой бросился в погоню. Точно взбешенный вепрь, метался он по италийским холмам и рощам в поисках следов, но на каменистой почве их было трудно обнаружить. Все казалось пустынным вокруг.

Наконец, уже на склоне дня, Геракл приблизился к одиноко стоявшей в лесу каменной горе. Достигнув ее подножья, герой внезапно остановился. Он ясно услышал: из глубины горы доносилось глухое мычание.

Удивленный и встревоженный, Геракл обошел несколько раз нагроможденные скалы. В одном месте он увидел заросший кустами, забросанный обломками утесов вход в пещеру. Все пространство перед пещерой было утоптано множеством бычьих следов. Вглядевшись в истоптанную копытами землю, Геракл увидел, что следы ведут не в пещеру, а от нее, в долину. Как это могло случиться? Ведь мычание доносилось из пещеры...

Геракл был не только отважен и силен. Он был догадлив и хитроумен. Он быстро сообразил, в чем тут

дело. Наверное, хитрый вор связал все стадо хвостами вместе и увел быков за собою, таща их за хвосты, задом наперед. Вот почему следы получились обратные. В гневе начал Геракл раскидывать в стороны тяжелые камни завала. И как только первые камни с грохотом разметались по окрестному лесу, из-за деревьев донесся громкий топот и треск. Это злобный похититель, свирепый великан Какос, спешил на защиту своей добычи. Он ринулся на дерзкого Геракла, подняв палицу выше вершины леса, изрыгая огонь и клубы серного дыма, рыча голосом, подобным грому.

Но все это было напрасно. Метнув острую глыбу великану в висок, герой поверг его мертвым на землю. Затем он выгнал быков из пещеры, собрал и пересчитал свое стадо и погнал его в Грецию.

Там прекрасный гурт был вручен Эврисфею. Эврисфей же заколол волшебных быков и принес их в жертву ревнивой богине Гере. Он очень хотел оставить их себе, но побоялся: чересчур уж прекрасны были для смертного быки Гериона.

Путешествие Геракла за золотыми яблоками Гесперид

Чем больше подвигов совершал могучий герой Геракл, тем опаснее и труднее становились уроки, которые задавал ему безжалостный Эврисфей. Не успело замолкнуть в аргосских стойлах глухое мычание быков Гериона, как ничтожный царек снова потребовал к себе своего великого слугу.

— Дошла до меня,— сказал он Гераклу,— удивительная весть. Далеко от нас, где-то на самом краю земли, на берегу безбрежного океана, есть сад, разбитый на голых скалах великаном Атлантом. По сю сторону того сада на много дней пути простираются необозримые пустыни, спаленные солнцем; змеи обитают в них. По ту сторону, над безграничным морем, за которое заходит солнце, раскинулось синее царство богини Ночи.

Дочери Ночи, прекрасные сестры-вечерницы Геспериды, вылетают по вечерам из его прохладных темно-лазурных просторов. Они спускаются в сады Атланта и стере-

гут их от похитителей. Сказать по правде, там есть что охранять, потому что на свете нет ничего прекрасней и таинственней этих густолиственных садов.

Блестящие, как золото, большеглазые птицы, воркуя, порхают там с ветки на ветку в голубом вечернем тумане. Тоненькими голосами звенят хрустальные ручейки, и дно их устлано золотистым песком. В прозрачных водоемах цветут розовые лотосы. И пестрые рыбы выплывают порой из-под их листьев на тихую поверхность воды. По стволам деревьев, по нежным стеблям трав стекают и капают вниз на землю благоуханные смолы.

А в самой глуши сада, в его зеленой и влажной тени, растет прекрасное пышнолистное дерево. Ствол его тонок и строен, ветви гибки, и на них, сияя и днем, и во мраке ночи, висят золотые яблоки, каких никогда не видали глаза человека.

Геракл! Я хочу, чтобы ты достал мне три таких яблока. Я знаю — ты смел и могуч. Но не надейся заранее на легкое дело. Знаешь ли ты, кто такой Атлант, хозяин этого сада и этих яблок? Послушай — я тебе расскажу, кто он.

На краю света, над темной и страшной бездной, широко расставив ноги, стоит нагнувшись великан, огромный, как гора. Могучими руками он уперся в небо и поддерживает над нами небесный свод. Стоит ему хоть на минуту отпустить свою тяжелую ношу — и небо рухнет вниз на землю, тучи сорвутся с него, упадут луна и солнце, посыплются вниз яркие звезды. Настанет конец всему. Этот великан, держатель неба, и есть Атлант. Атланту некогда самому стеречь золотые яблоки. Но он дорожит ими больше, чем жизнью. Поэтому в помощь сестрам Гесперидам он приставил злого дракона Ладона. У этого чудища только один глаз в широком лбу, но зато этот глаз никогда не закрывается. Горе тому, кого увидит бессонное око дракона.

Вот что мне рассказывали бывалые и мудрые люди. Так это или не так, я не знаю, но яблоки ты должен мне раздобыть. Таков мой приказ. Слышал ли ты его, о мой слуга Геракл?

Геракл все слышал. Как всегда возложив на плечи шкуру Немейского льва, он застегнул ее лапы спереди на груди, сцепив когти с когтями, и, опираясь на свою страшную палицу, немедленно тронулся на поиски удивительного сада.

Долго блуждал он по всей земле, углублялся в холодные области севера, бродил под палящим солнцем юга, заходил на запад и на восток — все было тщетно. Никто не мог рассказать ему, где живут сестры-вечерницы.

Наконец, придя на берег северной реки Эридана, он услышал в ее волнах нежные, как шелест струй, голоса. Это водяные нимфы, милые и кроткие созданья, жившие тут, выплыли наверх, услышав его тяжелую поступь. Им стало жаль героя, и они посоветовали ему побеседовать со старым отцом волн, косматым Нереем.

Выслушав просьбы героя, Нерей поделился с ним своей тайной. В страшном месте находились сады Атланта. Место это лежало далеко за желтыми песками Африки, за дикими степями, где бродят львы и пресмыкаются серые змеи пустынь. Но грознее всех змей и всех львов был в той стране ее повелитель, сын Земли, великан Антей.

Боги приказали ему никого не пропускать через свои владенья, и великан неуклонно выполнял свой долг. Каждого, кто приближался к нему, он заставлял помериться с ним силой.

А это было совсем безнадежно: ведь голова Антея возвышалась над самыми высокими пальмами его страны — в нем было целых шестьдесят локтей роста. Мало того, его нельзя было утомить в бою. Как только он чувствовал усталость, он прикасался рукой или ногой к своей Матери-Земле, и тотчас же в него вливалась новая сила. Вот почему он убивал одного за другим всех противников и их костями украшал храм своего отца, бога морей Посейдона.

Эти страшные вести не смутили Геракла. Смело вступил он на горячую землю Ливийской пустыни, и скоро вдали перед ним, среди раскаленных песчанных холмов, поднялся в тумане огромный торс Антея. Рассерженный гигант протяжным окриком остановил героя у границы своих владений и без дальних слов ринулся на него. Началась жестокая битва.

Охватив друг друга могучими руками, кружились враги по знойной пустыне. Песчаные вихри вздымались от их ног и скоро затмили солнечный свет. Но сила Антея все время росла — ведь он стоял ногами на родимой земле,— а Геракл начал уже уставать. Неужели победа останется за великаном?

Но нет! Геракл был ловок и хитер. Он вспомнил,

что ему говорил старец Нерей. Собрав последние силы, он вдруг поднял Антея высоко в воздух, оторвав его от Матери-Земли.

Тотчас же могучий гигант стал слабеть. Тщетно тянулся он руками и ногами к своей матери, чтобы набраться от нее новой силы. Геракл, дрожа от напряжения, держал его на весу и не давал прикоснуться к земле. И скоро суровый великан стал слабее малого ребенка.

Геракл совсем не хотел зла Антею. Но ему нужно было во что бы то ни стало пройти через его владения.

— Пропусти меня через пустыню, Антей,— сказал он.

— Нет,— сказал Антей.— Я не могу сделать этого. Я не могу нарушить волю богов.

Тогда, держа великана одной рукой, герой протянул другую к его горлу и без труда задушил своего врага. Так погиб могучий Антей.

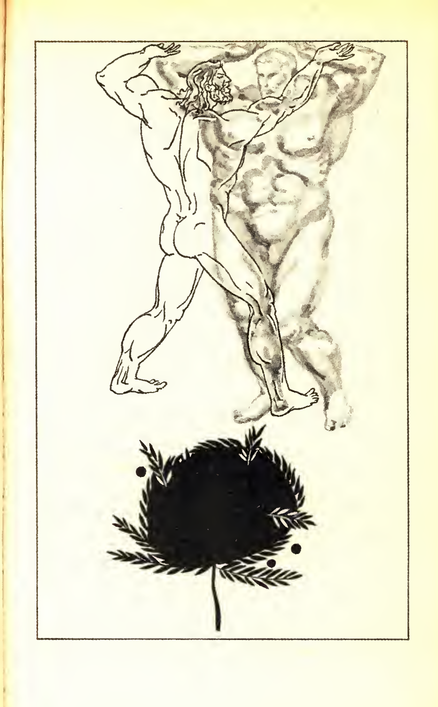
С тех пор мудрые люди часто вспоминают его страшную гибель.

— Подобно Антею,— говорят они,— погибнет всякий, кого какая-нибудь сила оторвет от Матери-Земли, его породившей. Каждый, кто забудет родину, кто потеряет близость с народом, среди которого он вырос, который его вскормил и воспитал, погибнет, как Антей...

Победив Антея, Геракл устремился дальше и скоро добрался до сада Гесперид. От прекрасных деревьев повеяло на него благоуханным ветерком. Сестры-вечерницы приветливо встретили благородного героя. Но они не смели сами касаться золотых яблок. Нарвать их мог только хозяин сада, могучий Атлант. Титан охотно подарил бы Гераклу яблоки, но ему нельзя было ни на миг выпустить из рук край неба, который он держал,— иначе наступил бы конец мира. Как же быть?

С трепетом глядел Геракл на согнувшегося под тяжестью неба титана и на неизмеримый груз, лежавший на его плечах. Но иного выхода не было, и он предложил Атланту сменить его, пока тот будет рвать с дерева золотые плоды.

С восторгом согласился на это могучий титан. Радостно выпрямил он затекшие за много тысяч лет плечи, полной грудью вдохнул в себя вечерний воздух. В тот же миг страшная тяжесть налегла на Геракла. Кости его затрещали, ноги по колено ушли в землю, жилы на лбу надулись. Тяжелый вздох вырвался из его груди — герой

застонал под непомерным грузом. Но могучее тело выдержало. Он стоял, обливаясь потом, час, другой, третий. Стиснув зубы, держал он на себе все небо, пока Атлант не принес ему три сорванных яблока.

Атлант был простодушен, но считал себя хитрецом. Ему очень не хотелось снова становиться на свое вековечное место.

— Вот что, сын Зевса...— предложил он, не глядя в глаза Гераклу.— Давай сделаем так: ты подержи еще немножко небо, а я схожу за тебя в Грецию и отнесу яблоки Эврисфею. Не стоит тебе утомляться. Ты и так устал от вечных скитаний.

Однако Геракл сразу разгадал эту неловкую хитрость.

— Я согласен, о небодержатель,— отвечал он.— Пусть будет по-твоему. Но непривычная тяжесть больно врезается мне в плечи. Позволь же мне сделать мягкую подушку и подложить под этот груз, а там ступай куда хочешь.

Добродушный Атлант не привык иметь дело с обманщиками-людьми. Он сейчас же поверил Гераклу и покорно взвалил на себя небо, ожидая скорого освобождения.

Но на этот раз Геракл не сдержал своего слова. Подняв с земли свой верный лук, дубину и колчан, он положил в него яблоки и сказал Атланту:

— Прости меня, благородный Атлант! Я обманул тебя. Но ты сам знаешь — даже я не в силах выполнять твою великую работу. Не сердись на меня. Оставайся с миром.

— Увы! — вздохнул в ответ опечаленный великан.— Ты прав, Геракл. Я не сержусь на тебя. Это я сделал нехорошо, когда хотел поступить с тобой бесчестно. Ступай и ты с миром, и да будет тебе легок твой долгий путь.

Так они расстались. Чтобы отблагодарить доброго хозяина, Геракл ударил своим мечом по скале, возвышавшейся невдалеке. Чистый, как хрусталь, источник тотчас же хлынул из рассеченного надвое утеса, и мирной прохладой повеяло на бессонного держателя неба. Умиротворенный титан остался стоять на своем вековечном месте, Геракл же направился в Грецию. А тот океан, на берегу которого он обманул титана Атланта, люди и до наших дней зовут Атлантическим.

Двенадцатый подвиг. Пленение трехглавого пса Кербера

диннадцать великих подвигов совершил на службе у царя Эврисфея непобедимый герой Геракл. Одиннадцать раз возвращался он с победою в старые стены аргосской столицы. Даже завистливый и жадный Эврисфей начал наконец чувствовать себя в долгу перед своим великим слугою. Он подобрел и приказал возвратить Гераклу золотые яблоки, добытые им в садах Гесперид.

Но в то же время, готовясь послать своего могучего слугу на последний, двенадцатый подвиг, он придумал для него самое страшное, самое опасное дело. Он решил отправить Геракла в царство бога Плутона — Аид.

Глубоко под землей, говорили греки, в вечном мраке, в древней сырости и холоде лежит это мрачное царство. Ни один луч не проникает с освещенной солнцем земли туда, в темный Тартар. Ни единый звук не доходит сверху до его черных глубин.

В глубоком молчании катятся подземные реки Стикс, Ахерон, Коцит. Черная вода их беззвучно лижет черные скалы. Даже совы и летучие мыши боятся залетать в эти страшные подземелья. Только в двух или трех местах на земле есть глубокие и узкие горные щели, дикие расселины и пещеры, сквозь которые можно пройти в царство Плутона.

Живые люди никогда не проникают туда. Лишь когда человек умирает и тело его хоронят в земле, тень человека быстро летит, точно лист, гонимый ветром, к дикому входу в Тартар, спускается вниз, в сырость и мрак, и навсегда остается там. Седой старик Харон за мелкую медную монетку перевозит ее в дырявом челне на другой берег реки Стикса.

Нет человеческим теням выхода из Тартара на землю: все выходы из него стережет бессонный пес Кербер. Три головы у этого недремлющего стража, три головы на длинных шеях, и с каждой шеи спадает вниз густая грива — не из волос, а из страшных ядовитых змей. Длинный хвост у злого Кербера, но вглядись: это не хвост. Это свирепый дракон вырос у него на спине. Он свивается в кольца и развивается, высовывает острое жало и шипит.

Горе тому, кто захочет, миновав страшного Кербера, выбраться из подземного царства обратно на свет! С громкими стонами, печальной толпой скитаются тени умерших людей по острым камням Плутонова царства. Они тоскуют по солнцу и теплу, они грустят обо всем, что им было мило на радостной, светлой земле. Но выйти оттуда они не могут.

Так говорили греки. И вот царь Эврисфей приказал Гераклу спуститься в Тартар и, поймав адского пса Кербера, привести его на цепи в Аргос.

Все содрогнулись от страха, услышав такой приказ. Громко заплакали жалостливые люди: страшно было даже подумать, что живой человек должен спуститься туда, где толпятся только тени давно умерших. Но герой с радостью выслушал этот последний, двенадцатый приказ.

Прежде чем пускаться в путь, он сходил в город Элевсин, к мудрецам, которые жили там и не боялись смерти. В глубокой ночной тишине, при мерцающем свете факелов, старейший мудрец шепнул ему на ухо волшебное элевсинское слово — оно освобождало от страха смерти каждого, кто его услышал. Узнав это слово, человек уже ничего не боялся.

Смело направился после этого герой в дикие скалистые горы, где была расселина, ведущая в темный Аид.

Чем дальше он шел, тем тесней сдвигались вокруг него остроконечные голые утесы, тем глубже и мрачнее становилась долина. Перестали звенеть цикады, скрылись куда-то птицы. Только змеи зловещим шипеньем провожали шаги могучего. Серые жабы расползались из-под его ног, да серые вороны, сидя на засохших деревьях, хрипло каркали ему вслед. Наконец среди ядовитых кустов волчьего лыка он увидел черное жерло пещеры. Холодом и сыростью, смертью и тлением веяло оттуда; от этого холода вздрогнул смелый воин, победивший Лернейскую гидру и Немейского льва.

В последний раз взглянул он вверх, в далекое синее небо, на белые веселые облака, потом взялся за ветви ядовитого кустарника и перешагнул через страшный порог. Но в тот же миг кто-то взял его под руку.

— Не бойся, сын Зевса,— сказал ему звонкий молодой голос.— Наш отец выслал меня, чтобы я довел тебя до дворца Плутона. Иди за мной. Не в первый раз мне приходится проходить этот страшный путь.

Геракл оглянулся и увидел рядом с собой улыбающе-

гося юношу с лукавыми глазами, с крылатым жезлом в руке. Маленькие крылышки были и на тонких сандалиях. Плутоватый взгляд его так и бегал вокруг. Геракл сразу узнал в нем своего старшего брата. Это был Гермес, небесный посол и вестник, бог торговцев, выдумщиков-изобретателей, а также бог всякой хитрости и плутни.

Рука об руку с ним спустился бесстрашный герой под мрачные своды подземного царства.

В страхе прянули в стороны легкие тени умерших при виде живого человека, облеченного в панцирь, с львиной шкурой на плечах. Только одна тень осталась на месте, уставив на путников ужасные неподвижные глаза. Геракл узнал ее — то была ужасная Медуза Горгона. На голове у нее росли не волосы, а змеи, тяжелый взор ее обращал в каменный столб каждого, кто случайно взглядывал ей в глаза.

Нахмурясь, поднял было Геракл свою тяжелую палицу, но Гермес тихонько коснулся его локтя.

— Не тревожься, брат,— шепнул он,— ведь это не сама Медуза, это только ее бессильная тень. С тех пор как великий Персей, герой такой же смелый, как ты, убил ее, она не может принести никому вреда.

Геракл опустил палицу, и они прошли мимо.

Тени толпами носились вокруг них, вздыхая, плача и жалуясь на свою судьбу. Многих знакомых встретил среди них Геракл. Но они его не узнавали, так как, выпив воды из реки забвения Леты, утратили память о прошлом.

Наконец вдали, в глубоком мраке, встал перед ним пышный и тяжелый дворец Плутона, хмурого царя подземного мира.

Возле дворца сидели два средних лет мужа и дружески беседовали. Один был прикован медными цепями к своему месту, другой — свободен. Он-то и окликнул Геракла.

— Тезей!— вскричал Геракл в изумлении.— Я тебя здесь не оставлю! Ты, я вижу, свободен.

— Нет, Геракл, я тоже прикован.

— Как прикован? Я цепей на тебе не вижу.

— Я прикован незримыми цепями чести,— тихо ответил Тезей, указывая на мужа в цепях.

— Догадываюсь, это Пирифой!— И Геракл дернул медную цепь, надеясь разорвать ее.

— Нет, Геракл,— грустно сказал узник,— против этих цепей твоя сила бессильна.

— Подождите, друзья! Я попрошу Плутона освободить Пирифоя.

Плутон насупил было брови, увидев перед собой живого Геракла. Но когда тот шепнул ему на ухо волшебное элевсинское слово, морщины на его лбу разгладились. Милостиво выслушал он обе просьбы героя и, подумав немного, сказал:

— Хорошо, сын брата моего Зевса. Пусть будет так, как ты просишь. Пирифой тяжко провинился, но просьба героя покрывает его вину. И моего верного пса я позволю тебе увести в мир живых. Но для этого ты должен сам, без всякого оружия в руках, найти, поймать и сковать его. Ступай, и да сопутствует тебе удача.

Покинув дворец Плутона, Геракл тотчас же подошел к Пирифою и дернул приковывающую его к земле цепь. Она разорвалась, как соломинка.

Друзья пустились на поиски Кербера. От каменистых, скользких от гнили и плесени берегов Ахерона донесся до них издали грозный тройной лай и рычание. С камня на камень прыгал, спеша напасть на человека, трехглавый пес.

Опершись на верную дубину, ждал его Геракл, и, когда страшный зверь со злым воем бросился ему на грудь, он, отшвырнув далеко прочь палицу, стиснул мощными руками сразу все три его шеи.

Неистово рвался и бился в этих объятиях злобный сторож подземного царства. Змеи, росшие у него на гриве, яростно впивались в рыжую шкуру льва. Хвост-дракон тщетно разил меднoблещущий панцирь. Все было напрасно — руки Геракла сжимались все туже.

И вот наконец поникли три головы свирепого пса. В страхе припал он к ногам героя и с жалобным визгом стал лизать ремни его сандалий. Тогда Геракл приковал Кербера к прочной цепи и, сопровождаемый Тезеем и Пирифоем, вывел пса из темного Аида на землю. В ужасе завыл и затрепетал рожденный во мраке пес, как только первый луч солнца коснулся его глаз: ведь он никогда не видел дневного света. Ядовитая пена заклубилась на трех его мордах, и там, где капли падали на теплую землю Греции, вырастала ядовитая трава аконит.

Здесь друзья расстались. Пирифой отправился в Фессалию, Тезей — в Афины, а Геракл — в Аргос.

Едва взглянув на чудовищного Кербера, Эврисфей закрыл лицо руками и, убежав, забился в самый дальний покой своего дворца.

— Довольно, Геракл, довольно!— кричал он.— Я не смею держать у себя на службе того, кто победил саму смерть. Отведи это чудовище обратно в темный Тартар и потом ступай куда хочешь. Ты совершил все двенадцать подвигов. Наказание кончилось. Боги простили тебя. Ты свободен.

Так и случилось.

Геракл отвел Кербера назад в дикие горы и выпустил его в черную расселину земли.

Сам же наконец вздохнул полной грудью и вернулся в Фивы, где ждала его верная жена Мегара.

ТЕЗЕЙ

Отцовский меч

емало подвигов совершил прославленный герой Тезей; немало сложено было легенд об этих подвигах. Но ни одна из легенд не рассказывает о том, как маленький мальчик Тезей сидел возле громадного, тяжелого, поросшего седым мхом валуна и горько плакал. Нет, его никто не обидел, да и сердился он не на кого-нибудь, а на самого себя. Он глядел на свои окровавленные ладони, со злостью посматривал на неповижный камень, и горячие слезы орошали его лицо.

Да, валун и сегодня не сдвинулся нисколечко, как ни старался сдвинуть его Тезей. И это случилось не впервые — уже третий год приходил сюда Тезей, третий год пробовал он здесь свои силы. А их было все еще мало...

Мать Тезея Эфра говорила ему:

— Не торопись, мой сын! Впереди у тебя еще немало времени. А отцу твоему будет приятнее увидеть своего сына сильным и мужественным.

— Я уже сильный и мужественный,— возражал Тезей.— Нигде в округе нет мальчика сильней меня. Отпусти меня к отцу!

Но Эфра сурово отвечала:

— Так велел твой отец, сын мой: «Пусть Тезей сдвинет с места этот камень — только тогда я позволю ему прийти ко мне!» Не торопись. Минет год, ты снова придешь сюда — и камень сдвинется под твоими возмужавшими руками.

Проходили годы, но Тезею так и не удавалось сдвинуть валун. Он стоял все такой же огромный, поросший мхом. Но Тезей не оставлял надежды. Он охотился на диких зверей, в любую погоду спал под открытым небом. Отдыхая, он клал голову на колени Эфры и просил ее рассказать про отца.

Эфра охотно рассказывала:

— Твоего отца, Тезей, звать Эгей. Он царствует в славном городе Афины. Велика честь быть его сыном и наследником. Ты должен быть отважным и бесстрашным, как твой отец. И, как он, всегда быть победителем.

Тезей засыпал, и ему снилось, как он наконец превозмогает упрямое сопротивление замшелого валуна, как

спешит к своему отцу Эгею и неслыханными подвигами прославляет свое и его имя.

И вот Тезею минуло восемнадцать лет. Теперь это прекрасный, высокий, стройный юноша с золотыми волосами и смелыми, ясными глазами. Снова он пошел к заросшему мхом валуну. А Эфра издали глядела на своего сына и печально вздыхала, ибо она уже знала, что теперь ей придется отпустить Тезея.

Юноша крепко обхватил камень руками. Он не шевельнулся. Тезей стал раскачивать валун. Еще усилие — и, обрывая корни деревьев, камень сдвинулся.

Тезей стоял возле открывшейся глубокой влажной ямы. У него дрожали от напряжения руки и ноги. Но он об этом и не думал. Он глядел на то, что лежало в глубине ямы. Это были большой меч с золотой рукоятью и такие же золотые сандалии.

Юноша не слышал, как к нему легкими шагами подошла Эфра. Голос ее дрожал, когда она заговорила:

— Сын мой, вот те вещи, которые оставил тебе твой отец Эгей. Возьми их, теперь ты имеешь на это право. Иди в Афины. Твой отец узнает тебя по этим предметам. Иди. И не обращай внимания на мои слезы. Я плачу от счастья, что ты стал таким сильным, и от горя, что разлучаюсь с тобой.

В тот же вечер Тезей отправился в далекий путь. Он знал, что по пути ему будут угрожать всевозможные опасности,— так его предупреждали все окружающие. Но юноша не боялся ничего. Кроме того, он думал: «Мой отец — царь Эгей, славный и владетельный человек. Захочет ли он признать меня своим сыном, если я приду к нему, ничем не прославившись? Я должен не избегать опасностей, а искать их. Итак, вперед, навстречу всем опасностям!»

А нужно вам сказать, что в те времена путешествовать приходилось по дремучим лесам, где блуждали хищные звери, где таились, подстерегая путешественников, лютые, безжалостные разбойники. Обо всем этом Тезей знал, но мысли об опасности лишь подстегивали его. Он бодро шел вперед и вперед — в золотых сандалиях своего отца, с его огромным мечом на боку.

Уже на второй день Тезей увидел удивительную картину. Все население какого-то большого села убегало из своих жилищ: мужчины тащили на себе вещи, женщины несли маленьких ребят и горько плакали.

— Что случилось? Почему вы убегаете из вашего села? — спросил Тезей.

— Огромный дикий вепрь блуждает в нашем лесу,— ответили ему перепуганные люди.— Вчера он напал на соседнее село и убил много людей и растерзал их. Беги и ты, чужестранец, потому что вепрь идет сюда!

— Нет,— ответил Тезей,— я пойду ему навстречу!

Он выхватил свой меч и бросился в лес, не обращая внимания на предостерегающие крики людей. Глаза его сверкали, золотые волосы горели как пламя. Вот он уже услышал сопенье дикой твари. Еще через минуту он увидел и самого исполинского вепря. Зверь тоже увидел Тезея, наклонил голову, бешено зарычал и помчался к юноше, намереваясь вонзить в него свои острые неровные клыки. Но Тезей отпрыгнул в сторону и что было силы ударил вепря мечом по спине. Брызнула густая кровь.

Тезей спрятал меч в ножны, взвалил кабана на плечи и принес его в село, чтобы жители успокоились.

В этот же вечер Тезей услышал в этом селе рассказ о трех разбойниках, которые бесчинствовали на дороге, что вела в Афины. Один из них, по имени Синид, любил пригнуть до земли два дерева, привязать к их вершинам путешественника, который попадал ему в руки, и отпускал деревья, отчего человека раздирало надвое. Второй разбойник, Скирон, поджидал путников у высокой скалы над морем и заставлял их мыть ему ноги. Когда путник склонялся перед ним, Скирон ногой сталкивал его со скалы. А внизу огромная черепаха, пожирающая трупы, накидывалась на очередную жертву. Третий разбойник, по имени Прокруст, укладывал человека спать на свое ложе. Если человек был короче ложа, он растягивал ему ноги в суставах; если человек был длиннее ложа, то отрубал ноги.

— Не иди этим путем,— говорили Тезею,— потому что тебя обязательно поймают разбойники. Нам жаль тебя, смелый юноша.

Но Тезей не уклонялся от опасности, он искал ее. И рано утром он отправился в путь.

К вечеру он увидел на дороге крепкого плечистого человека, который сидел на камне с большой палицей в руках.

— Кто ты? — спросил Тезей.

— Мое имя — Синид,— ответил тот.— Дальше ты не пойдешь. Стой!

— Синид, говоришь? — переспросил Тезей.— А мне деревья ты приготовил, разбойник?

— Вот они,— указал Синид на два дерева, притянутых вершинами к земле, и бросился на Тезея, размахивая палицей.

Но Тезей был наготове. Ловким ударом меча он выбил из рук разбойника его палицу, поймал его второй рукою и тотчас же ударил Синида его палицей по голове. Разбойник упал без памяти. Тогда Тезей сказал:

— Попробуй теперь сам то, чем ты потчевал других.

Он привязал Синида к приготовленным им же деревьям, деревья распрямились и разорвали надвое его тело. А Тезей пошел дальше, взяв с собой палицу Синида.

На другой день он увидел, что дорога перегорожена стеной из камня. А на стене сидит человек с мечом в руках.

— Стой! — крикнул он Тезею.— Именно здесь заканчивается твой путь. Я, Скирон, здешний властитель, запрещаю тебе идти дальше.

— Ты Скирон? А где же твоя скала? — спросил Тезей.

И, не ожидая ответа, с силой ударил палицей по каменной стене. Стена с грохотом рассыпалась, а Скирон упал на землю. Тезей схватил его и отнес на высокую скалу, с которой Скирон бросал свои жертвы в море.

— Попробуй теперь сам то, что ты делал другим,— промолвил Тезей и бросил Скирона со скалы в море.

И тут случилось чудо. Море не захотело принимать разбойника, оно ударило высокой волной и подбросило его вверх. Но земля была обрадована, что избавилась от такого разбойника, и не захотела принимать его назад. И Скирон остался на веки вечные между небом и землей, превратившись в хмурую высокую скалу. А Тезей пошел дальше.

Вскоре он встретил и Прокруста. Этот разбойник, прикинувшись радушным хозяином, ласково пригласил Тезея переночевать в его хижине. Но Тезей знал, что ему готовит Прокруст. Он согласился и вошел в хижину. Там стояло широкое ложе, прилечь и отдохнуть на которое ему предложил хозяин. Тезей только улыбнулся и сказал:

— Это и есть знаменитое Прокрустово ложе? Ну-ка, покажи мне, как на нем спать. Немало людей спало на нем, усни и ты, Прокруст, усни навеки!

Он схватил Прокруста и насильно уложил его на ложе. Разбойник был очень длинным, ложе было ему коротко. Поэтому Тезей отрубил Прокрусту голову и оставил тело на ложе. А сам, торопясь, двинулся дальше в путь.

Юноша спешил в Афины и не знал, что его слава, слава человека, который победил страшных разбойников и освободил всю страну, опередила его. Афины уже знали и его подвигах. И перед городом его встретили толпы людей, которые приветствовали его криками:

— Слава победителю! Слава Тезею!

Тезей никому не сказал, что он сын царя Эгея. Он пришел в царский дворец и попросил позволения войти, словно был совершенно посторонним человеком. Он не знал, что из окна дворца за ним следила волшебница Медея [1], которая жила во дворце, ожидая смерти Эгея, чтобы сделать царем Афин своего сына. Медея сразу узнала Тезея. И когда он вошел в большую комнату, где сидел Эгей, Медея была уже там.

Она прошептала царю на ухо:

— Этот юноша, который победил разбойников, пришел сюда, чтобы убить тебя, Эгей. Дай ему выпить вот этого вина с отравою. Иначе он убьет тебя!

Царь Эгей был старый и слабый. Он испугался и согласился с предложением коварной волшебницы. А Тезей молча стоял перед своим отцом. Он думал: «Мне нет надобности называть свое имя. Царь Эгей должен и без этого узнать меня, своего сына».

Тезей забыл о том, что Эгей никогда не видел его. Тем временем Медея подала Эгею кубок с вином. Царь взял его, протянул Тезею и сказал:

— Приветствую тебя, молодой победитель разбойников! Выпей это вино!

Тезей взял кубок. И в эту минуту он взглянул в глаза Медеи. Что-то холодное и острое было в ее глазах. Юноша вздрогнул. Несколько капель из кубка пролилось на мраморный пол. И мрамор зашипел, закипел под этими каплями. Тезей заметил это, но взял себя в руки. С улыбкою он ответил Эгею:

— Я с радостью выпью это вино, но мне очень хочется есть. Не дашь ли ты мне сначала немного еды? С твоего позволения я съем, например, вот этот кусок мяса, что лежит на столе.

И, не ожидая разрешения, Тезей начал резать мясо своим мечом с золотой рукоятью. Эгей взглянул на юношу, на меч, затем снова на юношу. Вдруг он поднялся с трона,

[1] Покинув царство Гекаты, Медея скиталась по Греции, пока не нашла приют у царя Эгея, от которого у нее родился сын.

схватил меч, внимательно рассмотрел его. Тезей следил за ним. Затем Эгей бросил меч, оттолкнул кубок так, что все вино разлилось, и радостно вскричал:

— Сын мой! Сын! Я узнаю тебя! Иди ко мне, сын мой!

Тезей упал в объятия своего отца, целуя его. А еще через минуту он спросил отца:

— Что это за женщина, которая подавала тебе, отец, вино для меня?

Эгей содрогнулся. Ведь Медея предложила ему отравить сына!

— Хватайте волшебницу! Казните ее! — закричал он.

Но Медеи уже не было в комнате. Больше ее никто не видел...

Мудрость Дедала

ставим отца и сына в объятиях друг друга. События требуют нас на остров Крит, к царю Миносу. Минос был сыном Зевса и той финикиянки Европы, дочери царя Агенора, сестры Кадма, которую чудесный бык (его облик принял тогда громовержец) перевез из ее родины на этот, в то время еще очень дикий, остров. Здесь и родила она Миноса. Люди на Крите, подобно диким зверям, ютились в пещерах и логовищах своих необозримых кипарисовых лесов. В то время как в материковой Элладе возникал город за городом, прививался гражданский строй жизни, охранялись права собственности, на Крите царствовал произвол сильного, никому не было обеспечено то, что он добыл ценою своего тяжелого труда.

Выросши, Минос решил положить этому конец. Он поднялся на Диктейскую гору, вошел в ее пещеру и горячей молитвой упросил своего отца спуститься к нему. И Зевс внял его молитве. В течение девяти лет спускался он к нему в пещеру. И когда, по прошествии этих девяти лет, Минос ее покинул, у него было девять скрижалей, исписанных законами, первыми в Элладе писаными законами. И память потомства прославила законодателя Миноса — «девятилетнего собеседника великого Зевса».

Выйдя из пещеры, Минос стал созывать сходы людей и спрашивать их, желают ли они подчиниться данным его

отцом Зевсом законам. О законах этих он говорил им так красноречиво, что все были согласны. Он собрал людей из всеобщего разброда, поселил их в городах, предложил им выбрать носителей власти, чтобы они, выбранные Миносом, отныне повелевали ими, но не по своей прихоти, а во имя и в пределах закона. Сто городов возникли на большом и благодатном острове. Один из них, Кносс, сам Минос избрал своим местопребыванием. Леса Крита давали древесину на постройку кораблей. Вскоре и вся Эллада познала силу критского царя. Блистательный брак завершил счастье и величие его жизни: ему была дана женой Пасифая, дочь Солнца.

Но слишком великое счастье превосходит силы смертной природы. Минос возгордился, считая себя равным уже не людям, а богам. Его властная воля подчинила себе его ясный разум. Законодатель для других, он собственный произвол поставил законом для себя. Тогда Зевс послал ему страшное наказание. Жена Миноса Пасифая, воспылав страстью к быку, родила после ряда прекрасных детей уродливого младенца с человеческим телом, но бычьей головой.

Что было делать? Уродов у родителей отнимают власти, чтобы быстрой смертью пресечь их несчастную жизнь — если они не умирали сами. Над Миносом власти не было. Сам же он не мог истребить существа, которое считал своим сыном. А умирать урод вовсе не собирался, напротив, он рос в объеме и силе, гнушался растительной пищи, а всякому мясу предпочитал человеческое. И вместе с ним рос позор его родителей. Скрыть бы его, по крайней мере, чтобы хоть глаз людских не мозолил этот Минотавр — так, «быком Миноса», прозвали критяне это чудовище. Скрыть? Да. Но как?

Он обратился с этим вопросом к человеку, который уже был некоторое время гостем в его дворце,— к Дедалу.

Дедал был родом из Афин. На Акрополе он устроил себе мастерскую и в ней занимался ваянием. Статуи уже до него умели делать. Но это были обрубки, чурбаны с ногами, как бы сросшимися между собой. Дедал первый внес некоторую жизнь в свои изваяния тем, что отделил у них ноги друг от друга. Нас бы он этим не удивил, но для тех времен и это было уже много, и афиняне с восхищением говорили про своего мастера, что он творит «ходящие» и даже «убегающие» статуи.

Среди его учеников самым способным был его родной племянник. Вначале Дедал радовался успехам юноши, но

потом стал на них смотреть с завистью, тем более что и тот возгордился и стал пренебрежительно обращаться с дядей. Часто между ними возникали ссоры, и вот в одной из них Дедал схватил племянника и сбросил его со скалы Акрополя. Юноша испустил дух — и на Дедале лежала отныне скверна пролитой родной крови... Он должен был покинуть Афины и отправился на Крит, к Миносу, который и очистил его, и женил на критянке, родившей ему вскоре сына Икара.

Теперь Минос потребовал, чтобы Дедал выстроил для Минотавра особый дом. Дедал исполнил его желание. В новом доме срединное помещение было собственно жилищем чудовища, а ведущие к нему ходы были устроены с таким расчетом, чтобы человек из них обязательно попадал в срединное помещение, но из него уже никак не мог добраться до входной двери. Теперь цель была достигнута: Минотавр был скрыт, и питание ему было обеспечено. Дверь Лабиринта — так был назван дом блужданий — была все время открыта; в любопытных, понятно, недостатка не было,— они, войдя, попадали в пасть Минотавру, а если кому и удавалось спастись от него, он все равно не мог покинуть здания и рассказать людям об его ужасах, а умирал с голода в его запутанных темных ходах.

Прошло много лет. Жена Дедала умерла, его сын Икар подрос. Ладить с Миносом становилось все труднее — он и так был властен, а старость и бегство дочери, о которой вскоре узнаем, сделали его совсем угрюмым и недоступным. Дедал просил отпустить его, но Минос об этом и слышать не хотел: художник был ему нужен, и он строго запретил своим подданным принимать его у себя, а тем более перевозить куда бы то ни было на корабле. И видел Дедал, что ему всю жизнь придется провести на ставшем ему ненавистном острове. Часто стоял он на морском берегу, завидовал тучам небесным, свободно гулявшим по ясной лазури, завидовал вольным птицам, которые могли подняться с острова и полететь куда угодно.

Да, птица может, а человек нет. Почему? Природа не дала ему ее крыльев. Так что же? Она не дала ему также и косматой шкуры зверя, чтобы спасаться от стужи,— а ведь сделал он себе платье. Она не дала ему острых когтей, чтобы защищаться от врага,— а ведь сделал он себе меч. Отчего же ему не сделать себе крыльев? И стал художник мечтать и мечтать, работать и работать, пока не домечтался и не доработался до того, что ему нужно было. Немало потратил он и перьев, и воску, и еще мало ли чего, но це-

ли он достиг — и две пары огромных крыльев покрыли пол его заповедной мастерской. Конечно, чтобы ими управлять, требовались огромные силы. Но люди тогда вообще были не те, что ныне.

Еще до зари перенесли Дедал и Икар крылья на берег морской и там только их надели.

— Следуй за мной, мой сын,— учил старик юношу,— не слишком низко, чтобы перья не отяжелели от морской сырости, но и не слишком высоко, чтобы солнце не растопило их воска. Средний путь и здесь самый надежный.

И они полетели на запад, все на запад. Вначале все шло прекрасно. Птицы дивились новым товарищам, дельфины высовывали острые морды из пучины морской. Чем дальше они летели, тем больше радовался Дедал своему изобретению. На запад, все на запад! Но Икару, вначале следовавшему наставлениям отца, мало-помалу его осторожность надоела. Молодость вообще трудно понимает выгоды и разумность среднего пути. Там, в высоте, и воздух чище, и солнце ярче — любо ему было туда взлетать взапуски с реющими орлами и плывущими тучами. И случилось то, что предвидел отец: воск его перьев растаял от слишком горячих лучей, перья посыпались, и бедный Икар стремительно полетел в морскую пучину.

Дедал один достиг сицилийского берега. Первое, что он сделал, насыпал могилу для погибшего в море сына, чтобы его душа имела пристанище на земле. Так эллины всегда поступали для упокоения погибших в море.

Исполнив долг благочестия, Дедал подумал и о том, чтобы найти пристанище также и для себя. Конечно, такого мастера все бы приняли охотно, но Дедал, боявшийся преследования со стороны Миноса, нарочно избегал больших городов. Он обратился в маленький городок Камик и был радушно принят его царем Кокалом и его дочерьми, которым он вскоре изготовил столько диковинных украшений, что те только диву давались.

Дедал угадал верно: Минос не думал мириться с его побегом. От рыбаков он узнал, что они с сыном улетели на запад. «Значит, в Сицилию»,— сказал он себе... Взяв для большей внушительности часть своего флота с собою, он тоже отправился в Сицилию и принялся искать мастера. Тут-то предосторожность Дедала и дала свои плоды. Где-где, а в этом маленьком Камике Минос его не подозревал. Но он не отчаивался. Он снарядил глашатая и велел ему трубить повсюду: «Царь Минос обещает столько-то

золота тому, кто разрешит поставленную им задачу».

А задача состояла в том, чтобы, отломав острый конец домика улитки, продеть нитку через его круглые ходы, не повредив перегородок.

Захотелось и Кокалу получить царское золото. «Недаром же,— думал он,— дал я приют величайшему в мире искуснику». Он обратился к Дедалу. Не выдержала соблазна душа изобретателя.

— Нет ничего проще,— сказал он царю.

Поймав муравья, он прицепил к его спине нитку и впустил его через дырку в нижнем конце пустого домика улитки. Муравей пополз по извилинам, протягивая нитку за собой, пока не вышел через его широкое верхнее отверстие. Кокал отправил раковину с продетой ниткой к Миносу и получил награду. «Теперь я знаю, где Дедал»,— подумал тот.

Вскоре после этого старый царь сам отправился к Кокалу и напрямик потребовал выдачи его гостя. Не осмелился властитель маленького Камика прекословить тому, к услугам которого были силы стоградного Крита.

— Ну, теперь спасайте меня! — сказал мастер царевнам.

— И спасем! — ответили те.

Высокого посетителя необходимо было угостить, а перед угощением предложить ему теплую ванну. Царевны сами приготовили Миносу купель, поставили перед ним и сосуд с холодной водой. Выкупавшись, Минос пожелал окатиться. Но пока он купался, царевны сумели незаметно подменить сосуд. Он вылил себе на голову целую волну кипятку — и, бездыханный, упал не землю.

Так бесславно кончил свою долгую жизнь первый законодатель Эллады — «девятилетний собеседник Зевса»! Не внешний враг сломил его силу, а его собственный произвол — ибо он ставил себя выше им же данных законов.

Минотавр

гей с радостью провозгласил Тезея своим сыном и наследником. Довольный афинский народ приветствовал Тезея, славного победителя разбойников. Стоило только Тезею появиться на улице, как его встречали приветственными криками, потому что всем нравился златокудрый

юноша со смелым взглядом, который так прославился своими подвигами.

Однако же через несколько дней Тезей заметил, что все люди в Афинах сразу стали печальными. Исчезла радость, исчезло веселье. Будто зловещая черная туча надвинулась на великий город. Озадаченный Тезей обратился к старому Эгею:

— Что случилось с афинянами, отец? В городе как будто справляют поминки по кому-то.

Эгей печально склонил седую голову и ответил:

— Надвигаются тяжкие дни, сын мой. Тебе пора уже знать, что несколько лет тому назад Афины потерпели поражение от войск царя Миноса, который царствует на острове Крит. И победители-критяне наложили на нас тяжелую дань. Ежегодно Афины должны отправлять семь самых лучших юношей и семь самых красивых девушек на остров Крит, где в хитросплетениях Лабиринта живет страшное существо — Минотавр. Это получеловек-полубык. Минотавр питается людьми — он и пожирает тех, кого мы вынуждены посылать на Крит... На днях в Афинах будут бросать жребий, кого именно из юношей и девушек придется принести в жертву Минотавру.

На сердце у Тезея вскипело.

— Ладно, отец мой! — промолвил он.— В этом году будет по-иному. Пусть афиняне назначат только шесть юношей. Седьмым буду я!

Старый Эгей схватил своего сына за руку:

— Нет, Тезей! Ты — царский сын. Этот закон не касается тебя. Не бросай меня, только что найденный мною сын! Я стар, мне уже недолго осталось жить. Кто будет моим наследником, если я умру?

— Именно потому, что я твой сын, я и должен ехать вместе с другими юношами,— твердо ответил Тезей.— Я должен убить чудовище, чтобы избавить афинян от этой страшной повинности.

— Минотавр разорвет тебя и сожрет, как и всех других!

— Нет! Твой меч со мной, отец. И рука моя не изменит мне!

Сколько ни умолял Эгей своего сына не оставлять его, Тезей твердо решил уехать в числе обреченных юношей и девушек. Он не унывал. Наоборот, подбадривал своих товарищей, которые считали себя почти что погибшими. И только старый Эгей все так же печально глядел на сво-

его сына, которого уже не надеялся увидеть вновь. А в день отъезда, когда корабль, на котором юноши и девушки должны были ехать на остров Крит, уже поднимал свои печальные черные паруса, Эгей сказал сыну:

— Тезей, дорогой мой Тезей! Ты видишь эту большую скалу над морем? Каждый день, с утра до вечера, я буду стоять на ней, ожидая твоего возвращения. И если удастся тебе вернуться домой победителем, прикажи заменить эти черные паруса на белые. Я издали увижу их — и мое старое сердце загорится новым желанием жить с тобой и для тебя, сын мой!

Тезей обещал выполнить желание своего отца, в последний раз обнял его, и корабль тронулся в дальний путь.

Скорбным был всегда этот путь. И только на этот раз на корабле не было слышно рыданий обреченных, потому что Тезей вселил в них надежду на победу над Минотавром, хотя никто не мог себе представить, как им удастся спастись.

Целую неделю плыл корабль. Тезей всматривался в далекий горизонт, стоя на носу корабля. И вот он заметил на краю моря удивительную блестящую фигуру. Это не был человек, фигура была чрезвычайно велика. Казалось, что вся она сделана из металла — так ослепительно сверкала она под солнечными лучами.

— Что это за фигура? — спросил Тезей у кормчего.

— Это великан Талос,— ответил кормчий.— День и ночь он охраняет берега острова Крит, обходя его вокруг. Это не человек. Сам подземный бог Гефест выковал его из меди и подарил царю Миносу. Никто не может приблизиться к острову Криту или покинуть остров, чтобы его не заметил Талос, который никогда не спит.

Корабль все ближе подходил к острову. Но еще до того, как корабль пристал к берегу, великан Талос оказался уже возле него, угрожающе подняв свою медную палицу.

— Кто вы и откуда? — спросил он громоподобным металлическим голосом.

— Мы из Афин. Везем дань Минотавру,— ответил кормчий.

— Проходите,— проревел великан и пошел прочь, давя своими тяжелыми ногами скалы.

Вооруженные воины встретили обреченных и подвели их к царю Миносу, который всегда на берегу лично осматривал юношей и девушек из Афин — достойны ли они

стать пищей для Минотавра. Холодными, жестокими глазами смотрел на Тезея и его товарищей Минос, потому что для него они были не люди, а живая пища для Минотавра. Но с прекрасной дочерью афинского вельможи Минос позволил себе нескромную шутку. Тезей не удержался.

— Смерть мы примем,— сказал он царю,— но оскорблений я не потерплю. Меня еще с колыбели полюбил Посейдон.

— Если тебя любит владыка моря, он поможет тебе добыть из его глубины вот это мое кольцо.

С этими словами Минос бросил свое кольцо в море.

Тезей не раздумывая кинулся в голубые волны и исчез в пучине.

Девушки и юноши всплеснули руками, а Минос удовлетворенно засмеялся.

Но смелый юноша не погиб в волнах. Огромный добродушный дельфин подплыл к нему, пригласил его сесть на свою широкую спину и с быстротою ветра доставил его ко дворцу, светящемуся во мраке морской пучины голубым сиянием.

Тезей вступил в роскошные чертоги. Там на голубых тронах сидели Посейдон и его жена Амфитрита. Юноша изложил свою просьбу.

— Что ж, получит Минос доказательство нашей к тебе милости,— произнес Посейдон и велел прислужнице принести Тезею кольцо Миноса.— А за твою смелость я дарую тебе награду: исполнение трех твоих желаний. Будь рассудителен и обдумывай свои желания здраво, чтобы они были тебе на счастье, а не на горе.

Тот же дельфин примчал Тезея к берегу, где Минос все еще придирчиво разглядывал афинских юношей и девушек.

Когда Тезей вышел к ним из моря, крики радости огласили берег. И только Минос был мрачен, принимая от Тезея свое кольцо.

— Хорошо,— промолвил Минос, зловеще улыбаясь.— Ты самый рослый. Ты — любимец Посейдона. Минотавр насладится тобой первым. Эй, люди! Отберите у него меч и сегодня же ночью бросьте в Лабиринт!

Не успел Тезей оглянуться, как несколько десятков воинов схватили его, отобрали меч и отвели в темницу. Юноша остался один. Теперь уже ничто, очевидно, не могло помочь ему, обезоруженному... Вдруг ему вспом-

нилось, что Посейдон даровал ему три желания. Горячо воззвал он к владыке морей:

— Первое мое желание: спаси меня из Лабиринта!

Воля богов нередко вершится людьми. Так было и на этот раз. Мужество, отвага и красота златокудрого юноши со смелыми ясными глазами пленили дочь царя Миноса Ариадну. Она знала, что нечего было и думать умолять отца пощадить кого-нибудь. И потому решила сама помочь Тезею.

Как только опустилась на землю ночь, Ариадна пришла к темнице, где был Тезей. Она напоила стражников вином, взяла у них, сонных, ключи и открыла двери темницы. Тезей поднял голову.

— Не ты ли поведешь меня к Минотавру? — спросил он.

— Нет, я пришла, чтобы спасти тебя,— ответила Ариадна.— Иди за мной. Я проведу тебя, Тезей, к морю. Там стоит твой корабль. Садись на него и убегай отсюда.

Тезей гордо выпрямился.

— Никогда и ни за что! — горячо произнес он.— Я не брошу моих товарищей одних! Я не уйду отсюда до тех пор, пока не убью Минотавра!

— Именно такого ответа я и ждала от тебя, Тезей,— сказала Ариадна.— Вот твой меч. Иди за мной, я покажу тебе дорогу к чудовищу.

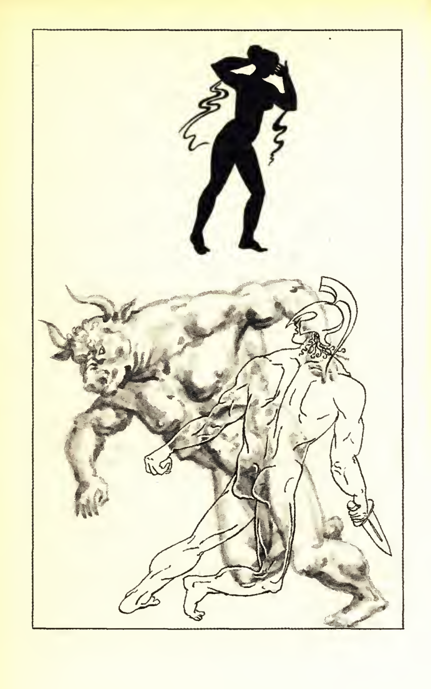
Тихо, осторожно вышли они из темницы. Рядом с нею начинались высокие стены Лабиринта — огромного сооружения с тысячами ходов и переходов, разветвлений и поворотов, где человек мог бесконечно блуждать и никогда не мог найти пути назад. А все те переходы и повороты приводили его в конце концов в самую середину Лабиринта, где жил Минотавр.

Золотым ключом, который Ариадна взяла у отца, она открыла маленькую дверь в стене.

— Иди, Тезей, и пусть тебе помогут боги! — сказала Ариадна.— Но как же ты найдешь дорогу назад?

— Не знаю,— честно признался Тезей.— Но даже если я не найду выхода, то все равно больше никому не придется искать его, потому что я убью Минотавра.

— В таком случае возьми этот клубок шелковых ниток,— сказала Ариадна.— Привяжи конец нити у входа. Не выпускай клубок из рук, только давай ему свободно разматываться. А эта нить приведет тебя потом назад. Иди, Тезей, я буду ждать тебя!

Взяв клубок в левую руку, а меч в правую, Тезей бросился вперед. Нечего было и пытаться выбирать путь в запутанном Лабиринте — все пути вели к чудовищу. Тезей быстро бежал навстречу Минотавру. Вот он услышал угрожающее рычанье, от которого дрогнули каменные стены. То рычал Минотавр, услышав шаги человека. И лишь об одном не забывал Тезей — он крепко держал клубок шелковых ниток, конец которых был в руке Ариадны.

Он не считал поворотов и разветвлений. Он не считал, сколько прошло времени. Но вскоре крутой поворот привел его к большой площади. Что-то огромное, неуклюжее ворочалось там. Это был Минотавр.

Гигантское чудовище, у которого туловище было человеческое, а голова и плечи лютого быка, бросилось навстречу юноше, чтобы мгновенно проколоть его острыми рогами. Тезей не убегал. Он стоял, ожидая, только меч подрагивал в его напряженной руке.

С диким ревом налетел на него Минотавр. Но в последнюю секунду Тезей ловко отпрыгнул в сторону. Минотавр с разгона ударился рогами об стену, и его рога до половины воткнулись в камень, застряли в нем. Минотавр ревел и хрипел, пытаясь вытащить рога. Но Тезей теперь уже не ждал. Он изо всей силы ударил мечом по шее чудовища, единым ударом перерубив ее. Обливаясь черной кровью, туловище упало на землю. А бычья голова так и осталась возле стены с воткнутыми в камень рогами...

Шелковая нить, нить Ариадны, слегка дергалась в руке Тезея. Она напоминала юноше, что ему следует торопиться. Бросив напоследок взгляд на неподвижное тело чудовища, Тезей побежал назад. Шелковая нить вела его к выходу, где его ждала Ариадна.

Вот и она, бледная и испуганная, ибо она слышала страшный рев чудовища.

У Тезея не было времени благодарить Ариадну. Вместе с ней он бросился к темнице, где находились афиняне. Стража все еще спала. Тезей разбудил своих спутников, вместо разъяснений показал им окровавленный меч и побежал вместе со всеми к кораблю. И Ариадна тоже присоединилась к ним, потому что боялась гнева своего отца, царя Миноса.

Тезей приказал поднять паруса. Корабль отчалил от берега и помчал счастливую молодежь назад к Афинам.

Возвращение

о пути они пристали к острову Наксос, чтобы хорошенько отдохнуть и запастись питьевой водой.

Когда все сошли на берег, Тезей, улыбаясь, подошел к Ариадне, снял золотой венок со своей головы и украсил им ее голову.

— Приветствуйте, друзья, вашу будущую царицу. Это она спасла нас!

А ночью во сне Тезею явился бог Дионис и приказал ему оставить Ариадну на острове и плыть домой без нее. Молодой бог сам захотел взять Ариадну в жены, и Тезей не посмел ослушаться бога.

Рано поутру, когда Ариадна еще спала, Тезей с афинянами взошли на корабль и в большой печали поплыли к родному городу.

Проснулась Ариадна и обнаружила, что Тезей покинул ее. В отчаянии упала она на землю и стала просить себе смерти у богов.

Но тут предстал перед ней бог Дионис и постарался утешить ее. Он взял Ариадну в жены, сделал бессмертной богиней и подарил ей венец из сверкающих звезд. И теперь ее венец блестит на небе среди других созвездий.

А Тезей сидел на корме и с тоской глядел туда, где скрылся остров Наксос. В печали он позабыл о своем обещании отцу — и не заменил черные паруса на белые.

Царь Эгей с утра до ночи стоял на высокой скале и всматривался в бурное море. От горя и печали он совсем ослаб и согнулся. Но он все еще надеялся, что Тезей спасется.

И вст ранним утром Эгей увидел далеко в море корабль. Он весь задрожал, его старое сердце колотилось, словно хотело выскочить из груди. Что готовит ему судьба? Какие паруса на корабле?..

С ужасом увидел он, что паруса на корабле черные. Тезей погиб! Любимый, только что найденный его сын погиб?

В отчаянии царь Эгей бросил в пенящееся море свою золотую корону и вслед за нею бросился сам. Так погиб царь Эгей, и с тех пор это море стали называть Эгейским.

Тяжко закручинился Тезей, когда узнал о том, к чему привела его забывчивость. Но все проходит. Афины печалились о старом царе, но радовались, что освободились от страшной дани. И герой Тезей на долгие годы стал их любимым царем.

Сын амазонки

два успел Тезей похоронить отца, как навалилась новая беда — на Афины двинулись Паллантиды — сыновья Палланта, брата Эгея. Они ненавидели Тезея, ставшего поперек дороги их честолюбивым замыслам. Рассчитывая унаследовать власть бездетного, как все думали, Эгея, они были очень недовольны, когда у афинского царя объявился неожиданный сын. Их надежды, что Тезей погибнет на Крите в Лабиринте чудовища Минотавра, тоже не оправдались. И теперь они решили отнять у Тезея власть над Афинами силой. В эту годину Тезею помог молодой царь фессалийских лапифов Пирифой. Паллантиды были побеждены и пали в бою, большинство от руки самого Тезея, и их владения в Аттике перешли к Тезею. Но Тезей не смог сразу приступить к управлению своими прежними и новыми владениями, так как пролитая кровь родственников требовала, согласно эллинским обычаям, очищения и годичного изгнания. Тут как раз явился к Тезею посол от Геракла пригласить его участвовать в походе против амазонок.

Из похода Тезей вернулся не один: его корабль привез и его пленницу, красавицу амазонку Антиопу, ставшую его женой. Афиняне не признали царицей амазонку и варварку, даже и после того, как она родила Тезею прекрасного сына Ипполита. Затруднение, созданное прибытием Антиопы в Афины, получило вскоре грустное, но окончательное разрешение: царица-амазонка внезапно умерла.

Еще пребывая в печали после смерти Антиопы, Тезей получил приглашение Пирифоя пожаловать на его свадьбу с лапифской красавицей Гипподамией. Это была особого рода свадьба. Ведь Пирифой был сыном Иксиона — того самого, от которого вели свое происхождение

фессалийские кентавры. Он счел поэтому своим долгом пригласить также и их. И общество было двойное: с одной стороны — гости-лапифы, родственники жениха и невесты и ее подруги; с другой — дикие полулюди-полукони. Вначале все шло весело, дружно и чинно, как полагается, но под влиянием обильно выпитого вина у кентавров помутился их примитивный ум, и они, точно по уговору, бросились на Гипподамию и ее подруг, чтобы увести их с собою в горы. Лапифы и прочие гости, конечно, вступились за похищаемых — и началась битва кентавров с лапифами. На стороне лапифов кроме Тезея отличился еще и сын Нелея Нестор, и в особенности Кеней. Про него рассказывали, что он раньше был девушкой и только милостью Посейдона был превращен в мужчину, и притом неуязвимого. Огромные копья-деревья кентавров были бессильны против него, сам же он своим длинным фессалийским копьем поражал их одного за другим. Наконец чудовища поняли, в чем дело,— набрав сосен и камней, они вместе бросились на Кенея и раздавили его. Но другие отомстили за его гибель, и сражение кончилось полным истреблением кентавров. Все же память о них долго жила в Элладе, и ее художники любили изображать схватки лапифов с кентаврами, красиво переплетая между собою линии человеческих и лошадиных тел.

Общая опасность еще более скрепила узы дружбы между Тезеем и Пирифоем, но на первых порах им пришлось расстаться. Тезей вернулся к своим правительственным заботам. Он желал сделать навеки невозможным отделение окраинных частей Аттики от Афин. Для этого он объявил Афины общей столицей и всех граждан аттических городов — афинскими гражданами. Отныне и элевсинцы, и марафонцы, и бравронцы, и рамнунтцы — все имели право приходить в афинское собрание и своим голосованием решать общие дела. Но это было только частью его труда, хотя и главной. Он позаботился и о судах, и о дорогах, и обо всем, о чем только мог и должен заботиться хороший правитель. И люди, уже полюбившие его за подвиг, еще более полюбили его за разумное правление.

Одно только их заботило — что у царя все еще не было царицы. И старцы совета настаивали, чтобы Тезей наконец дал своему народу царицу. Неохотно внял он их уговорам: он не мог забыть своей первой невесты, отнятой

у него Ариадны, и сверх того боялся неприязненного отношения мачехи к его Ипполиту — а тот как раз тогда подрос и стал дивным юношей, прекрасным внешностью и чистым душой.

Все же он дал себя уговорить.

— Но пусть моя жена,— сказал он,— будет второй Ариадной. Когда я первый раз был на Крите, я видел рядом с ней ее сестру, еще маленькую, Федру. Теперь она должна быть невестой. Поеду присватаюсь к ней.

И вновь, после долгого времени, афинский царский корабль направил свой путь к Кноссу. На этот раз его паруса были белые, а зеленый венок украшал золотую голову Афины-Паллады на его форштевне. Царя Миноса тогда уже не было в живых. Правил Критом его сын Девкалион. С честью принял он славного царя могучих Афин и с радостью согласился выдать за него свою сестру. Свадьба была отпразднована пышно. Вскоре затем Тезей на том же корабле привез афинянам их новую царицу.

Все были довольны: красотою Федра не уступала своей обожествленной сестре и была так же обворожительна нравом. Заботило Тезея отношение ее к пасынку и его к ней. Но и тут дело обошлось благополучно. Ипполит встретил свою мачеху, которая была немного старше его, с сыновней почтительностью, та его — с сердечностью старшей сестры. Тезей мог быть вполне доволен обоими.

Желал ли он детей от Федры? Да, конечно, но главным образом для ее счастья. И скорее девочек, во избежание столкновения с народной волей из-за престолонаследия, которое он хотел обеспечить своему любимому Ипполиту. Его поэтому даже не особенно обрадовало, когда она одного за другим родила ему двух сыновей, Демофонта и Акаманта,— тем более что народ, начиная с его приближенных, как он сразу мог заметить, стал видеть в них настоящих царевичей, уже не считая таковым юного «сына амазонки». И опять этот «сын амазонки» очаровал его своим любовным, братским отношением к этим малюткам. Видно, честолюбие было совсем чуждо его чистой душе.

Со своим фессалийским другом Пирифоем Тезей не прерывал сношений. Счастье Пирифоя скоро пошатнулось: Гипподамия умерла. Ее смерть была для него тяжелым ударом и вызвала в его душе гневный протест против богов. Какое право имел царь теней похищать его жену? Часто задавал он себе этот богохульственный во-

прос — и, конечно, ответ на него давал отрицательный. А отсюда дальнейший, еще более богохульственный вывод: если он похитил мою жену, то я имею право похитить его жену Персефону за Гипподамию! Чем далее, тем более безумие зрело в нем. «Персефону за Гипподамию!» — так твердил он себе каждый день — до тех пор, пока попытка этого похищения не стала для него необходимостью. А затем похищение это представилось ему также и осуществимым. Отправившись в Афины, он посвятил Тезея в свой план, рассчитывая на его содействие. Тщетны были старания афинского царя отвлечь его от этого, и нечестивого и безумного, намерения. Но раз он не мог разубедить друга, он счел своим долгом разделить его грех и опасность. Поручив Ипполита заботам Федры, а Федру — охране Ипполита, назначив управителя на время своего отсутствия, он простился с женой и детьми и ушел с Пирифоем.

Есть в Афинах, близ предместья Колона, глубокая пещера. Называют ее «медный порог земли». Перед ней друзья дали друг другу клятву в вечной верности. Через эту пещеру они и спустились в преисподнюю. Благодаря фессалийским чарам, хорошо известным Пирифою, им удалось заставить Харона перевезти их на тот берег. Во дворце Аида их встретила стража. Они назвали себя и попросили провести их к царице. Им сказали, что угощение для них готово. Пирифой уже торжествовал победу. Но когда их пригласили сесть, он почувствовал, что прирос к скале, с которой его тотчас соединили стальные цепи. Тезей остался свободным, но он не решился покинуть своего несчастного друга.

Так они увеличили собою число наказанных грешников в аду.

В этой беде Тезей вспомнил про три желания, дарованные ему некогда Посейдоном. Одно он использовал уже давно, на Крите, чтобы найти выход из Лабиринта. Два остальных были еще не тронуты: полагаясь на свою собственную силу, он не хотел просить помощи у бога. Но здесь, очевидно, человеческая сила была недостаточна. Обратясь лицом к Тенару, обители Посейдона, он произнес свое второе желание — желание освободиться из подземной обители.

И опять, как тогда, исполнителем желания явился человек, друг,— это был Геракл, отправленный в преисподнюю Эврисфеем за трехглавым псом Кербером.

Но туманы и страхи подземного царства не сходят безнаказанно для человеческой души: Тезей вернулся на свет, но вернулся уже не таким, каким был раньше. Выражение откровенности и мужества на его лице, приветливая улыбка, ласковый блеск глаз — все это исчезло; он казался мрачным, недоверчивым, злым. И у своих граждан он не заметил особой радости по поводу его спасения, и это только усилило его мрачность. А дома его встретило несчастье.

Но вернемся к моменту его ухода из Афин.

Граждане стали допытываться причины этого ухода. Ответа им не могли дать даже старейшины — Тезей никому ничего не сказал. И все-таки мало-помалу истина обнаружилась: и Пирифой бывал неосторожен, и его разговор с другом был подслушан, и кто-то видел обоих спускающимися к «медному порогу» близ Колона. Ужас наполнил сердца афинян, когда они узнали, куда и зачем отправился их властитель. Страшное слово «нечестивец» нависло над его главою. Пока еще не смели открыто выступать против него ввиду его огромных заслуг перед народом и всего счастья и блеска его правления. Но уже образовалась тайная партия, желавшая отрешения нечестивца и призвания на престол его ближайшего, хотя и дальнего, родственника — Менесфея.

Пока что Аттикой управлял поставленный Тезеем совет при близком участии Ипполита и Федры. Ипполит с мачехой обращался почтительно, но и только; ее общества он не избегал, но и не искал. Сын амазонки был страстным охотником, наездником и атлетом, но особенно охотником — его любимым местопребыванием были леса. Но Федра не могла не замечать, что ее чувства к взрослому пасынку чем далее, тем менее похожи на материнские. Только в его обществе ей было хорошо, ей доставляло удовольствие смотреть украдкой, как он гарцует на коне или состязается с товарищами в просторном дворе царя Тезея. А когда отсутствие Тезея стало затягиваться, когда его тайные противники распространили слухи о том, что он погиб, она и подавно стала льнуть мысленно к Ипполиту, как к своей будущей опоре. И в конце концов она должна была сказать себе, что любит Ипполита — любит не как своего сына, а как жениха и будущего, желанного мужа.

Ей самой стало страшно при этой мысли. Она будет грешницей, преступницей, если уступит такой любви,—

Эринний она вызовет из подземной тьмы, ее отлучат от алтарей богов, от жертвоприношений и праздников. А ее дети? Каково будет им под гнетом материнского позора? Нет, лучше смерть! И притом сейчас же, пока страсть ее не опутала совсем, пока у нее есть еще силы для сопротивления. И она постановила не принимать пищи и угаснуть тихой, медленной голодной смертью, никому не говоря о причине... Пусть думают, что это Геката наслала на нее безумящие привидения ада.

Проходит день, другой — Федра голодает, молчит, чахнет. Ее бывшая няня, вывезенная ею из Крита, теряется в догадках, мучится и за нее и за себя: ведь и ее жизнь связана с жизнью ее питомицы, без нее она ничто. Она старается узнать скрываемую Федрой тайну, спрашивает ее и прямо и обиняком. Долго она трудится понапрасну, но настойчивость берет свое — Федра признается.

— А, вон оно что: ты любишь Ипполита. Конечно, это нехорошо, но все же из-за этого не дело лишать себя жизни. Тезей и впрямь погиб. А если так, то ты свободна. Пусть же Ипполит будет афинским царем и твоим мужем, а твои дети — его наследниками. Это — лучший исход.

Льстивые речи старушки на минуту погасили сомнения и страхи царицы. Няня, не дожидаясь возвращения ее строгости, побежала заручиться согласием Ипполита. Тот как раз выходил из дворца на охоту. Он обомлел от ужаса. Как?! Ему предлагают в жены мужнюю жену, да еще жену его родного отца! Одною мыслью об этом он чувствует себя оскверненным. Он разражается потоком возмущенных и обидных слов против своей нечестивой мачехи и уходит дожидаться в Трезене возвращения отца. Федра была свидетельницей его гневной речи, направленной против нее. Теперь она чувствует себя оскорбленной. Нет, это слишком, этого она не заслужила! Она ведь готова была умереть, чтобы только не доводить себя до греха. Теперь, значит, ей уже и умереть нельзя в доброй славе, ее память будет опозорена, ее дети будут в течение всей своей жизни влачить клеймо своего происхождения от нее...

Вдруг она слышит: Тезей вернулся! Он скоро, скоро будет здесь... Да, надо действовать быстро. Конечно, Ипполит его встретил. Конечно, он рассказал ему о происшедшем. Конечно, афинский царь строго накажет неверную жену. Она умрет — это решено. Но сначала она спасет от позора и своих детей, и свою собственную память

и заодно отомстит своему слишком суровому судье, чтобы не гордился чрезмерно своей чистотой, не был чрезмерно неумолим к грешникам. Она пишет своему мужу предсмертное письмо, обвиняя Ипполита в том, в чем была виновата сама,— а затем добровольно расстается с жизнью.

Таково было то несчастье, которое встретило Тезея в его доме. Не радость, не ликование по случаю возвращения хозяина и царя — стоны и плач услышал он, входя. О причине нечего было и спрашивать: в главном покое лежал труп его жены.

— Как она умерла? Артемида ли ее поразила своей невидимой стрелой?

— Нет, от собственной руки.

— Почему?

— Никто не знает. Но, может быть, эти таблички, которые она сжимает в своей окоченевшей руке, раскроют тайну. Это ее предсмертное письмо мужу. Вероятно, ее последняя просьба — не вводить мачехи к ее детям.

«Не бойся, дорогая, этого не будет... Нет, не об этом, что-то другое... О боги, боги!

Немыслимо, невообразимо... Ипполит, его любимый сын, покусился на честь своего отца! Быть этого не может! Но недаром же она с собой покончила... Позвать Ипполита!»

— Где Ипполит?

— Его нет в Афинах, уехал в Трезен.

— А, уехал, бежал от суда и справедливой кары! Он вне досягаемости для моего гнева, обида останется неотомщенной...

В эту минуту Аластор, дух подземной тьмы, шепнул ему:

— Почему? У тебя есть еще одно — третье желание!

Гнев, горесть, отчаяние не дали Тезею времени для размышления. Подымая молитвенно руки, он воскликнул:

— Посейдон! Убей моего сына!..

Ипполит как раз тогда на своей четверке ехал по взморью, направляясь к истмийской дороге. Вдруг видит — с Саронического залива катится на сушу огромная водяная гора, брызжа пеной вокруг себя. Докатилась, выкатилась — и выбросила на морской песок чудовищного быка. Бык мчится прямо на колесницу. Лошади испугались чудовища, понесли. Тщетным было все искусство Ипполита: колесница разбилась, он выпал, запутался в вожжах — кони продолжали бешено мчаться и останови-

лись только тогда, когда возница, израненный, разбитый, уже едва дышал. Все же его удалось еще живым доставить в Афины, перед очи Тезея. Правда обнаружилась, и отец понял, что он, поверив клевете, обрек незаслуженной гибели невинного, любящего, чистого душою сына.

После этого даже те, кто раньше его поддерживал, отшатнулись от Тезея. Всем стало ясно, что он, нечестивец, призвал гнев богов на свою голову. Он и сам, впав в отчаяние, не противился тому, чтобы его власть была передана Менесфею. Куда отправиться в изгнание? Что делать с детьми? Он запросил своих родственников на острове Эвбея. Они ответили: детей согласны принять, его — нет. Послав к ним детей, он сам сел на корабль и взял курс на остров Скирос, к своему старому другу Ликомеду. Тот его сначала радушно принял, но затем, испугавшись и сам божьего гнева, велел сбросить его в пропасть.

Много веков спустя, когда Афины после победы над нагрянувшим с востока насильником-врагом находились на вершине своего могущества и своей славы, они вспомнили о своем величайшем царе. Власть находилась тогда уже в руках народа. Его вождь, Кимон, человек столь же благочестивый, сколь и храбрый, по указанию дельфийского оракула отправился на Скирос за останками Тезея. Найдя их, он перенес их в Афины. Похоронив их там, он выстроил прекрасный храм над могилой и учредил в честь героя ежегодные игры... Этим он и все Афины дали понять людям, что, хотя человеку и не удалось соблюсти до конца чистоту своей жизни, если в этой жизни были светлые дела и великие заслуги, его именно ими и следует поминать, прощая ему его вольные и невольные грехи.

ПОТОМКИ ЛАБДАКА

Царь Эдип

о воле Зевса вместо законного царя Лая, сына увечного Лабдака, Фивами правил Амфион со своим братом Зетом. Когда Амфион со своим домом погиб, Лай счел возможным вернуться. С него начинается правление Лабдакидов в городе Кадма. Перед возвращением Лай вопросил дельфийского бога, будет ли его воцарение на счастье Фивам. Бог ответил:

— Да, если у тебя не родится наследник.

Это звучало угрозой. Все же нельзя было царю не жениться — и Лай наметил себе супругой фиванку знатного рода, происходившую от одного из спартов, Иокасту. Перед свадьбой он опять обратился к оракулу с вопросом, будет ли его брак на счастье городу, и опять оракул ответил:

— Да, если у тебя не родится наследник.

Долго Лай оставался бездетным, но однажды все-таки Иокаста ему объявила, что рождение ребенка не за горой. Лай в третий раз послал в Дельфы, и бог ответил ему:

— Если родится сын — он станет твоим убийцей и весь твой дом погибнет в крови.

У него родился сын. Встревоженный оракулом, Лай передал младенца одному своему пастуху, Форбанту, и велел его отнести на верхнюю поляну Киферона, чтобы ребенок там погиб. Киферон тогда отделял фиванскую область от коринфской. Поэтому здесь, на горных пастбищах, сходились фиванские и коринфские пастухи. Один из коринфских пастухов, Евфорб, увидев у Форбанта на руках прекрасного малютку, выпросил его для себя, и Форбант, сжалившись над своим маленьким царевичем, исполнил его просьбу. «Чем ему погибать,— подумал он,— пусть лучше растет коринфским пастухом».

Евфорбу, однако, младенец был нужен не для себя: у коринфской царской четы, Полиба и Меропы, как раз тогда родился мертвый ребенок. Они охотно приняли живого на его место, и Эдип — так они назвали его — вырос коринфским царевичем. Вырос — и стал прекрасен, как никто, прекрасен и телом и душою. Все же тайну его происхождения не удалось скрыть. Евфорб ли проболтался или Меропа, а только однажды, когда юные

вельможи пировали вместе, один из них в ссоре назвал царевича «поддельным сыном своего отца». Зарделся Эдип, разгневался, но не ответил ничего. А на следующий день он отправился к родителям и спросил их, сын ли он им или нет. Те строго наказали обидчика и успокоили Эдипа. Действительно, их любовь была так очевидна и так велика, что нельзя было не успокоиться. Все же дело получило огласку. Эдип заметил, что сплетня, хотя и опровергнутая царской четой, продолжает ему вредить. Чтобы заставить ее умолкнуть окончательно, он отправился в Дельфы: пускай, мол, бог торжественно перед всей Элладой засвидетельствует, что коринфский царевич — подлинный сын коринфского царя.

И вот Эдип в Дельфах, перед лицом Аполлона. Но прямого ответа на свой вопрос он не получил. Зато бог сказал ему следующее:

— Ты убьешь своего отца и женишься на своей матери.

Эдип похолодел. Как?! Он убьет Полиба, осквернит нечестивым браком Меропу и себя? Нет, лучше ему уже не возвращаться в Коринф. И он побрел на восток, куда глаза глядят.

Бредет он, бредет, погруженный в свои невеселые мысли,— вдруг распутье, с одной из двух дорог сворачивает повозка, возница его грубо окликает. Смотрит Эдип — в повозке сидит старик, с ним пятеро провожатых. Идет дальше: сам, мол, посторонись! Дороги в Греции узкие, разойтись не всегда легко. Возница его еще грубее окликает: почем ему знать, царевич ли перед ним или простой смертный? Разгневался Эдип и ударил возницу. В отместку сидевший в повозке старик нанес ему удар посохом по голове... Не помня себя от ярости, Эдип ответил ему тем же — но слабый старик не вынес удара и, мертвый, скатился с повозки на дорогу. Тогда провожавшие все вместе набросились на убийцу. Но Эдип был силен и ловок — четверых он убил, пятый бежал.

В те времена кровавые встречи на больших дорогах не были редкостью, и для Эдипа расправа у дельфийского распутья не была единственной. Вскоре он о ней даже позабыл. Идет дальше все по той же дороге, все на восток. Вот Херонея, вот Лебадея, вот Феспии, а вот и царственные Фивы. Но в Фивах смятение, горе, в редкой семье не оплакивают потери мужа или сына.

— Что случилось?

— На соседней горе появилось чудовище, Сфинкс, крылатая дева-львица. Она ежедневно похищает когонибудь из населения. Освободиться от нее можно, только разрешив ее загадку, а этого никому не удается.

— Странно. Но что же царь?

— Царь убит шайкой разбойников. Страной правит брат царицы Креонт, и он обещал руку своей сестры, царственной вдовы Иокасты, а с нею и царство тому, кто освободит Фивы от Сфинкса.

Эдип призадумался. На родину все равно возврата нет. Не попытать ли счастья здесь?

Пошел он на указанную ему гору. Страшная львица сидела на высокой скале — страшная, но красивая. От такой и умереть не обидно. Заговорила она человеческим голосом:

— За загадкой пришел?

— Да.

— Ну слушай же.

И она запела:

Есть существо на земле: и двуногим, и четвероногим
Может являться оно, и трехногим, храня свое имя.
Нет ему равного в этом во всех животворных стихиях.
Все же заметь: чем больше опор его тело находит,
Тем в его собственных членах слабее движения сила.

Эдип улыбнулся. «Складно и я умею сказать»,— подумал он и после некоторого размышления ответил:

Внемли на гибель себе, злоименная смерти певица,
Голосу речи моей, козней пределу твоих.
То существо — человек. Бессловесный и слабый младенец
Четвероногим ползет в первом году на земле.
Дни неудержно текут, наливается тело младое;
Вот уж двуногим идет поступью верною он.
Далее старость приспеет, берет он и третью опору —
Посох надежный — и им стан свой поникший крепит.

Львица слушала. По мере того как юноша говорил, ее яркие очи гасли, мертвенная бледность покрывала ее лицо; под конец ее крылья повисли, и она, бездыханная, скатилась в пропасть.

Город был освобожден от ужасной дани. Народ с вос-

торгом приветствовал своего спасителя. Всем сходом отвели его во дворец — к Креонту, к царице. Та, конечно, была уже не первой молодости, но кровь змея живуча[1] — дочери спартов не скоро старились, а о красоте и говорить нечего. Эдип был счастлив. Иокаста тоже: наконец ей будет дозволено быть матерью! Действительно, она не замедлила стать таковой. О своем первом ребенке она не говорила мужу, желая навсегда схоронить эту грустную тайну, но думала о нем постоянно. И когда боги послали ей дочь, она дала ей загадочное для всех имя — Антигона, что значит «взамен рожденная». Вторую дочь отец из благодарности к реке-кормилице своей новой родины назвал Исменой, за ней последовали один за другим два сына, Полиник и Этеокл. Царский дом казался упроченным навсегда.

И вдруг над Фивами разразилась чума.

Чума у древних эллинов считалась карою Аполлона, загадочным действием его незримых стрел. Карой за что? Чаще всего за какое-нибудь религиозное упущение. А если так, то следовало обратиться к нему же — он укажет, какими обрядами можно умилостивить божий гнев. Так Эдип поступил и теперь. По его просьбе Креонт отправился в Дельфы. На этот раз бог потребовал не обрядов. Его приказом было: отомстить за Лая, карая смертью или изгнанием его убийцу.

Да, это было важное упущение. Пусть же знающие укажут Эдипу этого убийцу! Но знающих не было — известно было только одно: Лай погиб от целой шайки разбойников. Кто это сказал? Единственный уцелевший из его свиты. Недурно бы его допросить... но нет, Креонт предлагает средство понадежнее. Живет в Фивах уже пятой жизнью мудрый прорицатель Тиресий. Он и знает истину, и скажет ее. Пошлем же за Тиресием! Не приходит. Пошлем еще раз! Пришел в гневе, но благородство царя его обезоруживает. Нет, он ничего не скажет. Как? Почему?.. И вдруг Эдипа озаряет ослепительно яркая... да и ослепляющая мысль: кто был до него правителем? Креонт! Кто станет им вновь, если его постигнет несчастье? Креонт! Кто принес оракул из Дельфов? Креонт! Кто советовал обратиться к Тиресию за его разъяснением? Креонт! Дело ясно, оракул вымышлен, все под-

[1] Как было сказано, Иокаста происходила от одного из спартов, выросших из зубов убитого Кадмом змея.

строено Креонтом по уговору с Тиресием для того, чтобы его, пришельца, изгнать из страны. Но он предупредит их козни: Креонт, свойственник-предатель, будет казнен.

Но Креонт не сдается. Чувствуя себя невиновным, он хочет оправдаться перед зятем. Происходит спор. К спорящим выходит Иокаста. Ласково, но решительно она требует от Эдипа, чтобы он поверил клятве ее брата и отпустил его, а затем спрашивает царя о причине спора. Причина — оракул и пророк. Иокаста вспыхивает:

— Как, ты еще веришь в оракулы? Послушай, что я тебе расскажу.

И она ему рассказывает про оракул, данный некогда ее первому мужу, что он будет убит своим сыном от нее. И что же? Оправдался оракул? Нет! Несчастный ребенок погиб в ущелье гор, а Лая много позднее убила шайка разбойников у дельфийского распутья...

Эдип вздрагивает:

— Где, где?

—У дельфийского распутья — чем же это страшно?

— Так страшно, что и представить себе нельзя: распутье... оклик возницы... старик в повозке... кровавый исход...

Эдип спрашивает про подробности. Все его уличают, кроме одной, важной, спасительной: Лая все-таки убила шайка разбойников, а он, Эдип, был одиноким путником.

— Кто рассказал про эту шайку?

— Единственный спасшийся.

— Пошли же за ним!

Этим спасшимся был Форбант, тот самый, который некогда отнес младенца Эдипа на Киферон. Но почему он показал на целую шайку разбойников? Подумайте: мог ли он поступить иначе? Ведь если бы он признался, что они впятером не могли защитить царя от одинокого путника, он был бы растерзан народом! Он должен был выдумать эту шайку, чтобы выгородить себя,— а Эдип, слыша с самого начала, что Лая убила шайка, не мог даже заподозрить, что виновный — он.

В ожидании прихода Форбанта Эдип терзается сомнениями. А что, если Тиресий был прав? А что, если Лая убил он? Лая, царя, первого мужа своей жены! О прочих ужасах он пока не думает: он ведь сын Полиба и Меропы... Любящей душе Иокасты его муки невыносимы — она выходит помолиться Аполлону.

Молитва как будто услышана: является чужестранец,

вестник из Коринфа. Эдип избран царем этого города.

— Как? А Полиб?

— Умер.

— Умер? Естественной смертью? Он, которого, по оракулу, должен был убить я, его сын? Он, ради которого я столько лет чуждался своей родины? А как же вещания богов?

Вестник из Коринфа — Евфорб. Вполне понятно, почему именно он принес известие: для него выгодно, чтобы новый коринфский царь, который жизнью обязан ему, Евфорбу, вернулся в свое царство.

Эдип потрясен вдвойне: жаль старого отца, который его так любил, но горько и то, что из-за ложного оракула он был далеко от отца в его смертный час.

— Вернуться в Коринф? Нет, нет. Страшный оракул о матери еще не опровергнут. При ее жизни я не вернусь в Коринф.

Евфорб озадачен:

— Не вернешься в Коринф? Из-за оракула? О ком? О Меропе?

— Ну да, о матери, о Меропе.

— Только-то всего. Так знай же: Меропа тебе вовсе не мать.

— Как не мать?

— И Меропа не мать, и Полиб не отец. Они приняли тебя от меня. А я тебя нашел на Кифероне, то есть, собственно, не нашел, а получил от здешнего, от фиванского, пастуха, а кто он такой, это вы, здешние, лучше меня знаете.

Все это Евфорб говорит Эдипу. Иокаста его слышит, она одна понимает все. Да, сомнений нет: ее младенец, что был отнесен в ущелье Киферона,— это Эдип. Он — и сын Лая, и его убийца; и сын ее, и муж. С этим сознанием ей жить долее невозможно, но пусть хоть он не узнает ничего! Довольно того, что несчастна она.

Иокаста бросается в отчаянии в свой покой к своему ларцу. Она ищет, ищет... что? «А, вот оно, ожерелье Гармонии, роковой убор фиванских цариц! Нет, тебя не надо, ты уже сделало свое дело. Нужно другое — вот этот пояс: он и тонок, и крепок...»

Эдип не согласен оставаться в неизвестности — он послал за Форбантом, тем пастухом, который отдал его когда-то Евфорбу.

О том, что случилось далее, вся Эллада во все времена

рассказывала с ужасом. Эдип у трупа повесившейя Иокасты... ее золотая пряжка в его руке...

— Проклятье вам, мои глаза, не видевшие того, что следовало видеть!

Вытекли глаза страдальца под золотой иглой, пошел он, слепой, искать вечного отдыха в ущелье Киферона.

Было в Аттике, в афинском предместье Колон, красивое предание. Рассказывали, что туда явился однажды слепец, ведомый девой. Это были Эдип и его дочь Антигона. Узнав, что он случайно забрел в рощу Эринний, своих страшных гонительниц, Эдип уже не пожелал ее покинуть: в ней Аполлон предвещал ему упокоение. И кончина его была чудесна: земля заживо приняла его в свое лоно, и он живет в ней поныне, как благой дух-хранитель приютившей его страны.

Сыновья Эдипа

осле ухода Эдипа фиванский престол вторично занял Креонт, как правитель страны за малолетних его сыновей — Полиника и Этеокла. Но когда они выросли, он передал им власть. Недолго жили они в мире: Этеокл, более деятельный и ловкий, изгнал своего старшего брата. Тот, чувствуя себя обиженным, обратился за помощью к аргосскому царю Адрасту. Адраст стоял как раз станом перед своим городом. Полиник перед входом в стан столкнулся с другим таким же странником, таким же изгнанником, как и он сам. Дело было ночью, и у них, естественно, возникла ссора, а за нею и поединок. Царская стража их разняла.

— Словно дикие звери дерутся из-за логова!— доложили царю.

Царь к ним вышел. Признав обоих царевичей — другой был Тидей, изгнанный из Этолии врагами своего отца,— Адраст вспомнил об оракуле, советовавшем ему выдать своих дочерей за вепря и льва. Он их и принял гостеприимно, и женил на своих дочерях. Но, конечно, не для того, чтобы они всю жизнь ели его хлеб как изгнанники: он хотел упрочить их власть, чтобы они стали

затем его надежными союзниками. Он решил сначала вернуть Полинику фиванский, а затем Тидею — калидонский престол. Сестра Адраста Эрифила была выдана за аргонавта Амфиарая. Пылкий и властный Адраст не всегда ладил с этим своим зятем. В предупреждение размолвки у них был заключен договор, чтобы все ссоры между ними были разрешаемы одинаково ими уважаемой Эрифилой.

Решив предпринять поход против Фив, Адраст стал собирать героев. Согласились гордый Капаней, могучий Гиппомедонт, юный и прекрасный Парфенопей. Но более всех дорожил Адраст участием в походе своего зятя, аргонавта Амфиарая,— и именно его ему не удалось уговорить. По мнению Амфиарая, Полиник был прав, быть может, против Этеокла, но был безусловно не прав против своей родины.

— Никакая правда не оправдывает удара, наносимого матери,— говорил он,— а неправде боги победы не пошлют.

Ввиду его упорства Полиник решился употребить крайнее средство. Уходя из Фив, ему удалось захватить с собою наследие своей матери, ожерелье Гармонии. Его он предложил теперь Эрифиле. Не устояла душа женщины против блеска самоцветных камней в золотой оправе; призванная судьей между мужем и братом, она решила, что муж должен подчиниться брату.

Закручинился Амфиарай: он знал, что жена продала его, знал, что она отправляет его на гибель, и, что для его правосудного сердца было тяжелее всего, на гибель в неправом деле. Но делать было нечего: в силу уговора он должен был подчиниться. Перед отправлением в поход он призвал к себе своего малолетнего сына Алкмеона и сказал ему, что он идет на верную гибель и что его убийца — Эрифила. Алкмеон запомнил его слова.

Амфиарай был седьмым из героев, собравшихся в поход против Фив; остальными были Адраст, Полиник с Тидеем и вышеназванные трое: Капаней, Гиппомедонт и Парфенопей. Этот поход и назван походом Семерых против Фив. После Калидонской охоты и похода аргонавтов это было третье крупное общеэллинское дело. Войско двинулось из Аргоса, поднимаясь с равнины в горы; миновало суровую микенскую твердыню — и вот перед ним на холме открылась благословенная Немея, роща Зевса. Впереди, на всевидном месте, его храм, дальше небольшое селение, а между храмом и селением скромный

двор настоятеля храма, богобоязненного жреца Ликурга. Все это было заранее известно Амфиараю, согласно обычаю заведовавшему обрядностью похода. При переходе войска в другую область необходимо жертвоприношение, а для жертвоприношения — проточная вода. Кто же укажет ее в «многожаждущей» Арголиде? Скорее всего, эта женщина, которая с ребенком на руках выходит из Ликургова дома. Амфиарай подходит к ней — боги, что это? В скромном убранстве рабыни перед ним стоит ласковая хозяйка аргонавтов, лемносская царица Гипсипила [1].

Они потеряли ее из виду с момента отплытия аргонавтов с острова Лемнос. Вначале у Гипсипилы все шло хорошо. Она стала матерью двух близнецов. Одного она назвала Евнеем, то есть «прекраснокорабельным», в память о корабле его отца Язона, а другого — по имени ее собственного отца — Фоантом. Но затем случилась беда: когда она была одна на берегу, на нее напали морские разбойники, увезли, продали в рабство — и вот она служит Эвридике, жене Ликурга, и нянчит их младенца-сына Офелета. Все это она рассказала Амфиараю и прибавила, что Ликург в отлучке, дома только Эвридика да еще двое юношей, пришедшие как раз сегодня по неизвестному ей делу. Просьбу Амфиарая указать им источник она не сразу согласилась исполнить. Она рада бы услужить старому знакомому и аргонавту, но как быть с ребенком? После некоторого колебания она решила взять его с собой — а если госпожа рассердится на нее за ее своевольную отлучку, пусть выручит Амфиарай... Госпожа! Рассердится! Да кто она — раба или лемносская царица? Как ни сломила ее судьба, но сегодня, перед этим аргонавтом, она чувствует себя прежней Гипсипилой. Итак, идем!

Идут: он, она и еще несколько воинов с ведрами. Тропинка вьется горным ущельем, через рытвины и промоины. Ей трудно с ребенком на руках. Но вот зеленая трава, вся благоухающая тимьяном. Ключ уже недалеко, но все же придется прыгать через валуны и колоды. Пусть же Офелет посидит в траве на солнышке, без него ей будет легче. Вот уже и ключ. Воины зачерпнули воды сколько надо было, можно возвращаться. Сейчас будет луг, на котором она оставила мальчика на траве среди тимьяна.

---

[1] История о пребывании аргонавтов на острове Лемносе В. и Л. Успенскими опущена.

Как бы его не ужалила пчела!.. Что это? Где мальчик? Офелет! Офелет!.. Боги! Огромный змей ускользает вдаль по сухому руслу зимнего потока, и в извилинах его тела, с опрокинутой головкой и беспомощно поднятыми ручками, ее питомец, радость родителей, Офелет! Амфиарай его видит, он уже метнул дротик — чудовище поражено насмерть, кольца медленно распускаются... Поздно! Не вернется в маленькое тельце улетевшая душа.

Опять Гипсипила с ребенком на руках. Одиноко, уныло бредет она домой. А в мыслях смятение: «Надо принести госпоже ее убитого сына... Надо ли? Ведь Офелета не воскресишь, а за смерть ребенка рабыне казнь! А спастись бы можно: Амфиарай гостил у меня на Лемносе, связан со мной священными узами гостеприимства. Положу мертвого ребенка на порог дома и уйду, пока не поздно!.. Уйти? И оставить Эвридику в слезах и горе? И это сделаю я, Гипсипила? Разве я сама не была матерью? Нет, не сделаю этого. Пойду к Эвридике с повинной: ребенок твой убит, и причина его смерти, хотя и невольная,— я».

Она пошла к Эвридике, принесла ей мертвого ребенка. Эвридика в отчаянии: погибла радость, погибла надежда дома! Но отчаяние сменяется гневом. Одно утешение в горе — месть его виновнице. Уж в нем она себе не откажет! И душе мальчика будет легче, если его обидчица тоже пострадает. Гипсипила будет казнена. Она будет казнена немедленно!

Гипсипилу ведут на казнь. Сама Эвридика желает быть ее свидетельницей. Но вот к ней подходит аргосский гость, Амфиарай. Он ей приносит постановление Семерых. Не Гипсипила виновница смерти ребенка — боги хотели послать грозное знамение всему походу. Не будет нам победы, не доведется нам делить добычу города, не придется отпраздновать радостный возврат к своим. Офелет, носитель знамения, уже не Офелет, простой умерший ребенок,— он отныне Архемор, «начало рока», ждущего участников злополучного похода. Боги его удостоили приобщения к лику «героев», чествуемых не семьями, а общинами и народами. «Утешение в мести»? Нет, Эвридика,— высшее утешение в красоте. Красота немейских игр, учреждаемых сегодня в честь Архемора, учреждаемых на все времена, прославит и твоего сына, и горе твоей утраты.

Эвридика горячо пожала руку своего гостя. Как ис-

тинная эллинка, она поняла и оценила значение слов «утешение в красоте». Тотчас трубой был дан знак к началу заупокойных игр в честь Архемора. Эвридика, заменяя отсутствующего мужа, сидела на помосте, с нею Амфиарай и прочие из Семерых. Как ни было огорчено ее сердце, все же она чувствовала гордость при мысли, что впредь юноши со всей Эллады будут собираться сюда ради победного венка, чествуя ее сына, безвременно погибшего Офелета-Архемора.

Когда солнце стало клониться к закату, игры были кончены: новый сигнал трубой напомнил зрителям, что начнется раздача венков победителям. И вот выступил вперед глашатай: «Евней, сын Язона, из Мирины лемносской! Победил в беге! Фоант, сын Язона, из Мирины лемносской! Победил в метании диска...»

Гипсипила не дослышала остального. В глазах у нее помутилось. Евней, Фоант, сыновья Язона,— ее сыновья! Откуда они? Где они? Вот они входят на помост, вот Эвридика венчает одного, затем другого зеленым венком... Боги! Да ведь это те юноши, которых она сама ввела в дом Ликурга! Ее сыновья... подлинно ли сыновья? Или это злая насмешка неумолимых богов? Она стоит, не отрывая взора от этих молодых красавцев: радость и сомнение борются в ее душе.

Солнце зашло. Зрители разбрелись — кто в стан, кто в посад. Эвридика тоже ушла к себе: рабу она простила, но жить с ней не хочет, не может — это так понятно! Амфиарай с обоими юношами подходит к ней:

— Евней, Фоант, вот вам вторая, высшая награда: обнимите вашу мать!

Обнять! О как охотно... Только они видят ее сомнения — сыновья ли это улыбаются ей?

— Успокоим тебя, родная! На плече у нас обоих по золотому пятнышку в виде виноградной лозы. Это знак Диониса-родоначальника для всего его потомства.

— Да, теперь сомнения нет! Боги вернули мне сыновей! Но куда же нам направиться?

— Конечно, на родину, в Мирину лемносскую. Там женское царство уже прекратилось [1], опять правит Фоант

[1] Ко времени прибытия аргонавтов на остров Лемнос там жили одни только женщины, убившие своих мужей за то, что те предпочли привезенных с войны пленниц своим лемносским женам.

Первый [1]. Он и отправил нас искать тебя. Испытания кончились, впереди — безоблачное счастье.

Так, несмотря на все, расцвел дом Язона на далеком Лемносе, а его тело лежало в неведомой могиле, под золотым кумиром Геры, среди развалин его чудесного корабля.

Семеро против Фив

пустившись с немейских высот, аргосское войско двинулось дальше через Истм и Мегариду и дошло наконец до Киферона, где начиналась фиванская область. Настроение у всех было подавленное: гибель Архемора не предвещала ничего хорошего. Заметив это, Тидей, душа похода, предложил отправить его послом к Этеоклу. Адраст согласился.

Этеокл сидел в своем царском совете, когда глашатай ввел к нему Тидея.

— С чем пришел?

— С предложением мира. А условие: ты уступаешь власть Полинику и покидаешь Фивы.

Этеокл презрительно улыбнулся:

— Если ваши Семь так же сильны доблестью, как умом, то нам их бояться нечего.

— Это ты можешь изведать сейчас же,— бойко ответил Тидей.— Самый слабый из Семи — я. Кто из вас пожелает вступить в единоборство со мной?

Вызвалось десять фиванских храбрецов. Площадь совета мгновенно была превращена в арену боя. Сражались копьями и мечами. Один за другим выступали фиванские воины против Тидея, один за другим от него полегли. Узнав об этом, часть молодежи возроптала:

— Нельзя допустить, чтобы он победителем вернулся во вражеский стан!

И устроила ему засаду в ущелье Киферона. Но Тидей и тут не оплошал: засевших он всех перебил, кроме одного, которого отправил недобрым вестником обратно в Фивы...

С умилением и радостью взирала Афина-Паллада с небесных высот на удаль и силу калидонского героя.

[1] Отец Гипсипилы, которого она сумела спрятать во время истребления женщииами всех мужчии острова.

«Так продолжай,— подумала она,— и награда не заставит себя ждать».

Рассказ Тидея о своем приключении поднял упавший дух аргосцев. Они бодро спустились с Киферона и окружили Фивы. Один только Амфиарай не разделял всеобщей радости.

— Против брата прав, против родины не прав,— продолжал он твердить,— а неправде боги победы не пошлют.

В Фивах царило уныние: если один Тидей таков, то каковы же они все? Более всех был озабочен Креонт. Было у него два сына: старший, Гемон, был женихом Этеокловой сестры Антигоны; младший, Менекей, был еще отроком. Его он послал за старым Тиресием, доживавшим тогда уже последние дни своей чрезмерно долгой жизни. Тиресий пришел, ведомый за руку своим мальчиком.

— Что ты нам скажешь?— спросил его Креонт.

— А где,— переспросил Тиресий,— тот, что ходил за мной, отрок Менекей?

— Он здесь, с нами.

— Пусть удалится.

— Мой сын,— гордо ответил Креонт,— фиванец и спарт, дело его родины также и его дело.

— Как знаешь. Итак, слушай! Дела наши у богов были хороши, а теперь стали хуже. Паллада уже не за нас, она там, где доблесть, а доблесть там, где Тидей. Одно средство есть, средство верное. Его я пришел тебе поведать. Против аргосского орла надо двинуть фиванского змея — того страшного змея, которого убил Кадм. Его дух все еще враждебен нам. Надо его умилостивить его же кровью, кровью его потомка, спарта, но не женатого и не помолвленного, а отрока. Ты меня понял?

Креонт побледнел.

— Понял,— прошептал он.

— Тогда я свой пророческий долг исполнил. Мальчик, веди меня домой!

Когда он ушел, Креонт бросился обнимать Менекея.

— Беги, мой сын, беги немедленно, пока можно. Твоя жизнь в опасности, как только фиванцы узнают об этом ужасном вещании...

— Конечно, отец мой, бегу. Куда прикажешь? В Орхомен? В Дельфы? В Додону?

— В Орхомен, в Дельфы, в Додону — везде у меня

есть друзья, везде тебя примут как своего. Сейчас принесу тебе таблички к ним.

Менекей с нежностью посмотрел ему вслед. «Твой сын — фиванец и спарт, дело его родины также и его дело. Против твоей воли, бедный отец, он тебе докажет, что ты был прав».

Там, где Амфионова стена пересекает Дирку, у старинной пещеры змея было отгорожено место, покрывавшее его могилу. Туда, по стене, направился Менекей с мечом в руке. Сверкнул меч — и струя крови окрасила бурый камень ограды. Никто не был свидетелем этой одинокой жертвы. Лишь страж, обходя стену, набрел на бездыханное тело и принес его отцу.

Аргосцы тем временем охватили кольцом весь семивратный город; фиванские лазутчики, ловко подслушав их совещание, донесли о нем Этеоклу и всему военному совету.

— Аргосцы,— доложили они,— решили повести приступ сразу против всех семи ворот, распределив их между своими семью вождями. Тидею выпали на долю Кренийские ворота...

— Ставлю против него нашего Меланиппа,— сказал Этеокл.

— Адрасту выпало брать Омолойские ворота,— продолжали лазутчики,— Капанею — Старые, Амфиараю — Претидские, Гиппомедонту — Онкейские, Парфенопею — Электрины...

Этеокл последовательно называл фиванских вождей, назначаемых им охранять поименованные ворота.

— ...И наконец, Полинику — Верхние.

— Против него я выступлю сам,— твердо сказал Этеокл.

— Одумайся!— испуганно воскликнул Креонт.— Иль ты забыл старинный оракул Аполлона Лаю, истолкованный Тиресием? Всему его дому суждено погибнуть в крови, и вам — пасть друг от друга в нечестивом взаимоубийстве!

— Я обдумал все и потому иду,— спокойно ответил юный царь, смотря в глаза разгневанному дяде.

— Ослепленный! Безумец! Ты идешь на верную гибель!

— Кто ослеплен и безумен? Мой дед Лай, мой отец Эдип делали все возможное для того, чтобы уйти от рока. И каждый шаг их к нему приближал. Вы хотите, чтобы

я следовал их примеру? Нет, будь что будет — не хочу вилять перед роком... Но враг не ждет. Пойдемте каждый к своему посту.

Зазвучала аргосская труба, угрожая осажденным своим резким медным голосом. Защитники поднялись на стену и сверху стали осыпать градом стрел и камней штурмовавших запертые ворота. Один только Этеокл, увидя приближающийся отряд Полиника, велел настежь открыть свои и выступил против него в поле. Полиник, узнав его, невольно отступил.

— Не ожидал?— насмешливо крикнул ему брат.— Не взыщи, я таков — не люблю прятаться за спиной других. Ты хотел получить мою власть — вот она!

С этими словами он метнул свое копье. Но и Полиник, лишь на мгновенье опешивший, одновременно метнул свое. Оба копья были хорошо направлены, оба достигли своей цели. Фиванцев смерть вождя разъярила, аргосцев заставила пасть духом. Завязался долгий бой, но фиванцы в нем имели преимущество, шаг за шагом оттесняя аргосцев от той кровавой поляны, где лежали оба тела, каждое с братским копьем в груди...

У других ворот не знали, что произошло у Верхних. Тидей творил чудеса храбрости у Кренийских. Меланипп должен был послать за запасным отрядом, так как его первый был уже поголовно убит этолийским вождем. Паллада с участием смотрела на Тидея. «Никогда,— говорила она себе,— я ни одного смертного так не любила». Прибытие к врагу новых сил удвоило храбрость Тидея.

— Вперед, друзья!— крикнул он своему отряду.— Перебьем и этих, как перебили первых!

Но Меланипп, зорко за ним наблюдавший, улучил эту минуту, когда он обернулся к своим, и, коварно направляя свое копье между его щитом и телом, стремительным ударом поразил его в живот. С громким криком пал Тидей и заметался в предсмертных судорогах.

— Будет утешение,— злобно крикнул Меланипп,— и сегодня и раньше убитым тобою воинам.

Тидей мгновенно забыл и о боли, и о приближающейся смерти. Жажда мести обуяла его.

— Вперед, друзья!— крикнул он своим, ползая по заливаемой его кровью земле.— Вперед!

Аргосский отряд исступленно двинулся на врага, оттеснил фиванцев, Меланипп был окружен, сверкнул десяток мечей — и его голова, брызжа вокруг себя кровью,

полетела прямо в руки Тидею. Умирающий зарычал от дикого восторга, схватил ее и...

В эту минуту Паллада, покинув небесные высоты, подходила к своему любимцу с чашей нектара в руках, чтобы, выпив его, он обрел бессмертие. Она увидела его на земле, с головой Меланиппа в руках и... вцепившегося зубами в его череп. В отвращении она отшатнулась, чаша выпала из ее рук — и мрак смерти осенил очи Тидея.

Не менее яростный бой кипел у Старых ворот, у ограды старого змея. Но фиванский вождь не разрешил своим воинам спускаться со стен. Сверху поражали они штурмующих градом камней, дротиков и стрел. Наконец пылкому Капанею стало невтерпеж.

— Лестницу сюда!— крикнул он.

Вскоре штурмовая лестница была принесена.

— Сюда ее ставьте!— продолжал он, не замечая, что переступает ограду и попирает ногами свежую кровь.

Но дух змея заметил его — и отравил своим безумящим ядом. Лестница стоит, грозя пасть своим верхним концом на головы защитникам стены. Капаней хватает факел, взлетает на лестницу.

— Сожгу ваш город!— бешено кричит он им.— Сожгу его по воле богов или вопреки их воле!

Капаней на верху лестницы с факелом в руке реет в воздухе, точно гений приступа. Лестница наклоняется, защитники в испуге разбегаются.

— По воле богов или вопреки ей!— повторяет он громовым голосом.

Но еще более громовой голос раздался высоко над ним — и сверкнувшая в грозовой туче молния поразила его голову. Он выронил факел, простер руки, и его тело, крутясь, полетело вниз и ударилось о бурую скалу, обагренную отроческой кровью Менекея.

— Зевс за нас!— крикнули фиванцы и, открыв ворота, устремились на аргосцев.

— Зевс за нас! Зевс за нас!

Этот крик, словно лозунг победы, облетел всю стену Амфиона, передаваемый от ворот к воротам. Везде фиванские бойцы выступили в поле, везде стали они теснить, обращать в бегство, преследовать оробевшего врага. Пали Гиппомедонт, Парфенопей; пал бы и Адраст, но его чудесный конь унес его в пределы, недосягаемые для фиванских дротов и стрел. Менее счастлив был Амфиарай.

Ему удалось бежать от Фив до самых Потний. Однако тут его настиг фиванец и уже поднял копье — но внезапно разверзлась земля и приняла Амфиарая с колесницей и конями в свое всеуспокаивающее лоно.

Антигона

После одержанной фиванцами победы Креонт в третий раз принял бразды правления в свои испытанные руки. Правда, после Этеокла остался сын Лаодамант, но он был еще младенцем. Ожесточение победителей против аргосцев было так велико, что Креонт, угождая ему, запретил хоронить трупы аргосских вождей. Тогда их матери и жены отправились с просительскими ветками в Элевсин и упросили Тезея потребовать от Креонта исполнения общеэллинского обычая. Креонт счел это вмешательство оскорбительным и еще более уперся. Но Геракл, как раз тогда у него гостивший, вступился за заповедь благочестия, и трупы были отданы родным. В Элевсине были устроены торжественные похороны всем на одном братском костре. Только Капанея, как освященного молнией Зевса, Тезей велел сжечь отдельно. Его жена, красавица Эвадна, опоздала к омовению мужа и увидела его труп уже тогда, когда огонь костра окружил его своей сияющей стеной. Не будучи в состоянии вынести разлуки с ним, она бросилась к нему на костер и умерла, обхватив его руками.

На похороны пришли сыновья всех Семерых и дали клятву, что, выросши, отомстят за поражение и гибель своих отцов. Заключили они для этого союз дружбы. Народ назвал их Эпигонами, то есть «после рожденными».

Милость Креонта, однако, не относилась к трупу Полиника. Его, как фиванца по рождению, даже Тезей не решился требовать у Креонта. И вот, в то время как тело Этеокла, защитника своей родины, павшего в бою за нее, было с величайшими почестями похоронено в гробнице Лабдакидов, труп Полиника, обнаженный и обесчещенный, лежал в открытом поле, дожидаясь, пока псы и хищные птицы не станут его живыми могилами.

Креонт даже стражу к нему приставил, чтобы никто не смел ослушаться его запрета, и объявил, что ослушник будет казнен.

К чему такая жестокость? В сущности, из преувеличенного чувства правосудия. Смерть сравняла Этеокла и Полиника, защитника и врага своей родины, подвижника и преступника. Справедливо ли это? Креонт решил, что нет. Пусть им хоть на том свете будет воздано по заслугам: пусть Этеокл найдет себе успокоение на Асфоделовом лугу, а душа Полиника скитается в бесчестье, не допущенная в обитель Персефоны; пусть их неодинаковая участь послужит уроком для живых ныне и во все времена.

Фиванцы покорились приказу царя. Не покорилась ему одна Антигона, сестра обоих павших во взаимоубийстве. Для нее все соображения государственного правосудия и государственной пользы отступали перед одним: убитый был ее братом. Креонт ее брата предал бесчестью. Правда, она не единственная сестра Полиника. Тот же долг и то же право и у второй дочери Эдипа, Исмены. Антигона идет к ней:

— Хочешь со мной вместе похоронить нашего брата?

Та, добрая, но робкая, отступает:

— Похоронить Полиника? Но ведь это запрещено!

— Да, конечно, но имел ли запретивший право нам это запретить?

Креонт — представитель государства и исходящей от государства власти. Так что же, беспредельна ли эта власть? Или же есть в глубине нашего сердца область, куда даже она вторгаться не вправе?

Исмена душой за сестру, но она слаба: нет, против власти она не пойдет. Придется, значит, Антигоне одной исполнить свой подвиг. Одна она не снесет тела своего брата к гробнице Лабдакидов, но религиозный долг этого и не требует. Она бросит несколько пригоршней земли на его обнаженное тело, совершит положенное возлияние, даст ему дань своих слез — это спасет его от бесчестия на этом и на том свете.

С этим она и удаляется на скорбное поле. Стража не заметила появления Антигоны — внезапно поднявшийся ветер нанес ей пыли в глаза,— но перемену, происшедшую с телом, нельзя было не заметить. Итак, царский приказ нарушен — необходимо об этом доложить царю. Тот возмущен:

— Очевидно, это дело моих врагов, желающих ослабить любовь ко мне народа! Но я сумею обезвредить их козни. Стража! Под страхом казни изловить ослушника!

Страже это удается. Ослушник приведен к царю. Тот глазам своим не верит.

— Как! Антигона, дочь моей сестры, невеста моего сына? Но ты, может быть, этого не сделала?

— Нет, сделала.

— Но ты, может быть, не знала, что это запрещено?

— Нет, знала.

— Почему же ты это сделала?

— Потому что не Зевс был тот, который мне это запретил; потому что твои приказы не сильнее божьей правды.

Итак, преступление совершено в полном сознании — за него положена казнь. Не может он сделать исключения для племянницы, для снохи. Тщетно за нее заступается ее сестра Исмена: если он даже в собственной семье допустит непослушание — чего же ему ожидать от других? Нет, приказ будет исполнен до конца: прежде всего государство, народ.

Народ... Подлинно ли он весь за своего царя? Нет, от его имени пришел к царю его старший и ныне единственный сын Гемон, жених Антигоны. Нет, проступок Антигоны завоевал ей сердца: все жалеют, что ей придется погибнуть за ее благородство, за ее любовь.

— Любовь? А закон? А государство?— возразил Креонт.— За него никто не заступается? Тем более лежит этот долг на мне. Я не дам сбить себя с правого пути. Антигона будет казнена — не мечом, во избежание скверны от родственной крови; ее заключат в подземелье, и там она умрет — сама.

Семья отшатнулась, народ отшатнулся. Зато боги за него, и прежде всего Зевс, покровитель царской власти.

Но вот раздается мерный стук старческого посоха о камни улицы — это старый Тиресий, он сам пожаловал на этот раз.

— Помнишь, как верно пророчествовал я о жертве змею? Хотя и ценой тяжелой утраты, но тебе, царь, удалось спасти государство и народ. Поверь мне и теперь. Боги отвернулись от тебя и от твоего государства, ибо ты провинился дважды: держа на земле того, кого следовало отправить под ее поверхность, и послав под землю живую,которой место на земле.

— Как? Боги отвернулись от меня, который охранял их храмы, карал их врага? Не может быть! А не хитришь ли ты, прорицатель? И прорицатели бывают продажны!

— Я продажен?! Так знай же: за мертвого падет жертвой живой, и стоны в твоем дворце будут ответом на эти твои слова.

Угроза из уст пророка сломила упорство царя. Пожертвовать вторым сыном, потеряв первого? Нет, это слишком! Он готов исполнить требование Тиресия, он похоронит Полиника, он освободит Антигону... Поздно. Когда он входит в подземное помещение, он видит деву в роковой петле, а у ее трупа своего сына... живого, да, но ненадолго. Перед глазами отца он сам себя закалывает над телом своей мертвой невесты. Креонт остался один в своем дворце — с ним лишь его неотвязчивая гостья, сиротливая и безрадостная старость.

Поход Эпигонов

рошли годы. Тиресий умер, прожив шесть человеческих поколений. Но даже перед смертью не помрачилось его ясное сознание. Предсказательницей в Фивах стала его молодая и прекрасная дочь Манто. Умер и Креонт. Престол Лабдакидов унаследовал Лаодамант, молодой сын Этеокла.

Но одновременно с Лаодамантом подросли и Эпигоны. Настало время исполнения данной на похоронах отцов клятвы. Адраст был еще жив, но по своей старости он мог быть скорее почетным главою нового войска, чем его деятельным вождем. В вожди годился скорее его сын Эгиалей, но Эпигоны и сам Эгиалей желали поручить эту должность Алкмеону, сыну Амфиарая. Алкмеон жил с Эгиалеем в тесной дружбе, но от похода он охотнее всего уклонился бы вовсе. Не из трусости — он был храбр как лев — и не по той причине, как некогда его отец. Нет. Но на нем лежал долг другой, страшной мести, которую он откладывал со дня на день. Когда он был еще мальчиком, его отец, навсегда прощаясь с ним, сказал ему, что он идет на верную гибель и что его убийца — Эри-

фила, его жена и мать Алкмеона. Он знал, что его отец и на том свете томится в горе, пока за него не совершена месть, и что этой мести он ждет от него, своего сына. И вот несчастный мечется, подобно затравленному зверю. Он идет в Потнии, где подземная обитель его отца:

— Разрешаешь ли ты мне идти с Эпигонами против Фив?

— Сначала месть, а затем уже поход,— так решил Амфиарай, справедливейший из смертных.

Алкмеон идет в Дельфы вопросить бога, сужден ли успех оружию Эпигонов.

— Да, если их вождем будет Алкмеон,— так решил Аполлон, провидец среди богов.

Все выходы преграждены, никакая сила не спасет Алкмеона от ужасного долга. Он вернулся в Аргос как бы на казнь. Действительно, ему пришлось казнить свою чистоту, свое благочестие, свою любовь. И на следующий день аргосцы со страхом жались друг к другу при его появлении и повторяли слова, которые отныне уже срослись между собою, слова проклятия: «Алкмеон — матереубийца».

Говорят, что пролитая родная кровь вызывает из преисподней страшных богинь-мстительниц Эриний. Но нет, никто и ничто его не тревожит. Эпигоны приходят за ним, требуют, чтобы он был их вождем — он, матереубийца! И он идет с ними и правит войском, и боги и люди не возмущены. При городке Глисáнте против них выходит фиванское войско с молодым Лаодамантом во главе. Против Лаодаманта выступает смелый Эгиалей, происходит между ними жаркий поединок — и Эгиалей падает от руки Лаодаманта. Смерть лучшего друга вырывает Алкмеона из его забытья, он бьется с Лаодамантом — боги посылают победу матереубийце. Лаодамант гибнет от его руки. Фиванские воины бегут, народ уже не надеется на спасение, он выговаривает себе только право безопасно покинуть город Кадма и Амфиона. Эпигоны это разрешают. И вот в ту же ночь фиванцы снаряжают фургоны, берут с собою своих жен и детей и что у кого было наиболее ценного и уходят, разделяясь по деревням. Когда на следующий день Эпигоны входят в Фивы, город уже пуст. Добычи еще осталось много, она будет разделена между победителями. Пока все выносится наружу. В фиванской вышке находят Манто. Как быть с ней? Вспоминают данный обет: самую прекрасную добычу посвятить Апол-

лону. Решают отправить вещую деву к вещему богу в Дельфы.

Теперь уже ничего в городе не остается, кроме стен — городских, стен домов. Огонь и меч довершают дело разрушения. Теперь только демон мести, преследующий Лая, окончательно изгнан: он покинул долину Исмена вместе с дымом города. Нет Кадмеи, нет семивратного вала. Если новый змей пожелает занять пещеру Дирки, ему никто препятствовать не будет.

Но одно — Фивы, другое — Фиванская область. Власть над нею Семь вождей прочили Полинику, ради которого состоялся их поход. Теперь естественно было ее предоставить его сыну Ферсандру. Мало-помалу под холмом Кадмеи образовался посад — не город, а именно посад. Его стали называть Нижними Фивами.

В таком положении находились дела, когда разыгралась Троянская война. И лишь к началу следующей эпохи — после переселения северных племен в Среднюю Грецию и Пелопоннес — стены Кадмеи были снова укреплены и вновь возник город, который стал называться Фивами. Он расцвел и окреп и подчинил себе прочие города Беотии — от Орхомена до Киферона; а с ним воскресла и слава былых времен, слава Кадма, Амфиона, Эдипа,— и эта слава уже не померкнет никогда.

Ожерелье Гармонии

ируют победители на тризне Эгиалея при дворе царя Ферсандра, наскоро возникшем из крестьянского дома,— многолюдно на играх в честь героя и в утешение его убитому горем старому отцу Адрасту. Все Эпигоны в них приняли участие, все одержали победы — кто в том, кто в другом состязании; никто столько, сколько Диомед. Паллада ему явно покровительствует: он и в битве при Глисанте отличился, и здесь. Видно, она на него перенесла ту любовь, которую питала раньше к его отцу Тидею.

Но где же главный победитель, лучший друг чествуемого героя — где вождь Эпигонов Алкмеон? Его уже никто не видел с того утра, когда аргосские войска вошли в Амфионовы стены. В самом деле, где Алкмеон?

Адраст поднимает свою поникшую голову:

— Обезумел.

— Как обезумел? Почему?

— Его наконец настигли Эриннии его матери, моей сестры Эрифилы. Аполлон его оберегал до тех пор, пока он был нужен как вождь в вашем походе. Со времени вашего победоносного входа в покинутый город эта служба кончилась, и он уже не мог уклониться от кары. Да, справедливы приговоры богов! И я наказан за то, что, будучи братом злодейски умерщвленной, разделил труды похода с ее сыном-убийцей!

После этих слов он покрыл голову плащом и уже не прерывал своего понурого молчания.

У южного подножия Эриманфа расположен в дикой гористой местности среди дремучих дубовых лесов аркадский город Псофида. Туго приходилось его жителям от их буйных соседей, беззаконных кентавров, переселившихся с фессалийского Пелиона в предгорья Эриманфа. И лишь недавно, с тех пор как Геракл их перебил, мирная жизнь стала возможна и здесь. Все же и теперь сюда почти никогда не заглядывал чужестранец. Нелегко было пробраться через окружавший Псофиду лес, да и не к чему. Жители были скромными пастухами, даров Деметры не знали и козье молоко закусывали лепешками из желудевой муки. Правил этим городом по-отечески царь Фегей. Сам он был стар, но ему помогали в делах правления и хозяйства его два крепких сына, Проной и Агенор, и его дочь, кроткая красавица Алфесибея. И вот сидят они однажды в зимний вечер — а зимы здесь люты — и греются у огня: трое мужчин и четыре женщины — мать, дочь и две снохи. Вдруг слышат, кто-то стучится в дверь. Агенор отворяет. Входит юноша, бледный, жалкий, с блуждающими глазами, с всклокоченными волосами. Беспокойно озирается кругом — и бросается к очагу, к ногам царицы.

— Встань, мой гость! Не бойся: здесь никто тебя не тронет.

— Пусть бы тронули, пусть бы убили, но только не это, не это!

— Да кто же тебя преследует?

— Они... те страшные, которых и назвать нельзя. Они и теперь со мной, только к вашему очагу приблизиться не смеют. Вы их не видите, но я их вижу...

— Да чего же ты ищешь?

— Очищения! Всю Элладу обошел, весь Пелопоннес — везде отказывают. О сжальтесь, дайте мне очищение!

— Да кто же ты? И в чем твой грех?

Пришелец выпрямился, оставаясь, однако, на коленях у ног царицы. Он обвел хозяев беспокойным взором, и горькая улыбка искривила его уста.

— Не узнаете? Иль есть в Элладе такое место, куда бы не проникла весть об Алкмеоне-матереубийце?

Царь Фегей грустно покачал головой:

— Хотя Весть и богиня, а все же нелегко ей пробраться через наши дремучие леса.

Но Проной строго посмотрел на странника.

— Ты ее принес, ты и унеси! Мы живем в мире с богами и не желаем знать тех страшных, которых ты назвать боишься.

Агенор присоединился к брату:

— Оставь нас, не оскверняй нашего чистого очага.

Но царица положила пришельцу руку на голову и кротко, по-деревенски, погладила его по жестким волосам:

— Оставьте его, он мой проситель. И я требую, чтобы мы прежде всего выслушали его рассказ.

Алфесибея принесла еще сиденье, покрыв его медвежьей шкурой. Алкмеон опустился на него, но рукой продолжал держаться за очаг и не сводил глаз со стены у входа, где он видел нечто, невидимое другим. Он начал свой рассказ со своего детства, с прощальных слов своего отца, которые он запомнил, еще их не понимая. Рассказал, как мало-помалу в нем пробудилось сознание страшного долга, возложенного на него его отцом, как оно отравило ему все его отрочество, которое он провел при матери, чуждаясь ее нежности и чувствуя себя ее намеченным убийцей. Рассказал, как он старался уйти от этого долга, обращаясь к отцу, к Аполлону,— тщетно. Рассказал и то, что было последствием и завершением. Оба брата, вначале прерывавшие его строгими вопросами, мало-помалу умолкли; Алфесибея не промолвила ни слова, но ее кроткий взор неустанно покоился на несчастном, и под влиянием этого взора его душа стала спокойнее, точно под мягкими лучами летней луны.

Когда он кончил, воцарилось долгое молчание. Наконец Фегей, все время молчавший, поднял голову:

— Мой дух говорит мне, Алкмеон, что ты скорее несчастный, чем преступный, человек и что Эрифилу убил не ты, а твой отец и Аполлон. А вы, мои сыновья, что скажете?

— Нам все-таки боязно, отец. Но решать — дело твое, а исполнять — наше.

— Мнение других я угадываю. Итак, Алкмеон, ты проведешь эту ночь под святою сенью очага, а завтра я совершу над тобой установленный Аполлоном обряд очищения.

— Отец мой!— прошептал благодарный Алкмеон, целуя руки старца.

Алфесибея удивилась, но тотчас вспомнила, что очиститель действительно, по эллинскому обычаю, очищаемому вместо отца. Но она заметила тоже, что и сразу то слово ей вовсе не было неприятно,— и покраснела.

На следующее утро был принесен поросенок, и таинственный обряд очищения состоялся. Алкмеон успокоился, здоровый румянец покрыл его щеки — и тут только все увидели, как он был прекрасен: рядом с обоими сыновьями Фегея он производил впечатление сошедшего с Олимпа бога.

Он часто отправлялся на охоту с ними, особенно на медведей, которых было много в лесах Эриманфа,— и всегда выходило, что не он у них, а они у него учились. Алфесибея все чаще на него засматривалась, все чаще краснела: при простых нравах этой глухой Аркадии она и не старалась скрывать свою тайну, и все видели, к чему дело клонится. Но именно поэтому братья сочли своим долгом выразить свое неудовольствие.

— Прости, отец,— сказал Проной со своей обычной деревенской прямотой,— но разве ты забыл, что ты имел в виду, когда давал нашей сестре имя «умножающая стада коров»? Ты рассчитывал на выкуп, который получишь за нее. Коров у нас мало, все больше козы, а выкуп нам аргосский изгнанник, конечно, не даст.

Алкмеон улыбнулся. Он отстегнул свой пояс и достал из его полости одну вещь.

— Проной, во сколько коров ценишь ты это украшение?

У Проноя широко раскрылись глаза. На его коленях лежало ожерелье невиданной красоты. С крученого золотого обруча спускались семью треугольниками семь золотых сеток; шесть из них кончались золотой пластинкой

с багровым камнем, только седьмая была украшена сверкающим алмазом.

— Думаю, что во всей Аркадии такого числа не найдется,— сказал он, улыбаясь.

— Позволь же, мой отец, вручить тебе его как выкуп за твою дочь, если ты считаешь меня достойным быть твоим зятем.

Слезы радости брызнули из глаз старика.

— Мне оно ни к чему и будет гораздо больше на своем месте здесь,— сказал он, обвивая ожерельем белую шею Алфесибеи.

Та не говорила ничего, но румянец ее щек соперничал с багровым сиянием шести самоцветных камней, а блеск ее глаз — со сверканием седьмого.

Прошел год ничем не омраченного счастья. Но второй уже принес с собой зародыш разочарования. Отчего, в самом деле, боги не посылают детей Алкмеону и Алфесибее? Никто этого вопроса открыто не ставил, но у каждого были свои мысли, а у обоих братьев самые определенные: детей — матереубийце?! Но ведь он был очищен! Да, указанный Аполлоном обряд смывает родственную кровь, но — кровь матери?

Значит, очищение было неполным?

Однажды Алкмеон шел с женой по темному переходу дома. Вдруг его точно отбросило назад, он застонал и закрыл глаза рукой.

— Алкмеон, что ты?

— Ничего, так, воспоминание.

Но его веселость с тех пор исчезла. Он просил Алфесибею не отлучаться от него и смотреть на него своими кроткими глазами. От них, говорил он, исходит какое-то голубое облако, и ему в нем хорошо. Все чаще и чаще вздрагивал он, вперяя свои взоры в какую-то точку, говорил с кем-то — в первое время тихо, невнятно, но чем дальше, тем громче и исступленнее:

— О матушка, зачем ты натравливаешь их на меня!

Потом он приходил в себя, несколько дней все было хорошо. Затем все возобновлялось.

— Послушай, Алкмеон!— сказал ему однажды Проной, видя, что он опять успокоился.— Ты замечаешь и сам, что твоя болезнь все усиливается. Пока ты не дошел еще до того состояния, в котором ты тогда пришел к нам, пока твои здоровые дни еще преобладают — отправься в Дельфы, обратись за советом к богу, подвигнувшему тебя на это дело.

Трудно было убедить Алфесибею, чтобы она согласилась на эту разлуку, но ее необходимость была слишком очевидна.

— Иди, мой любимый, и вернись здоровым!

И он ушел.

У порога дельфийского храма его встретила Манто. Посвященная Аполлону, она служила ему пифией в дни вещаний. Пленница Эпигонов узнала их бывшего вождя:

— Чего требует от меня мой господин?

— Твой господин,— грустно ответил Алкмеон,— просит тебя узнать у его и твоего общего господина, как ему исцелиться от наваждения Эринний.

Но Манто покачала головой:

— Аполлон сделал что мог, но в дальнейшем он бессилен. Над Эринниями властвует только одна богиня, самая древняя и могучая изо всех,— Мать-Земля. В Додоне шумит ее дуб, окруженный красивой оградой, воркуют ее голубицы, пророчествуют Селлы. Иди в Додону, вопроси долговечных Селлов. Чего они не знают, того не знает никто.

Алкмеон отправился в Додону. Эриннии, заснувшие было перед обителью Аполлона, с удвоенной яростью набросились на него. Неустанно травимый ими, он скорее мчался, чем шел, но, видно, какой-то бог направлял его шаги. И вот перед ним бурная Додона. Храма здесь нет, и даже дома нет: божественная сила обитает в дубе, глубоко запускающем свои корни в самые недра Матери-Земли, а жрецы — Селлы — не нуждаются в жилище: их ложе в вёдро и в ненастье — нагая грудь той же Матери-Земли. Они внимательно выслушали страдальца. Эриннии почтительно остановились перед оградой дуба Матери-Земли и замолкли. Долгое время ничего не было слышно, кроме шума бурного ветра в густой листве и тихого воркования голубиц. Наконец старейший из старцев заговорил:

— Мать-Земля блюдет священное право матери: она вся, поскольку осквернена твоим преступлением, отказывает тебе в убежище. Если ты найдешь такую землю, которая еще не была свидетельницей твоего преступления,— там ты можешь найти успокоение, но только там.

У несчастного подкосились ноги.

— Я, значит, навеки отвержен, навеки отдан этим мучительницам и на этом свете и на том! Земли не рождаются с года на год, подобно лозам и детенышам зверей!

— Все забудь,— ответили Селлы,— а это помни: только такая земля, которая еще не была свидетельницей твоего греха, может дать тебе успокоение. Больше нам нечего тебе сказать.

Алкмеон спустился с Додонской горы — Эриннии немедленно вцепились в него.

С суровых гор Эпира, среди которых расположена Додона, стекает к южному морю Ахелой, отец эллинских рек. Алкмеон, исступленный, бежит по его течению все дальше и дальше, куда — не знает сам. Бежит, бежит — и вдруг слышит, что кто-то его окликает:

— Алкмеон, куда спешишь? Иди ко мне!

Смотрит, видит — на широкой отмели посредине реки сидит под олеандрами девушка и удит рыбу; перед ней на корточках мальчик — рыбачок, видно, или пастушок.

— Как ты меня узнала?

— Кто тебя не знает? Иди сюда вброд, не бойся замочить ноги. Уж очень безлюдно здесь. Отец по целым дням пропадает, завела этого мальчишку, да больно он глуп. Со скуки даже рыбу начала удить. Но теперь поймала тебя, и мне уже не скучно... не так скучно,— шаловливо поправилась она, смотря в глаза скитальцу.

И, схватив стоявшее перед ней ведро с пойманными рыбками, она вылили его содержимое в реку:

— Плывите, почтенные, и не поминайте лихом Каллирою.

К своему собственному удивлению, Алкмеон улыбнулся. Вообще ему как будто легче стало с тех пор, как он перешел через рукав реки.

— А теперь изволь рассказывать.

Лицо Алкмеона нахмурилось.

— Я мать свою убил,— тихо начал он.

— Знаю. Вы, люди, мастера отравлять себе жизнь. Рассказывай, что дальше было.

Он рассказал ей про поход, про битву при Глисанте, про взятие и разрушение Фив — и про то, как им тогда овладело безумие.

— И вот с тех пор скитаюсь, преследуемый этими мучительницами.

— Но где же ты скитался?

— Кажется, везде.

— Рассказывай по порядку, где был... Или не помнишь? Ничего не помнишь?

— Нет, одно запомнил: слова самой Матери-Земли,

явленные в Додоне,— только такая земля, которая еще не была свидетельницей моего греха, может мне дать успокоение.

— Видишь, как хорошо, что я тебя окликнула,— ты бы так и пробежал мимо. Это — та самая земля, на которой мы с тобой сидим. Она не старше этих олеандров, запах которых мы вдыхаем. Мы, речные нимфы, нанесли ее всего за последние годы. Сосчитай по пальцам; ее еще не было, когда ты убивал свою мать. Да и считать нечего: сам видишь, что Эриннии отстали от тебя. Сюда они не придут. Итак, ты остаешься здесь — это ясно. Вечером пожалует и мой отец Ахелой — не бойся, он уже не любит появляться в своем бычьем естестве с тех пор, как Геракл выломал у него один рог. Он тебя очистит, а затем нас поженят. И тебе будет покойнее, и мне не скучно... Этот остров мы обработаем с помощью вот этого мальчишки Актора. Как он ни глуп, а в работники годится. Затем у нас пойдут дети, и будет чем наполнить жизнь.

Чем больше ее слушал Алкмеон, тем светлее у него становилось на душе: ярким солнцем блистало в сознании, что прекратилась власть над ним его мучительниц. И вышло так, как говорила Каллироя: для Алкмеона настала новая жизнь, трудовая. Мало-помалу эти две части — воинская до взятия Фив и земледельческая со времени женитьбы на Каллирое — срослись между собою. Вся середина — кровавый туман с мелькающими в нем страшными ликами Эринний — понемногу опускалась в небытие.

Прошел год. Алкмеон сидел с Каллироей на скамье перед хижиной. Вечерело.

— Вот и Арктур показался,— сказала она.— Наступает осень. Надо готовиться к зиме.

— Арктур? — удивленно спросил Алкмеон, следя за направлением ее руки.— У нас его называют Боотом (то есть Пастухом).

— Называют невежды, а он — Арктур. Видишь, как грозно он поднял копье, замахиваясь на Арктос (то есть Медведицу)? Оттого ему имя дано с тех пор, как Зевс обоих перенес на небеса.

— А ты знаешь, как это было?

— Знаю, мне покойница мать в назидание рассказывала. Послушай. Была однажды у Артемиды любимая нимфа по имени Каллисто. С нею ей всего приятнее было охотиться в лесах Эриманфа.

— Ты сказала — Эриманфа?

— Ну да, Эриманфа. А тебе что?

— Так. Мне это имя вдруг показалось знакомым, не могу припомнить почему. Итак, ты сказала, что они вместе охотились на медведей в лесах Эриманфа?

— Я не сказала, что на медведей.

— Мне послышалось. Все равно, рассказывай дальше!

— Итак, они любили друг дружку без памяти. И Каллисто спросила Артемиду: «Богиня, будешь ты меня вечно любить?» И богиня ей ответила: «Буду, пока останешься девой». И Каллисто засмеялась: «Значит, будешь любить вечно». Но кто-то другой засмеялся еще звонче — это был Зевс. В ту пору он часто спускался к нимфам и смертным женщинам то в одном образе, то в другом, чтобы давать жизнь славным героям. И вот он обернулся прекрасным юношей и предстал перед очи Каллисто. Для нее действительно нужна была сверхземная красота: она ведь была не то что я...

Она шаловливо посмотрела на Алкмеона, но тот даже не улыбнулся. Какие-то мысли роились у него в голове.

— Алкмеон, ты меня не слушаешь?

— Очень слушаю, ты только продолжай. Итак, он вошел в ее дом, припал к ее очагу — ну а дальше что?

— Какой там дом, какой там очаг? Дело происходило в дубовой роще. Ну она, понятно, не могла ему отказать. И отстала Каллисто от своей подруги и сонма ее нимф. Прошел год, и Зевс покинул ее. Хотела бедняжка вернуться к своей божественной подруге, но та сказала ей: «Ты нарушила свое обещание — я тебя более не знаю». Покинутая Зевсом, покинутая Артемидой, побрела Каллисто в лес. И тут над покинутой получила власть ревнивая Гера: мстя сопернице, она превратила ее из прекраснейшей женщины в безобразнейшего зверя — в медведицу. А затем... а затем свершилось чудо: от медведицы родился человеческого вида, и притом прелестнейший, младенец. Нашли его пастухи и назвали его, как сына медведицы, Аркадом. Аркад вырос и стал лихим охотником. Но вот однажды встретился он на охоте с той медведицей, что была ему матерью. Он замахнулся копьем на нее. Но Зевс, чтобы предупредить матереубийство, перенес их обоих на небеса: ее как Медведицу, его как Арктура. Но Гера все еще не могла простить ей прошлого, отправилась к отцу Океану и упросила его, чтобы он не разрешал Медведице освежать себя его волнами. И вот почему

Медведица... Но, Алкмеон, ты о чем-то другом думаешь и меня совсем не слушаешь.

— Нет, Каллироя, слушаю, и даже очень внимательно. И жалею, что боги не всегда считают нужным предупредить матереубийство. Но скажи мне: не от этого ли Аркада получила свое имя Аркадия?

— Конечно, от него. Не могу тебе сказать, когда он успел стать отцом семейства, но его потомками были основаны аркадские города. И нынешние цари Аркадии все происходят от него: и Алеады в Тегее, и Промах в Стимфале, и Фегей в Псофиде...

— Фегей в Псофиде... да, да, вот этого имени я все не мог припомнить. Фегей... да, да... И сыновья у него — Проной и Агенор... теперь припоминаю. И дочь — Алфесибея, моя жена...

Каллироя вскочила с места:

— Что такое? Алфесибея? Твоя жена? — Она схватила его за плечи: — У тебя есть тайна от меня? Рассказывай, как это было!

— Мне самому трудно припомнить. Это был краткий просвет между двумя стенами мрака. Стены сдвинулись и теперь только медленно раздвигаются. Лучше бы сдвинулись опять! Она была моей женой, но Эриннии расторгли наш брак.

— Если совсем расторгли, то хорошо, но совсем ли? Скажи,— она недоверчиво посмотрела на него,— у тебя ничего не осталось от нее?

— Ничего.

— А у нее от тебя?

— Тоже ничего. Я ведь пришел к ней скитальцем, преследуемым, в одном хитоне, препоясанном... Нет, постой. В поясе было ожерелье Гармонии — его я отдал ей.

Каллироя выпрямилась и отняла свою руку от его плеча.

— Если так, то ваш брак не совсем расторгнут. И пока этого не случится — я тебе не жена.

И она ушла.

На небе показалась луна. К сидящему в глубоком раздумье подошел Ахелой.

— Моя дочь вообще своенравна,— сказал он,— но тут она права. Твой долг — принести ей ожерелье Гармонии.

— Как же я покину остров? Только здесь и разрешает мне жить Мать-Земля. Перейду на берег — тотчас в меня вцепятся Эриннии.

— Не в первый раз тебе от них терпеть. А чтобы с тобой чего не случилось, я дам тебе в провожатые Актора. Только без ожерелья не советую приходить: Каллироя не уступит.

Опять зима покрыла своим холодным туманом скромный двор псофидского царя. Опять его семья грелась у пылающего очага, но ей уже не весело: горе молодой вдовы на всех навеяло душевный туман, еще холодней того, который окутал их двор.

— С этим пора кончать,— угрюмо говорил Проной.— Уверяю тебя, сестра, Алкмеон пропал без вести. Я был в Дельфах, был в Додоне — до нее ведут его следы, затем они теряются. Там же, недалеко, река Ахерон и вход в подземное царство. Думаю, что Эриннии туда же его и загнали.

Но Алфесибея покачала головой:

— Нет, мой брат, сердце мне говорит иное. Ждала я долго, но буду ждать еще. И я верю, будет такой же вечер, как и тогда. Мы будем сидеть у огня, и через порывы зимнего ветра послышится знакомый стук...

Через порывы зимнего ветра послышался знакомый стук.

С криком радости Алфесибея вскочила, побежала к входной двери, распахнула ее — и, схватив гостя за руку, ввела его в дом:

— Вот он! Вот он! О, я знала, он — верный, не забыл своей Алфесибеи... Но почему ты такой бледный, такой грустный? Видно, не дают тебе покоя эти злоименные?

— Еще не дают, Алфесибея, но скоро я надеюсь освободиться от них. Здравствуйте, отец и матушка, здравствуйте, шурины и невестки. Приютите моего мальчика. Он ходил за мною во время моего странствия, мне его дали... добрые люди. Нас обоих приютите на одну ночь. Завтра мне предстоит новый путь... последний.

Алфесибея всплеснула руками:

— Опять в путь? И уже завтра? Отдохнул бы с нами!

— Нельзя, Алфесибея. Да и что пользы? Разве они дадут мне отдохнуть? Да... и еще должен я тебя огорчить. Я был у Аполлона в Дельфах. Он обещал мне освобождение от моих мучительниц, но по условии, что я посвящу в его храм то ожерелье, за которое моя мать продала свою душу Полинику. Ты мне его дашь?

— Конечно, дам. Разве для меня может быть украшение дороже твоей жизни? Но почему ты так холоден со мной?

— Не обижайся, дорогая, и лучше сама держись подальше от меня. Дыхание Эринний на мне. Я лягу здесь, у очага,— помнишь, как тогда.

Он провел ночь у очага, а Актора взяли к себе рабы. Дали ему и наесться и напиться. Ел он охотно, а от питья даже разговорчив стал. Рабы хохотали до упаду над его глупыми рассказами. Но под конец он наговорил таких вещей, что решили призвать царевичей. Проной и Агенор пришли, взяли Актора к себе, затем вернулись к рабам, но уже без него.

— Вам грешно было смеяться над этим несчастным,— сказал Проной.— Эриннии коснулись и его и повредили его ум. Забудьте лучше его безумные речи.

Но спать они не пошли. И когда на заре следующего дня Алкмеон хотел проститься с ними, их не было дома. Он подал руку остальным и ушел, унося ожерелье Гармонии в полости своего пояса.

Солнце не показывалось в этот день. На дворе моросило. Все удивлялись, куда и зачем царевичи ушли. Около полудня две тени стали вырисовываться из окружающего тумана. Вскоре затем Проной и Агенор вошли в дом. У первого в руках было ожерелье.

— Ты отомщена, сестра! — сказал он, бросив его на стол.

— Проной! Агенор! Что это значит? Где мой муж?

— Твоего мужа, бедняжка, давно уже нет. Алкмеон же, муж речной нимфы Каллирои, понес кару за свою измену у переправы через Метавр.

Опустились руки у Алфесибеи, мертвенная бледность покрыла ее лицо. Не говоря ни слова, она отвернулась от братьев и вышла через открытую дверь. Некоторое время еще виднелась ее тень, но затем и она слилась со все более и более сгущающимся туманом.

А когда наступил вечер и огонь запылал на очаге Фегея, последний алмаз рокового ожерелья окрасился в тот же багровый цвет.

— Привет владыке Аполлону от всего дома псофидского! Он просит его принять в свою сокровищницу этот дар, слишком ценный для скромной человеческой доли!

Пророчица Манто приняла из рук жертвователя его

драгоценность — и грустно улыбнулась, узнав в ней роковой убор фиванских цариц.

— Нерадостное наследие оставила божественная родоначальница своим преемницам! — сказала она, опустив свои взоры на багровые алмазы.— Семела... Агава... Дирка... Ниобея... Иокаста... Эрифила... Алфесибея... семь ясных камней должны были побагроветь, семь цветущих жизней погибнуть во мраке и муках, чтобы люди поняли наконец силу проклятья, воплощенного в золоте змея. И на вас, друзья, лежит скверна родственной крови. И вам надлежит очиститься, чтобы вновь получить доступ к очагам людей и жертвенникам богов. Но когда вы вновь станете чистыми — старайтесь, чтобы эта наука не пропала даром. Мать-Земля вас и кормит, и одевает, и хранит — не отнимайте же у нее того, что она любовно скрыла в своих недоступных глубинах, это марево радости, таящее грех, и муки, и смерть в своем обманчивом блеске.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Фаэтон

незапамятных времен установился в мире такой порядок. Богиня ночи Никта проезжает по небосклону в колеснице, запряженной черными конями, и закрывает землю своим черным покрывалом. Вослед ей белые крутторогие быки медленно влекут колесницу богини луны Селены. Селена заливает все вокруг серебристым сиянием. Объехав небесный свод, опускается она в глубокий грот.

Тогда чуть светлеет восток и появляется на небе утренняя звезда Фосфорос — предвестница зари.

Ярче разгорается восток — это богиня зари Эос открывает ворота богу солнца Гелиосу.

Гелиос выезжает на небо с берегов океана в пурпурно-золотых одеждах, в огненной колеснице, запряженной четверкой крылатых коней. Чем выше поднимается колесница Гелиоса на небосклон, тем больше льется на землю тепла и света. Совершив свой путь по небосклону, опускается Гелиос к водам океана. Там его ждет золотой челн, в котором он плывет к востоку в свой роскошный дворец. Пока небосклон объезжает богиня Никта, Гелиос отдыхает. А когда богиня Эос на розовых крыльях взлетает на розовое небо, Гелиос уже в полном блеске готов повторить предназначенный ему путь.

Только раз нарушен был заведенный в мире порядок. И виновник этого — Фаэтон.

Он был прекрасен, как бог,— молодой, жизнерадостный и самоуверенный Фаэтон, сын бога солнца Гелиоса и океаниды Климены. Не было ничего, что он считал бы недоступным для себя; не было такого дела, которое он не взялся бы разрешить. Все казалось Фаэтону возможным и легким — в особенности тогда, когда ему предоставлялся случай продемонстрировать людям свою красоту и ловкость.

Люди часто ворчали, когда Фаэтон мчал по улице в своей золоченой колеснице, запряженной четверкой вороных коней. И было почему: колесница эта неслась как ветер, горе тому, кто попал бы под ее колеса. Да и сам Фаэтон, что стоял в ней, едва удерживая вожжи в напряженных руках, легко мог расшибиться. Но юноша только смеялся:

— О, да ничего я не боюсь! Вы лучше поглядите, как я умею управлять лошадьми! Кто сможет сделать это лучше, чем я?

Смеясь, он обнажал в улыбке свои белые зубы. Золотистые кудри буйно вились на его голове, румянец покрывал щеки, ясные глаза лукаво поблескивали из-под длинных загнутых ресниц. Да, Фаэтон был так красив, что нельзя было долго сердиться на него.

Сам юноша давно уже привык, что ему всё прощали; привык он и к тому, что ему неизменно везло в любом деле. А если что у него не получалось, Фаэтон лишь пожимал плечами и улыбался, говоря:

— Мне что-то помешало. Иначе я наверняка сделал бы и это. Ведь я — сын самого бога солнца, светлого Гелиоса.

Его мать, океанида Климена, частенько говорила ему:

— Нельзя быть таким самоуверенным, Фаэтон! Тебе везет, это правда. Но не все в жизни зависит от везения. Ты должен больше думать о том, что намереваешься сделать. Иначе тебе придется хлебнуть немало горя, сын мой.

А Фаэтон только смеялся в ответ: ее слова казались ему лишними и нелепыми. Как это может ему не посчастливиться? Ему, Фаэтону, который привык к успеху, привык, что на него никто никогда не сердится,— стоит ему лишь слегка улыбнуться...

Только однажды Фаэтон нахмурился. Это случилось, когда один из его приятелей, насмешливый Эпаф, сказал ему пренебрежительно:

— Ты говоришь, Фаэтон, что ты сын бога Гелиоса? А почему я должен тебе верить? Кто может доказать, что это правда?

Фаэтон рассердился. Он хотел ответить Эпафу колко, остроумно, но не нашел подходящих слов. И правда, как доказать, что он сын Гелиоса?

Озабоченный, прибежал он к матери и рассказал ей о своей обиде. Он сердился, плакал, никак не мог успокоиться, пока мать не сказала ему:

— Сын мой! Клянусь тебе, что ты сын бога Гелиоса. А если ты хочешь удостовериться в этом — иди сам во дворец твоего отца, который находится у восхода солнца. Твои кони быстро довезут тебя туда. Увидишь, как будет тебе рад Гелиос.

Встретиться с великим отцом — с самим богом Гелиосом?.. От этой мысли сердце радостно забилось в груди

Фаэтона. Он выбежал из дому, тотчас же запряг коней и умчался. Только успел крикнуть Эпафу:

— Жди, Эпаф! Чаще гляди на небо, на сияющее солнце! Ты вскоре увидишь там доказательство того, что я сын Гелиоса.

Далеко на востоке, еще дальше, чем сказочная страна Индия, стоит на высокой горе огромный дворец бога Гелиоса. Фаэтон сразу узнал этот дворец. Да разве же можно было бы ошибиться?

Огромнейшие чертоги с высокими стройными колоннами сияют огнем, золотом и самоцветами. Высокая крыша из снежно-белой слоновой кости, а широкие золотые ворота выкованы для Гелиоса собственноручно божественным кузнецом Гефестом. На них изображены были земля, море и небо. В воде плавали и резвились рыбы и морские твари; удивительные морские боги качались на вспененных волнах. На земле были и огромные города с их жителями, и густые леса со зверями и птицами, реками и нимфами. А на небе сияли звезды — шесть созвездий справа и шесть слева.

Долго стоял Фаэтон перед воротами, рассматривая чудесные узоры. Да, прекрасным и дивным был дворец его отца! А что же находится там, внутри? Скорей, скорей туда, в чертоги Гелиоса!

Фаэтон вбежал в огромный зал — и остановился, ослепленный.

Нестерпимое сияние лилось от трона Гелиоса, слепящее сияние, которое не могли выдержать глаза никого из смертных. Фаэтон закрыл глаза руками и подождал немного, пока глаза его привыкали к такому сиянию. И только после этого, издали, не приближаясь к трону, он сквозь пальцы с опаскою поглядел на Гелиоса.

В пурпурной одежде, блестящий и сияющий, сидел бог на своем троне, усыпанном самоцветами.

Фаэтон стоял ошеломленный дивным зрелищем. Оно было настолько величественным, что даже он, находчивый и самоуверенный, растерялся. Неужели этот могучий сияющий бог — его отец?

Но Гелиос уже приметил юношу своим всевидящим оком, от которого ничто не ускользало. Он сразу узнал его и ласково и радостно спросил:

— Что привело тебя сюда, Фаэтон? Что ищешь ты в чертогах своего отца? Подойди ко мне, я рад видеть тебя.

Обрадованный Фаэтон бросился к трону Гелиоса. Он припал к краю пурпурного одеяния Гелиоса, не решаясь поднять глаза.

— Не бойся, сын мой,— продолжил Гелиос.— Я позволяю тебе глядеть на меня. Ты достоин того, чтобы называться моим сыном, прекрасный юноша. Вот тебе мой первый подарок!

Произнеся это, Гелиос снял со своей головы лучистый блестящий венец и возложил его на голову взволнованного юноши. Только теперь Фаэтон стал понемногу приходить в себя. К нему постепенно стала возвращаться его расторопность, живость, спокойствие. Да, действительно, он сын Гелиоса. И ему было чем гордиться!

— Светлый отец мой,— сказал он Гелиосу.— Я счастлив, что увидел тебя и узнал твою ласку. Ведь на земле нашлись такие люди, которые не верили мне, когда я говорил, что мой отец — великий Гелиос...

Бог нахмурился.

— Если кого-то из смертных не убеждает в этом твоя божественная красота, то я сделаю иначе, и уж тогда никто не усомнится,— произнес он решительно.— Скажи мне, сын, что бы ты хотел получить от меня? Клянусь: я исполню любую твою просьбу. Даю тебе слово могущественного бога сделать все, что ты захочешь.

Юноша задумался. О чем попросить? Он стоял перед троном Гелиоса уже совсем таким, каким был всегда,— бесстрашным и самоуверенным. О чем же попросить?

И вдруг Фаэтон вспомнил, как крикнул Эпафу, чтобы тот чаще поглядывал на небо, на солнце. Вот что он попросит.

Сложив умоляюще руки, Фаэтон сказал:

— Ясный мой отец! Верно ли, что ты каждое утро выезжаешь в своей огненной колеснице, запряженной крылатыми конями, на небо? Ты объезжаешь на этой колеснице все небо, ты все видишь — и тебя, могучего Гелиоса, тоже видят все?..

— Да,— ответил Гелиос.

— Позволь мне один только раз проехать по небу в твоей колеснице вместо тебя! — продолжал Фаэтон.— Тогда все увидят, что я действительно твой сын, и никто никогда не посмеет оскорбить меня своим сомнением!

Вздрогнул Гелиос и пожалел, что дал Фаэтону неосторожную клятву. Но разве думал он, что просьба сына

окажется такой неразумной? Взволнованный бог обратился к пылкому юноше:

— Сын мой, откажись от такой просьбы! Я не могу не выполнить ее после того, как дал клятву. Но то, что ты требуешь, тебе не под силу. Ты еще молод, ты не понимаешь этого. Даже боги, даже сам громовержец Зевс не решился бы выехать на небо на моей солнечной колеснице, потому что лишь я один умею править крылатыми конями...

— И я смогу,— торопливо сказал Фаэтон.— Посмотри, какие у меня прекрасные вороные кони, запряженные в колесницу, на которой я приехал к тебе.

— Нет, мои кони совсем другие,— печально покачал головой Гелиос,— огненные, неудержимые кони, которые привыкли к моей руке. Кроме того, подумай, как тяжел путь моей солнечной колесницы: ты не сможешь найти его на небе. Сын мой, утром этот путь круто поднимается вверх. В полдень он достигает страшной высоты — даже я гляжу оттуда со страхом на землю и море. А вечером путь так неудержимо падает вниз, что я и сам едва не падаю с колесницы...

— Если не падаешь ты, мой светлый отец, то не упаду и я, твой сын,— ответил Фаэтон.

Он уже представил мысленно удивленное лицо Эпафа, который глазам своим не верит, увидев в огненной колеснице Гелиоса его, Фаэтона. Тогда уж Эпаф ничего не посмеет говорить!

Еще печальней покачал головой Гелиос, кляня себя за неосторожное обещание. Как переубедить этого самонадеянного юношу?

Если он не изменит свое решение, Гелиос вынужден будет выполнить свою клятву.

— Последний раз прошу тебя, сын мой,— вновь обратился Гелиос к Фаэтону,— не настаивай на своей просьбе. Одумайся! Я не понимаю, что тянет тебя туда, в небо. Быть может, ты рассчитываешь найти там прекрасные леса, города, дворцы?.. Нет, сын мой, там нет ничего подобного. Там только страшные звери, один вид которых наводит ужас. Там ждут неосторожного путешественника гигантские чудища — Бык с длинными острыми рогами, Стрелец с отравленными стрелами, налаженными в тугом луке, Лев, который выслеживает путника, чтобы проглотить его, Скорпион с кривым страшным жалом, Рак с твердыми, как железо, клешнями, чу-

довищный Козерог... Откажись от своего безрассудного желания! Перед тобой весь мир — выбери себе что-нибудь другое, умоляю тебя!

Но ничто уж не могло повлиять на упрямца. Он хотел только одного: показаться Эпафу в солнечной колеснице, показаться на небе в лучистом венце бога Гелиоса всем, кто знал его. Только это пылкое желание осталось в сердце Фаэтона, и он не обращал внимания на отцовы предостережения. Да разве они не похожи на те, что не раз делала ему мать? Стоит ли слушать их? Фаэтону всегда везло — повезет и в этот раз!

Горько вздохнул бог Гелиос. Как он сокрушался, что дал сыну такое обещание: ведь теперь он вынужден выполнить его!

Выйдя из дворца, Гелиос подвел Фаэтона к солнечной колеснице. Была она так прекрасна, что юноша затрепетал от радости, что поедет на ней. Из чистого червонного золота были сделаны ее большие колеса, из блестящего серебра — изогнутые диковинные спицы; по всей колеснице рассыпаны самоцветы — алмазы, рубины, изумруды.

Но не было времени рассматривать колесницу. Богиня утренней зари Эос уже открыла пурпурные ворота восхода. В пурпуре рассвета исчезали мерцающие ночные звезды и таяла утренняя звезда.

Как зачарованный, глядел на все это Фаэтон. Тем временем Гелиос увидел уже, как зарумянились зарею земля и небо.

— Пора, пора! — молвил он.— Запрягайте крылатых коней.

По его знаку из конюшни вывели четверку крылатых огненных коней и впрягли в колесницу. Восемь служителей держали вожжи и едва удерживали коней, откормленных небесною амброзией. Гелиос глянул на коней, перевел свой взгляд на Фаэтона и в последний раз обратился к нему:

— Перемени свое решение, сын! Уже пора ехать, земля и небо ждут появления дневного светила. Откажись от неразумного путешествия, опасного и страшного. Лучше поеду я сам...

Но Фаэтон, не слушая отца, весело вскочил в колесницу. Он думал сейчас лишь о том, успел ли проснуться Эпаф, чтобы увидеть его выезд на небо. Лучистый венец Гелиоса сиял на его голове; уверенной рукой схватил Фаэтон вожжи и подал знак открыть ворота:

— Я еду, светлый отец мой! Я еду!

Широко растворились ворота — и огненные кони, не сдерживаемые более служителями, рванулись вперед. Еще висел в воздухе легкий туман. Кони бодро пробили его могучими своими телами, вылетая на хорошо знакомую им небесную дорогу. Однако они сразу почувствовали, что колесница очень легкая. Ведь в ней стоял не мощный бог Гелиос, а стройный и тонкий юноша. Почувствовали они и то, что правит ими не крепкая рука бога Гелиоса, а чья-то неуверенная рука. Кони оглянулись и увидели в колеснице Фаэтона. Тогда своенравные животные резко свернули с дороги.

Заметив это, Фаэтон побледнел: ведь никогда до сих пор он не бывал на небе, не знал, куда ехать, как найти верный путь. А крылатые кони летели уже куда-то, сильно раскачивая колесницу, которая едва не опрокинулась.

Испугавшись и сразу потеряв обычную самоуверенность, юноша в отчаянии направлял коней то вправо, то влево. Но нигде не видел дороги. Он взглянул вниз — и зажмурил глаза. Где-то далеко внизу была земля, так далеко, что между нею и Фаэтоном плыли белые тучи. Колесница качнулась еще сильнее, и Фаэтон едва не выпал из нее. Он удержался, лишь ухватившись за края ее. Но теперь он уже совсем не был способен править и искать правильную дорогу. От ужаса у него дрожали колени, перед глазами все кружилось.

«Ах, почему я не послушался светлого Гелиоса, зачем я поехал на солнечной колеснице!— подумал он в отчаянии.— Лучше бы я никогда не знал ничего о своем происхождении, лучше бы никогда не появлялся во дворце отца!..»

Но уже было поздно. Не зная, что делать, Фаэтон не осмеливался даже касаться вожжей, не останавливал и не погонял коней. Они сами летели в небесном просторе. А юноша лишь держался за край колесницы, чтобы не выпасть из нее.

Вот уже колесница достигла голубой небесной высоты. Земля исчезла за тучами — и вдруг Фаэтон увидел вблизи страшных чудищ, о которых говорил ему, предостерегая, бог Гелиос.

Гигантский Скорпион нацеливался на Фаэтона изогнутым ядовитым жалом и поразил бы его, если бы кони, испугавшись чудовища, не кинулись в сторону. Скорпион

уже остался далеко позади, а юноша все еще дрожал от страха.

Теперь кони не разбирали дороги. Спасаясь от Скорпиона, они бросились к Раку, который уже раскрыл свои острые кривые клешни, чтобы схватить ими добычу. И вновь кони рванулись вбок и внезапно приблизились к Быку, который, наклонив могучую голову, с налитыми кровью глазами, нацеливался на Фаэтона длинными рогами.

Вконец перепуганные кони бросались влево и вправо, вверх и вниз. И всюду их поджидали ужасные чудовища, которые пытались схватить колесницу. Тут кони взметнулись высоко вверх, в небесный эфир, где несчастного Фаэтона охватил ледяной холод. И сразу вслед за этим они слетели вниз, почти до самой земли, обжигая на своем пути облака. Огненная колесница летела над землей и водой, над лесами и городами, над пустынями и морями. А в ней летел Фаэтон, страшась выглянуть из нее, уцепившись посиневшими от натуги руками за края колесницы.

Колесница летела все дальше и дальше — без пути, без дороги,— куда несли ее перепуганные кони. От нее полыхало нестерпимым жаром. Занимались пламенем вершины гор, глубокие расщелины кромсали сухую землю, вмиг засыхала трава, полыхали деревья и поля, гибли от жары целые города и села. Горячий пар от воды в морях окутал Фаэтона, и в густом мраке он совсем уже не представлял, куда несут его крылатые кони.

Сжигая все на своем пути, колесница мчалась все дальше и дальше. Она пролетела над Африкой и, спустившись совсем низко, сожгла в ней всю растительность, превратив огромную страну в полностью выжженную пустыню. А у жителей Африки, опаленных огнем колесницы, потемневшая кровь прилила к коже и сделала ее черной навсегда. С того времени они и стали навеки черными.

Нимфы рек и озер навзрыд заплакали, увидя, как закипает и испаряется вода, в которой они жили. Великая река Нил, испуганная, убежала в далекий край, чтобы спастись от испепеляющей солнечной колесницы,— и с того времени никто не знает, где ее истоки...

Высыхало также и море, отступая от берегов и оголяя глубокое дно, на котором лежала мертвая рыба. Сам мор-

ской бог Посейдон трижды хотел поднять лицо из морской глубины, но не смог этого сделать — так обжигало его сияние солнечной колесницы, которая летела над самой поверхностью моря.

А Фаэтон уже лежал в колеснице, боясь шевельнуться, и лишь тяжело стонал. Но ничто уже не могло помочь ему.

Люди на земле плакали и просили богов остановить движение колесницы. Встревоженные боги стали умолять Зевса-Громовержца, чтобы он не допустил окончательного сожжения земли. А колесница тем временем снова взмыла вверх, ибо кони испугались горячего пара, что поднимался от соленой морской воды.

И Зевс решил вмешаться, ибо ежеминутно колесница могла снова опуститься вниз. Он швырнул в нее громадную огненную молнию и расшиб солнечную колесницу. Кони вырвались из нее и разлетелись в разные стороны. А мертвый Фаэтон выпал из обломков и падал вниз, на землю. На голове его все еще сиял лучезарный венец бога Гелиоса — и пылающая голова Фаэтона казалась людям большим метеоритом.

Он упал далеко-далеко от родного дома, в стране, где заходит солнце. Люди нашли его мертвое тело и схоронили в своей земле, написав на могиле:

«Здесь лежит Фаэтон, который правил колесницею своего отца Гелиоса. Не смог он удержать коней, и смелая попытка погубила его».

А бог Гелиос, узнав о гибели сына, в глубокой печали накрыл свою голову темным плащом — и целый день тогда царила на земле тьма, а солнце светило сумрачным красным светом, будто укрытое темной, непрозрачной тучей. С того времени бог Гелиос, вспоминая о гибели своего сына Фаэтона, печалится и тужит, покрывая голову черным плащом и лишая землю на некоторое время солнечного света. Хорошо еще, что Гелиос вспоминает о гибели сына лишь изредка. Если бы чаще горевал бог солнца, солнечные затмения случались бы чаще.

А мать Фаэтона, Климена? И она тоже узнала о смерти своего любимого сына. Вместе с дочерьми пошла она к закату солнца искать могилу Фаэтона. Долго, очень долго искала она могилу и наконец нашла.

Горючими слезами оплакивала Климена своего неразумного сына, а ее дочери, сестры Фаэтона,— брата. И никто не мог увести их от могилы, возле которой они в слезах провели целых четыре месяца.

Шли дни и ночи. Но однажды утром испуганно вскрикнула старшая сестра Фаэтона. Мать и сестры бросились к ней.

— Дорогие мои,— молвила старшая сестра,— никогда больше не отойду я от могилы. Ноги мои деревенеют, мне кажется, что они прирастают к земле. Фаэтон, брат мой, я остаюсь здесь навеки с тобой!..

Вторая сестра попыталась отвести старшую от могильного холма, но почувствовала, что и ее тоже удерживают на месте какие-то корни. Третья сестра схватилась за голову — и руки ее нащупали не волосы, а зеленую листву. Старшая из сестер пожаловалась, что ее ноги срослись и стали древесным стволом. Младшая сказала, что у нее вместо рук — покрытые листьями ветки. Они глядели одна на другую и видели, как кора одевает их тела и поднимается все выше и выше, покрывая их целиком.

— Мама, мама, смотри, что с нами происходит!— говорили они, пытаясь произнести последние слова, пока кора еще не покрыла их губы.

Дрожащими руками Климена пыталась снять кору, оторвать молодые ветки, что покрывали ее дочерей. Но из-под коры, из-под оторванных веток сочились и падали на землю кровавые капли.

— Смилуйся, мама, нам больно!— услышала она тихую мольбу дочерей, хотя и видела уже вместо них зеленые тополя, покрытые молодой свежей листвою.

— Прощай, мама, не забывай нас!— прошелестело в последний раз.

Неутешные сестры Фаэтона превратились в тополя. Они стояли над его могилой, качая ветвями и склоняясь над нею в вековечной печали. Они не хотели разлучаться со своим братом и остались с ним навсегда.

И всегда текут с этих деревьев безутешные слезы сестер красивого самоуверенного Фаэтона. Они густеют на солнце, под его горячими яркими лучами. Тяжелыми густыми каплями падают они вниз, превращаясь в драгоценный желтый и прозрачный янтарь.

Светлая и быстрая река Эридан принимает в свои воды эти тяжелые янтарные капли, прозрачные слезы сестер Фаэтона, и несет их в своем неостановимом течении в море, оставляя иногда куски янтаря на берегу.

Люди находят те янтарные слезы и украшают ими себя, не ведая, что это слезы сестер Фаэтона.

Мидас

та удивительная история произошла с фригийским царем Мидасом. Мидас был очень богат. Чудесные сады окружали его роскошный дворец, а в садах росли тысячи наикрасивейших роз — белых, красных, розовых, пурпурных. Когда-то Мидас очень любил свои сады и даже сам выращивал в них розы. Это было его самым любимым занятием. Но люди меняются с годами — изменился и царь Мидас. Розы больше не интересовали его — разве что только самые желтые, на которых он иногда останавливал свой задумчивый взгляд и шептал:

— Ах, если бы эти прекрасные желтые розы были не просто золотистыми, а по-настоящему золотыми! Каким бы я был богатым!

И Мидас со злостью срывал живую розу и швырял ее на землю, ибо теперь он больше всего на свете любил тяжелое, холодное золото. Все, что напоминало золото, привлекало к себе его внимание; все, что было настоящим золотом, Мидас забирал и прятал в своей подземной сокровищнице. И если было на свете еще что-либо дорогое сердцу Мидаса, так это его маленькая дочка. Она была прелестна, со светло-золотыми волосами, веселой улыбкой, ясными глазами и чистым, как звоночек, голоском.

Однако любовь к дочери не уменьшала его страсти к золоту, а, наоборот, лишь усиливала ее. Ослепленный царь чистосердечно верил, что его дочь будет самой счастливой, если будет иметь груды золота. Вот почему Мидас в конце концов стал мечтать лишь о том, чтобы собрать в своей сокровищнице как можно больше тяжелого желтого металла. Впрочем, чем больше золота он имел, тем чаще печалился, глядя на него:

— Золота у меня немало. Но ведь сколько золота еще остается в земле! Вот если бы собрать все это золото здесь... тогда уж точно я был бы счастлив!..

Но, конечно, Мидас неспособен был собрать все золото и потому мог лишь вздыхать, глядя на свои сокровища, спрятанные в глубоком подземелье.

Однажды, когда он особенно печально вздыхал, держа в руках тяжелую золотую чашу, во дворце послышался шум. Мидас рассердился: кто смел нарушить его покой?

Но оказалось, что это один из постоянных спутников бога Диониса, сатир Силен, сбился с дороги и зашел в сады Мидаса. Служители Мидаса сперва испугались, потому-что никогда до этого им не приходилось видеть сатиров: верхняя часть тела Силена была человеческая, зато ноги как у козла — покрытые шерстью, с копытами. Надо сказать, что и Силен тоже испугался. Заметив это, служители схватили его, связали и привели к Мидасу.

Царь сразу понял, что перед ним не обычное существо. Он приказал освободить перепуганного Силена, пригласил его в свои покои, накормил, дал отдохнуть несколько дней и после этого сам отвел к богу Дионису, зная, что тот отблагодарит его за такую услугу.

Так и случилось. Веселый бог Дионис обратился к Мидасу:

— Я знаю, Мидас, что ты очень богатый человек, и потому не могу отблагодарить тебя каким-либо подарком. Скажи мне, чего бы ты хотел сам, и я обещаю выполнить твое пожелание. Говори, я слушаю!

Царь Мидас задумался. В самом деле, чего бы ему пожелать? Можно попросить у Диониса большую груду золота, но чего стоит она по сравнению со всем золотом всей земли?.. И вдруг его осенила счастливая мысль.

— Я далеко не так богат, как ты полагаешь,— начал он.— Правда, у меня есть немного золота. Но сколько труда я положил, чтобы собрать его! А вот если ты, Дионис, поможешь, то мне в дальнейшем легче будет собирать золото...

— Какой может быть моя помощь?— спросил Дионис.

— Я хочу, чтобы все, к чему я прикоснусь, мгновенно превращалось в золото!— сказал Мидас и сам испугался своей дерзости. Не разгневал ли он Диониса?..

Однако Дионис только строго взглянул на Мидаса и спросил:

— А ты не будешь жалеть потом?

— Ни в коем случае! Я буду самым счастливым человеком на земле!

— Хорошо,— промолвил Дионис.— Пусть будет так, как ты желаешь. Начиная с завтрашнего восхода солнца ты будешь владеть золотым прикосновением.

Трудно сказать, смог ли этой ночью уснуть Мидас. Но как только первый, самый слабый дневной свет проглянул из-за верхушек деревьев, Мидас уже сидел на своем

ложе, ожидая исполнения того, что ему обещал Дионис, и страшась, что веселый бог просто подшутил над ним.

Осторожно притронулся Мидас к стулу, что стоял возле его ложа, но стул остался таким же, как был,— деревянным...

В отчаянии Мидас упал головой на подушку и закрыл лицо руками. Тем временем рассветало все больше и больше. Вот из-за верхушек деревьев блеснул первый солнечный луч. Он тихонько заглянул в комнату Мидаса и задержался на ложе. Царь Мидас не обратил на это внимания. Но теплый луч защекотал ему ухо, словно утешал царя.

Мидас поднял голову и тотчас удивился:

— Что за удивительный цвет у моей подушки? Еще вчера она была белой... а теперь... почему-то желтая... словно бы... да нет, неужели это может быть?..

Да, Дионис исполнил свое обещание. Все подушки и покрывала на его ложе стали золотыми, из чистого червонного золота. Дар бога Диониса Мидас обрел с первым солнечным лучом!

Обрадованный Мидас вскочил с ложа. Как ребенок, бегал он от одного предмета к другому, проверяя обретенную им способность превращать в золото все, к чему он прикоснется. Он касался ножки стола — и она сразу превращалась в массивный золотой столбик. Он отбросил в сторону оконную занавеску — и она враз потяжелела в его руке, окрасилась в золотистый цвет. Все, все становилось золотым вокруг Мидаса, все предметы, вся одежда, вся посуда! Даже маленький носовой платок, который вышила Мидасу его дочь, и тот стал золотым. Однако... это не очень понравилось Мидасу: он охотно оставил бы его таким, каким он был раньше, каким принесла ему платочек его ненаглядная малышка.

Впрочем, стоит ли огорчаться по пустякам? Платочек вряд ли стоил внимания, в то время как вокруг Мидаса все превращалось в золото! Все принимало червонно-желтый цвет и веселило сердце Мидаса. Чтобы лучше рассмотреть свое новое богатство, он даже поднес к глазам большой кристалл хрусталя, повернув грани так, чтобы предметы виделись сквозь них увеличенными. К великому его удивлению, Мидас ничего не увидел сквозь кристалл! Прозрачный до сих пор хрусталь тотчас же превратился в толстую золотую призму.

Это показалось Мидасу не очень удобным, но он подумал: «Не стоит обращать внимания! Глаза мои видят пока что неплохо, а всякие мелочи, если мне будет нужно, рассмотрит дочка своими ясными зоркими глазками».

Не рассуждая больше ни о чем, Мидас вбежал в сад. И здесь все становилось золотым — перила лестницы, двери, песок на аллеях,— как только он прикасался к ним. А вот и цветущие розы! Благоухающие и многокрасочные, они поднимали свои головки к утреннему солнцу и покачивались под дыханием теплого летнего ветерка.

Но Мидас знал, как эти прекрасные розы сделать еще прекраснее. Торопливо переходя от одного куста к другому, он касался роз, пока все они не поникли отяжелевшими золотыми головками, пока не обвисли на кустах золотые листья, пока не стал золотым даже маленький червячок внутри какого-то цветка. Весь сад Мидаса стал золотым!

Счастливый Мидас оглянулся вокруг: ни у кого на свете не было столько золота! Правда, для этого пришлось потрудиться, непрерывно прикасаясь к разным предметам! Зато теперь можно позавтракать с большим аппетитом.

И Мидас направился ко дворцу, где уже был накрыт стол для царского завтрака. На одном конце стола стояла чашка с молоком и свежая булочка для его маленькой дочки, которая всегда завтракала вместе с отцом. Самой малышки пока еще не было.

Мидас приказал, чтобы позвали ее, а сам сел за стол. Но есть не начинал. Он так любил свою дочку, и ему не терпелось обрадовать ее вестью об обретенной им чудесной способности. Однако дочка не появлялась. Царь Мидас уже хотел вторично позвать ее, как вдруг услышал детский плач.

«Неужели это плачет моя малышка? — подумал он.— Отчего же?»

Дело в том, что она плакала очень редко. Она была чудесной девочкой, почти всегда только смеялась, а слезинки появлялись у нее на глазах не чаще, чем раз в полгода. Мидасу было неприятно, что его дитя плачет, и, чтобы утешить ее, он решил устроить ей сюрприз. Он быстро прикоснулся к красивой, разрисованной цветами и зверюшками чашке дочери и враз превратил ее в зо-

лотую. Разве не обрадуется дочь, заметив такое превращение?..

Тем временем девочка вошла в зла. Она так плакала, словно сердце ее разрывалось на кусочки.

— Радость моя,— обратился к ней Мидас,— что случилось?

Вместо ответа дочь молча протянула ему одну из тех роз, которые Мидас только что сделал золотыми.

— Очень красиво! — воскликнул Мидас.— Неужели этот чудесный золотой цветок заставил тебя плакать?

— Ох, отец,— всхлипнула девочка,— она совсем не красивая. Наоборот, это плохой цветок, хуже не бывает! Как только я проснулась, я сразу побежала в сад, чтобы сорвать для тебя несколько роз. И такое несчастье! Все розы, которые были до сих пор такие красивые, так чудесно пахли,— все они стали противно-желтыми, как вот эта, и совсем без запаха. Я даже уколола себе нос этим цветком... Что случилось с цветами, отец?

— Ну стоит ли плакать из-за этого? — ответил Мидас, стыдясь признаться, что виновник такого преображения он сам.— Да за одну такую розу, какая у тебя в руке, ты сможешь получить сотню обычных роз!

— Все равно я не хочу даже смотреть на нее,— сердито молвила малышка и бросила золотую розу на пол.

Девочка села за стол. Но она даже не заметила перемены, происшедшей с ее чашкой, так как думала только о розе. А отец теперь уже не решался обратить ее внимание на это. Возможно, так было и лучше, потому что его дочка очень любила рассматривать зверюшек, нарисованных на чашке, когда пила молоко; а теперь все они исчезли в желтом блеске металла.

Тем временем Мидас налил и себе молока и с удовлетворением отметил, что кувшин сразу же стал золотым, как только он притронулся к нему. «Между прочим,— подумал Мидас,— следует поразмыслить, где теперь придется хранить мою золотую посуду. Ведь очень скоро все вокруг меня станет золотым...» Размышляя таким образом, он поднес чашку ко рту и отхлебнул молоко. Вдруг глаза его широко раскрылись от удивления. Он почувствовал, как оно застыло слитком металла.

— Вот так штука! воскликнул Мидас обескураженно.

— Что отец? — спросила дочь. На глазах у нее еще не просохли слезы.

— Ничего, дитятко, ничего,— ответил Мидас.

Он взял с блюда маленького зажаренного карася, положил его к себе на тарелку. Рыба чудесно пахла, и голодный Мидас даже слюну проглотил. Он взял карася за хвост и с ужасом остановился. Рыбка враз стала золотой, потяжелела в руках. Лишь самый искусный ювелир мог бы сделать такую рыбку из золота. Такой рыбке цены не было. Но она была несъедобна... А Мидасу хотелось есть, а не любоваться рыбой.

— Не совсем понимаю,— пробормотал он,— смогу ли я вообще позавтракать...

Он взял вкусный хрустящий пирожок и быстро кинул его в рот, чтобы пирожок не успел превратиться в золотой. Но тотчас же вскочил со стула и забегал по комнате, отплевываясь. Он пытался выплюнуть изо рта большой слиток золота, в который сразу превратился пирожок, и не мог этого сделать, потому что обжег себе рот. Мидас скакал возле стола, топал ногами и жалобно стонал. Наконец ему удалось выплюнуть золотой слиток. Мидас остановился, тяжело дыша.

— Отец, дорогой отец, что случилось?— кричала тем временем испуганная дочка.— Ты обжег себе рот? Что с тобой?

— Ах, дорогое мое дитя,— простонал Мидас,— я и сам теперь не знаю, что со мной произошло...

И верно, трудно даже представить себе более неприятное состояние. На столе стоял самый дорогой, какой только можно придумать, завтрак. Но его нельзя было есть, по крайней мере Мидасу. Самый бедный поселянин, у которого на обеденном столе не было ничего, кроме тарелки с похлебкой и лепешки, и тот был более счастлив, чем этот богатейший царь!.. А что же будет дальше? Ведь ему угрожала голодная смерть среди роскошных яств!..

Мидас понял, что Дионис был прав, когда спрашивал его, не пожалеет ли он когда-нибудь о том, что обрел чудесный дар. И так опечалился царь, что громко заплакал, забыв даже о присутствии дочери, которая удивленно глядела на него. До сих пор девочка просто беспокоилась, не понимая, что случилось с ее отцом. Но теперь, видя его слезы, она не выдержала и, охваченная желанием утешить любимого отца, бросилась к нему и обхватила руками его колени, так как выше она не могла достать. Ми-

дас почувствовал, что дочь ему в тысячу раз дороже, чем ненавистный дар, и, наклонившись, поцеловал ее.

— Любимая моя, милая моя деточка! — промолвил он нежно.

Но девочка молчала.

— Что я сделал!— в ужасе воскликнул Мидас.— Что я сделал!

В тот самый миг, когда его губы прикоснулись к голове нежно любимой дочери, произошла удивительная и страшная перемена. Живое, веселое и розовое личико девочки застыло в желтом блеске золота, даже невысохшие слезы на ее щеках превратились в золотые капли. Мидас помертвел, почувствовав, какими твердыми и неподвижными стали руки и ноги его прелестной крошки. Ой какая беда! Его любимая дочь стала жертвой его алчности и превратилась в мертвую золотую статую!..

Трудно описать горе Мидаса, который заламывал руки, глядя на помертвевшую дочь, стонал, плакал и убивался. У него недоставало сил даже глядеть на золотую статую своей дочери... Она была так похожа на его любимую девочку!.. Если бы только не этот проклятый золотой цвет, не эта мертвая неподвижность... О Мидас, Мидас, куда завело тебя твое ненасытное желание иметь как можно больше золота!

Наконец Мидас вспомнил про Диониса. Он, он, могучий Дионис, может помочь ему в горе! И Мидас приказал подать колесницу и как можно скорей везти его к Дионису.

Молодой бог встретил его хмуро.

— Что скажешь, Мидас?— спросил Дионис.— Должно быть, ты приехал поблагодарить меня, рассказать, какой ты счастливый?..

Мидас печально покачал головой.

— Я несчастен, убит горем,— ответил он тихо.

— Ты несчастен?— притворно удивился Дионис.— Разве я не исполнил твоего желания? Ведь ты теперь можешь иметь золота столько, сколько захочешь.

— Золото не может сделать человека счастливым,— горько вздохнул Мидас.— Получив его, я потерял то, что было для меня дороже всего. Теперь я понял это.

— Ты понял?— переспросил Дионис.— Мы это сейчас проверим. Скажи, Мидас, что ценней для человека — золото или кувшин чистой холодной воды? Как ты думал вчера — это я знаю. А вот как ты думаешь сегодня?

— О, свежая, прохладная вода!— простонал Мидас.—

Должно быть, никогда уже она не освежит моего пересохшего рта!..

— Что лучше для человека,— продолжал Дионис,— золото или кусок хлеба?

— Кусок хлеба,— сказал Мидас,— ценней для меня, чем все золото мира!

— Что для тебя лучше — золото или твоя дочь, живая, веселая, какой она была всего час тому назад?

— О, дитя мое, дочь моя! — заплакал Мидас.— Я не отдал бы теперь даже самой крошечной веснушки на ее личике за все золото мира!

— Ты поумнел, Мидас,— промолвил Дионис.— И я вижу, что твое сердце, к счастью, не успело превратиться в кусок холодного золота. Иначе я не смог бы помочь тебе. Скажи мне, ты и в самом деле хочешь избавиться от своей чудесной способности?

— Она ненавистна мне!— пылко произнес Мидас.

Тут муха с противным жужжаньем села ему на нос, но тотчас же, превратившись в кусочек золота, упала на пол. Мидас вздрогнул.

— Хорошо,— промолвил Дионис.— Слушай меня, Мидас. Иди искупайся в реке Пактол — ее вода смоет с тебя власть золотого прикосновения. Возьми также с собой кувшин да набери воды из реки. Этой водой ты обрызгаешь все предметы, которые хотел бы вновь увидеть не золотыми, а такими, какими они были раньше. Понял?

Мидас уже убегал, торопясь к реке Пактол.

Как сумасшедший схватил он глиняный кувшин (который сразу же стал золотым) и бросился к воде. Он весь дрожал: что, если вода в реке тоже станет золотой?! Но нет — прозрачные, свежие волны плескались вокруг него, прохладная вода не изменялась, прикасаясь к его ногам. Теперь предстояло набрать воды в кувшин... Не станет ли она тогда золотою?.. Нет, наоборот, кувшин мгновенно превратился в глиняный.

Как самую большую драгоценность нес Мидас домой этот глиняный кувшин с водой. Он не останавливался ни на миг, торопился к дочери. Вот она, неподвижная золотая статуя! Дрожащими руками Мидас стал брызгать на нее водой из кувшина. Нет, этого недостаточно! Скорей, скорей! Вода из кувшина полилась на голову дочери. И наконец она ожила! Она вновь стала настоящей живою девочкой! Мидас отставил кувшин в сторону и обхватил ру-

ками свою любимую доченьку, плача и смеясь одновременно.

А девочка ничего не понимала: ведь она не догадывалась, что какое-то время была золотой статуей.

— Отец!— воскликнула она удивленно.— Зачем ты поливаешь меня водой? Ведь ты испортил мое новое платье!

Мидас только счастливо смеялся.

Конечно же, Мидас и его дочь тотчас же отправились в сад. Они окропили водой из реки Пактол золотые розы — и цветы вновь ожили, стали ароматными, заиграли живыми красками.

С того времени Мидас больше не заходил в свою сокровищницу и не любил золото ни в каком виде!

Но уж такой незадачливый был царь Мидас, что стоило ему избавиться от одной беды, как он тут же попал в другую,— на этот раз его подвело самомнение. А дело было так.

Убоявшись богатства, Мидас стал жить как можно проще, часто бродил по лесам и горам там, где обитает бог Пан в окружении своих постоянных спутниц — нимф. Пан громко играл на сделанной собственными руками флейте, услаждая слух нимф, а вместе с нимфами и Мидаса. Мидасу очень нравилась игра Пана, и он не раз говорил ему:

— Ты прекрасный музыкант, Пан! Полагаю, что ты мог бы состязаться с самим Аполлоном!

И Пан так уверился в своем мастерстве, что вызвал Аполлона на состязание.

Аполлон согласился, полагая немало развлечься.

Судьей был избран Тмол, бог горы, на которой и должно было происходить соревнование. Тмол с важностью, приличествующей моменту, расположился на обломке скалы, покрытом козьей шкурой. Вокруг него разместились нимфы, дриады и другие божества этой местности. С глубокомысленным видом сидел царь Мидас, уверенный в победе своего любимого бога Пана, который, сжимая в руках свою флейту, с вызовом, но и некоторой неуверенностью во взоре ожидал начала состязания с самим Аполлоном. Златокудрый Аполлон стоял справа от Тмола, в белоснежной тунике, со среброструнной кифарой в левой руке.

— Приступайте! — важно распорядился Тмол, чувствуя значительность момента.

Пан поднес флейту к губам — и, спасаясь от резких, пронзительных звуков его варварского инструмента, козы, пасшиеся на окрестных вершинах, с ужасом бросились вниз. Но вот Пан окончил свою игру. Тмол, нимфы, дриады молчали, потупившись. Один только Мидас в восторге захлопал в ладоши — так ему нравилась музыка Пана.

Настал черед Аполлона. Он поднял кифару — и полились чарующие, переливающиеся звуки серебряных струн. Они напоминали нежный шелест зеленых дубрав, журчание светлых струй, сбегавших вниз с горы Тмол, щебетание и пение птиц. Казалось, вся красота родной земли гармонично слилась в мелодии Аполлона.

Замерли звуки божественной кифары, и Мидас нетерпеливо обратился к Тмолу:

— Ну, скорей, Тмол, объяви свою волю: кого ты считаешь победителем? Мы ждем, Тмол!

Тмол поднялся и провозгласил громко, чтобы все живое слышало окрест:

— Сколь ни дерзок был в своих притязаниях Пан, но его варварская музыка не может идти ни в какое сравнение с пением кифары. Победитель — Аполлон!

И все вокруг — нимфы, дриады, другие божества — поддержали это решение:

— Истинно так, Аполлон победитель!

Один только Мидас оставался непреклонен и обвинил Тмола:

— Ты не прав, Тмол! Ты несправедлив! Пана должно признать победителем, его мелодия несравненно приятнее для наших ушей!..

Хотя и не пристало небожителю обижаться на смертных людей, но Аполлон был разгневан словами Мидаса. Уходя с горы Тмол, окруженный музами Аполлон бросил через плечо Мидасу:

— У того, кто предпочитает мелодии Пана моей кифаре, должны быть другие уши, Мидас!..

В большой досаде возвращался Мидас к себе домой после этого состязания: еще бы, он считал, что Тмол рассудил несправедливо. Спускаясь с горы в полном одиночестве, Мидас вдруг почувствовал, что его уши вдруг стали тяжелыми. Он схватился за уши — о ужас! — уши его выросли, удлинились и покрылись мягкой шерстью.

— Что это? — воскликнул он.— Что случилось?

Мидас наклонился над быстрым ручьем, что сбегал

с гор, и оцепенел от страха: в воде, как в зеркале, отразилась его голова, которую украшали длинные ослиные уши, покрытые серебристо-белым пушком!

— Как?! Что это? Неужели это я, неужели это мои уши?

Увы, сомнений не было: это была его голова, и это были его уши! Теперь только до Мидаса дошел смысл слов, произнесенных Аполлоном: за то, что Мидас предпочел игру Пана игре Аполлона, Солнцеликий наградил его ослиными ушами.

В ужасе бросился Мидас в кусты: а что, если кто-то увидит его ослиные уши?! Но что же теперь делать? Как ему показаться придворным, родным и друзьям? Если он появится среди людей с такими ушами, все будут смеяться над ним, каждый ребенок будет пальцем указывать на незадачливого царя!..

Только к вечеру возвратился Мидас домой. Возвратился в сумерках, да к тому же обвязав голову куском ткани так, что уши были полностью скрыты.

С тех пор царь Мидас не расставался с повязкой, и никто из смертных не видел его ушей. Никто из смертных, за исключением одного только слуги, который стриг царю волосы, бороду и усы, когда они сильно отрастали. От этого слуги царь Мидас не мог скрыть своего уродства. Под страхом смерти Мидас запретил ему разглашать страшную тайну. И слуга обещал хранить ее.

Но брадобрей был так болтлив, что тайна, доверенная ему царем, очень тяготила его. Он прямо-таки изнывал от желания сообщить ее хоть кому-нибудь и потому жил в страшном смятении.

Наконец он не выдержал: в один прекрасный день, в очередной раз побрив царя, побежал на берег реки, выкопал в земле ямку и, низко наклонившись над ней, прошептал:

— У царя Мидаса ослиные уши!!!

И тотчас же поспешно засыпал ямку землей.

Прошло не так уж много времени, и на том месте, где была эта ямка, вырос камыш. Какой-то тамошний пастух, проходя мимо со своим стадом, сорвал камышинку и сделал из нее дудочку. Когда он подул в нее, дудочка вдруг заиграла:

— У царя Мидаса ослиные уши! У царя Мидаса ослиные уши!..

Так все люди узнали тайну царя Мидаса.

Ио

Часто терпит обиды Гера от мужа своего Зевса. Так было, когда Зевс полюбил прекрасную Ио и, чтобы скрыть ее от Геры, превратил Ио в корову. Но этим громовержец не спас Ио. Гера увидела белоснежную корову Ио и потребовала у Зевса, чтобы он подарил ее ей. Зевс не мог отказать Гере. Гера же, завладев Ио, отдала ее под охрану стоокому Аргусу. Несчастная Ио никому не могла поведать о своих страданиях: обращенная в корову, она была лишена дара речи. Не знающий сна Аргус стерег Ио. Зевс видел ее страдания. Призвав своего сына Гермеса, он велел ему похитить Ио.

Быстро примчался Гермес на вершину той горы, где стерег Ио стоокий страж. Он усыпил своими речами Аргуса. Лишь только сомкнулись его сто очей, выхватил Гермес свой изогнутый меч и одним ударом отрубил Аргусу голову. Ио была освобождена. Но и этим Зевс не спас Ио от гнева Геры. Она послала чудовищного овода. Своим ужасным жалом овод гнал из страны в страну обезумевшую от мучений, несчастную страдалицу. Нигде не находила она покоя. В бешеном беге неслась Ио все дальше и дальше, а овод летел за ней, поминутно вонзая в ее тело жало,— жало овода жгло Ио, как раскаленное железо. Где только не пробегала Ио, в каких только странах не побывала она! Наконец, после долгих скитаний, достигла она в стране скифов на крайнем севере скалы, к которой был прикован титан Прометей. Он предсказал несчастной, что только в Египте избавится она от своих мук. Помчалась дальше гонимая оводом Ио. Много мук перенесла она, много видела опасностей, прежде чем достигла Египта. Там, на берегах благодатного Нила, Зевс вернул ей прежний образ, и родился у нее сын Эпаф. Он был первым царем Египта и родоначальником поколения героев, к которому принадлежал и величайший герой Греции Геракл.

Актеон

днажды охотился Актеон со своими товарищами в лесах Киферона. Настал жаркий полдень. Утомленные охотники расположились на отдых в тени густого леса, а юный Актеон пошел искать прохлады в долинах Киферона. Вышел он на зеленую цветущую долину Гаргафию, посвященную богине Артемиде. Пышно разрослись в долине платаны, мирты и пихты; как темные стрелы высились на ней стройные кипарисы, а зеленая трава пестрела цветами. Прозрачный ручей журчал в долине. Всюду царили тишина, покой и прохлада. В крутом склоне горы увидел Актеон прелестный грот, обвитый зеленью. Он пошел к гроту, не зная, что грот часто служит местом отдыха Артемиде.

Артемида только что вошла в грот. Она отдала лук и стрелы одной из нимф и готовилась к купанью. Нимфы сняли с богини сандалии, волосы завязали узлом и уже хотели идти к ручью зачерпнуть студеной воды, как у входа в грот показался Актеон. Громко вскрикнули нимфы, увидев входящего Актеона. Они окружили Артемиду, чтобы скрыть ее от взора смертного. Подобно тому, как пурпурным огнем зажигает облака восходящее солнце, так зарделось краской гнева лицо богини, гневом сверкнули ее очи, и еще прекраснее стала она. Разгневалась Артемида, что Актеон нарушил ее покой. В гневе Артемида превратила несчастного Актеона в стройного оленя. Ветвистые рога выросли на голове Актеона. Ноги и руки обратились в ноги оленя. Вытянулась его шея, заострились уши, пятнистая шерсть покрыла все тело. Пугливый олень обратился в бегство. Увидел Актеон свое отражение в ручье. Он хочет воскликнуть: «О горе!» — но не может. Слезы покатились у него из глаз — но из глаз оленя. Лишь разум человека сохранился у него. Что делать ему? Куда бежать?

Собаки Актеона почуяли след оленя, они не узнали своего хозяина и с яростным лаем бросились за ним. Через долины по ущельям Киферона, по горам, через леса и поля как ветер несся прекрасный олень, закинув на спину ветвистые рога, а за ним мчались собаки. Все ближе и ближе собаки, вот они настигли его, и их острые зубы

впились в тело несчастного Актеона-оленя. Хочет крикнуть Актеон: «О, пощадите! Ведь это я, Актеон, ваш хозяин!» — но только стон вырывается из груди оленя, и слышится в этом стоне голос человека. Упал на колени олень Актеон. Скорбь, ужас и мольба видны в его глазах. Неизбежна гибель: рвут его тело на части рассвирепевшие псы.

Подоспевшие товарищи Актеона жалели, что нет его с ними при таком счастливом лове. Дивного оленя затравили собаки. Не знали товарищи Актеона, кто этот олень. Так погиб Актеон, нарушивший покой богини Артемиды, единственный из смертных, видевший небесную красоту дочери громовержца Зевса и Латоны.

Арахна

а всю Лидию славилась Арахна своим искусством. Часто собирались нимфы со склонов Тмола и с берегов златоносного Пактола любоваться ее работой. Арахна пряла из нитей, подобных туману, ткани, прозрачные, как воздух. Гордилась она, что нет ей равной на свете в искусстве ткать. Однажды воскликнула Арахна:
— Пусть приходит сама Афина-Паллада состязаться со мной! Не победить ей меня, не боюсь я этого.

И вот, под видом седой, сгорбленной старухи, опершейся на посох, предстала перед Арахной богиня Афина и сказала ей:

— Не одно зло несет с собой, Арахна, старость — годы несут с собой опыт. Послушайся моего совета: стремись превзойти лишь смертных своим искусством. Не вызывай богиню на состязание. Смиренно моли ее простить тебя за надменные слова. Молящих прощает богиня.

Арахна выпустила из рук тонкую пряжу, гневом сверкнули ее очи, и смело ответила она:

— Ты неразумна, старуха. Старость лишила тебя разума. Читай такие наставления своим невесткам и дочерям, меня же оставь в покое. Я сумею сама дать себе совет. Что я сказала, то пусть и будет. Что же не идет Афина, отчего не хочет она состязаться со мной?

— Я здесь, Арахна! — воскликнула богиня, приняв свой настоящий образ.

Нимфы и лидийские женщины низко склонились перед любимой дочерью Зевса и славили ее. Одна лишь Арахна молчала. Подобно тому, как алым светом загорается ранним утром небосклон, когда взлетает на небо на сверкающих крыльях розоперстая Заря-Эос, так зарделось краской гнева лицо Афины. Стоит на своем Арахна, попрежнему желает она состязаться с Афиной. Она не чувствует, что грозит ей скорая гибель.

Началось состязание. Афина выткала на своем покрывале величественный афинский Акрополь и изобразила свой спор с Посейдоном за власть над Аттикой. Двенадцать богов, и среди них отец ее, Зевс, решали этот спор. Поднял Посейдон свой трезубец, ударил им в скалу, и хлынул из бесплодной скалы соленый источник. А Афина, в шлеме, со щитом и с эгидой, потрясла своим копьем и глубоко вонзила его в землю. Из земли выросла священная олива. Боги присудили победу Афине, признав ее дар Аттике более ценным. По углам покрывала изобразила богиня, как карают боги людей за непокорность, а вокруг выткала венок из листьев оливы. Арахна же изобразила на своем покрывале сцены из жизни богов, в которых боги являются слабыми, одержимыми человеческими страстями. Кругом же выткала Арахна венок из цветов, перевитых плющом. Верхом совершенства была работа Арахны, она не уступала по красоте работе Афины, но в изображениях ее видно было неуважение к богам, даже презрение. Страшно разгневалась Афина, она разорвала работу Арахны и ударила ее челноком. Несчастная Арахна не перенесла позора. Она свила веревку, сделала петлю и повесилась. Афина освободила из петли Арахну и сказала ей:

— Живи, непокорная. Но ты будешь вечно висеть и вечно ткать, и будет длиться это наказание и в твоем потомстве.

Афина окропила Арахну соком волшебной травы, и тотчас тело ее сжалось, густые волосы упали с головы, и обратилась она в паука. С той поры висит паук Арахна в своей паутине и вечно ткет ее.

Дафна

Светлый, радостный бог Аполлон знает и печаль, и его постигло горе. Он познал горе вскоре после победы над Пифоном. Когда Аполлон, гордый победой, стоял над сраженным его стрелами чудовищем, он увидел около себя юного бога любви Эрота, натягивающего свой золотой лук. Смеясь, сказал ему Аполлон:

— На что тебе, дитя такое грозное оружие? Предоставь-ка лучше мне посылать разящие золотые стрелы, которыми я сейчас убил Пифона. Тебе ль равняться славой со мной, стреловержцем? Уж не хочешь ли ты достигнуть большей славы, чем я?

Обиженный Эрот ответил Аполлону:

— Стрелы твои, Феб-Аполлон, не знают промаха, всех разят они, но моя стрела поразит тебя.

Эрот взмахнул золотыми крыльями и в мгновение ока взлетел на высокий Парнас. Там вынул он из колчана две стрелы. Одной, ранящей сердце и вызывающей любовь, пронзил он сердце Аполлона; другую — убивающую любовь — Эрот пустил в сердце нимфы Дафны, дочери речного бога Пенея.

Встретил как-то прекрасную Дафну Аполлон и полюбил ее. Но лишь только Дафна увидела златокудрого Аполлона, как с быстротою ветра пустилась бежать: ведь стрела Эрота, убивающая любовь, пронзила ее сердце. Поспешил за нею вслед сребролукий бог.

— Стой, прекрасная нимфа,— взывал Аполлон,— зачем бежишь ты от меня, словно овечка, преследуемая волком? Словно голубка, спасающаяся от орла, несешься ты! Ведь не враг же я твой! Смотри, ты поранила ноги об острые шипы терновника. О, погоди, остановись! Ведь я — Аполлон, сын громовержца Зевса, а не простой смертный пастух.

Но все быстрее бежала прекрасная Дафна. Как на крыльях мчался за ней Аполлон. Все ближе он. Вот сейчас настигнет! Дафна чувствует его дыхание. Силы оставляют ее. Взмолилась Дафна к отцу своему Пенею:

— Отец Пеней, помоги мне! Расступись скорее, земля, и поглоти меня! О, отнимите у меня этот образ, он причиняет мне одно страдание!

Лишь только произнесла она эти слова, как тотчас онемели ее члены. Кора покрыла ее нежное тело, волосы обратились в листву, а руки, поднятые к нему, в ветви лавра. Долго, печальный, стоял Аполлон перед лавром и наконец промолвил:

— Пусть же венок из твоей зелени украшает мою голову, пусть отныне украшаешь ты своими листьями и мою кифару, и мой колчан. Пусть никогда не вянет, о лавр, твоя зелень! Стой же вечно зеленым!

А лавр тихо зашелестел в ответ Аполлону своими густыми ветвями и как бы в знак согласия склонил свою зеленую вершину.

Пигмалион

фродита дарит счастье тому, кто верно служит ей. Так дала она счастье кипрскому художнику Пигмалиону. Пигмалион ненавидел женщин и жил уединенно, избегая брака. Однажды сделал он из блестящей белой слоновой кости статую девушки необычайной красоты. Как живая стояла эта статуя в мастерской художника. Казалось, она дышит; казалось, что вот-вот она задвигается и заговорит. Целыми часами любовался художник своим произведением и полюбил наконец созданную им самим статую. Он дарил ей драгоценные ожерелья, запястья и серьги, одевал ее в роскошные одежды, украшал голову венками из цветов. Как часто шептал Пигмалион:

— О, если бы ты была живая, если бы могла отвечать на мои речи, о, как был бы я счастлив!

Но статуя была нема.

Наступили дни празднества в честь Афродиты. Пигмалион принес богине любви в жертву белую телку с вызолоченными рогами, он простер к богине руки и с мольбой прошептал:

— О вечные боги, и ты, златая Афродита! Если вы можете дать все молящему, то дайте мне жену, столь же прекрасную, как та статуя девушки, которая сделана мной самим.

Пигмалион не решился просить богов оживить его статую, он боялся прогневать такой просьбой богов-олимпий-

цев. Ярко вспыхнуло жертвенное пламя перед изображением богини любви Афродиты — этим богиня как бы давала понять Пигмалиону, что боги услышали его мольбу.

Вернулся художник домой. Он подошел к статуе и — о счастье, о радость! Статуя ожила! Бьется ее сердце, в ее глазах светится жизнь. Так дала богиня Афродита красавицу жену Пигмалиону.

Нарцисс

о кто не чтит златую Афродиту, кто отвергает дары ее, кто противится ее власти, того немилосердно карает богиня любви. Так покарала она сына речного бога Кефиса и нимфы Лириопы, прекрасного, но холодного, гордого Нарцисса. Никого не любил он, кроме одного себя, лишь себя считал достойным любви.

Однажды, когда он заблудился в густом лесу во время охоты, увидела его нимфа Эхо. Нимфа не могла сама заговорить с Нарциссом. На ней тяготело наказание богини Геры: молчать должна была нимфа Эхо, а отвечать на вопросы она могла лишь тем, что повторяла их последние слова. С восторгом смотрела Эхо на стройного красавца юношу, скрытая от него лесной чащей. Нарцисс огляделся кругом, не зная, куда ему идти, и громко крикнул:

— Эй, кто здесь?

— Здесь! — раздался громкий ответ Эхо.

— Иди сюда! — крикнул Нарцисс.

— Сюда! — ответила Эхо.

С изумлением смотрит прекрасный Нарцисс по сторонам. Никого нет. Удивленный этим, он громко воскликнул:

— Сюда, скорей ко мне!

И радостно откликнулась Эхо:

— Ко мне!

Протягивая руки, спешит к Нарциссу нимфа из леса, но гневно оттолкнул ее прекрасный юноша. Ушел он поспешно от нимфы и скрылся в темном лесу.

Спряталась в лесной непроходимой чаще и отвергнутая нимфа. Страдает от любви к Нарциссу, никому не показывается и только печально отзывается на всякий возглас несчастная Эхо.

А Нарцисс остался по-прежнему гордым, самовлюбленным. Он отвергал любовь всех и многих нимф сделал несчастными. И раз одна из отвергнутых им нимф воскликнула:

— Полюби же и ты, Нарцисс! И пусть не отвечает тебе взаимностью человек, которого ты полюбишь!

Исполнилось пожелание нимфы. Разгневалась богиня любви Афродита на то, что Нарцисс отвергает ее дары, и наказала его. Однажды весной во время охоты Нарцисс подошел к ручью и захотел напиться студеной воды. Еще ни разу не касались вод этого ручья ни пастух, ни горные козы, ни разу не падала в ручей сломанная ветка, даже ветер не заносил в ручей лепестков пышных цветов. Вода его была чиста и прозрачна. Как в зеркале отражалось в ней все вокруг: и кусты, разросшиеся по берегу, и стройные кипарисы, и голубое небо. Нагнулся Нарцисс к ручью, опершись руками о камень, выступавший из воды, и отразился в ручье весь, во всей своей красе. Тут-то и постигла его кара Афродиты. В изумлении смотрит он на свое отражение в воде, и сильная любовь овладевает им. Полными любви глазами смотрит он на свое изображение в воде, он манит его, зовет, простирает к нему руки. Наклоняется Нарцисс к зеркалу вод, чтобы поцеловать свое отражение, но целует только студеную, прозрачную воду ручья. Все забыл Нарцисс — он не уходит от ручья, не отрываясь любуется самим собой. Он не ест, не пьет, не спит. Наконец, полный отчаяния, восклицает Нарцисс, простирая руки к своему отражению:

— О, кто страдал так жестоко! Нас разделяют не горы, не моря, а только полоска воды, и все же не можем мы быть с тобой вместе. Выйди же из ручья!

Задумался Нарцисс, глядя на свое отражение в воде. Вдруг страшная мысль пришла ему в голову, и тихо шепчет он своему отражению, наклоняясь к воде:

— О горе! Я боюсь, не полюбил ли я самого себя! Ведь ты — я сам! Я люблю самого себя. Я чувствую, что немного осталось мне жить. Едва расцветши, увяну я и сойду в мрачное царство теней. Смерть не страшит меня, смерть принесет конец мукам любви.

Покидают силы Нарцисса, бледнеет он и чувствует уже приближение смерти, но все-таки не может оторваться от своего изображения.

Плачет Нарцисс. Падают его слезы в прозрачные воды ручья. По зеркальной поверхности воды пошли круги, и

пропало прекрасное изображение. Со страхом воскликнул Нарцисс:

— О, где ты? Вернись! Останься! Не покидай меня: ведь это жестоко. О, дай хоть смотреть на тебя!

Но вот опять спокойна вода, опять появилось отражение, опять, не отрываясь, смотрит на него Нарцисс. Тает он, как роса на цветах в лучах горячего солнца. Видит и несчастная нимфа Эхо, как страдает Нарцисс. Она попрежнему любит его, страдания Нарцисса болью сжимают ей сердце.

— О горе! — восклицает Нарцисс.

— Горе! — отвечает Эхо.

Наконец, измученный, слабеющим голосом воскликнул Нарцисс, глядя на свое отражение:

— Прощай!

И еще тише, чуть слышно, прозвучал отклик нимфы Эхо:

— Прощай!

Склонилась голова Нарцисса на зеленую прибрежную траву, и мрак смерти покрыл его очи. Умер Нарцисс. Плакали в лесу младые нимфы, и плакала Эхо. Приготовили нимфы юному Нарциссу могилу, но когда пришли за телом юноши, то не нашли его. На том месте, где склонилась на траву голова Нарцисса, вырос белый душистый цветок — цветок смерти; нарциссом зовут его.

Адонис

Но богиня любви, так покаравшая Нарцисса, знала и сама муки любви, и ей пришлось оплакивать любимого ею Адониса. Афродита любила сына царя Кипра Адониса. Никто из смертных не был равен ему красотой, он был даже прекрасней богов-олимпийцев. Забыла для него Афродита и Патмос, и цветущую Киферу. Адонис был ей милее даже светлого Олимпа. Все время проводила она с юным Адонисом. С ним охотилась Афродита в горах и лесах Кипра, подобно деве Артемиде. Забыла Афродита о своих золотых украшениях, о своей красоте. Под палящими лучами и в непогоду охотилась она на зайцев, пугливых оленей и серн, избегая охоты на грозных львов и кабанов. И Адониса просила она не охотиться на львов,

медведей и кабанов, чтобы не случилось с ним несчастья. Редко покидала богиня царского сына, а покидая, каждый раз молила помнить ее просьбу.

Однажды собаки Адониса во время охоты напали на след громадного кабана. Они подняли зверя и с яростным лаем погнали его. Адонис радовался такой богатой добыче; он не предчувствовал, что это его последняя охота. Все ближе лай собак, вот уже мелькнул громадный кабан среди кустов. Адонис уже готовится пронзить разъяренного зверя копьем, как вдруг кинулся на него кабан и своими громадными клыками смертельно ранил любимца Афродиты. Умер Адонис от страшной раны.

Афродита узнала о смерти Адониса и, полная невыразимого горя, пошла в горы Кипра искать тело любимого юноши. По крутым горным стремнинам, среди мрачных ущелий, по краям глубоких пропастей шла Афродита. Острые камни и шипы терновника изранили нежные ноги богини. Капли ее крови падали на землю, оставляя след всюду, где проходила богиня. Наконец нашла Афродита тело Адониса. Горько плакала она над рано погибшим прекрасным юношей. Чтобы навсегда сохранить память о нем, велела богиня вырасти из крови Адониса нежному анемону. А там, где падали из израненных ног богини капли крови, всюду выросли пышные розы, алые, как кровь Афродиты. Сжалился Зевс-Громовержец над горем богини любви. Велел он брату своему Аиду и жене его Персефоне отпускать каждый год Адониса на землю из печального царства теней умерших. С тех пор полгода остается Адонис в царстве Аида, а полгода живет на земле с богиней Афродитой. Вся природа ликует, когда возвращается на землю к ярким лучам солнца юный, прекрасный любимец Афродиты Адонис.

Дочери Миния

Орхомене, в Беотии, не сразу признали бога Диониса. Явился в Орхомен жрец Диониса и звал всех девушек и женщин в леса и горы на веселое празднество в честь бога вина. Но три дочери царя Миния не пошли на празднество, они не хотели признавать Диониса богом. Все женщины Орхомена ушли из города в тенистые леса. Увитые плющом, с тирсами в руках, они носились с гром-

кими криками, подобно менадам, по горам и славили Диониса. А дочери царя Орхомена сидели дома и спокойно пряли и ткали, не хотели и слышать они ничего о боге Дионисе. Наступил вечер, солнце село, а дочери царя все еще не бросали работы, торопясь во что бы то ни стало закончить ее. Вдруг чудо предстало перед их глазами. Раздались во дворце звуки тимпанов и флейт, нити пряжи обратились в виноградные лозы, и тяжелые грозди повисли на них. Ткацкие станки зазеленели: их густо обвил плющ. Всюду разлилось благоухание мирта и цветов. С удивлением глядели царские дочери на это чудо. Вдруг по всему дворцу, уже окутанному вечерними сумерками, засверкал зловещий свет факелов. Послышалось рыканье диких зверей. Во всех покоях дворца появились львы, пантеры, рыси и медведи. С грозным воем бегали они по дворцу и яростно сверкали глазами. В ужасе дочери царя старались спрятаться в самых дальних, в самых темных помещениях дворца, чтобы не видеть блеска факелов и не слышать рыканья зверей. Но все напрасно, нигде не могут они укрыться.

Тела царевен стали сжиматься, покрылись серой мышиной шерстью, вместо рук выросли крылья с тонкой перепонкой — они обратились в летучих мышей. С тех пор скрываются они от дневного света в темных, сырых развалинах и пещерах.

Тирренские морские разбойники

ионис покарал и тирренских морских разбойников, но не столько за то, что они не признавали его богом, сколько за то зло, которое они хотели причинить ему как простому смертному.

Однажды стоял юный Дионис на берегу лазурного моря. Морской ветерок ласково играл его темными кудрями и чуть шевелил складки пурпурного плаща, спадавшего со стройных плеч юного бога. Вдали в море показался корабль, он быстро приближался к берегу. Когда корабль был уже близко, увидели моряки — это были тирренские морские разбойники — дивного юношу на пустынном берегу. Они быстро причалили, сошли на берег, схватили Диониса и увели его на корабль. Разбойники и не подозревали, что захватили в плен бога. Ликовали

разбойники, что такая добыча попала им в руки. Они были уверены, что много золота выручат за столь прекрасного юношу, продав его в рабство. Придя на корабль, разбойники хотели заковать Диониса в тяжелые цепи, но они спадали с рук и ног юного бога. Он же сидел и глядел на разбойников со спокойной улыбкой. Когда кормчий увидел, что цепи не держатся на руках у юноши, он со страхом сказал своим товарищам:

— Несчастные! Что мы делаем! Уж не бога ли хотим мы сковать? Смотрите — даже наш корабль едва держит его! Не сам ли Зевс это, не сребролукий ли Аполлон или колебатель земли Посейдон? Нет, не похож он на смертного! Это один из богов, живущих на светлом Олимпе. Отпустите его скорее, высадите его на землю. Как бы не созвал он буйных ветров и не поднял бы на море грозной бури!

Но капитан со злобой ответил мудрому кормчему:

— Презренный! Смотри, ветер попутный! Быстро понесется корабль наш по волнам безбрежного моря. О юноше же мы позаботимся потом. Мы приплывем в Египет, или на Кипр, или в далекую страну гипербореев и там продадим его; пусть-ка там поищет этот юноша своих друзей и братьев. Нет, нам послали его боги!

Подняли разбойники паруса, и корабль вышел в открытое море. Вдруг свершилось чудо: по кораблю заструилось благовонное вино, и весь воздух наполнился благоуханием. Разбойники оцепенели от изумления. Но вот на парусах зазеленели виноградные лозы с тяжелыми гроздьями, темно-зеленый плющ обвил мачту, всюду появились прекрасные плоды, уключины весело обвили гирлянды цветов. Испуганные разбойники стали молить мудрого кормчего править скорее к берегу. Но поздно! Юноша превратился в льва и с грозным рыканьем встал на палубе, яростно сверкая глазами. На палубе корабля появилась косматая медведица, страшно оскалила она свою пасть. В ужасе бросились разбойники на корму и столпились вокруг кормчего. Громадным прыжком лев бросился на капитана и растерзал его. Потеряв надежду на спасение, разбойники один за другим кинулись в морские волны, а Дионис превратил их в дельфинов. Кормчего же пощадил Дионис. Он принял свой прежний образ и, приветливо улыбаясь, сказал кормчему:

— Не бойся! Я полюбил тебя. Я — Дионис, сын громовержца Зевса и дочери Кадма Семелы.

Эак

Зевс-Громовержец, похитив прекрасную дочь речного бога Асопа, унес ее на остров Ойнопия, который стал называться с тех пор по имени дочери Асопа — Эгина. На этом острове родился сын Эгины и Зевса Эак. Эак вырос, возмужал и стал царем острова Эгина. Никто не мог сравниться с ним во всей Греции ни любовью к правде, ни справедливостью. Сами боги-олимпийцы чтили Эака и часто избирали его судьей в своих спорах. После смерти Эак, подобно Миносу и Радаманту, стал по воле богов судьей в подземном царстве.

Лишь богиня Гера ненавидела Эака. Гера наслала великое бедствие на его царство. Окутал густой туман остров Эгина, четыре месяца держался этот туман. Наконец разогнал его южный ветер. От тлетворного тумана неисчислимое множество ядовитых змей наполнило пруды, источники и ручьи Эгины; всех отравили они своим ядом. Начался ужасный мор на Эгине. Вымерло на ней все живое. Остались невредимыми лишь Эак да его сыновья. В отчаянии воздел Эак руки к небу и воскликнул:

— О великий, эгидодержавный Зевс, если ты действительно был супругом Эгины, если ты действительно мой отец и не стыдишься своего потомства, то верни мне мой народ или же и меня скрой во мраке могилы!

Сверкнула молния, и раскатился удар грома по безоблачному небу. Понял Эак, что услышана его мольба. Там, где молился Эак отцу Зевсу, стоял могучий, посвященный Громовержцу дуб, а у его корней был муравейник. Случайно упал взгляд Эака на муравейник, полный тысяч трудолюбивых муравьев. Эак долго смотрел, как хлопотали муравьи и строили свой муравьиный город, и сказал:

— О милостивый отец Зевс, дай мне столько трудолюбивых граждан, сколько муравьев в этом муравейнике.

Лишь только промолвил это Эак, как дуб при полном безветрии зашелестел своими могучими ветвями. Еще одно знамение послал Зевс Эаку.

Настала ночь. Чудесный сон увидел Эак. Он видел священный дуб Зевса, ветви его были покрыты множеством муравьев. Заколыхались ветви дуба, и дождем посыпались с них муравьи. Упав на землю, муравьи станови-

лись все больше и больше, вот поднялись они на ноги, выпрямились, пропал их темный цвет и худоба, они превращались постепенно в людей. Проснулся Эак, он не верит вещему сну, он даже сетует на богов, что не шлют они ему помощи. Неожиданно раздался шум. Эак слышит шаги, голоса людей. «Не сон ли это?» — думает он. Вдруг вбегает сын его Теламон, бросается к отцу и, радостный, говорит:

— Выйди скорее, отец! Ты увидишь великое чудо, которого и не ждал.

Вышел Эак из покоя и увидел живыми тех людей, которых видел во сне. Провозгласили люди, бывшие раньше муравьями, Эака царем, а он назвал их мирмидонянами — от слова «мирмекс» — муравей. Так вновь была заселена Эгина.

Кефал и Прокрида

ефал был сыном бога Гермеса и дочери Кекропа Герсы. Далеко по всей Греции славился Кефал своей дивной красотой, славился он и как неутомимый охотник. Рано, еще до восхода солнца, покидал он свой дворец и юную жену Прокриду и отправлялся на охоту в горы Гимета. Однажды увидела прекрасного Кефала розоперстая богиня зари Эос, похитила его и унесла далеко от Афин, на самый край земли. Кефал любил одну лишь Прокриду, только о ней думал он, имя ее не сходило с его уст. Тосковал он в разлуке с женой и молил богиню Эос отпустить его в Афины. Разгневалась Эос и сказала Кефалу:

— Хорошо, возвращайся к Прокриде, перестань жаловаться на судьбу! Когда-нибудь ты пожалеешь, что Прокрида твоя жена, пожалеешь даже, что узнал ее! О, я предвижу, что это случится!

Отпустила Эос Кефала. Прощаясь с ним, она убедила его испытать верность жены. Богиня изменила наружность Кефала, и он вернулся, никем не узнанный, в Афины. Хитростью проник Кефал в свой дом и застал жену в глубокой печали. Кефал заговорил с женой и долго старался склонить ее забыть мужа, уйти от него и стать его женой. Не узнала Прокрида мужа. Не хотела она и слушать незнакомца и все твердила:

— Одного лишь Кефала люблю я и останусь ему верна. Где бы он ни был, жив или умер, я навек останусь ему верна!

Наконец поколебал ее богатыми дарами Кефал. И она уже была готова склониться на его мольбы. Тогда, приняв свой настоящий образ, воскликнул Кефал:

— Неверная! Я муж твой, Кефал! Сам я свидетель твоей неверности.

Ни слова не ответила Прокрида мужу. Низко склонив от стыда голову, покинула она дом Кефала и ушла в покрытые лесом горы. Там стала она спутницей богини Артемиды. От богини получила в подарок Прокрида чудесное копье, которое всегда попадало в цель и само возвращалось к бросившему его, и собаку Лайлапа, от которой не мог спастись ни один дикий зверь.

Не в силах был Кефал жить в разлуке с Прокридой. Он разыскал в лесах жену и уговорил ее вернуться назад. Вернулась Прокрида к мужу, и долго они жили счастливо. Свое чудесное копье и собаку Лайлапа Прокрида подарила мужу, который, как и прежде, до рассвета уходил на охоту. Один охотился Кефал, ему не нужно было помощников: ведь с ним были чудесное копье и Лайлап. Однажды с раннего утра был на охоте Кефал; в полдень, когда наступил палящий зной, стал он искать в тени защиты от зноя. Медленно шел Кефал и пел:

— О сладостная прохлада, приди скорей ко мне! Овей мою открытую грудь! Скорей приблизься ко мне, прохлада, полная неги, и развей палящий зной. О небесная, ты — моя отрада, ты оживляешь и укрепляешь меня! О, дай мне вдохнуть твое сладостное дуновение!

Кто-то из афинян услыхал пение Кефала и, не поняв смысла его песни, сказал Прокриде, что муж ее зовет в лесу какую-то нимфу Прохладу. Опечалилась Прокрида, она решила, что Кефал уже не любит ее, что он забыл ее из-за другой. Однажды, когда Кефал был на охоте, Прокрида тайно пошла в лес и, спрятавшись в разросшихся густо кустах, стала ждать, когда придет ее муж. Вот показался среди деревьев Кефал. Громко пел он:

— О полная ласки прохлада, приди и прогони мою усталость!

Вдруг остановился Кефал — ему послышался тяжелый вздох. Прислушался Кефал, но все тихо в лесу, не шелохнется ни один листок в полуденном зное. Опять запел Кефал:

— Спеши же ко мне, желанная прохлада!

Только прозвучали эти слова, как тихо зашелестело что-то в кустах. Кефал, думая, что в них скрылся дикий зверь, бросил в кусты не знающее промаха копье. Громко вскрикнула Прокрида, пораженная в грудь. Узнал ее голос Кефал. Он бросился к кустам и нашел в них свою жену. Вся грудь ее была залита кровью. Спешит Кефал перевязать рану Прокриды, но все напрасно: смертельна была ужасная рана. Умирает Прокрида. Перед смертью сказала она мужу:

— О Кефал, я заклинаю тебя святостью наших брачных уз, богами Олимпа и подземными богами, к которым иду я теперь, я заклинаю тебя и моей любовью, не позволяй входить в наш дом той, которую ты звал сейчас!

Понял Кефал из слов умирающей Прокриды, что ввело ее в заблуждение. Спешит он объяснить Прокриде ее ошибку. Слабеет Прокрида, затуманились смертью ее глаза; нежно улыбаясь Кефалу, умерла она на его руках. С последним поцелуем отлетела ее душа в мрачное царство Аида.

Долго был неутешен Кефал. Как совершивший убийство, покинул он родные Афины и удалился в семивратные Фивы. Здесь помог он Амфитриону в охоте на неуловимую Тевмесскую лисицу. Ее послал в наказание фивянам Посейдон. Каждый месяц приносили лисице в жертву мальчика, чтобы хоть как-нибудь утолить ее ярость. Кефал выпустил на лисицу свою собаку Лайлапа. Вечно преследовал бы Лайлап лисицу, если бы не превратил Громовержец Зевс в два камня лисицу и Лайлапа. После охоты на Тевмесскую лисицу Кефал принял участие в войне Амфитриона с телебоями и достиг, благодаря своей храбрости, власти над островом Кефаления, названном так по его имени,— там и жил он до самой своей смерти.

Кипарис

а острове Кеос, в Карфейской долине, жил олень, посвященный нимфам. Прекрасен был этот олень. Ветвистые его рога были вызолочены, жемчужное ожерелье украшало его шею, а с ушей спускались драгоценные украшения. Олень совсем забыл страх перед людьми. Он за-

ходил в дома поселян и охотно протягивал шею всякому, кто хотел его погладить. Все жители любили этого оленя, но больше всех любил его юный сын царя Кеоса Кипарис, любимый друг стреловержца Аполлона. Кипарис водил оленя на поляны с сочной травой и к звонко журчащим ручьям, он украшал могучие рога его венками из душистых цветов; часто, играя с оленем, вскакивал юный Кипарис ему на спину и разъезжал на нем по цветущей Карфейской долине.

Был жаркий летний полдень, солнце палило. Весь воздух полон был зноя. Олень укрылся в тени от полуденного жара и лег в кустах. Случайно там, где лежал олень, охотился Кипарис. Не узнал он своего любимца, так как его прикрывала листва, бросил в него острое копье и поразил насмерть. Ужаснулся юный Кипарис, когда увидел, кого он убил. В горе хочет он умереть вместе с ним. Напрасно утешал его Аполлон. Горе Кипариса было неутешно, он молит сребролукого бога, чтобы бог дал ему грустить вечно. Внял Аполлон его мольбе и превратил юношу в дерево. Кудри его стали темно-зеленой хвоей, тело одела кора. Стройным деревом кипарисом стоял он перед Аполлоном, как стрела уходила его вершина в небо. Грустно вздохнул Аполлон и промолвил:

— Всегда буду я скорбеть о тебе, прекрасный юноша, скорбеть будешь и ты о чужом горе. Будь же всегда со скорбящими!

С тех пор у дверей дома, где есть умерший, греки вешали ветвь кипариса, его хвоей украшали погребальные костры, на которых сжигали тела умерших, и сажали кипарисы у могил.

Эсак и Гесперия

сак был сыном царя Трои Приама, братом великого троянского героя Гектора. Эсак был рожден на склонах лесистой Иды прекрасной нимфой Алексироей, дочерью речного бога Граника. Выросший в горах, Эсак не любил города и избегал жить в роскошном дворце отца своего Приама. Он любил уединение гор и тенистых лесов, любил простор полей.

Редко показывался Эсак в Трое и в совете троянцев. Несмотря на уединенную жизнь, характер Эсака не был дик и груб — он был приветлив, а сердце его было доступно чувству любви. Часто встречал юный сын Приама в лесах и полях прекрасную нимфу Гесперию. Пламенно любил он ее. Скрывалась нимфа, лишь только увидит Эсака.

Однажды застал на берегу реки Кебрен Эсак красавицу Гесперию в то время, когда она сушила на солнце свои пышные волосы. Увидела нимфа юношу, испугалась и бросилась бежать от него. Погнался за ней Эсак.

Вдруг спрятавшаяся в траве змея ужалила в ногу нимфу, и яд змеиных зубов остался в ране. Упала на руки подбежавшего Эсака Гесперия. Обняв умершую, обезумев от горя, воскликнул Эсак:

— О горе, горе! Как ненавистно теперь мне это преследование! Не думал я победить такой дорогой ценой! Мы оба убили тебя, Гесперия! Смертельную рану нанесла тебе змея, а я виновник этого. Я буду коварнее змеи, если не искуплю своей смертью твою смерть!

Бросился Эсак с высокой скалы в пенистые волны моря, которые бились с шумом о скалу. Сжалилась над несчастным юношей Фетида, ласково приняла его в волнах и одела всего перьями, когда погрузился он в морскую пучину. Не постигла сына Приама смерть, которой он так желал. Всплыл уже птицей Эсак на поверхность моря. Негодует он, что должен жить против воли. Он высоко взлетает на своих только что выросших крыльях и с размаху бросается в море, но перья защищают его при падении. Еще и еще бросается в море Эсак, он хочет найти гибель в морской пучине. Нет ему гибели! Он только ныряет в волнах моря! Худеет тело Эсака, ноги его стали сухими и тонкими, вытянулась его шея, и он обратился в нырка.

Гиацинт

прекрасный, равный самим богам-олимпийцам своей красотой, юный сын царя Спарты Гиацинт был другом бога-стреловержца Аполлона. Часто являлся Аполлон на берега Эврота в Спарту к своему другу и там проводил с ним время, охотясь по склонам гор в густо разросшихся

лесах или развлекаясь гимнастикой, в которой были так искусны спартанцы.

Однажды, когда близился уже жаркий полдень, Аполлон и Гиацинт состязались в метании тяжелого диска. Все выше и выше взлетал к небу бронзовый диск. Вот, напрягши силы, бросил диск могучий бог Аполлон. Высоко, к самым облакам, взлетел диск и, сверкая, как звезда, начал падать на землю. Побежал Гиацинт к тому месту, где должен был упасть диск. Он хотел скорее поднять его и бросить, чтобы показать Аполлону, что он, юный атлет, не уступит ему, богу, в умении бросать диск. Упал диск на землю, отскочил от удара и со страшной силой попал в голову подбежавшему Гиацинту. Со стоном упал Гиацинт на землю. Потоком хлынула алая кровь из раны и окрасила темные кудри прекрасного юноши.

Подбежал испуганный Аполлон. Склонился он над своим другом, приподнял его, положил окровавленную голову себе на колени и старался остановить льющуюся из раны кровь. Но все напрасно. Бледнеет Гиацинт. Тускнеют всегда такие ясные глаза Гиацинта, бессильно склоняется его голова, подобно венчику вянущего на палящем полуденном солнце полевого цветка. В отчаянии воскликнул Аполлон:

— Ты умираешь, мой милый друг! О горе, горе! Ты погиб от моей руки! Зачем бросил я диск! О, если бы мог я искупить мою вину и вместе с тобой сойти в безрадостное царство душ умерших! Зачем я бессмертен, зачем не могу последовать за тобой!

Держит Аполлон в своих объятиях умирающего друга, и падают его слезы на окровавленные кудри Гиацинта. Умер Гиацинт, отлетела душа его в царство Аида. Стоит над телом умершего Аполлон и тихо шепчет:

— Всегда будешь ты жить в моем сердце, прекрасный Гиацинт. Пусть же память о тебе вечно живет и среди людей.

И вот, по слову Аполлона, из крови Гиацинта вырос алый ароматный цветок — гиацинт, а на лепестках его запечатлелся стон скорби бога Аполлона. Жива память о Гиацинте и среди людей, они чтут его празднествами в дни гиацинтий.

Полифем, Акид и Галатея

рекрасная нереида Галатея любила сына Симефиды юного Акида, и Акид любил нереиду. Не один Акид пленился Галатеей. Громадный циклоп Полифем увидел однажды Галатею, когда выплывала она из волн лазурного моря, сияя своей красотой, и воспылал он к ней неистовой любовью. О, как велико могущество твое, златая Афродита! Суровому циклопу, к которому никто не смел приблизиться безнаказанно, который презирал богов-олимпийцев, и ему вдохнула ты любовь! Сгорает от пламени любви Полифем. Он забыл своих овец и свои пещеры. Дикий циклоп начал даже заботиться о своей красоте. Он расчесывает свои косматые волосы киркой, а всклокоченную бороду подрезает серпом. Он даже стал не таким диким и кровожадным.

Как раз в это время приплыл к берегам Сицилии прорицатель Телем. Он предсказал Полифему:

— Твой единственный глаз, который у тебя во лбу, вырвет герой Одиссей.

Грубо засмеялся в ответ прорицателю Полифем и воскликнул:

— Глупейший из прорицателей, ты солгал! Уже другая завладела моим глазом!

Далеко в море вдавался скалистый холм, он круто обрывался к вечно шумящим волнам. Полифем часто приходил со своим стадом на этот холм. Там он садился, положив у ног дубину, которая была величиной с корабельную мачту, доставал свою сделанную из ста тростинок свирель и начинал изо всех сил дуть в нее. Дикие звуки свирели Полифема далеко разносились по морю, по горам и долинам. Доносились они и до Акида с Галатеей, которые часто сидели в прохладном гроте на морском берегу недалеко от холма. Играл на свирели Полифем и пел. Вдруг, словно бешеный бык, вскочил он. Полифем увидел Галатею и Акида в гроте на берегу моря и закричал таким громким голосом, что на Этне откликнулось эхо:

— Я вижу вас! Хорошо же, это будет ваше последнее свидание!

Испугалась Галетея и бросилась в море. Защитили ее от Полифема родные морские волны. В ужасе ищет спа-

сения в бегстве Акид. Он простирает руки к морю и восклицает:

— О, помоги мне, Галатея! Родители, спасите меня, укройте меня!

Настигает Акида циклоп. Он оторвал от горы целую скалу, взмахнул ею и бросил в Акида. Лишь краем скалы задел Полифем несчастного юношу и раздавил его. Потоком потекла из-под края скалы алая кровь Акида. Постепенно пропадает алый цвет крови, все светлее и светлее становится поток. Вот он уже похож на реку, которую замутил бурный ливень. Все светлее и прозрачнее он. Вдруг раскололась скала, раздавившая Акида. Зазеленел звонкий тростник в расщелине, и струится из него быстрый прозрачный поток. Из потока показался по пояс юноша с голубоватым цветом лица, в венке из тростника. Это был Акид — он стал речным богом.

Орфей и Эвридика

Орфей в подземном царстве

Великий певец Орфей, сын речного бога Эагра и музы Каллиопы, жил в далекой Фракии. Женой Орфея была прекрасная нимфа Эвридика. Горячо любил ее Орфей. Но недолго наслаждался Орфей счастливой жизнью с женой своей. Однажды, вскоре после свадьбы, прекрасная Эвридика собирала со своими юными подругами-нимфами весенние цветы в зеленой долине. Не заметила Эвридика в густой траве змею и наступила на нее. Ужалила змея юную жену Орфея в ногу. Громко вскрикнула Эвридика и упала на руки подбежавшим подругам. Побледнела Эвридика, сомкнулись ее очи. Яд змеи пресек ее жизнь. В ужас пришли подруги Эвридики, и далеко разнесся их скорбный плач. Услышал его Орфей. Он спешит в долину и там видит труп своей нежно любимой жены. В отчаяние пришел Орфей. Не мог он примириться с этой утратой. Долго оплакивал он свою Эвридику, и плакала вся природа, слыша его грустное пение.

Наконец решил Орфей спуститься в мрачное царство душ умерших, чтобы упросить Аида и Персефону вернуть

ему жену. Через мрачную пещеру Тэнара спустился Орфей к берегам священной реки Стикс.

Стоит Орфей на берегу Стикса. Как переправиться ему на другой берег, туда, где находится царство Аида? Вокруг Орфея толпятся тени умерших. Чуть слышны стоны их, подобные шороху листьев, падающих в лесу поздней осенью. Вот послышался вдали плеск весел. Это приближается ладья перевозчика душ умерших Харона. Причалил Харон к берегу. Просит Орфей перевезти его вместе с душами на другой берег, но отказал ему суровый Харон. Как ни молит его Орфей, все слышит он один ответ Харона: «Нет!»

Ударил тогда Орфей по струнам кифары, и разнеслись по берегу Стикса ее звуки. Своей музыкой очаровал Орфей Харона — слушает он игру Орфея, опершись на весло. Под звуки музыки вошел Орфей в ладью, оттолкнул ее Харон веслом от берега, и поплыла ладья через мрачные воды Стикса. Перевез Харон Орфея. Вышел он из ладьи и, играя на золотой кифаре, пошел к Аиду, окруженный душами, слетевшимися на звуки его кифары.

Приблизился к трону Аида Орфей и склонился перед ним. Сильнее ударил он по струнам кифары и запел. Он пел о своей любви к Эвридике и о том, как счастлива была его жизнь с ней в светлые, ясные дни весны. Но быстро миновали дни счастья. Погибла Эвридика. О своем горе, о муках разбитой любви, о тоске по умершей пел Орфей. Все царство Аида внимало пению Орфея, всех очаровала его песня. Склонив на грудь голову, слушал Орфея Аид. Припав головой к плечу мужа, внимала песне Персефона; слезы печали дрожали на ее ресницах. Очарованный звуками песни, Тантал забыл терзающие его голод и жажду. Сизиф прекратил свою тяжкую, бесплодную работу, сел на тот камень, который вкатывал на гору, и глубоко задумался. Очарованные пением, стояли Данаиды — забыли они о своем бездонном сосуде. Сама грозная трехликая богиня Геката закрылась руками, чтобы не видно было слез на ее глазах. Слезы блестели и на глазах не знающих жалости Эринний, даже их тронул своей песней Орфей. Но вот все тише звучат струны золотой кифары, все тише песнь Орфея, и замерла она, подобно чуть слышному вздоху печали.

Глубокое молчание царило кругом. Прервал это молчание бог Аид и спросил Орфея, зачем пришел он в его царство, о чем хочет просить его. Поклялся Аид неруши-

мой клятвой богов — водами реки Стикса, что исполнит он просьбу дивного певца.

Ответил Орфей Аиду:

— О могучий владыка Аида, всех нас, смертных, принимаешь ты в свое царство, когда кончаются дни нашей жизни. Не затем пришел я сюда, чтобы смотреть на те ужасы, которые наполняют твое царство, не затем, чтобы увести, подобно Гераклу, стража твоего царства — трехглавого Кербера. Я пришел сюда молить тебя отпустить назад на землю мою Эвридику. Верни ее к жизни; ты видишь, как я страдаю по ней! Подумай, владыка, если бы отняли у тебя жену твою Персефону, ведь и ты страдал бы. Не навсегда же возвращаешь ты Эвридику. Вернется опять она в твое царство. Кратка жизнь наша, владыка Аид. О, дай Эвридике испытать радость жизни, ведь она сошла в твое царство такой юной!

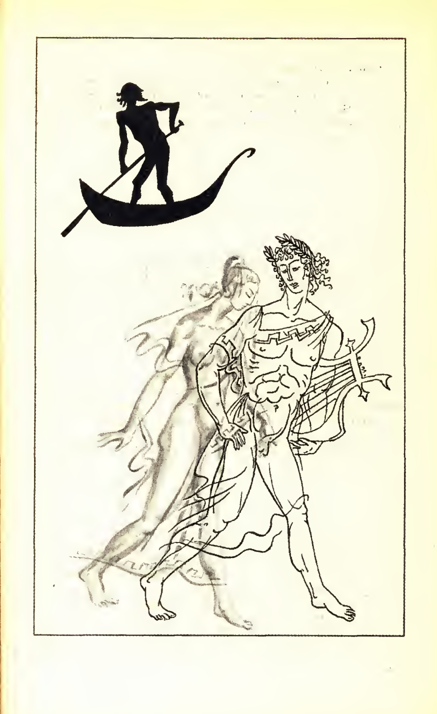
Задумался Аид и наконец ответил Орфею:

— Хорошо, Орфей! Я верну тебе Эвридику. Веди ее назад к жизни, к свету солнца. Но ты должен помнить одно условие: ты пойдешь следом за богом Гермесом, он поведет тебя, а за тобой будет идти Эвридика. Но во время пути по подземному царству ты не должен оглядываться. Помни! Оглянешься — и тотчас покинет тебя Эвридика и вернется навсегда в мое царство.

На все был согласен Орфей. Спешит он скорее в обратный путь. Привел быстрый, как мысль, Гермес тень Эвридики. С восторгом смотрит на нее Орфей. Хочет Орфей обнять тень Эвридики, но остановил его бог Гермес, сказав:

— Орфей, ведь ты обнимаешь лишь тень. Пойдем скорее, труден наш путь.

Отправились в путь. Впереди идет Гермес, за ним Орфей, а за ними тень Эвридики. Быстро миновали они царство Аида. Переправил их через Стикс в своей ладье Харон. Вот и тропинка, которая ведет на поверхность земли. Труден путь. Тропинка круто поднимается вверх, и вся она загромождена камнями. Кругом глубокие сумерки. Чуть вырисовывается в них фигура идущего впереди Гермеса. Но вот далеко впереди забрезжил свет. Это выход. Вот и кругом стало как будто светлее. Если бы Орфей обернулся, он увидел бы Эвридику. А идет ли она за ним? Не осталась ли она в полном мрака царстве душ умерших? Может быть, она отстала: ведь путь так труден! Отстанет Эвридика и будет обречена вечно скитаться

во мраке. Орфей замедляет шаг, прислушивается. Ничего не слышно. Но разве могут быть слышны шаги бесплотной тени? Все сильнее и сильнее охватывает Орфея тревога за Эвридику. Все чаще он останавливается. Кругом же все светлее. Теперь ясно рассмотрел бы Орфей тень жены.

Наконец, забыв все, он остановился и обернулся. Почти рядом с собой увидел он тень Эвридики. Протянул к ней руки Орфей, но дальше, дальше тень и потонула во мраке. Словно окаменев, стоял Орфей, охваченный отчаянием. Ему пришлось пережить вторичную смерть Эвридики, а виновником этой второй смерти был он сам.

Долго стоял Орфей. Казалось, жизнь покинула его,— казалось, что это стоит мраморная статуя. Наконец пошевельнулся Орфей, сделал шаг, другой и пошел назад, к берегам мрачного Стикса. Он решил снова вернуться к трону Аида, снова молить его вернуть Эвридику. Но не повез его старый Харон через Стикс в своей утлой ладье. Напрасно молил его Орфей — не тронули мольбы певца неумолимого Харона. Семь дней и ночей сидел печальный Орфей на берегу Стикса, проливая слезы скорби, забыв о пище, обо всем, сетуя на богов мрачного царства душ умерших. Только на восьмой день решил он покинуть берега Стикса и вернуться во Фракию.

Смерть Орфея

Четыре года прошло после смерти Эвридики, но остался по-прежнему верен ей Орфей. Он не желал брака ни с одной женщиной Фракии. Однажды ранней весной, когда на деревьях появилась первая зелень, сидел великий певец на невысоком холме. У ног его лежала золотая кифара. Поднял ее певец, тихо ударил по струнам и запел. Вся природа заслушалась дивным пением. Такая сила звучала в песне Орфея, так покоряла она и влекла к певцу, что вокруг него, как зачарованные, столпились дикие звери из окрестных лесов и гор. Птицы слетелись слушать певца. Даже деревья двинулись с места и окружили Орфея: дуб и тополь, стройные кипарисы и широколистные платаны, сосны и ели толпились кругом и слушали певца; ни одна ветка, ни один лист не шелохнулся на них.

Вдруг раздались вдали громкие возгласы, звон тимпанов и смех. Это киконские женщины справляли веселый,

шумный праздник Вакха. Все ближе вакханки, увидели они Орфея, и одна из них громко воскликнула:

— Вот он, ненавистник женщин!

Взмахнула вакханка тирсом и бросила его в Орфея. Но плющ, обвивавший тирс, защитил певца. Бросила другая вакханка камнем в Орфея, но камень, побежденный чарующим пением, упал к ногам Орфея, словно моля о прощении. Все громче раздавались вокруг певца крики вакханок, громче звучали флейты, и сильнее гремели тимпаны. Шум праздника Вакха заглушил Орфея. Окружили Орфея вакханки, налетев на него, словно стая хищных птиц. Градом полетели в певца тирсы и камни. Напрасно молит о пощаде Орфей — ему, голосу которого повиновались деревья и скалы, не внемлют неистовые вакханки. Обагренный кровью, упал Орфей на землю, отлетела его душа, а вакханки своими окровавленными руками разорвали его тело. Голову Орфея и его кифару бросили в быстрые волны реки Гебр. И — о чудо! — струны кифары, уносимой волнами реки, тихо звучат, словно сетуют на гибель певца, а им отвечает печально берег. Вся природа оплакивала Орфея: плакали деревья и цветы, плакали звери и птицы, и даже немые скалы плакали, а реки стали многоводнее от слез, которые проливали они. Нимфы и дриады в знак печали распустили свои волосы и надели темные одежды.

Все дальше и дальше уносил Гебр голову и кифару певца к широкому морю, а морские волны принесли кифару к берегам Лесбоса.

С тех пор слышатся звуки дивных песен на Лесбосе. Золотую же кифару Орфея боги поместили потом на небе среди созвездий.

Душа Орфея сошла в царство теней и вновь увидела те места, где искал Орфей Эвридику. Снова встретил великий певец тень Эвридики и заключил ее с любовью в свои объятия. С этих пор они могли быть неразлучны. Блуждают тени Орфея и Эвридики по сумрачным полям, заросшим асфоделами. Теперь Орфей без боязни может обернуться, чтобы посмотреть, следует ли за ним Эвридика.

Прокна и Филомела

арь Афин Пандион, потомок Эрихтония, вел войну с варварами, осадившими его город. Трудно было бы ему защитить Афины от многочисленного варварского войска, если бы на помощь не пришел царь Фракии Терей. Он победил варваров и прогнал их из Аттики. В награду за это Пандион дал Терею в жены дочь свою Прокну. Вернулся Терей с молодой женой во Фракию. Там родился у Терея и Прокны сын. Казалось, что счастье сулили Мойры Терею и его жене.

Прошло пять лет со дня брака Терея. Однажды Прокна стала просить мужа:

— Если ты еще любишь меня, то отпусти повидаться с сестрой или же привези ее к нам. Съезди в Афины за сестрой моей, попроси отца отпустить ее и обещай, что она скоро вернется назад. Увидеть сестру будет для меня величайшим счастьем.

Приготовил Терей корабль к дальнему плаванию и вскоре отплыл из Фракии. Благополучно достиг он берегов Аттики. С радостью встретил своего зятя Пандион и отвел его во дворец. Не успел еще сказать Терей о причине своего приезда в Афины, как вошла Филомела, сестра Прокны, равная красотой прекрасным нимфам. Поразила Терея красота Филомелы, и он воспылал к ней страстной любовью. Он стал просить Пандиона отпустить Филомелу погостить у сестры ее Прокны. Любовь к Филомеле делала еще убедительней речи Терея. Сама Филомела, не ведая, какая грозит ей опасность, тоже просила отца отпустить ее к Прокне. Наконец согласился Пандион. Отпуская дочь в далекую Фракию, он говорил Терею:

— Тебе поручаю я, Терей, дочь мою. Бессмертными богами заклинаю: защищай ее, как отец. Скорей пришли назад Филомелу: ведь она единственная утеха моей старости.

Пандион просил и Филомелу:

— Дочь моя, если ты любишь старика отца, возвращайся скорей, не покидай меня.

Со слезами простился Пандион с дочерью. Тяжелые предчувствия угнетали его, но не мог он отказать Терею и Филомеле.

Взошла прекрасная дочь Пандиона на корабль. Дружно ударили веслами гребцы, быстро понесся корабль в открытое море, все дальше берег Аттики. Торжествует Терей. Ликуя, воскликнул он:

— Я победил! Со мной здесь, на корабле, избранница моего сердца, прекрасная Филомела.

Не сводит глаз с Филомелы Терей и не отходит от нее. Вот и берег Фракии, окончен путь. Не ведет в свой дворец Филомелу царь Фракии, он уводит ее насильно в темный лес, в хижину пастуха, и держит там в неволе. Не трогают его слезы и мольбы Филомелы. Страдает Филомела в неволе, часто зовет она сестру и отца, часто призывает великих богов-олимпийцев, но тщетны ее мольбы и жалобы. Филомела рвет в отчаянии волосы, ломает руки и сетует на свою судьбу.

— О суровый варвар! — восклицает она.— Тебя не тронули ни просьбы отца, ни его слезы, ни заботы обо мне моей сестры! Ты не сохранил святости своего домашнего очага! Возьми же, Терей, мою жизнь, но знай: видели твое преступление великие боги, и если есть еще в них сила, то понесешь ты заслуженное возмездие. Сама поведаю я обо всем, что ты сделал! Сама пойду я к народу! Если же не пустят меня леса, которые здесь вокруг, я все их наполню своими жалобами — пусть слышит мои жалобы вечный эфир небесный, пусть слышат их боги!

Страшный гнев овладел Тереем, когда услышал он угрозы Филомелы. Выхватил он свой меч, схватил за волосы Филомелу, связал ее и вырезал ей язык, чтобы никому не могла поведать несчастная дочь Пандиона о его преступлении. Сам же Терей вернулся к Прокне. Она спросила мужа, где же сестра, но Терей сказал жене, что сестра ее умерла. Долго оплакивала Прокна Филомелу. Прошел год. Томится Филомела в неволе, не может она дать знать ни отцу, ни сестре, где держит ее взаперти Терей. Наконец нашла она способ известить Прокну. Она села за ткацкий станок, выткала на покрывале всю свою ужасную повесть и послала тайно покрывало Прокне. Развернула Прокна покрывало и увидела на нем вытканную страшную повесть своей сестры. Не плачет Прокна, словно в забытьи, блуждает она как безумная по дворцу и думает лишь о том, как отомстить Терею.

Как раз в эти дни женщины Фракии справляли праздник Диониса. С ними пошла в лес и Прокна. На склоне горы в густом лесу разыскала она хижину, в которой дер-

жал ее муж в неволе Филомелу. Освободила Прокна сестру и привела ее тайно во дворец.

— Не до слез теперь, Филомела,— сказала Прокна,— не помогут нам слезы. Не слезами, а мечом должны мы действовать. Я готова на самое страшное злодеяние, лишь бы отомстить и за тебя и за себя Терею. Я готова предать его самой ужасной смерти!

В то время, когда говорила это Прокна, вошел к ней ее сын.

— О, как похож ты на отца! — воскликнула Прокна, взглянув на сына.

Вдруг смолкла она, сурово сдвинув брови. Ужасное злодеяние замыслила Прокна — на это злодеяние толкнул ее гнев, клокотавший в ее груди. А сын доверчиво подошел к ней, он обнял мать своими ручками и тянулся к ней, чтобы поцеловать. На мгновение жалость проснулась в сердце Прокны, на глазах у нее появились слезы, она поспешно отвернулась от сына, а от взгляда на сестру снова вспыхнул в ее груди неистовый гнев. Схватила Прокна сына за руку и увела его в дальний покой дворца. Там взяла она острый меч и, отвернувшись, вонзила его в грудь сына. Приготовили Прокна и Филомела из тела несчастного мальчика ужасную трапезу Терею. Прокна сама прислуживала Терею, а он, ничего не подозревая, ел кушанье, приготовленное из тела любимого сына. Во время трапезы вспомнил о сыне Терей и велел позвать его. Прокна же, радуясь своей мести, ответила ему:

— В тебе самом тот, кого ты зовешь!

Не понял ее слов Терей; он стал настаивать, чтобы позвали сына. Тогда вышла вдруг из-за занавеси Филомела и бросила в лицо Терею окровавленную голову сына. Содрогнулся Терей: он понял, как ужасна была его трапеза. Проклял он жену свою и Филомелу. Оттолкнул от себя стол, вскочил с ложа и, обнажив меч, погнался за Прокной и Филомелой, чтобы отомстить им за убийство сына, но не может он настигнуть их. Крылья вырастают у них, обращаются они в двух птиц: Филомела — в ласточку, а Прокна — в соловья. Сохранилось у Филомелы-ласточки на груди кровавое пятно от крови сына Терея. Сам же Терей был обращен в удода с длинным клювом и с большим гребнем на голове. Как у воинственного Терея на шлеме, так развевается у удода на голове гребень из перьев.

Пирам и Тисба

ирам, прекраснейший из юношей, и Тисба, прекраснейшая из дев восточных стран, жили в Вавилонском городе Семирамиды, в двух соседних домах. С ранней юности они знали и любили друг друга, и любовь их росла год от года. Хотели они уже вступить в брак, но отцы воспретили им — однако отцы не могли воспретить им любить друг друга. Лишь только не было свидетелей, они говорили друг с другом знаками, и чем более приходилось им таить любовь свою, тем сильнее она разгоралась. В стене, соединявшей оба соседних дома, давно была щель, которую никто не замечал,— но чего не откроют очи любви! Пирам и Тисба избрали это отверстие посредником своих разговоров и часто шептались через него и говорили друг другу ласковые речи. Часто жаловались они, что ревнивая стена разделяет их, и сильное желание быть ближе друг к другу возрастало еще более от таких разговоров. И сговорились они в одно утро — лишь только наступит ночь, тайком пробраться из дому, обмануть своих стражей и сойтись за городом, у гробницы. Там, вблизи прохладного источника, стояло высокое шелковичное дерево, покрытое белоснежными плодами. Под его-то вершиной и условились они встретиться. Лишь только прошел этот длинный день и ночь простерла свое черное крыло над землей, Тисба осторожно и тихо проскользнула из родительского дома и, закрыв лицо, понеслась одна — любовь придала ей мужества — к назначенному месту и там, сев под деревом, дожидалась своего милого. Недолго сидела Тисба, как к ручью подошла утолить жажду львица, только что пожравшая украденного из стада теленка. Свет месяца падал на львицу; дева, увидев ее издали, быстро побежала в ближайшее безопасное место. Зацепившись за куст, широкий плащ ее падает на землю. Львица, утолив свою жажду, хочет уже воротиться назад в лес; увидев на земле плащ, она разрывает его своей окровавленной пастью.

Пирам, вышедший из города позднее Тисбы, только что пришел к назначенному холму. С ужасом видит он на песке следы хищного зверя, видит также разорванный и запачканный кровью плащ Тисбы и, полный ужаса, восклицает:

— Да будет же эта ночь для нас обоих последнею в жизни! Я виновник твоей смерти. Зачем заманил я тебя в эту пустыню и не пошел вместе с тобою!

Пирам поднял окровавленный плащ и понес его под тень дерева, на условленное место. Он покрывал плащ поцелуями и слезами и, воскликнув: «Обагрись теперь потоками моей крови!» — пронзил мечом себе грудь. Он упал на спину, и при падении меч выпал из дымящейся еще раны, и кровь заструилась вверх. Струя ее достигла вершины дерева, и белые плоды, обагренные кровью, потемнели.

Возвращается назад еще полная ужаса Тисба, боясь обмануть своего милого; ищет его она очами и сердцем, желая поведать ему, какой великой опасности избежала. Возвратясь снова на условленное место и увидев, что плоды на дереве приняли другой вид, она остановилась: то ли это место? И видит она — на окровавленном лугу лежит трепещущее тело. Побледнев от страха, хочет она бежать. Но не побежала Тисба — в сомнении, робко оглядывается назад: это ее милый! Бьет она себя в грудь, рвет волосы, обвивает руками тело Пирама и орошает его рану слезами. Мешаются слезы Тисбы с кровью ее милого. Покрывает она поцелуями холодное лицо Пирама и восклицает:

— Услышь меня, Пирам! Твоя дорогая Тисба говорит с тобою.

Долго взывала Тисба к юноше, но смерть уже навсегда сомкнула его очи.

Только теперь увидала Тисба свой плащ и ножны от меча и воскликнула:

— О горе! Несчастный, любовь заставила тебя умертвить себя своею собственной рукой. И мне любовь придаст мужества, чтоб нанести себе последний удар. Пускай смерть разлучила нас, но она и соединит нас. О, если бы исполнилось мое последнее желание: пусть бы родители наши погребли нас в одном гробе, и ты, о дерево, покрывающее ветвями одного, скоро прикрыло бы нас обоих. Будь ты памятником нашей смерти, пусть плоды твои под печальной темно-зеленой листвой напоминают о нашей печальной судьбе.— И вонзила в грудь свою еще дымящийся кровью меч Пирама.

И как желала она, так и исполнили боги и родители: плоды шелковичного дерева, созревая, чернеют, а прах Тисбы и Пирама покоится в одной урне.

Ликийские поселяне

одной глубокой долине Ликии находится светловодное озеро. Посреди озера стоит остров, а на острове — жертвенник, весь покрытый пеплом сжигавшихся на нем жертв и обросший тростником. Жертвенник посвящен не наядам вод озера и не нимфам соседних полей, а Латоне. Богиня, любимица Зевса, только что произвела на свет близнецов своих, Аполлона и Артемиду, и вот снова начала ее преследовать Гера, ревнивая супруга отца богов. Латона должна была покинуть приютивший ее Делос и вместе с детьми блуждать по земле, отыскивая себе новый приют. Раз в жаркий летний день пришла она, истомленная долгим путем, на ликийское поле. Солнце палило своими лучами лишенную покрова голову богини, изнемогавшей от жажды. В глубине долины увидала она небольшое чистоводное озеро; по берегам его поселяне резали и собирали тростник. Латона подошла к озеру и, став на колени, нагнулась и хотела глотком чистой воды утолить жажду. С криком бросилась на нее толпа поселян и стала гнать ее от воды. Богиня возражала им:

— Почему вы воспрещаете мне напиться воды? Вода — общее достояние, как свет солнца, как воздух. Прошу вас, не отгоняйте меня от воды; я не собираюсь купаться в струях озера — я хотела только утолить жажду: изнемогаю я, еле могу говорить от жажды; глоток воды был бы для меня столь сладким нектаром, он возвратил бы меня к жизни. Сжальтесь — если не надо мною, то над этими несчастными малютками; видите, как жаждут они и с какой мольбой простирают к вам руки.

Кого бы, казалось, не тронули мольбы несчастной! Но грубая толпа коснеет во злобе: гонят богиню ликийцы от озера, ругают ее и грозят ей. Мало им показалось этого — они вошли в озеро и, подняв ил со дна, замутили воду. Богиня воспылала гневом.

Подняв к небу руки, она воскликнула:

— Ну, так живите же в этой тине вечно!

И тотчас же исполнилось слово богини — ликийцы не вышли из воды. Любо им стало житье в тине: то ныряют они в глубь мути, то всплывают наверх, выходят на берег и опять ныряют в воду. Сохранили они и до сих пор

свои прежние нравы: сидя под водою, злословят и ругаются они между собою. Изменился теперь их голос — хрипло квакают они в тинистом иле; изменился и вид их — вздулась и укоротилась шея, спина стала зеленой, брюхо вздулось и побелело. Такими живут они и поныне, укрываясь в виде лягушек в тине ликийского озера.

Филемон и Бавкида

а холмах Фригии стоит старый дуб, а возле него — липа. Оба дерева обведены невысокой изгородью, и на ветвях их красуются венки, навешанные благочестивыми руками. Неподалеку от этих деревьев есть озеро. Место, на котором это озеро находится, было некогда жилым местом, а теперь залито водою, и живут на нем только гагары да утки. Некогда прибыли на это место отец богов Зевс и сын его Гермес. Оба они приняли человеческий образ — в намерении испытать гостеприимство жителей. Обошли они с тысячу домов, стучась в двери и прося себе приюта, но всюду были отвергнуты. В одном только доме не затворили перед пришельцами двери. Дом тот был невелик, и кровля на нем была крыта соломой и тростником. Но в этом убогом жилище обитала добрая, благочестивая чета: седой Филемон и однолетняя ему Бавкида. Жили они в том доме с давнего времени — с тех пор, как вступили в брак; оба они тогда были еще молоды. В доме их не было служителей — сами они прислуживали друг другу.

Когда боги вступили в убогую хижину престарелой четы, хозяин пригласил их сесть, хозяйка протянула над ними полог, а потом пошла к очагу, выгребла из-под пепла искру, развела огонь и поставила на него котел. В то время как она занималась чисткой овощей, Филемон достал мяса и, отрезав большой кусок, положил его в кипевшую воду. Чтоб гости не соскучились в ожидании приготовленного обеда, хозяин с хозяйкой старались, как умели, занимать их разговором.

Принес старик воды и предложил гостям омыть ноги. Бавкида стала собирать обед: поставила она на стол олив и всяких других плодов и овощей, какие у нее только

были, поставила сосуд с молоком, принесла яиц и вина, вынула наконец из котла сварившееся уже мясо. Гости приступили к трапезе. Радушно прислуживают им старики и усердно потчуют их, только видят: гости едят и пьют, а яства и питье на столе не убывают; опорожниваемые сосуды наполняются снова. Изумились они такому чуду и, смущенные и испуганные, простерли к божественным гостям руки, моля простить их за дурной прием: нечем им потчевать великих гостей. Был у них гусь, служивший стражем их убогого дома,— этого гуся хотели они принести в жертву божественным посетителям, но дряхлая Бавкида не могла изловить быстрокрылой птицы — гусь летал с места на место и, казалось, хотел наконец искать защиты у самих богов. Боги воспретили убивать птицу и, обратясь к хозяевам дома, сказали:

— Мы — боги; готовим мы кару всем безбожным соседям вашим, вас же не коснется уготованная им гибель; оставьте только это жилище и ступайте на вершину горы.

Филемон с Бавкидой повиновались и, опираясь на посохи, медленно пошли в гору. Дойдя до вершины ее, оглянулись они назад и видят: все селение их превратилось в озеро, уцелела одна только их хижина. Смотрят они и тужат об участи своих соседей, вдруг видят новое чудо: убогая хижина их превращается в великолепный храм, солома на крыше становится золотом, ряд колонн поддерживает крышу; вместо прежней, низкой двери являются двери художественной, дорогой работы, стены и пол покрываются мрамором. Слышат Филемон с Бавкидой дружественный голос Зевса:

— Скажите мне, праведный старец, и ты, достойная супруга его,— чего хотите вы от богов?

Переговорив с женою, Филемон принес отцу богов и людей такое моленье:

— Хотим мы быть вашими жрецами и хранителями вашего храма; еще просим мы: дайте нам обоим умереть в один час, чтобы ни я не видал смерти жены моей, ни она моей.

Желания престарелой четы были исполнены. Старики были жрецами и хранителями того храма. Спустя много лет оба они стояли перед входом в храм и вспоминали о том, как чудодейственно возник он по воле Зевса и божественного его сына, взглянули они друг на друга и видят — оба покрываются зеленой листвой, оба превраща-

ются в деревья. Говорят они друг другу нежные речи, а тела их покрываются корою, и из коры растут густолиственные ветви.

— Прощай! — сказали они друг другу в одно и то же время, и кора навсегда затянула уста их. Филемон превратился в дуб, Бавкида стала липой.

СОДЕРЖАНИЕ

Г37 Герои Эллады: Мифы Древней Греции / Сост. Яворская И. С.— Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992.— 368 с.: ил.

ISBN 5—7529—0469—2

С 15. 250 000 экз.

В кн503у включены наиболее известные мифы н сказання о героях н богах Древней Грецин.

Оформленне Н. Даннловой, Н. Даннлова.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Г $\frac{4704010000\text{-}015}{М158(03)\text{-}92}$ 38-92 ББК 82.3(0)

ГЕРОИ ЭЛЛАДЫ

Составнтель Ирнна Сергеевна Яворская

Редактор Е. В. Черняк
Художннкн Н. В. Данилов, Н. Н. Данилова
Художественный редактор В. С. Солдатов
Техническнй редактор Т. Н. Черепанова
Корректоры М. Ф. Худякова, Т. Г. Калугина

ИБ № 2149

Сдано в набор 01.10.91. Подпнсано в печать 11.02.92. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага кн.-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,3. Усл. кр.-отт. 18,7. Уч.-изд. л. 19,1. Тираж 250 000 (1-й завод: 1—150 000 экз). Заказ 431. С 15.

Средне-Уральское кннжное нздательство, 620219, Екатерннбург, ГСП-351, Малышева, 24.
Тнпография нздательства «Уральскнй рабочнй», 620151, Екатерннбург, пр. Леннна, 49.

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
1992

